

Romantic
Fantasy

БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ДВОР

РАЙЧЕЛ МИД

Annotation

Семнадцатилетняя сирота графиня Элизабет принадлежит к древнему, но обедневшему роду и, конечно, не хочет выходить замуж за нудного богатого кузена. И когда Элизабет выпадает шанс изменить жизнь, она хватается за него и меняется местами с горничной Адой. Ведь простушке Аде представилась возможность попасть в Блистательный Двор, где сбываются мечты неимущих красоток. Юных девиц вербуют, дабы отправить в загадочную заморскую Адорию, где они смогут стать женами эмигрантов-нуворишей. Но главной героине все нипочем: теперь она зовется Аделаидой и не собирается оглядываться назад. Попутно наша самозванка успевает влюбиться в сына хозяина Блистательного Двора и обзавестись парой подруг. Ее избранник Седрик – обаятельный тайный бунтарь и, страшно сказать, еретик, которого могут казнить в любой момент! После долгих месяцев муштры два корабля с невестами-жемчужинами и другими ценными товарами отплывают в Адорию. И вот тут-то начинаются приключения! Коварный сын губернатора, местные «дикари», пираты, золотая лихорадка и неожиданные сюрпризы прилагаются! Впервые на русском языке!

- [Райчел Мид](#)

-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Райчел Мид

Блистательный Двор

Richelle Mead
THE GLITTERING COURT

© Т. Черезова, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2018

* * *

Джей, похоже, я разгадала шифр

Глава 1

Никогда не собиралась красть чью-то жизнь.

И правда: на первый взгляд никто бы не подумал, что с моей жизнью что-то не так. Я могла похвастаться здоровьем и юностью. Мне нравилось считать себя умной. Я принадлежала к одному из старейших родов Осфрида: мы могли проследить свои корни вплоть до отцов – основателей нашей страны. Конечно, мой титул мог бы считаться еще более престижным, не испарись наше семейное состояние, но это было вполне поправимо. Мне просто следовало удачно выйти замуж.

Вот тут-то для меня все и началось.

В целом аристократы восхищались мной как потомком Руперта, первого графа Ротфордского, великого героя Осфрида. Много веков тому назад Руперт отнял эти земли у дикарей, создав тем самым великую нацию, к которой сегодня мы счастливы были принадлежать. Однако нашлось бы совсем немного аристократов, которые смогли бы искренне восхищаться моими скудными средствами, да еще в наши суматошные дни. Другие семьи тоже отчаянно пытались справиться со своими финансовыми проблемами, и чье-то хорошенькое личико вкупе с высоким титулом уже лишилось былой привлекательности, которую имело в прежние времена.

Мне требовалось чудо, причем срочно.

– Милочка, случилось чудо!

Я взидала на бархатные узоры обоев бального зала, а в голове у меня роились мрачные мысли. Заморгав, я вернулась в реальность – на очередной шумный прием – и посмотрела на бабушку, которая стояла передо мной. Хотя ее лицо испещряли морщины, а волосы были седыми, все неизменно отмечали, что леди Элис Уитмор – невероятно привлекательная женщина. Я была с ними согласна, хотя с грустью отмечала, что бабушка стремительно постарела после того, как умерли мои родители.

Зато сейчас глаза у нее лучились и сияли так, как я уже давно не видела.

– Что за чудо, бабушка?

– Дорогая, нам сделали предложение. Да-да! И он соответствует всем нашим критериям. Надежда снова посетит наш дом! Он молод. С неплохим состоянием. И его род не уступает в знатности нашему.

Последнее утверждение стало для меня неожиданностью. С родом

благословенного Руперта сравняться было ой как непросто.

– Ты уверена?

– Да! Он твой... кузен.

Я редко лишаюсь дара речи, но бабушка поставила меня в тупик. Сперва я не могла вспомнить никого, кроме моего двоюродного брата Питера. Он вдвое старше меня и женат. По законам Осфрида именно ему предстояло унаследовать титул Ротфордов, если я, конечно, соизволю умереть бездетной. Приезжая в столицу, он обязательно навещал нас и всегда уточнял, как я себя чувствую.

– Который? – уточнила я, чуть успокаиваясь.

Слово «кузен» порой использовалось весьма свободно: пробежавшись по фамильному древу, можно было обнаружить, что половина осфридской аристократии оказывалась в родстве с другой половиной. Наверняка бабушка имела в виду кого-то еще.

– Лионель Белшир, барон Эшби.

Я покачала головой. Я не знала никакого Эшби.

Бабушка взяла меня под руку и повела в противоположную сторону зала, пробираясь в толпе самых влиятельных персон нашей столицы. Они были облачены в шелка и бархат, расшитые жемчугами и драгоценными камнями. Вереница хрустальных люстр над нашими головами ослепительно сияла: можно было предположить, что хозяева особняка решили соперничать со звездами. Такова жизнь аристократов Осфрида.

– Мы с его бабкой входили в круг приближенных герцогини Сэмфордской. Он обычный барон. – Бабушка склонила ко мне голову и понизила голос.

Я обратила внимание на ее жемчужный убор: неплохой, но вышедший из моды пару лет тому назад. Бабушка тратила все наши деньги на то, чтобы наряжать меня должным образом.

– Но его род весьма достойный. Семья Лионеля восходит к одному из младших сыновей Руперта, хотя с этим связан скандал: вроде бы Руперт на самом деле не был его отцом. Но его матушка – из старого аристократического рода, поэтому в любом случае нам можно не волноваться.

Пока я переваривала услышанное, мы успели подойти к высокому стрельчатому окну с видом на Арлингтон-грин. Возле него стоял молодой человек и незнакомая мне женщина, примерно ровесница моей бабушки. Парочка о чем-то негромко беседовала, но при виде нас и юноша, и его спутница оборвали разговор и с любопытством уставились на меня.

Бабушка улыбнулась.

– Моя внучка, графиня Ротфордская. Милая, позволь представить тебе барона Белшира и его бабушку, леди Доротею.

Лионель поклонился и поцеловал мою руку, а его бабка присела в реверансе. Ее почтительность показалась мне напускной: леди Доротея буквально прошила меня колючим взглядом. Если бы приличия позволяли, она бы, наверное, и зубы мои осмотрела безо всякого стеснения.

Когда Лионель выпрямился, я внимательно посмотрела на него. Оценивать-то мне следовало именно потенциального жениха, а не леди Доротею.

– Графиня, счастлив с вами познакомиться! – буквально запел он. – Жаль, что этого не произошло раньше, учитывая наше родство. Потомки лорда Руперта, сами понимаете...

Краем глаза я заметила, как моя бабушка скептически выгнула бровь.

Я адресовала Лионелю скромную улыбку: не настолько почтительную, чтобы она принизила меня, но такую, чтобы он решил, будто его любезность выбила меня из колеи. Но если говорить начистоту, то его галантность, конечно, была под вопросом. Увы, можно было предположить, что она являлась его единственным козырем! Лицо у Лионеля оказалось вытянутым и заостренным, кожа имела нездоровую бледность. Странно, но у него даже не зарумянились щеки, хотя в бальном зале, переполненном людьми, было чересчур жарко! Узкие плечи Лионеля сутулились, создавая впечатление, будто он готов сложиться пополам. Однако все это не имело значения. Важны были исключительно матримониальные соображения. Я никогда не рассчитывала выйти замуж по любви.

– Вы правы, нам, конечно, следовало бы познакомиться пораньше, – милостиво согласилась я. – Полагаю, стоило бы учредить регулярные встречи в честь нашего славного предка Руперта. Мы бы собирались вместе и устраивали пикник на лужайке. И мы бы бегали наперегонки, как принято у сельских жителей. Думаю, я бы не запуталась в юбках!

Барон устремил на меня немигающий взгляд и почесал запястье.

– Потомки графа Руперта рассеяны по всему Осфриду: вряд ли подобное сборище удалось бы организовать. И участвовать в беге наперегонки не подобает аристократам. Я и своим арендаторам не позволяю столь пустые развлечения. Великий бог Урос не для того даровал нам ноги. А думать иначе – просто отвратительно. – Он помолчал и добавил: – Жмурки я тоже не одобряю.

– Полностью разделяю ваше мнение, – проворковала я, не позволяя улыбке исчезнуть с моих губ.

Моя бабушка откашлялась.

– Барон выращивает ячмень, – заявила она с натужной жизнерадостностью. – Он очень преуспел в этом деле и уже добился огромного успеха.

Лионель поскреб свое левое ухо.

– Мои арендаторы почти восемьдесят процентов моих угодий отвели под ячменные поля. Недавно мы приобрели новое поместье, и теперь все мои земли дают прекрасный урожай. Ячмень, куда только ни бросишь взгляд... Многие и многие акры вокруг!.. Я приказал, чтобы мои слуги в обоих поместьях ели ячменную кашу по утрам. Для поднятия духа, если так можно выразиться.

– Как же у вас много ячменя, – пролепетала я и мысленно пожалела арендаторов барона. – Я надеюсь, что вы иногда слегка балуете своих слуг. Как насчет овса или ржаной каши... если на экзотику тянет?

На лицо барона вновь вернулось изумленное выражение, и он принялся терзать свое правое ухо.

– Зачем? Ячмень – источник нашего благосостояния. Моим людям полезно об этом помнить. Я и сам придерживаюсь данного правила и даже более строго: я слежу, чтобы во всех моих трапезах присутствовала изрядная порция ячменя. Я подаю своим слугам хороший пример.

– Вы по-настоящему к ним благосклонны! – воскликнула я и устремила взгляд на окно у него за спиной, прикидывая, нельзя ли из него выпрыгнуть.

Наступила неловкая пауза.

– Кстати, о поместьях, – нарушила молчание леди Доротея. – Если я не ошибаюсь, совсем недавно вы продали свое последнее загородное имение.

Вот оно: напоминание о нашем финансовом положении. Бабушка поспешила встать на защиту нашей семейной чести.

– Мы им не пользовались. – Она вскинула подбородок. – Я не настолько глупа, чтобы тратить деньги на пустой дом и арендаторов, которые без надзора обленились. Наш городской особняк здесь, в столице, гораздо уютнее, и в нем мы близки ко всем светским развлечениям. Между прочим, нынешней зимой нас три раза приглашали ко двору.

– Три раза! – пренебрежительно повторила леди Доротея. – Но ведь летом в столице, безусловно, скучно. Особенно когда аристократы разъезжаются в свои загородные владения. Когда ты выйдешь замуж за Лионеля, то будешь жить в его нортширском поместье – где живу я. Обещаю, что ты не станешь ни в чем нуждаться. И сможешь планировать сколько угодно светских мероприятий. Под моим пристальным наблюдением, естественно. Тебе предоставляется исключительный шанс! Я

не хочу никого обидеть, графиня! Леди Элис, вы столь умны и проницательны, что никто, вероятно, и не догадывается о вашем реальном положении. Но уверена, что в данных обстоятельствах возможность устроить судьбу вашей внучки принесет вам обоим облегчение.

– У меня сразу же улучшатся жизненные обстоятельства, а барон получит другой титул – более высокий, – тихо отметила я.

Во время нашего разговора Лионель скреб сначала лоб, потом – внутреннюю сторону предплечья. Второй заход затянулся довольно надолго, и я с трудом удержалась, чтобы не глазеть на такое неучтивое действие. Что с ним? Почему у Лионеля сильный зуд? И почему он распространяется по всему телу? Никакой сыпи я вроде бы не заметила. Хуже того – чем пристальней я смотрела на Лионеля, тем сильнее мне самой хотелось почесаться. В итоге я стиснула кулаки и постаралась отвлечься.

Мучительный разговор длился еще несколько минут: леди Доротея и моя бабушка уже строили планы относительно свадьбы, которая, очевидно, была не за горами. Лионель продолжал чесаться. Когда мы, наконец, покинули новоявленного жениха и леди Доротею, я выждала секунд тридцать и выразила бабушке свое мнение.

– Нет, – заявила я.

– Ш-ш!

Она улыбалась разным гостям, направляясь вместе со мной к дверям. Когда мы очутились в вестибюле, бабушка обратилась к какому-то лакею, чтобы он проводил нас до нашей кареты.

Я помалкивала, пока мы благополучно не остались в экипаже одни.

– Нет, – повторила я, откидываясь на спинку плюшевого сиденья. – Нет, ни за что!

– Не драматизируй.

– А я и не драматизирую. Я сохраняю здравый рассудок. Не могу поверить, что ты приняла предложение барона, не посоветовавшись со мной.

– Мне было трудно сделать выбор между ним и множеством других кандидатов, – сказала она и спокойно встретила мой возмущенный взгляд. – Да, милочка, ты здесь не единственная можешь дерзить. Но зато ты – единственная, кто сумеет спасти нас от катастрофы.

– И кто теперь драматизирует? Ладно, леди Брэнсон тоже сделает тебе выгодное предложение, и ты сможешь жить в особняке ее дочери столько времени, сколько тебе вздумается. Уверена, тебе там понравится, – ядовито произнесла я.

– А что будет с тобой, дорогая?

– Не знаю. Найду кого-нибудь еще, – буркнула я и начала перебирать в уме кавалеров, с которыми я успела сегодня познакомиться. – Как насчет торговца, который был на приеме? Дональда Кросби? Я слышала, он сколотил немалое состояние.

– Фу! – Бабушка потеряла виски. – Пожалуйста, прекрати болтать о нуворишах. Ты же знаешь, что у меня от этого начинается мигрень.

Я фыркнула.

– А чем он плох? Кросби процветает. И он смеется моим шуткам, чего не скажешь о Лионеле.

– Ты прекрасно понимаешь, почему я не одобряю мистера Кросби. Ему не место на званом вечере аристократов! И о чем только думал лорд Гилмен! – Бабушка поджала губы и передернула плечами: особо крупная выбоина на дороге заставила нашу карету накрениться. – И не забывай о твоём великом предке Руперте! Как бы он отнесся к твоему намерению смешать его кровь с простонародьем?

Я застонала. С некоторых пор ни один наш разговор не обходился без упоминания о Руперте.

– По-моему, тот, кто последовал за своим сюзереном через пролив, чтобы создать империю, придавал огромное значение своей чести, – парировала я. – Я-то помню про Руперта, и не собираюсь продаваться занудному кузену и его тиранической бабке. Ты обратила внимание на то, как она буравила меня своим взглядом? Кстати, сколько раз она повторила это свое «под моим пристальным наблюдением»?.. Нет уж, с меня хватит! Вдобавок у барона чесотка или нервный зуд!

Бабушка устало вздохнула.

– Ты считаешь себя единственной девушкой, которую выдадут замуж по расчету? Ты – далеко не первая барышня, выказывающая свое недовольство. Романы и баллады повествуют о девицах, попавших в столь же печальную ситуацию: они в конце концов вырываются на свободу к блестящему будущему и обретают счастье... Но это – наивные фантазии, дорогая. В реальности большинство девушек в твоей ситуации смиряются и терпят. У тебя нет выбора, поверь мне. Нам всегда приходится платить по счетам. Таков этот мир. В общем, положение обязывает.

– Мои родители не заставили бы меня терпеть и смиряться, – проворчала я.

Бабушка жестко посмотрела на меня.

– Твои родители и их авантюры стали причиной нашего финансового краха. У нас кончились деньги. Продажа поместья Бентли позволила нам

продолжить прежнюю жизнь. Однако скоро все изменится, а результат тебе точно не понравится. – Я насупилась, и она добавила: – Люди будут принимать за тебя решения всю твою жизнь. Привыкай.

Наш дом находился в другом (не менее престижном) районе города. Когда экипаж подъехал к особняку, слуги уже ожидали нас у дверей. Они поспешно спустились с крыльца, помогли нам выйти из кареты и приняли наши накидки и шали. У меня была своя стайка горничных: девушки последовали за мной в апартаменты, чтобы снять с меня парадный наряд. Я смотрела, как они бережно разглаживают мое красное бархатное платье с широкими конусообразными рукавами и золотой вышивкой. Его повесили в шкаф к другим бесчисленным роскошным нарядам. Оставшись в одиночестве, я обнаружила, что уставилась на бюро. Огромная часть нашего стремительно тающего состояния тратилась на одежду, которая якобы должна была помочь мне получить шанс изменить жизнь к лучшему.

И сейчас моя жизнь действительно могла сделать крутой вираж. Но в лучшую ли сторону? Увы, в последнем я сильно сомневалась.

Поэтому я сделала вид, что все это происходит не со мной. Именно так я отнеслась и к смерти своих родителей. Я отказалась поверить в их уход, даже столкнувшись с самым что ни на есть осязаемым доказательством – а именно с их могилами. Не может такого быть, чтобы те, кого ты любишь, те, кто заполняет столь значительную часть твоего сердца, однажды исчезли в мгновение ока! Иногда я с переменным успехом пыталась убедить себя в том, что однажды мать и отец просто появятся в моей комнате... а когда мне не удавалось в это поверить, я просто о них не думала.

А теперь пришел черед Лионеля. Я выбросила жениха из головы и продолжала жить так, как будто на званом вечере вообще ничего не случилось.

Но когда от леди Дороти пришло письмо, я была вынуждена признать существование Лионеля.

Леди Доротея желала назначить дату свадьбы: что ж, вполне ожидаемое намерение. Неожиданностью стало ее распоряжение уменьшить наш штат прислуги вдвое и продать немалую часть наших вещей. «В Нортшире они тебе не понадобятся, – писала леди Доротея. – Прислуга и нужные предметы будут предоставлены тебе, конечно же, под моим пристальным наблюдением».

– Ох, Урос великолепный! – вырвалось у меня, когда я дочитала письмо.

– Не поминай его имя всуе! – одернула меня бабушка. Несмотря на ее

замечание, я ощутила, что она напряжена.

Да... ей тоже будет нелегко жить под чужой властью.

– Смотри-ка! Лионель прислал тебе подарок!

«Подарком» оказалась банка фирменных ячменных хлопьев, которые Лионель поглощал каждое утро. В приложенной записке говорилось, что я могу заранее отведать «сей дивный злак и понять, что ожидает меня в будущем». Мне хотелось думать, что барон просто мило шутит, однако я сильно сомневалась в его чувстве юмора.

Бабушка начала рассуждать вслух, как ей следует отобрать прислугу, а я выскочила из комнаты и бросилась наутек. Выбежала из нашего особняка в сад и выскользнула через парадные ворота на улицу, заслужив недоуменный взгляд привратника, который там дежурил.

– Миледи? Я чем-то могу быть вам полезен?

Я махнула рукой, прервав его попытку встать.

– Нет! – бросила я.

Он озираясь, не зная, что делать. Привратник никогда не видел, чтобы я выходила на улицу без сопровождения. Это было просто вопиюще: поступать таким образом благородным девушкам не полагалось. Что ж, выходит, я нарушила негласные правила.

Пока привратник остолбенело таращился на меня, я ринулась куда глаза глядят и вскоре смешалась с толпой пешеходов. Конечно, на улице не было представителей благородного сословия. Я натыкалась на слуг, торговцев, курьеров... словом, тех людей, труд которых помогал городским богачам жить припеваючи.

Я влилась в людской поток, совершенно не понимая, что делаю.

Внезапно у меня в голове возникла безумная мысль: не обратиться ли мне к Дональду Кросби? Во время нашего краткого разговора я ему, кажется, приглянулась. А может, мне лучше уехать? Отправиться на континент и очаровать какого-нибудь бельзианского аристократа... Или просто затеряться в толпе, став очередной неприметной девицей, ничем не выделяющейся из множества других.

– Я могу вам помочь, миледи? Ваша прислуга вас потеряла?

Похоже, мои планы испарились, не успев соприкоснуться с реальностью...

Замедлив шаг, я огляделась по сторонам. Надо же, куда меня занесло: я добралась до окраины одного из многочисленных коммерческих районов столицы! Я посмотрела на человека, окликнувшего меня. Им оказался худощавый немолодой мужчина, сгибавшийся под тяжестью свертков, которые он тащил на спине.

– А как вы узнали, что я – леди? – вырвалось у меня.

Он ухмыльнулся, демонстрируя мне щербатые зубы.

– Тут не часто встретишь барышень в такой дорогой одежде.

Подумав, я поняла, что он прав. Сиреневое жаккардовое платье было моим простеньким домашним нарядом, однако даже оно резко выделялось в море тусклой одежды. Правда, я уже заметила пару-тройку аристократов, отправившихся за покупками, однако их окружали внимательные слуги, готовые защитить своих господ от всякой черни.

– Со мной все в порядке, – заявила я, протискиваясь мимо мужчины.

Но далеко мне уйти не удалось: меня опять остановили. На сей раз – румяный парнишка из тех, кто зарабатывает доставкой сообщений.

– Проводить вас домой, миледи? – предложил он. – Три медяка, и я к вашим услугам!

– Нет, мне... – Я не договорила, кое-что сообразив. – У меня нет денег. С собой, – уточнила я.

Парень пожал плечами и собрался уходить.

– погоди! – крикнула я, сняла свой жемчужный браслет и протянула ему. – Ты можешь отвести меня в храм великолепного Вайиля?

При виде жемчуга у юноши округлились глаза, но он замялся.

– Это как-то чересчур, миледи. Храм ведь стоит на Кэннингем-стрит.

Я сунула браслет ему в руку.

– Я понятия не имею, где находится Кэннингем-стрит. Отведи меня.

Выяснилось, что идти надо всего три квартала. Я знала главные районы Осфро, но понятия не имела, как между ними перемещаться. Мне не было нужды ориентироваться в столице.

Сегодня службы не было, но церковные двери оставались приоткрытыми, словно приглашали войти внутрь и прихожан, и всех тех, кто нуждался в совете. Я обогнула изящный храм и направилась прямо на кладбище. Миновав могилы, где покоились ничем не примечательные горожане Осфро, я оказалась возле аристократической части кладбища. Ее окружала кованая ограда, за которой высились роскошные памятники и склепы, а не обычные скромные надгробия.

Хоть я и плутала по улицам Осфро, но местоположение семейного склепа на кладбище я забыть уж точно не могла. Мой проводник ждал меня у ограды, а я побрела к каменному строению с надписью «УИТМОР». Наша усыпальница была не самой большой, но я считала ее самой красивой. Мой отец отлично разбирался в искусстве, и после его смерти мы с бабушкой заказали барельефы шести великолепных ангелов на все наружные стены.

Я не имела возможности войти в усыпальницу – для этого надо было предварительно договориться в храме – поэтому молча села на ступеньки. Провела пальцами по именам, выбитым на мраморной доске: лорд Роджер Уитмор, шестнадцатый граф Ротфордский, и леди Амелия Ротфорд. Над ними было высечено имя моего деда: лорд Огастес Уитмор, пятнадцатый граф Ротфордский. Когда-нибудь к нему присоединится его вдова, и тогда склеп будет полон.

«Тебе придется искать свое собственное место», – сказала мне бабушка на похоронах моего отца.

Первой умерла мама: подхватила какую-то болезнь из тех, что свирепствовали в бедных районах города. Мои родители вложили кучу денег в благотворительные учреждения для обездоленных – и быстро поплатились за свою доброту. Летом заболела моя мать, позже пришел черед отца. Их филантропические фонды быстро распались. Кто-то называл моих родителей святыми, остальные сходились во мнении, что они – глупцы.

Я смотрела вверх, на огромную каменную дверь с барельефом, изображавшим великолепного ангела Ариниль, привратника Уроса. Ариниль напоминал мне прекрасную деву. Работа была чудесная, но Ариниль казалась мне самой неинтересной из сонма ангелов. Она всего лишь открывала двери и помогала усталым путникам. Неужели ей самой не хотелось очутиться в другом месте и заняться чем-то иным? Но она смиренно покорила своей участи, пока остальные добивались своих целей, и веками стояла возле дверей. Неужели так было всегда и для людей, и для ангелов? В Писаниях никогда не рассматривались подобные вопросы. Наверное, они считались богохульными.

– Миледи!

Я отвела взгляд от безмятежного мраморного лица и увидела у ограды какое-то движение. Ко мне спешили три мои горничные. А у входа в храм я заметила нашу карету. Меня моментально окружили.

– Ох, миледи, о чем вы только думали! – заверещала Ванесса. – Парнишка позволил себе что-то неподобающее?

– Вы, конечно же, очень замерзли!

Ада набросила мне на плечи теплый плащ.

– Дайте-ка я смахну грязь у вас с подола, – вызвалась Теа.

– Нет-нет! – ответила я. – Я в порядке. Как вы меня нашли?

Они затараторили, перебивая друг друга, но в целом все свелось к тому, что горничные заметили мое исчезновение, допросили привратника, а затем – чуть ли не всех, мимо кого я проходила во время своей вылазки.

Очевидно, я произвела впечатление на случайных прохожих.

– Ваша бабушка пока не в курсе, что вы сбежали, – произнесла Ванесса, побуждая меня поторопиться. Она была самая умная из всех трех. – Нам надо поскорее вернуться домой.

Перед уходом я обернулась, чтобы в последний раз взглянуть на ангела и прочесть имена моих родителей. «Беды обязательно будут приходить, – сказал мне отец в тот последний год. – Их невозможно избежать. Наша власть заключается в том, как мы их принимаем. Позволяем им нас раздавить, лишить надежды? Или решительно встречаем невзгоды лицом к лицу и терпим боль? А может, пытаемся их перехитрить?»

Помню, я спросила его тогда, как это – перехитрить беду. «Поймешь, когда придет время. И вот в такой момент тебе нужно будет действовать быстро», – ответил он.

Служанки не переставали беспокоиться, даже когда мы ехали в карете домой.

– Миледи, если вам захотелось погулять и зайти на кладбище, вам следовало обратиться к нам. Мы бы сразу договорились со священником, – сказала Теа.

– Я не подумала, – пробормотала я. Я не собиралась распространяться о том, как из-за письма леди Доротеи едва не получила нервный срыв. – Мне хотелось подышать свежим воздухом. Я решила пройтись.

Они изумленно на меня воззрились.

– Но, миледи! – воскликнула Ада. – Вам нельзя находиться в городе одной! Вам... вам ничего нельзя делать одной.

– А почему? – огрызнулась я и почти не устыдилась, когда она вздрогнула. – Я титулованная особа. Мое имя везде вызывает уважение. Почему мне нельзя свободно ходить где угодно? Делать то, чего мне хочется?

Воцарилась напряженная тишина, которую спустя некоторое время нарушила Ванесса.

– Вы – графиня Ротфордская, миледи! Обладатель такого славного имени не должен находиться в толпе простолюдинов. Такова ваша судьба, миледи... а в этом никто из нас не властен.

Глава 2

После слов Ванессы я поняла, что с этой «бедой» – с Лионелем – я сделала неверный шаг и практически позволила себя раздавить. И прямо в карете я приняла решение, что выберу более благородный, твердый образ действий. Я буду терпеть боль.

В последующие недели я улыбалась, отпускала обычные шуточки и вела себя так, будто наш дом не разваливается. Пока слуги работали и тревожились о своем туманном будущем, я посвящала себя занятиям, приличествующим благородной даме: писала картины и выбирала свадебный наряд. Когда визитеры приезжали к нам с добрыми пожеланиями, я сидела рядом с ними и старательно изображала радость. Не раз я слышала, что мое будущее бракосочетание именуют «удачным союзом». Это напомнило мне о том, как я, шестилетняя, с мамой смотрела на свадебный кортеж принцессы Маргрет.

Принцесса сидела в карете, натянуто улыбалась и кивала своим подданным, а за руку ее держал лорандийский герцог, с которым Маргрет познакомилась всего лишь неделю назад.

– Она какая-то зеленоватая, – сказала я.

– Чепуха! А если тебе повезет, то и ты заключишь не менее удачный союз, – произнесла моя мать.

Будь моя матушка жива, допустила бы она, чтобы ее дочь скоропалительно выдали замуж? Или все сложилось бы по-другому? Возможно. Очень многое сложилось бы иначе, будь мои родители живы.

– Миледи?

Я оторвала взгляд от картины, которую писала: поле с пурпурными и розовыми маками, копия полотна в Национальной галерее, принадлежавшего кисти одного из величайших художников. Передо мной застыл паж. Судя по его тону, он уже давно окликал меня, пока я витала в облаках.

– Да? – отозвалась я.

Ответ прозвучал резче, чем мне хотелось. Сегодня утром я поспорила с бабушкой относительно увольнения моего любимого повара и до сих пор не успокоилась.

Паж поклонился, радуясь, что его наконец заметили.

– У нас с визитом джентльмен. Он... э... заставляет Аду плакать.

Я моргнула, гадая, не послышалось ли мне.

– Извини... что?

Теа с Ванессой сидели на садовых стульях, занятые шитьем. Они тоже оторвались от своего рукоделия, озадаченные не меньше меня.

Паж смущенно помялся.

– Я и сам толком не понимаю, миледи. Вероятно, эту встречу назначила леди Брэнсон: она должна была на ней присутствовать, но задержалась из-за неотложных дел. Я провел джентльмена в западную гостиную и позвал Аду, а когда вернулся их проверить, то Ада уже рыдала, поэтому я пришел сюда, чтобы лично вам обо всем доложить.

– Разумеется!

А я еще думала, что день будет скучный! Камеристки вскочили со стульев, но я велела им оставаться на месте. Идя следом за пажом в глубину дома, я спросила:

– А ты не знаешь, зачем мог явиться этот так называемый джентльмен?

– Насчет нового места, по-моему.

Я ощутила легкий укол вины. Штат начали распускать несколько дней тому назад, и Ада стала первой из моего окружения, кто должен был подвергнуться увольнению. Мне позволят взять с собой лишь одну горничную. Леди Доротея заверила меня, что «под ее пристальным наблюдением отбирают безупречные кандидатуры», но я не сомневалась, что их главной обязанностью станет шпионаж.

По пути в гостиную я гадала, что стало истинной причиной утренней трагедии. Леди Брэнсон являлась старшей камеристкой моей бабушки. Если бы она нашла Аде новое, приличное место, то Ада, конечно же, не впала бы в истерику.

И что стряслось на самом деле?

– Это не были слезы радости? – осведомилась я у пажа на всякий случай.

– Нет, миледи.

Мы вошли в гостиную – и действительно обнаружили там бедняжку Аду. Она скрючилась на софе и рыдала, закрыв лицо ладонями. Мужчина, стоящий ко мне спиной, неловко пытался успокоить девушку похлопыванием по плечу. Я моментально насторожилась: что за чудовище настолько сильно расстроило Аду?

– Леди Уитмор, графиня Ротфордская! – объявил паж.

Это изумило и Аду, и самого джентльмена. Ада отвела ладони от лица, хлюпнула носом, сумела встать и сделать книксен. Мужчина тоже выпрямился и повернулся ко мне. Мои фантазии относительно старого

согбенного мошенника мигом испарились.

Но, может, мошенником он и был, откуда мне знать? А в остальном... Его внешность поразила меня. Темно-каштановые волосы, забранные в короткий модный хвост, открывали лицо с точеными чертами и высокими скулами. Глаза у него оказались яркие, синевато-серые, выделявшиеся на фоне загорелой кожи. Такое было не принято среди людей благородного происхождения, но я и без этого легко определила, что он к аристократам не относится.

– Ваша светлость, – произнес мужчина с почтительным поклоном. – Счастлив вас видеть.

Я жестом отпустила пажа и села: то был знак, что все присутствующие в комнате могут немного расслабиться и не стоять на ногах.

– Не могу ответить тем же, вы ведь довели мою горничную до слез.

На его красивом лице промелькнула досада.

– Но я не собирался обижать вашу служанку. Миледи, я удивлен не меньше вас. У меня сложилось впечатление, что леди Брэнсон заранее обговорила с Адой все подробности.

– Да! – воскликнула Ада. Я заметила, что у нее к горлу снова подступают рыдания. – Но когда все улажено, то я... я просто... наверное, не хочу ехать! – выпалила она.

Незнакомец адресовал ей уверенную и отработанную улыбку, и я сразу сообразила – он часто ее использует, чтобы добиваться своих целей.

– Ваша нервозность вполне понятна. Но когда вы увидите, как другие девушки живут при Блистательном Дворе...

– Погодите! – вмешалась я. – Что еще за Блистательный Двор?

Так могли назвать какой-нибудь бордель (что, впрочем, казалось маловероятным, если переговоры о новом месте Ады вела леди Брэнсон).

– Буду счастлив объяснить, миледи. Полагаю, подробности не покажутся вам скучными...

Я смирив его взглядом:

– Поверьте, в данной ситуации я не вижу абсолютно ничего скучного.

Мужчина адресовал свою галантную улыбку мне, несомненно, надеясь, что она подкупит меня так же, как и других. Признаюсь, именно так и получилось.

– Блистательный Двор – это великолепная возможность для столь юных особ, как Ада... возможность, которая преобразит их жизнь...

– Погодите-ка! – прервала я его. – Как вас зовут?

Он встал и снова поклонился.

– Седрик Торн, к вашим услугам.

Никакого титула, но опять-таки это меня не удивило. Чем дольше я его рассматривала, тем больше он меня интриговал. Седрик Торн был облачен в коричневый камзол из тонкой шерсти, чуть расклешенный у колен, не по моде длинный. Коричневый же парчовый жилет поблескивал на свету. Респектабельный, сдержанный наряд мог бы надеть преуспевающий торговец, однако яркая янтарная булавка на шляпе свидетельствовала, что ее владелец не лишен тяги к стильным аксессуарам.

– Миледи? – вежливо произнес он.

Я поняла, что молча таращусь на него, и величественно повела рукой.

– Пожалуйста, продолжите объяснения насчет вашего Блестящего Двора.

– Блистательного, миледи. И, повторяю, это – великолепная возможность для юных особ повысить свой статус. Ада – умненькая и перспективная девушка, а такие барышни нам как раз и нужны.

Я скептически выгнула бровь. Ада всегда казалась мне самой скучной горничной. Однако она хорошо выглядела. А это, как я давно поняла, для большинства мужчин было равнозначно словам «умненькая и перспективная».

А Седрик перешел к явно хорошо отрепетированной речи.

– Блистательный Двор – это пользующееся уважением организация. Ее филиалы есть и в ваших краях, а также за морем. Мой отец и дядя основали Двор десять лет назад, когда узнали, как мало женщин проживает в Адории.

Адория? Вот в чем вся суть! Я едва не подалась вперед, но вовремя опомнилась. Однако теперь я сгорала от любопытства. Адория! Страна, которая лежит за Закатным морем. Одно только название напоминало об увлекательных приключениях. Адория – новый мир, далекий от Осфрида и всего с ним связанного, в том числе и от галерей, театров и роскошно одетой знати.

А здесь мне грозило выйти замуж за страдающего неудержимым зудом кузена...

– Но в Адории масса икорийских женщин, – заметила я, решив вставить реплику.

Седрик расплылся в широченной улыбке, и его глаза замерцали. Неужели ресницы у него длиннее, чем у меня? Какая несправедливость!

– Да, но наши колонисты не хотят брать в жены икорийских дикарок в килтах и пледах. Если говорить честно, многие из наших колонистов не хотят жениться на дикарках, – уточнил он. – Но, наверное, некоторым они нравятся.

Я чуть было не спросила, кто нравится ему самому, но успела напомнить себе, что я – дама с очень высоким положением в обществе.

– Поселенцы Адории ищут мягких, образованных осфридских жен, особенно те мужчины, которые разбогатели в наших краях. Кое-кто отплывал в Адорию, не имея даже запасной одежды, но теперь они добились успеха в качестве дельцов или владельцев плантаций. Они превратились в столпы общества – в очень уважаемых людей. – Седрик раскинул руки: ни дать ни взять актер на сцене. – Им нужны подходящие спутницы жизни, чтобы обзавестись семьей. Его Величество тоже этого желает. Он приказал основать еще пару колоний и расширить уже имеющиеся, но этого весьма проблематично достичь, поскольку соотношение осфридских мужчин и женщин пока остается неутешительным. Сами посудите: три к одному в пользу джентльменов!.. Если женщины все-таки едут в Адорию, то обычно это простые девицы из рабочего класса, да еще и замужние. Новой аристократии хочется чего-то другого.

– Новой аристократии? – переспросила я.

Его рекламная речь меня увлекла. Забавно, на меня воздействовали силой убеждения!

– Да, – подтвердил Седрик. – Так мы называем обычных людей, обретших необыкновенное величие в Новом Свете.

– Что ж, удачное название. Вы его сами придумали?

Похоже, мой вопрос озадачил Седрика.

– Нет, миледи, не я, а мой отец. Он – мастер убеждения и формирования общественного мнения. В гораздо большей степени, чем я.

– В это сложно поверить! Пожалуйста, продолжайте рассказывать про вашу новую аристократию.

Седрик секунду смотрел на меня – и в его взгляде таилось нечто... Расчет или переоценка.

– Итак, нашим свежееиспеченным господам не понадобились титул или право рождения, чтобы получить власть и престиж. Они заработали их тяжелым трудом и стали уважаемыми и богатыми гражданами Адории. Но сейчас они действительно нуждаются в подобающе «благородных» супругах. Увы, женщины вашего уровня не рвутся плыть в Адорию, поэтому Блистательный Двор взял на себя обязанность собрать некоторое количество юных девушек, готовых преобразиться. Мы берем под свое крыло хорошеньких девиц вроде Ады – и подготавливаем их к будущему величию, если так можно выразиться.

Седрик усмехнулся, когда упоминал о рвущихся куда-то плыть

знатных дамах, как будто это была наша с ним общая шутка. А у меня сжалось сердце. Он и не подозревал, что в тот момент, имея в перспективе жизнь в союзе с угрюмым кузеном и его тиранической бабкой, я бы с радостью отказалась от своего царственного мира и поплыла бы в любую колонию, невзирая на примитивные условия и дикарей. Вот только мне не добраться даже до пристани: десятки людей тотчас попытаются отправить меня назад, в подобающую мне обстановку.

Ада шмыгнула носом, заставив меня вспомнить, что она по-прежнему сидит в гостиной. Я знала Аду много лет, но совершенно не обращала на нее внимания. А теперь, впервые в жизни, я ей позавидовала. Перед ней открывалась целая вселенная, полная неслыханных возможностей!

– Значит, вы собираетесь увезти Аду в Адорию, – непринужденно подытожила я, стараясь не выдавать своей зависти.

– Не сразу, – ответил Седрик. – Сначала нам надо позаботиться о том, чтобы она соответствовала требованиям Блистательного Двора. Уверен, что в вашем доме Ада уже успела получить хотя бы примитивное образование, которое, конечно, уступает вашим обширным познаниям. Поэтому сперва Ада проведет год в одном из поместий моего дяди с другими девушками ее возраста, обучаясь самым разным вещам, чтобы компенсировать свои пробелы. Она...

– Погодите! – перебила я Седрика. Моя бабушка ужаснулась бы тому, насколько нетактично я веду столь важную беседу, но ситуация была слишком странной, чтобы я соблюдала формальные правила. – То есть Ада получит образование, сравнимое с моим. За год?

– Не вполне сравнимое, миледи. Но Ада сможет вращаться среди представителей высших классов, вероятно, даже среди аристократов – по прошествии данного срока.

Зная Аду, я весьма в этом усомнилась, но решила выслушать его дальше.

– Продолжайте.

– Мы начнем с того, что отшлифуем ее базовые навыки в чтении и арифметике, а затем перейдем к более тонким материям. Как управлять домом и распоряжаться прислугой. Уроки музыки. Как устраивать приемы. О чем говорить на вечеринках и балах. Искусство, история, философия. Иностранный язык, если хватит времени.

– Прекрасное образование! – заметила я, бросая пытливый взгляд на Аду.

– Итак, весь курс продлится один год, – важно изрек Седрик. – Повторяю, Ада будет жить в поместье моего дяди, пока будет проходить

обучение, а потом отплывет в Адорию с уже отобранными девушками, которых привезут из других поместий. Если Ада, разумеется, пожелает к ним присоединиться.

Ада встрепелась и вскинула голову:

– Я не обязана ехать?

– Ну... нет, – признался Седрик и недоуменно покачал головой, посмотрев на Аду. Он извлек из кармана свернутый в трубку листок – несколько картинно, по-моему. – В конце года, говорится в вашем контракте, вы можете либо отправиться в Адорию, чтобы вам подобрали супруга, либо оставить Блистательный Двор. В последнем случае мы подберем вам работу, чтобы вы полностью выплатили нам стоимость вашего обучения.

Ада значительно повеселела. Вероятно, она решила, что будущая работа будет чем-то сходным с тем, чем она занимается сейчас.

– Догадываюсь, что здесь имеется в виду... наверняка рабочий дом или фабрика, – произнесла я.

У Ады вытянулось лицо.

– Но все равно это будет в Осфриде, миледи!

– Да, – подтвердил Седрик, – если вы захотите остаться. Но послушайте, кто из девушек захочет заниматься тяжелым неблагодарным трудом вместо того, чтобы использовать свой шанс заполучить богатого любящего мужа, который оденет свою невесту в шелка и драгоценности?

– Мне его выбирать не дадут, – буркнула Ада.

– А вот и нет! Когда вы окажетесь в Адории, у вас и у других девушек будут три месяца! Вас представят холостякам, которые заранее выразили интерес к нашим жемчужинам: так мой дядя называет девушек Блистательного Двора. – Седрик прямо-таки ослепительно улыбнулся и продолжил говорить мягким обволакивающим голосом: – И вам, несомненно, понравится в Адории. Мужчины в колониях просто безумствуют, когда мы привозим новых жемчужин! Светский сезон будет в самом разгаре: вы станете звездами на вечерах и иных мероприятиях! Кстати, вам подберут чудесный гардероб (мода в Адории немного другая, чем здесь). Если вам сделают предложение несколько мужчин, вы сможете выбрать того, кого пожелаете.

Меня опять переполнила зависть, а вот Ада почему-то приуныла. Выглядела она удрученной. Несомненно, она слышала рассказы об опасностях, лишениях и о варварах, свирепствующих в Адории. Между прочим, некоторые из историй вовсе не были безосновательными. Когда поселенцы из Осфрида и других стран высадились в Адории, начались

кровопролитные столкновения между ними и местными икорийскими кланами. Во многих местах икорийцев вытеснили на окраины, но мы по-прежнему слышали о других трагедиях: об эпидемиях, ураганах и кровожадных хищниках... и это был далеко не весь перечень.

Тем не менее Адория манила к себе.

Что ж, Ада могла обрести статус, жить в роскоши и наслаждаться свободой. И разве в любом месте нет своих опасностей? Мне бы хотелось вбить в Аду хоть толику здравого смысла, сказать, что ей следует ухватиться за предоставленный ей шанс и вообще не оглядываться назад. Разве можно найти что-то лучшее, чем предложение Седрика? Но у Ады никогда не было тяги к приключениям, не было понимания возможностей, которые внезапно открываются перед тобой. Отчасти именно поэтому я не выбрала Аду, чтобы взять ее в дом Лионеля.

После долгих раздумий она обратилась ко мне:

– А что, по-вашему, мне следует делать, миледи?

Ее вопрос застиг меня врасплох, и от неожиданности я смогла думать только о словах моей бабушки: «Люди будут принимать за тебя решения всю твою жизнь. Привыкай».

Я невольно смягчилась.

– Тебе нужно выбирать самой – особенно если учесть, что когда ты перестанешь быть моей горничной, то станешь самостоятельной.

Я посмотрела на Седрика и впервые заметила, что на его выразительное лицо легла тень тревоги. Он боялся, что Ада откажется. Может, Блистательному Двору необходимо придерживаться определенных показателей? Что, если Седрику обязательно надо завербовать хотя бы одну кандидатку?

– Мистер Торн так прекрасно говорил, – пролепетала Ада. – Но я чувствую себя безделушкой, которую продают и покупают.

– Женщины всегда так себя чувствуют, – заявила я.

В итоге Ада приняла предложение Седрика, потому что, по ее понятиям, ей просто некуда было деваться. Я просмотрела контракт у нее через плечо: там в основном официально фиксировалось все то, о чем нам вещал Седрик. Когда Ада подписала бумаги, я насторожилась.

– Это твое полное имя? – спросила я. – Аделаида? Но почему ты им не пользуешься?

Она пожала плечами.

– Чересчур много букв. Я несколько лет училась его писать.

Кажется, Седрик с трудом сохранил серьезность. Мне стало любопытно: уж не начал ли он жалеть о своем выборе и не усомнился ли в

том, что Ада и вправду сможет превратиться в благородную даму, принадлежащую к «новой аристократии» Адории?

Держа контракт в руке, он встал и поклонился мне. Аде он сказал:

– Сегодня мне надо заключить еще несколько контрактов и завершить кое-какие дела в университете. А вам необходимо собрать свои вещи: карета приедет за вами сегодня вечером, чтобы отвезти вас в поместье. Мы с отцом присоединимся к вам по дороге.

– А где находится поместье? – поинтересовалась я.

– Пока я не знаю, куда именно направят Аду, – ответил Седрик, пожав плечами. – Но позже я, конечно, буду в курсе. Мой дядя содержит для Блистательного Двора четыре поместья, и в каждом живут по десять девушек. Одно – в Медфордшире, два – в Донли, а еще одно – в Ферхоупе.

Я подумала, что это и впрямь огромные поместья – и разместила все четыре на мысленной карте. До каждого от Осфро надо было ехать не менее полусуток!

Седрик дал Аде последние указания и собрался уходить. Я решила его проводить, что было отступлением от правил – и направилась вместе с ним в сад, где рисовала перед тем, как меня позвали к рыдающей Аде.

– Университет. Вероятно, вы студент, мистер Торн.

– Да. Вас, по-моему, данный факт не удивил.

– Но это видно по вашим манерам. И по вашему камзолу. Только студент станет устанавливать собственную моду.

Седрик рассмеялся.

– Нет, миледи! На самом деле я соблюдаю адорийскую моду. Мне нужно выглядеть соответствующим образом, когда я еду с девушками.

– А вы тоже посещаете поместья? – осведомилась я, постаравшись скрыть обиду в голосе. – Вы там часто бываете?

– Уже много лет не был, но...

Седрик резко замолчал: мы завернули за угол и услышали шмыганье носом. Старая Дорис, кухарка, шла к кухне, стараясь не плакать.

– Не обижайтесь... – начал Седрик, – но у вас дома – море слез.

Я бросила на него невеселый взгляд.

– Жизнь меняется. Дорис тоже с нами не поедет. Она слепа на один глаз, и мой кузен не захотел ее нанимать.

Седрик остановился и посмотрел на меня в упор, а я отвела взгляд. Мне не хотелось, чтобы он увидел, насколько меня ранило решение насчет Дорис. Я знала, что в таком состоянии Дорис вряд ли найдет себе работу. Это был очередной спор, в котором победила бабушка. Я начала терять позиции.

– Дорис хорошо готовит? – спросил Седрик.

– Очень.

– Извините! – окликнул кухарку Седрик.

Дорис изумленно обернулась.

– Милорд?

Мы оба не стали исправлять ее ошибку.

– Вы ищете работу? Я пойму, если вас уже кто-то нанял.

Дорис заморгала, устремив на Седрика свой единственный зрячий глаз.

– Нет, милорд.

– В одной из университетских столовых есть место кухарки. Четыре серебряных в месяц, жилье и еда включены. Если вы заинтересованы, то я замолвлю за вас словечко. Хотя мысль о готовке на ораву студентов может испугать любого...

– Милорд, – прервала его Дорис, выпрямившись во весь свой невысокий рост. – Я руководила приготовлением обедов, где было не меньше семи перемен блюд, и обслуживала одновременно сотню благородных господ. С заносчивыми юнцами я справлюсь.

Седрик сохранял невозмутимость.

– Рад слышать. Приходите завтра в северную контору университета и назовите свое имя. Вам сообщат подробности.

– Да-да, милорд! Я пойду сразу после того, как подадут завтрак. Огромное вам спасибо!

– Замечательно, – тихо произнесла я, когда мы остались наедине. Я бы не стала ничего говорить вслух, но подумала, что Седрик проявил невероятную доброту, предложив Дорис место в университетской столовой. Он вообще-то мог и не обратить на нее внимания. Большинство так и поступило бы. – Как все удачно сложилось!

– На самом деле там нет никакого места, – сказал Седрик. – Но сегодня я заскочу в контору и переговорю кое с кем – и Дорис, разумеется, примут на работу.

– Мистер Торн, что-то мне подсказывает, что вы даже священнику смогли бы продать отпущение грехов.

Седрик улыбнулся старой поговорке, бытовавшей в Осфриде.

– А почему вы решили, что я этого раньше не делал?

Мы дошли до сада и уже поворачивали к выходу, когда Седрик снова остановился. На его лице отразилось недоверчивое изумление. Интересно, что вызвало у него такую реакцию? Надо же! Моя картина с маками.

– Потрясающе! «Маки» Питера Косингфорда! Я видел полотно в

Национальной галерее. Вот только?..

Он оторопело замолчал, увидев рядом с холстом краски.

– Это копия, – пояснила я. – Моя попытка подражать. У меня есть и другие. Я просто так иногда развлекаюсь.

– Вы делаете копии работ великих мастеров ради развлечения? – пробормотал Седрик и с некоторым запозданием добавил: – Ваше сиятельство.

– Нет, мистер Торн. Это делаете вы.

Седрик искренне мне улыбнулся, и я обнаружила, что такая улыбка нравится мне гораздо больше его показной любезности.

– Я уверен, что вас скопировать я не сумел бы.

Мы направились к воротам, но я почему-то задумалась и невольно замедлила шаг. Дело было не столько в смысле сказанного Седриком, сколько в самих интонациях и в сердечной дружелюбной теплоте. Я попыталась придумать остроумный ответ, но моя привычная сообразительность меня покинула.

– И если вы разрешите мне говорить откровенно... – быстро произнес он.

– Я была бы разочарована, если бы вы это не сделали.

– Знаете, я немного огорчен тем, что, наверное, мне никогда не доведется вас увидеть, – произнес Седрик и помялся, видимо, понял, что позволил себе лишнее. А затем вежливо откланялся. – Прощайте, и удачи вам, ваше сиятельство.

Один из привратников отпер ему калитку. Я проводила Седрика взглядом, восхищаясь тем, как прекрасно на нем сидит камзол.

– Но вы меня еще увидите, – прошептала я. – Обещаю.

Глава 3

План начал складываться у меня в подсознании с той самой минуты, как заплаканная Ада подписала контракт. Я получила шанс перехитрить ту беду, которая на меня неминуемо надвигалась. И, как советовал мой отец, мне необходимо было действовать, причем быстро. По мере того как детали становились яснее, во мне нарастало возбуждение, и теперь я с трудом сдерживала торжествующий вопль.

Овладев собой, я решительным, но плавным шагом ушла из сада и вернулась в гостиную, где сидела тоскующая Ада. Я посторонилась, пропуская двух лакеев, тащивших бабушкин шезлонг, и порадовалась, что Седрик этого не увидел. Казалось, мы подвергаемся разграблению.

– Ах, ты, наверное, рада, – жизнерадостно заявила я. – Тебя ждут прекрасные возможности!

Она понуро кивнула и посмотрела на меня исподлобья.

– Как скажете, миледи.

Я села рядом с ней, изображая изумление:

– Но у тебя будет безоблачное будущее!

– Знаю. – Она вздохнула. – Но я... – Попытка взять себя в руки полностью провалилась, и по щекам Ады заструились слезы. Я протянула ей шелковый носовой платочек. – Не хочу уезжать в чужие земли! Не хочу плыть через Закатное море и выходить замуж!

– Тогда оставайся здесь, – предложила я. – Займись чем-то другим, когда мы с бабушкой уедем. Найди другую работу.

Ада замотала головой.

– Я ведь подписала контракт. И, кроме того – что я могу? Я не такая, как вы, моя госпожа. Мне нельзя просто взять и уйти. У меня нет денег, а ни одно благородное семейство сейчас наем не ведет... по крайней мере, на моем уровне. Я уже спрашивала.

Что-что? Она действительно сказала, что я имею право уйти? Ада явно считала мое высокое происхождение козырем, но на самом деле у простолюдинки свободы было гораздо больше, чем у меня. И, наверное, именно поэтому мне и необходимо было разыграть свою собственную партию...

«Вы – графиня Ротфордская, миледи! Обладатель такого славного имени не должен находиться в толпе простолюдинов».

– И что бы ты тогда сделала? Если бы у тебя были деньги?

– Если бы я у вас не работала? – Ада помолчала, вытирая нос. – Я бы уехала к своей родне в Хадаворт. У меня там кузены. У них славная молочная ферма.

– Хадаворт находится на севере, – напомнила я ей. – Туда очень сложно добраться.

– Зато в Хадаворте нет никакого моря или океана! – воскликнула она. – Он все-таки в Осфриде. И дикарей там нет.

– Ты предпочтешь работать на молочной ферме, а не выйти замуж за адорийского богача? – Надо признаться, что подобный расклад неожиданно хорошо согласовывался с моим планом. Тем не менее все прозвучало настолько нелепо, что я уточнила: – А как ты вообще оказалась в поле зрения Седрика?

– Сын леди Брэнсон, Джон, учится в университете с ним... с мастером Седриком. Лорд Джон услышал, как тот говорил, что ему нужны хорошенькие девушки для какого-то поручения его отца. Лорд Джон знал, что вы увольняете прислугу, и спросил у матери, нет ли среди нас красивых девиц, которым требуется место. Когда она со мной заговорила... ну а что мне оставалось делать?

Я взяла ее за руку в нетипично дружеском жесте.

– Ты поедешь в Хадаворт. Обязательно.

Ада недоуменно воззрилась на меня. Я отвела ее к себе в спальню, где остальные горничные разбирали одежду. Я отправила их с поручениями, после чего достала из шкатулки с драгоценностями топазовые серьги.

– Держи, – сказала я, вручая их Аде. – Продашь их, получишь крупную сумму денег и оплатишь проезд до Хадаворта. Только присоединись к надежной компании путешественников, ладно?

Странно, но я ожидала, что у Ады окажется гораздо более внушительная мечта, на которую у меня не хватило бы средств. Видимо, удача мне улыбнулась!

У Ады округлились глаза.

– Миледи, я... нет. Я не могу их взять.

– Можешь, – твердо возразила я. Сердце у меня колотилось. – Мне невыносимо думать, что ты будешь мучиться. Я хочу, чтобы ты вернулась к родным и нашла свое счастье. Ты этого заслуживаешь.

Я, в принципе, не лгала, но мои истинные мотивы были отнюдь не столь бескорыстными.

Она зажала серьги в кулачке – и ее личико просияло.

– Я... нет, нельзя! – внезапно промямлила она. – Я подписала контракт! Он меня связывает. Меня найдут и...

– Я позабочусь о том, чтобы его расторгли, так что, пожалуйста, не волнуйся. Я тебя от него освобожу. Я могу это сделать, ты ведь знаешь. Но чтобы все получилось наверняка, тебе надо уехать немедленно. Прямо сейчас. Полдень только-только миновал. Торговцы как раз заканчивают дела и вскоре отправятся на север. И еще ты должна отрицать свою связь с Блистающим Двором. Никогда и ни в коем случае не говори никому, что тобой интересовались.

Глаза у Ады стали огромными, как блюдца.

– Клянусь, миледи! Я никогда не проболтаюсь! И я уйду очень быстро... когда сложу вещи.

– Нет, не надо. То есть я хотела сказать – не бери слишком много. Отправляйся налегке. Нельзя допустить, чтобы кто-то догадался о твоих намерениях... и поймал тебя с поличным. Притворись, будто отправляешься по какому-то важному поручению.

Мне не хотелось, чтобы домохозяева обратили внимание на ее отъезд. Нельзя было рисковать: вдруг Аду остановят и начнут задавать вопросы?

Она кивнула, признавая мудрость моих слов.

– Вы правы, миледи. Какая вы умная! Кроме того, теперь я смогу купить новую одежду и доехать до Хадаворта.

Следуя моему совету, она собрала минимум вещей: смену одежды, фамильный медальон и колоду динзанских карт. Ада покраснела, подметив мой пристальный взгляд, когда я смотрела на эту часть ее нехитрого скарба.

– Это просто забава, миледи. Мы раскладываем карты для развлечения. Все всегда так делают.

– Делали, пока аланзаны не превратили их в ключевую часть своей религии, – напомнила я ей. – Сейчас священники их сжигают. Постарайся не попасть под арест как еретичка.

Ада выпучила глаза.

– Я не поклоняюсь демонам или деревьям!

К другим своим вещам Ада даже не притронулась. К счастью, наша прислуга настолько погрузилась в приготовления к отъезду, что игнорировала нас с Адой. Я забрала остатки ее имущества (а их оказалось немного, лишь несколько предметов одежды) к себе в комнату и спрятала, после чего попрощалась с Адой. Она ошеломила меня, когда бросилась ко мне и порывисто заключила в свои объятия. На глазах у нее блеснули слезы.

– Спасибо вам, моя госпожа. Вы избавили меня от ужасной судьбы!

«А ты – спасла меня», – подумала я.

Следуя моим инструкциям, Ада спокойно вышла в главные ворота, как

будто отправлялась на рынок за покупками. По-моему, дежурный охранник клевал носом, ну а девушка словно превратилась в невидимку, опять несказанно меня удивив.

Когда Ада ушла, я вернулась к своей картине в саду. При этом я отчаянно старалась казаться рассеянной, как бывало в последнее время, и не привлекать взглядов слуг. Но те трудились не покладая рук и ничего особенного вообще не замечали.

Когда у меня появлялся шанс непринужденно вставить нужную реплику в разговор, я небрежно бросала, что Ада отправилась на новое место – и добавляла, как я рада, что ей наконец его подобрали. Все знали, что совсем недавно кто-то приходил в дом и осведомлялся об Аде, но подробностей беседы никто не слышал. Многие из слуг уже нашли себе другую работу, так что в случае с Адой не было ничего из ряда вон выходящего.

Ближе к вечеру я получила известие о том, что бабушка и леди Брэнсон задержались в пути, заехав в гости к их общей подруге. Подобный поворот событий устраивал меня, хоть я на секунду и испытала сомнения, осознав, что, возможно, больше никогда не увижу бабушку. Еще утром мы обменялись резкими замечаниями, однако ссора не уменьшила моей любви к ней... или ее ко мне. Все, что она делала в этой злополучной истории с Лионелем, делалось во благо мне.

Правда, я знала, что вскоре разразится грандиозный скандал... Бедная бабушка!

«Не раздумывай, – сказала я себе и несколько раз глубоко вздохнула, заставляя себя успокоиться. – Бабушка справится. А когда скандал утихнет, она договорится с леди Брэнсон и сможет жить в особняке ее дочери. Ей будет там гораздо лучше, чем под пристальным наблюдением леди Доротеи».

Даже если мы и разлучимся, остается возможность, что когда-нибудь в будущем бабушка меня навестит. Но – ох, как же она будет обо мне тревожиться! Я надеялась, что, если... нет, когда!.. мы снова встретимся, она поймет, почему я была вынуждена так поступить. Я не способна выйти замуж ради жизни в роскоши, если для этого мне придется продать собственную душу.

После ужина я пожаловалась на головную боль и удалилась в спальню. Увы, физическое недомогание являлось практически единственной причиной, по которой мне можно было остаться в одиночестве! С трудом прогнав переполошившихся горничных, я стянула с себя дорогой шелковый наряд и надела скромное полотняное темно-синее платье Ады – не без

проблем. Обычно мне помогали камеристки: я не привыкла справляться с крохотными пуговицами самостоятельно. На юбке я не обнаружила какой-либо отделки или вышивки, а белая сорочка, которую я надела перед тем, как облачиться в платье, тоже оказалась совсем простой. Раньше я никогда не замечала, какие унылые наряды у моих горничных! Тем не менее платьишко Ады должно было отлично меня замаскировать, как и серый плащ с капюшоном, который теперь перешел в мое распоряжение.

Сложив остатки Адиной одежды в сумку, я тихо спустилась по узкой лестнице для прислуги, которой в это время суток почти не пользовались. Убедившись, что вокруг никого нет, я бесшумно выскользнула из дома.

Черный ход вывел меня на задний двор, где было очень сумрачно: солнце только что село, и по земле стелились длинные вечерние тени. Здесь сустились слуги, заканчивая последние дела – и все проигнорировали фигурку, жмущуюся в темноте. Однако это был самый опасный этап моего предприятия: все могло рассыпаться, если бы хоть кто-то ко мне присмотрелся. Мне следовало пересечь двор и добежать до ворот, расположенных рядом с конюшней. Весенний воздух значительно охладился, так что капюшон надвинула не я одна. Я мысленно молилась, чтобы никто не успел заглянуть мне в лицо, пока я буду красться по двору.

Конюх, дежуривший на воротах, строгал деревяшку и следил за тем, чтобы никто из чужаков не появился в наших владениях. Конечно же, до выходящих ему дела не было. Если он меня и заметил, то увидел бы лишь спину служанки, закутанной в серый плащ.

Выскочив с территории особняка, я кинулась за угол и попала на оживленную улицу, на которую выходил фасад нашего дома. Я огляделась по сторонам: движение сильно уменьшилось, хотя мне на глаза попадались и всадники, и припозднившиеся пешеходы. Их ноги так и стучали по булыжникам. На меня никто не смотрел.

Что ж, пока мне везло. Я была камеристкой при даме, а не благородной дамой.

Странствующий священник Уроса проповедовал на углу, изобличая аланзанскую ересь. Он обвиняюще ткнул в меня пальцем, чуть не задев лицо.

– Ты ведь не станешь поклоняться солнцу и луне, а, девица?

В его глазах горел лихорадочный фанатизм. Я была настолько ошеломлена, что застыла перед ним как вкопанная.

– Эй, ты! Стой!

Я охнула: ко мне подбежали два городских стражника. А я ведь отошла от дома всего-то на несколько шагов! Как они могли догадаться, что за

мной надо посылать погоню?

Однако им нужна была не я. Стражники схватили священника: один сгрёб отбивающегося мужчину в охапку, а второй ловко связывал ему руки.

– Как вы смеет трогать избранника Уроса! – заорал священник.

Какой-то из стражников фыркнул.

– Ты – не истинный последователь Уроса. Проверим, выдержит ли твоя вера несколько ночей в камере.

Он поволок вопящего священника прочь, а второй стражник обратился ко мне:

– Вы в порядке, мисс? Он вам ничего плохого не сделал?

– Все хорошо. Спасибо вам, сударь.

Мужчина с отвращением покачал головой.

– Не знаю, куда катится мир, когда по улицам шастают еретики. Вам надо вернуться в хозяйский дом, пока не наступила ночь.

Я кивнула и быстро пошла прочь. В последнее время религиозная атмосфера в Осфриде накалилась. Радикально настроенные странствующие священники утверждали, что почитают единого бога Уроса, но их практика шла вразрез с официальной церковью, так же как и аланзанская вера в ангелов-отступников.

Теперь священники и власти стали гораздо менее терпимыми, и любой мог запросто попасть в число подозреваемых в ереси.

Как же я обрадовалась, когда добралась до кареты Блистательного Двора! Она стояла в двух кварталах от нашего особняка, именно там, как Седрик и обещал Аде.

Экипаж был черным, гладким и глянцевым, с гербом Блистательного Двора на дверце. Я присмотрелась к изображению и разглядела кольцо из золотой цепочки, звенья которой чередовались с жемчужинами. Карета оказалась не слишком большой и не столь великолепной, как та, в которой ездили мы с бабушкой. Тем не менее я подумала, что экипаж Седрика, конечно, может поразить местную простушку, которая в таких вещах не разбирается. Я приблизилась к козлам, на которых сидел кучер, правящий четверкой белых лошадей. Я поздоровалась с ним – достаточно громко, чтобы меня услышали на фоне уличного шума, надеясь, что за мной ненароком не наблюдают обитатели соседнего особняка.

– Эй! – сказала я. – Вы здесь, чтобы забрать меня. Меня зовут Аделаида.

Это была ключевая фраза, при помощи которой я хотела сбежать. Я заставила Аду исчезнуть и взяла с нее обещание, что она не будет рассказывать ни про контракт, ни про Седрика, но для представителей

Блистательного Двора я являлась именно той простолюдинкой, которая и была им нужна. Идея назваться Адой казалась мне неправильной. Когда я думала об этом, у меня даже появлялось ощущение, что я совершаю кражу. Так или иначе, но пользоваться своим собственным именем я уже не могла. В итоге я решила называть себя тем прекрасным именем, которое Аде дали при рождении – и которое ей было слишком сложно писать. Я подумала, что достойна его, как и самого шанса, который так страшил Аду.

Кучер отрывисто кивнул.

– Ага. Залезай, Аделаида. Мастера Джаспера и мастера Седрика заберем по дороге.

Мастера Седрика!

Как бы я им ни любовалась, наша встреча сейчас совершенно определенно представит опасность для моего блестящего плана. Однако с Седриком мне предстоит разбираться позже. Сейчас у меня возникли другие вопросы.

– Залезай? – перепросила я, упирая руки в бока. – А вы не собираетесь спуститься вниз и открыть мне дверцу?

Мужчина насмешливо фыркнул.

– Надо же, ты и впрямь ведешь себя, как знатная дама! Ты пока не «жемчужина», мисси! А сейчас забирайся в карету: у нас еще пара остановок, причем одна – в сирминиканском районе. Там мне совсем не хочется оказаться позже, чем надо. Сирминиканцы ограбят кого угодно в два счета.

Я повозилась с ручкой и в конце концов догадалась, как открыть дверцу экипажа. Я неловко не столько поднялась, сколько завалилась в карету: обычно лакей подставлял мне скамеечку или пуфик. Внутри оказалось сумрачно: единственным источником света были полупрозрачные стекла. Когда глаза у меня немного привыкли, я заметила, что устроилась на мягком сиденье, обитом дешевым плюшем винного оттенка.

Даже не удостоверившись, что я нормально устроилась, кучер тронулся с места, заставив меня вздрогнуть. Я едва не упала, уперлась рукой в стену кареты и сквозь затемненное стекло посмотрела на удаляющиеся огни моего дома. Затаив дыхание, я глядела на свой родной особняк: я боялась, что из ворот вот-вот выбежит толпа слуг. Они наверняка окружают экипаж и потребуют, чтобы меня выпустили.

Однако никто так и не появился...

Конечно же, они занимались своими вечерними делами, и дом быстро исчез в ночи. А может, наоборот: это как раз я исчезла. Не исключено, что

меня скоро забудут и мое лицо и голос сотрутся из памяти всех, кого я знала. От этой мысли мне стало неожиданно грустно, но я заставила себя сосредоточиться на реальности.

Если горничным не придет в голову заглянуть в мою спальню и справиться о моем недомогании, то мое отсутствие обнаружится только утром – когда я, надо надеяться, буду далеко отсюда. Но, разумеется, надо иметь в виду и Аду. Вдруг она испугается и вернется назад... А может, она вообще не уехала из столицы?

Однако если все идет так, как надо, то Ада уже оплатила свою поездку и отправилась на север с какой-то группой путников.

Что ни говори, а в моем плане имелось очень много всяких «если», и поэтому я продолжала нервничать.

Наконец подпрыгивающая карета въехала в ту часть города, которую я никогда раньше не видела. Мне стало очень любопытно, но по мере наступления темноты я заметила, что количество газовых фонарей на улицах явно уменьшилось.

Когда лошади встали смирно, я услышала приглушенный разговор. Спустя несколько секунд дверь открылась, и в ее проеме появилась девушка моего возраста. Ее огненно-рыжие волосы сияли даже в полумраке. Она бросила на меня оценивающий взгляд, а потом, как и я, забралась в карету без помощи скамеечки. Вот только получилось это у нее гораздо лучше. Она закрыла дверь, и карета продолжила свое дерганое движение.

Мы сидели и молча таращились друг на друга, а экипаж тем временем катил по булыжной мостовой. Свет от уличных фонарей то появлялся, то исчезал, создавая в карете подобие театра теней. В проблесках света я разглядела, что платье на незнакомке еще беднее, чем мое, местами совсем выношенное.

Внезапно она заговорила: в ее голосе был замечен отзвук простонародного говора:

– Как это ты вот так смогла причесаться? Чтобы все локоны лежали правильно?

Такого вопроса я не ожидала. А еще он показался мне чересчур прямым – пока я не поняла, что, по ее мнению, мы находимся на одной социальной ступени.

– Они у меня от природы вьются, – ответила я.

Она раздосадованно кивнула.

– Да-да, вижу. Но локоны уложены ужасно ровно... Я сама пыталась причесаться, как делают высокородные дамочки... Кажется, для этого

нужно иметь шесть рук.

Я едва не сказала, что мне и правда их укладывали полдюжины рук, но успела прикусить язык. Я сочла себя весьма хитрой, когда переоделась в Адино платье, отправилась искать приключений с той самой сложной прической, какая была у меня с утра – и почти выдала себя с головой! Мои камеристки уложили мне локоны по последней моде, и теперь они изящно ниспадали мне на плечи. Я напряженно улыбнулась своей спутнице.

– А мне помогали, – призналась я. Вспомнив историю жизни Ады, я постаралась превратить ее биографию в свою собственную. – Ведь сегодня у меня... особый случай. Я служила горничной у одной леди, а мои подруги делают такие прически очень хорошо.

– Горничной у леди? Чертовски повезло тебе! Я бы с такого места уходить не захотела. Теперь ясно, почему ты хорошо говоришь! У тебя по сравнению с остальными будет фора.

Похоже, я впечатлила свою соседку. И немного зависти в ее голосе тоже присутствовало.

– Но мы же не соревнуемся! – возразила я.

Карету вновь озарил свет фонаря, и я успела увидеть, что моя спутница поморщилась.

– Ха! От того, как мы будем справляться и насколько хорошо выучимся, будет зависеть, кому нас будут предлагать в жены. Я собираюсь стать женой банкира. Или политика, а не какого-нибудь фермера. – Она помолчала, раздумывая. – Если только это не будет неприлично богатый плантатор, чтобы я могла распоряжаться домом, полным прислуги. Но обычная фермерша, которая должна подметать полы и делать сыр? Нет, спасибо! Хотя, конечно, простому фермеру мы будем не по карману. Моя мать слышала от своей подруги, что за одну девушку из Блистательного Двора предложили выкуп в четыре сотни золотых. Можешь себе представить такие деньжищи?

Я смутно припомнила, что Седрик говорил про женихов Адории, которые делают предложение «выпускницам» Блистательного Двора. Кстати, в контракте отдельно оговаривалось, что агенты Двора получают комиссионные с выкупа за каждую барышню. Пусть Седрик и разливался соловьем о том, что новая аристократия Адории предоставляет некую услугу Новому Свету, но было очевидно, что эта организация является источником весомого дохода для семейства Торн.

Моя спутница покосилась на меня, явно ожидая ответной реплики.

– Ой, извини! – выпалила я. – Не обижайся, если я кажусь невнимательной. Все получилось вроде как в последнюю минуту, –

объяснила я. – Семья, где я работала, увольняет прислугу, и когда Сед... мастер Седрик начал искать девушек, кто-то рекомендовал ему меня.

– Значит, ты из его набора, да? Про это я тоже слышала, – отозвалась моя соседка. – Он еще никогда не проводил набора, сечешь? Его отец – один из лучших агентов! Мастер Седрик тоже поднабрался от него ума и говорит как по писаному, вот отец и разрешил ему выбрать пару девушек. Но сперва в его семье был жуткий скандал!

– А тебе многое известно! – воскликнула я.

Похоже, ей и впрямь сообщили гораздо больше подробностей, чем нам с Адой.

– Я доставляла стирку в их дом, – заявила она. – Моя мать – прачка, а я ей помогала. Теперь – все! – Она подняла руки и принялась их рассматривать, но я в полутьме их толком не разглядела. – Я не собираюсь быть прачкой. Я господское грязное белье стирать больше не буду!

Она буквально излучала решимость. Я не была уверена в том, что подобная инициативность будет мне полезна, но опыт научил меня, что в сомнительных случаях лучше выбрать дружелюбный тон.

– Я – Аделаида, – приветливо проговорила я. – Очень приятно познакомиться, мисс...?

Девушка помедлила, словно решая, достойна ли я таких сведений.

– Райт. Тэмсин Райт.

Карета поехала медленнее и вскоре остановилась. Мы прервали наш разговор и начали ждать очередную «благородную даму». Когда дверца распахнулась, я различила в темноте девичий силуэт, а Тэмсин с шумом втянула в себя воздух.

Я изумленно смотрела на незнакомку. Сперва я предположила, что ее внешность кажется мне странной из-за плохого освещения, но потом поняла, что она действительно темнокожа: ее лицо и руки были почти карамельного оттенка. Я вспомнила, как кучер сетовал о том, что мы заедем в сирминиканский квартал. Это был один из самых жалких городских районов: в дверном проеме кареты я разглядела грязные ветхие строения, где жила беднота. Поговаривали, что здесь обитали беженцы из Сирминики, где в последние годы не утихала гражданская война. Когда-то Сирминика являлась мощным государством, и королевская семья, правящая там, даже была связана родственными узами с моим родом. Но мятежники свергли монарха, и теперь Сирминику избегали как опасную военную зону.

Ну а девушка, застывшая у дверцы кареты, с чудесной кожей и роскошными черными волосами, по всем признакам принадлежала к числу беженцев.

А еще она была потрясающе, ослепительно красива.

Кучер спрыгнул с козел и бросил на девушку настороженный взгляд. Она держалась с достоинством: уверенно влезла в экипаж и, мельком посмотрев на нас с Тэмсин, уселась рядом со мной. Платье у нее напоминало лохмотья, но наброшенная на плечи искусно вышитая шаль была выше всех похвал.

Вспомнив презрительное ворчанье кучера, я решила, что он слез, дабы убедиться в том, что нас не ограбят. Но кучер продолжал ждать кого-то у открытой дверцы, и я догадалась, что он вовсе не собирается защищать своих пассажиров.

Я наострила слух, и спустя несколько секунд до меня донеслись два мужских голоса... один из которых я опознала.

– ...очень смазливая, не спорю, но ты не представляешь себе, насколько трудно будет продать сирминиканку.

– Это не имеет значения... на другом берегу.

– Ты не знаешь про «другой берег» того, что знаю я, – бросил второй мужчина. – Ты сейчас прохлопал свою комиссию.

– Но я...

Спор оборвался: собеседники приблизились к экипажу. Один из них оказался мужчиной сорока с лишним лет с чуть тронутыми сединой каштановыми волосами. Вид у него был щеголеватый: он походил на зрелого Седрика Торна, и я сразу сообразила, что это именно его отец, Джаспер.

Вторым подошедшим к нам мужчиной был, конечно же, сам Седрик Торн.

Когда наши взгляды встретились, у меня пересохло во рту. Несмотря на выговор отца, Седрик подошел к карете с той же самоуверенной непринужденностью, которую я уже наблюдала. Внезапно он сбавил шаг и остановился – да так резко, что даже пошатнулся. Он открыл рот, явно собираясь что-то сказать, но тотчас его захлопнул и сузил глаза.

При виде Тэмсин Джаспер разулыбался, не обратив внимания на немую сцену между мной и Седриком.

– Как приятно снова тебя видеть, милочка. Надеюсь, у тебя не было проблем?

Недавняя расчетливость и недоверчивость Тэмсин испарились: она покраснела и потупилась.

– Ах, все было чудесно, мистер Торн. Карета – просто замечательная, и у меня появилась новая подружка!

Джаспер уставился на меня, и мне пришлось отвести взгляд от

помрачневшего Седрика.

Я отметила, что Джаспер одобрительно на меня посмотрел.

– А ты – вторая наша прелестная спутница. Ада, верно? – Джаспер протянул мне руку, и после секундного замешательства я догадалась, чего он ожидает. Я ответила на его рукопожатие, надеясь, что моя оплошность останется незамеченной. – Ты, несомненно, будешь пользоваться огромным успехом у мужчин в Адории.

Я облизнула губы, с трудом находя нужные слова.

– Спа... спасибо, сударь. Вы можете звать меня Аделаидой.

Почему-то при звуке моего голоса Седрик опомнился.

– А вы, значит, теперь предпочитаете уже свое полное имя?

– Так гораздо лучше, – многозначительно отозвалась я. – Вы согласны? Седрик промолчал, а Джаспер его толкнул в бок.

– Хватит медлить. Нам пора.

Седрик пытливо смотрел на меня, и мне показалось, что мы оба стоим над пропастью. Именно он сейчас решает, что будет дальше.

– Да, – согласился он и кивнул. – Поехали.

Джаспер залез в карету раньше сына и, усевшись возле Тэмсин, занял почти все сиденье напротив меня. Сирминиканка услужливо подвинулась к стенке, освобождая свободное пространство для Седрика. Следуя ее примеру, я тоже переместилась. Чуть поколебавшись, Седрик сел рядом со мной. Нам все равно было тесно: наши плечи и бедра даже соприкоснулись. Да, в такой ситуации моя бабушка точно бы ужаснулась! Седрик почти не шевелился, но я чувствовала, что его тело столь же напряжено, как и мое: мы оба с трудом осваивались в щекотливой ситуации.

Тем временем Джаспер принялся по-свойски общаться с Тэмсин. Я, в свою очередь, выяснила, что сирминиканку зовут Мирой (правда, она в основном помалкивала). Я отметила изящную вышивку ее шали, и она поплотнее в нее закуталась.

– Это мамина, – тихо проговорила девушка с сильным сирминиканским акцентом.

В голосе Миры прозвучала вполне понятная мне печаль, которая до сих пор оставалась со мной, и сейчас она опять болезненно шевельнулась. Хотя я ничего не знала про Миру, я тут же почувствовала, что у нас есть с ней нечто общее, и не стала задавать ей лишних вопросов.

Примерно через двадцать минут лошади замедлили шаг, а Джаспер с довольным видом усмехнулся.

– Ага, вои и ворота! Что ж, когда мы окажемся за городом, можно

будет набрать скорость.

Но лошади не трогались с места, вдобавок снаружи слышались какие-то громкие неразборчивые возгласы. Джаспер нахмурился.

– Почему так долго? – раздраженно спросил он, приоткрыл дверцу кареты и окликнул кучера.

Тот поспешно подбежал к Джасперу в сопровождении двух стражников.

– Извините, мистер Торн. Они проверяют всех выезжающих. Ищут какую-то девушку.

– Не простую девушку, – жестко уточнил один из стражников. – Юную аристократку. Семнадцати лет. Графиню.

Я затаила дыхание.

– Кто эти девицы? – сурово осведомился второй стражник, заглянувший в карету.

Джаспер махнул рукой.

– Конечно, не графини и не баронессы. Мы – из Блистательного Двора. Со мной едут простолюдинки, которые отправятся в Адорию.

Стражник с подозрением осмотрел каждую из нас. Я невольно пожалела, что не додумалась изменить прическу.

– А как выглядит беглянка? – поинтересовался Джаспер.

– Каштановые волосы и синие глаза, – ответил первый стражник, на мгновение задержав взгляд на мне. – Одного возраста с вашими барышнями. Сбежала сегодня вечером. За нее обещана хорошая награда.

Мне захотелось возмутиться вслух. Я предпочитала считать свои волосы темно-золотыми. Однако под столь банальное описание подошла была половина благородных девиц нашей столицы. Чем оно менее точное, тем лучше для меня.

– А с нами сирминиканка, прачка и горничная, – приветливо пояснил Джаспер. – Если вознаграждение действительно большое, а вам хотелось бы выдать одну из них за графиню, я возражать не стану, но уверяю: мы сами лично видели, откуда они к нам попали. Не слишком шикарные условия... хотя, Седрик, ты ведь сегодня посещал особняк неких аристократов? Аделаида ведь оттуда? Ты не в курсе, что у них творилось?

Первый стражник вперился в Седрика:

– Сударь? Где вы были?

Все это время Седрик смотрел прямо перед собой, возможно, надеясь, что если не встречаться со стражниками глазами, то они его не заметят.

– Сударь? – поторопил его мужчина.

Казалось, весь мир замедлил движение. Несколько секунд я слышала

только оглушительное биение собственного сердца. Мне вновь представилась бездонная пропасть, но теперь я уже теряла равновесие. Достаточно случайно брошенного Седриком слова... и меня отволокут назад, к бабушке и Лионелю. Я не сомневалась в том, что у Седрика хватит хитрости вывернуть ситуацию так, чтобы его сочли невиновным. И откуда мне знать – может, Седрик решил, что получить награду сейчас проще, чем ждать эфемерной комиссии после сделки.

Седрик глубоко вздохнул и, как будто надев маску, превратился в прежнего самоуверенного юношу.

– Я встречался с лордом Джоном Брэнсоном, – произнес он и, кивнув в мою сторону, добавил: – Она просто чинила пышные дамские наряды, когда я ее забрал из особняка лорда Брэнсона. Это считается преступлением?

– Здесь не место для шуток! – огрызнулся стражник.

Однако я ясно почувствовала, что он уже начал терять к нам интерес и готов сдаться. Наверняка возле городских ворот образовалась очередь: покинуть столицу спешило немало людей, и страже ни к чему задерживаться из-за одной неподходящей кареты. Сбежавшая аристократка должна где-то прятаться, а не сидеть рядом с уважаемыми бизнесменами.

– Ладно, прощайте, – проворчал второй стражник. – Спасибо, что уделите нам несколько минут.

Седрик, продолжая играть свою роль, лучезарно улыбнулся ему в ответ:

– Нет проблем. Надеюсь, вы ее отыщете.

Дверца закрылась, и экипаж покатиł дальше. Теперь мы ехали довольно плавно по сравнению с вынужденными остановками и постоянными поворотами на узких городских улицах. Немного расслабившись, я протяжно вздохнула и привалилась к спинке сиденья. Я позволила себе бросить быстрый взгляд на Седрика, но не смогла расшифровать его выражение лица и определить намерения. Мне оставалось только надеяться, что я наконец-то обрету свободу.

Глава 4

Поездка заняла целую ночь. Я то засыпала, то опять просыпалась. Мое тело требовало отдыха, но мозг был слишком возбужден, пугая меня тем, что вот-вот я услышу позади нас топот копыт и гневные окрики. Тем не менее ночь прошла без происшествий, и покачивание кареты даже навело на меня оцепенение.

Я окончательно пробудилась, услышав голос Джаспера.

– Мы приехали! – провозгласил он.

Ровное движение экипажа замедлилось, и я подняла голову, с изумлением и стыдом осознав, что пристроила ее у Седрика на плече. Его одеколон пах ветивером.

Мои спутницы реагировали по-разному. Лицо Тэмсин выражало радостное нетерпение, готовность к авантюрам и желание обеспечить себе будущее, которого, по ее мнению, она заслуживала. Мира волновалась гораздо сильнее: похоже, она многое повидала в своей жизни и научилась не доверять первому впечатлению.

Джаспер помог каждой из нас выйти из кареты. Дожидаясь своей очереди, я вдруг ощутила мощный прилив страха перед будущим. Вчера я потратила немало усилий на то, чтобы добиться цели, которая была основана скорее на моих фантазиях, чем на фактах. Седрик очаровал меня своим красноречием, адресованным Аде, однако существовал вполне реальный шанс, что я сейчас окажусь в положении, которое будет во много раз страшнее «ячменной жизни» с Лионелем. Возможно, в данный момент я вступаю в жизнь, полную мерзости и опасностей.

Джаспер подал мне руку – и я впервые разглядела поместье «Голубой ключ». К моему облегчению, оно не внушало опасений и выглядело вполне мирным. «Голубой ключ» являлся сельским имением, расположенным среди вересковых пустошей, вдалеке от деревень и других поселений. Сюда явно не могли забрести люди, которых наверняка уже снарядили на мои поиски. Пусть «Голубой ключ» и не был обширным поместьем, как некоторые из бывших владений моей семьи, однако он казался старинным и внушительным. Утреннее солнце как раз поднялось над крышей дома, осветив потрясенные мордашки Тэмсин и Меры.

Немолодая женщина, одетая в черное, встретила нас у дверей.

– Наконец-то последние приехали! Я-то боялась, что вы будете налегке!

– Мы задержались в пути, – объяснил Джаспер, покосившись на Миру. – И столкнулись с некоторыми неожиданностями.

– Уверена, что новенькие быстро привыкнут к нашему распорядку, – заявила женщина и смерила нас строгим взглядом. – Я – мистрис Мастерсон, домоправительница. Именно я буду заниматься вашими повседневными нуждами. А еще я отвечаю за ваше обучение этикету, который вы должны отлично освоить в этих стенах. У нас свободна только одна комната, но вы вдвоем прекрасно там разместитесь. Можете отнести в дом вещи, а затем присоединиться к остальным девушкам за завтраком. Они только что сели за стол.

Домоправительница спросила у Торнов, не желают ли они перекусить, но я едва вслушивалась в их ответы. Я была слишком занята тем, что переваривала сообщение мистрис Мастерсон насчет того, что мы вдвоем будем жить в одной комнатухе. Я никогда в жизни не делила свои апартаменты с кем-то еще. Такого не могло быть в принципе! Где бы наша семья ни останавливалась, у меня всегда имелось несколько комнат, включая, конечно, и гардеробную, да и за дверью моей спальни ночевала горничная, чтобы моментально явиться на вызов.

Седрик бросил на меня пристальный взгляд, и я испугалась, не отразилось ли на моем лице недовольство. Пospешно натянув маску бесстрастности, я вместе с остальными девушками поплелась за мистрис Мастерсон, которая уже вошла в дом. Она повела нас вверх по винтовой лестнице (надо признать, очень изящной). На стенах висели яркие картины: портреты членов семейства Торн и другие, явно выбранные просто за красоту. Я узнала произведения некоторых художников и едва не замедлила шаг, чтобы внимательнее рассмотреть полотна, но вовремя сообразила, что отставать мне нельзя.

Комната, в которую нас привела мистрис Мастерсон, была недурно обставлена. Большое окно, выходящее в сад, обрамляли кружевные занавески. Еще здесь стояли три кровати с резными ножками и при каждой – лакированный туалетный столик. Увы, комнатка казалась слишком тесной для такого количества мебели, не говоря уже о трех жилищах! Но, судя по широко распахнувшимся глазам Тэмсин и Миры, они думали иначе.

– Чертовски большая! – вырвалось у Тэмсин.

– Извольте следить за языком. – Мистрис Мастерсон обвела нас троих взглядом, и ее лицо смягчилось. – Вы быстро привыкнете, девочки. А если вам повезет и вы будете прилежны, то, выйдя замуж в Новом Свете, вы сможете похвастаться собственной отдельной комнатой. Тогда уж вы

сможете обставить ее по своему вкусу.

Мира провела пальцами по обоям в цветочек.

– Никогда такого не видела!

Мистрис Мастерсон раздулась от гордости.

– Почти все помещения особняка оклеены обоями: мы стараемся поддерживать высокие стандарты, не хуже, чем в столице. А теперь давайте-ка я отведу вас к остальным барышням. Вы сможете познакомиться с ними, пока я буду беседовать с мастером Джаспером и его сыном.

Мы оставили свои скудные пожитки в спальне и гуськом спустились вниз по лестнице; домоправительница возглавляла нашу маленькую процессию.

Очутившись на первом этаже, я осмотрелась по сторонам. Коридор особняка был оформлен в уже знакомом мне стиле: на стенах висели старые портреты предков Торнов, а на полу стояли вазы с цветочными композициями. Мистрис Мастерсон прошествовала в столовую – на мой взгляд, вполне изысканную, с полосатыми обоями и темно-зелеными коврами. Стол был накрыт белой скатертью с зубчатыми краями, на полотняных салфетках поблескивали фарфор и столовое серебро. Когда мы переступили порог, Тэмсин попыталась напустить на себя равнодушный вид, но при виде всего этого великолепия вытаращила глаза и разинула рот.

Я же сосредоточилась на тех, кто сидел за столом: семеро девушек резко умолкли при нашем появлении. Они казались нашими ровесницами и были очень миловидны. Пусть Блистательный Двор и объявлял, будто подбирает девиц, способных научиться вести себя по-аристократически, но мне сразу стало ясно, что немалую роль при отборе играет именно внешность.

– Леди, – произнесла мистрис Мастерсон, – это Тэмсин, Аделаида и Мирабель. Они только что прибыли и присоединяются к нам. – Нам она вполголоса пояснила: – Остальные барышни приехали в течение последней недели. Сейчас, когда все собрались, мы уточним расписание и, разумеется, займемся гардеробом каждой из вас. Вы будете одеваться лучше, чем когда бы то ни было, и научитесь придерживаться стиля, подобающего дамам из высшего общества. – Она замолчала и смерила меня взглядом. – Хотя у тебя прическа очень неплохая, Аделаида.

Она пригласила нас сесть и отправилась поговорить с Джаспером и Седриком, а мы принялись молча и с любопытством рассматривать друг дружку. Я была на удивление голодной и гадала, когда же войдет лакей. Спустя пару минут я сообразила, что нам полагается самостоятельно себя

обслуживать, взялась за ближайший чайник и впервые в жизни сама наполнила свою чашку.

На блюдах и в плетеных корзинах лежали свежие фрукты и рассыпчатая выпечка. Расчетливость Тэмсин и осторожность Миры не выдержали соблазна, и обе потянулись за пустыми тарелками. Я подумала, что они, вероятно, никогда прежде ничего подобного не ели: обе девушки оказались очень худыми. Может, они вообще редко ели досыта.

Я намеренно выбрала тарт с инжиром и миндалем, который требовал особого обращения. Его принято есть, предварительно нарезав на мелкие кусочки одинакового размера – и я воспользовалась паузой для того, чтобы рассмотреть моих сотрапезниц. Сперва я подметила схожесть их нарядов. Конечно, расцветка и материал были разными, но, насколько я могла судить, все девушки прошли через процесс подбора гардероба, о котором упомянула мистрис Мастерсон. Их красивые и кокетливые наряды отличались от практичного одеяния, которое досталось мне от Ады, однако качество ткани моего платья было как минимум не хуже, если не лучше. Одежда Миры и Тэмсин не могла соперничать с платьями девушек, хотя я и предположила, что сначала все новенькие имели жалкий вид.

Кстати, эти семеро девиц, похоже, уже усвоили азы этикета и сейчас пытались применить их на практике, правда, с разной степенью успешности. Пусть они и были прилично одеты и причесаны, но все они родились в семьях рабочих и торговцев... Лишь двум девушкам удалось справиться с набором столовых принадлежностей из десяти предметов. Некоторые не прилагали абсолютно никаких усилий и ели преимущественно руками. Многие заняли среднюю позицию, заметно путаясь в приборах, но явно пытаясь вспомнить то, чему их за столь недолгий срок успела научить мистрис Мастерсон. Я с изумлением заметила, что Тэмсин тоже уплетает инжирно-миндальный тарт. В отличие от некоторых девиц, которые просто брали выпечку с тарелки и запихивали ее себе в рот, Тэмсин нарезала свой тарт безупречно и пользовалась правильными столовыми приборами. Поймав ее цепкий взгляд, я поняла, что Тэмсин просто копирует мои движения.

– Ты кто? – нахально спросила одна из подопечных «Голубого ключа». – Мирикосийка? Винизианка? Но ведь не... сирминиканка?

Не было никаких сомнений в том, к кому именно она обращается: глаза всех присутствующих устремились на Миру. Но она спокойно продолжала есть: девушка уже аккуратно нарезала лимонный рулет, хотя использовала вовсе не десертный нож и вилку. Никто не мог указать Мире на ошибку, а я, естественно, не собиралась об этом объявлять и выдавать

себя с головой.

– Я родилась в городе Святого Света, да, – наконец, подтвердила Мира. Санта-Луз. Величайший, старейший город Сирминики. Я узнала о нем из уроков истории, которые мне давала гувернантка. Санта-Луз много веков тому назад основали руванцы: там жили и правили философы и короли, а его памятники были действительно легендарными. По крайней мере, пока революция не изуродовала страну.

Девушка, сидевшая на дальнем конце стола, уставилась на Миру с нескрываемым презрением.

– Тебе за год от акцента не избавиться! – процедила она и многозначительно посмотрела на своих приятельниц. – Но в Новом Свете нужна прислуга. Тебе не понадобится много болтать: ты ведь будешь мыть полы.

У некоторых ее слова вызвали смешки, но другим стало неловко.

– Клара! – предупреждающе сказала ее соседка.

Я аккуратно положила вилку и нож, чтобы они образовали косой крест, как и положено делать аристократке, делающей перерыв в трапезе. Посмотрев на Клару, я небрежно осведомилась:

– Кто тебе сегодня делал макияж?

Удивленная моим вопросом, она перестала ухмыляться и с интересом уставилась на меня:

– Я сама.

Я удовлетворенно кивнула:

– Очевидно.

Клара нахмурилась:

– Что очевидно?

– Я знала, что это точно не мистрис Мастерсон.

Сидевшая рядом со мной девушка неуверенно произнесла:

– Мы здесь недавно. В косметике мы пока некомпе... компе...

– Компетентны, – помогла я ей и улыбнулась. Бросив еще один взгляд на Клару, я снова занялась тартом. – Что ж, вполне очевидно.

– А почему ты это повторяешь? – агрессивно рявкнула Клара.

Я продлила напряженность, прожевав очередной кусочек, и только потом ответила:

– Мистрис Мастерсон никогда бы не посоветовала вам использовать такую косметику. Красные губы в Осфро давно не в моде. Благородные дамы пользуются коралловой или темно-розовой помадой. И ты нанесла румяна не на то место: их накладывают выше, на скулы. – (По крайней мере, так я слышала. Сама я пока еще макияж себе не делала.) – Ты их

наложила очень грубо, поэтому кажется, что у тебя свинка. Глаза ты, правда, подвела ровно, но любая дама знает, что карандаш надо размазывать: тогда эффект будет нужный. Иначе глаза становятся похожи на пуговицы. Но абсолютно все, что ты выбрала, чересчур темное. Легкое касание дает гораздо лучший результат. То, как ты сейчас выглядишь... как бы выразиться повежливее... напоминает о даме сомнительного поведения.

У Клары на щеках появились пунцовые пятна, сделавшие ее неправильно наложенные румяна еще заметнее.

– Кого?

– Проститутку. Это – еще один термин, означающий «шлюха», – проговорила я суховатым тоном – таким, каким моя бывшая гувернантка объясняла бы правила руванской грамматики. – Однако я могу рассказать тебе более подробно. Дама сомнительного поведения или проститутка продает свое тело ради...

– Знаю! – воскликнула Клара, залившись краской.

– Но, – добавила я, – я попробую тебя утешить: ты выглядишь как высококлассная специалистка. Такие обычно работают в дорогих борделях, где девушки поют и танцуют. Не как те бедняжки, которые стоят возле грузовых судов. Они даже не могут себе позволить настоящую косметику и обходятся самыми дешевыми и примитивными средствами. Радуйся, что не упала настолько низко. – Я сделала паузу. – О! Между прочим, ты выбрала неправильную вилку.

Клара воззрилась на меня с открытым ртом, а я приготовилась к ответному удару. Я его вполне заслуживала – но и Клара определенно получила от меня по заслугам. Я плохо знала Миру, но что-то в ней меня зацепило: примесь печали, спрятанной за гордостью. А Клара была похожа на тех, кто любит помыкать другими. Мне такой тип людей был хорошо известен. Оказывается, они существуют в любых слоях общества.

В общем, я несколько не сожалела, что поставила ее на место.

Я отрезала себе кусочек тарта, но внезапно похолодела: взгляды всех девушек разом устремились мне за спину. Мой желудок свело, и я медленно повернула голову... Странно, но я почему-то вовсе не удивилась, увидев в дверях столовой мистрис Мастерсон и обоих Торнов. Я не знала точно, когда они здесь появились – но, судя по их потрясенным лицам, слышали они достаточно.

Никто из них ничего не сказал. Седрик и Джаспер присоединились к нам, и трапеза продолжилась в абсолютном молчании. Мне безумно хотелось сжаться в комочек, но я помнила, что аристократка всегда должна сидеть прямо. Атмосфера и прежде была напряженной, а теперь она на

меня буквально давила. Я жалела, что быстро доела свой тарт, поскольку теперь мне нечем было заняться, а глазеть по сторонам я не хотела. В итоге я налила себе еще чашку чая и без остановки его помешивала, пока Торны не встали из-за стола и мистрис Мастерсон разрешила нам разойтись по комнатам.

Я поспешила уйти одной из первых: хотелось надеяться, что если я скроюсь с глаз мистрис Мастерсон, то она забудет вызывающую сцену, свидетельницей которой невольно оказалась. У нее ведь наверняка хватает других забот. Девушки тоже направились к винтовой лестнице. Я собиралась подняться по ступеням, но в последнюю секунду заметила красочное пятно на противоположной стене. Все сосредоточенно расходились к себе и не обратили внимания, что я отошла от лестницы. В дальней части просторного холла находилась дверь в гостиную – а рядом с ней висело несравненное полотно!

Подойдя ближе, я узнала художника. Флоренсио. В Осфро, в Национальной галерее имелся его шедевр, который всегда манил меня к себе. Флоренсио был сирминиканским живописцем, который прославился пейзажами своей родины. Меня поразило, что его произведение находилось в загородном особняке Джаспера. Хорошенько изучив картину, я решила, что она относится к раннему периоду творчества Флоренсио. Некоторые приемы мастера были еще не столь отточенными, как на картине из столичной галереи. Однако это полотно было великолепно, хоть мелкие погрешности и могли объяснить, почему оно здесь оказалось.

Я еще немного полюбовалась пейзажем, вновь пытаюсь разгадать манеру Флоренсио. Вдохнув, я решительно направилась к лестнице, но неожиданно замерла: в мою сторону шли Седрик и Джаспер! Они пока меня не замечали: оба были поглощены разговором. Я быстро шагнула за угол и вжалась в нишу у двери в гостиную, которой из вестибюля не было видно.

– ...я знал, что будет подвох, – вещал Джаспер. – У тебя было два шанса, Седрик, и ты оба упустил.

– А ты не преувеличиваешь? – парировал Седрик.

Его тон был спокойным, даже сдержанным, но я ощутила, насколько он взвинчен.

– Ты слышал, как эта девица выражалась? – спросил Джаспер. – Кошмарно!

– О нет! Она все изложила весьма вежливо. Ни единого неприличного слова. – Седрик чуть помолчал. – А грамматика и дикция у нее и впрямь великолепные.

– Дело не столько в языке, сколько в отношении. Она – наглая и нахальная. Мужчинам в Адории не нужны сварливые жены. Они хотят видеть рядом с собой мягкую, послушную молодую женщину.

– Слишком мягким в Адории не выжить, – возразил Седрик. – И она вступилась за Миру. По-моему, это благородно.

«Теперь понятно, – пронеслось у меня в голове, – значит, все слышали нашу перепалку целиком».

– Конечно, защита сирминиканки все оправдывает, – произнес Джаспер. – А той особе придется привыкнуть к тому, что ее принижают. Клара будет далеко не единственной.

– Мира не из тех, кто когда-то привыкнет к принижению, – заявил Седрик.

Я вспомнила, как сверкнули ее темные глаза, и мысленно с ним согласилась.

– Так или иначе, но ты профукал обе комиссии, Седрик. Почитай за счастье, если за них в Адории хоть сколько-нибудь предложат. И то если ты добьешься, чтобы Аделаида не открывала рта, пока мы ее не пристроим. Она красива и способна зацепить какого-нибудь дурня. Да и сирминиканка тоже, – проворчал Джаспер. – С глазами у тебя все в порядке, отдам тебе должное. Но насчет остального я не уверен. Зря я разрешил тебе вести в этом году вербовку. Лучше бы ты посещал занятия. Может, поумнел бы через несколько лет.

– Что сделано, то сделано, – резюмировал Седрик.

– Наверное. Ладно, мне нужно еще поработать с бумагами. Встретимся у кареты. Нам надо навестить «Лебединый криж».

Я услышала, как шаги Джаспера стихли, и стала ждать, чтобы Седрик тоже убрался восвояси. Но он двинулся вперед – и оказался в поле моего зрения, остановившись перед картиной Флоренцио, которой я недавно восхищалась сама. Я затаила дыхание, надеясь, что Седрик меня все-таки не увидит. Однако спустя пару секунд он крутанулся на месте и заметил меня периферийным зрением! Не успела я и глазом моргнуть, как он влетел в мою тесную нишу и закрыл мне путь к отступлению своим телом.

– Вы! Ради Ожиля, что вы здесь делаете?

– Я... ну... готовлюсь стать частью новой аристократии.

– Я серьезно! Где Ада? – возмутился он.

– Ада давно уехала, – ответила я, пожимая плечами. – Поэтому придется обойтись мной. Кроме того, вы ведь вроде хотели снова меня увидеть?

– Тогда я имел в виду, что мне бы этого очень хотелось... – Он не

закончил мысль и на мгновение смутился. Между нами промелькнуло бесчисленное множество несформулированных возможностей, но Седрик мгновенно овладел собой. – Миледи, это не игра. Вам не место в «Голубом ключе»! Я должен был привезти Аду.

– Говорю вам, Ада уже уехала. Я дала ей денег и отправила в дорогу. Она скоро будет радостно доить коров. – Моя реплика прозвучала нахально – нагло, как несомненно сказал бы Джаспер – но в душе я паниковала. Седрик прикрыл меня в Осфро, но сейчас все могло быть по-другому. – Я помогла вам тем, что приехала сюда. Да и Ада, вероятно, могла просто-напросто сбежать! Разве у вас не было бы неприятностей из-за того, что одной девушки не хватило?

– А вы хоть представляете себе, какие у меня будут проблемы, если выяснится, что я тайком увез графиню? Меня в тюрьму посадят! Если, конечно, ваш будущий супруг первым меня не убьет. – При виде моего изумления Седрик добавил: – Я осведомлен о вашей помолвке, миледи. Я читаю светскую хронику.

– Тогда вам следовало бы знать, что со стороны Лионеля никакой реальной опасности нет. Он не склонен к активным действиям, только постоянно расчесывает себе кожу.

– По-вашему, мое будущее – объект для шуток? Так вы забавляетесь на досуге?

Я встретила с ним взглядом и, не мигая, посмотрела в серо-голубые глаза Седрика.

– Но я настроена крайне серьезно. Сейчас решается мое будущее. Это – мой шанс стать свободной и сделать самостоятельный выбор.

Он покачал головой.

– Вы не понимаете, что вы сделали и чего ваш сумасбродный поступок может мне стоить. У меня на это столько поставлено! Вы не представляете, сколько...

– Пока это ничего вам не стоило. Помогите мне – не предавайте меня – и я буду вашей должницей. – Я вцепилась в его рукав. – Неужели вы никогда не испытывали такого чувства, когда в душе твердо знаешь, что должен что-то сделать или где-то оказаться? Со мной сейчас происходит именно так! Мне необходимо попасть в Адорию! Выручите меня – и клянусь, что я никогда не забуду вашей услуги!

По его губам скользнула мимолетная улыбка.

– Графиня Ротфордская могла бы сделать для меня значительно больше, чем простая девушка, уплывающая в Адорию.

– Не обольщайтесь. Графиня Ротфордская и для себя ничего сделать не

могла, не говоря уже о других. – Я бросила на него взгляд из-под полуопущенных ресниц. – И не надо считать меня простушкой.

Он ничего не стал говорить и внимательно посмотрел на меня. Мы стояли очень близко друг от друга, и его взгляд ощущался как неловко-интимный.

– Могут возникнуть непредвиденные сложности, – тихо произнес Седрик, нарушив паузу.

– Сомневаюсь. – Я уперла руки в боки. – Все то, чему вы учите остальных девушек, мне прекрасно известно. Я могла бы вести занятия по этикету в вашем «Голубом ключе».

– Да. Вот здесь-то и кроется главная проблема. Вы чересчур воспитанны и образованны. Ваши манеры, речь... даже ваша прическа.

– Как мне надоело, что все только и твердят про мою прическу! – пробурчала я.

– Вы выделяетесь, ваше сиятельство. Вы очутились в мире, которого вы пока не понимаете, и не можете пользоваться теми привилегиями, к которым привыкли. Ваш титул не обеспечит вам доступ в высшее общество Адории. К вам станут по-другому относиться. Вас не будут воспринимать всерьез. И есть масса таких вещей, которые знают другие девушки, но о которых не догадываетесь вы. Например, вы сумеете разжечь огонь в камине? Да вы хоть самостоятельно одеться-то сможете?

– Кстати, я сама справилась с этим платьем, – сообщила я ему. – То есть... с пуговицами пришлось немного повозиться, но потом я разобралась.

Седрик на миг закатил глаза.

– Ваше сиятельство, вы не можете и вообразить...

– Аделаида, – поправила я его. – Если мы хотим, чтобы все получилось, вам надо называть меня именно так. Хватит титулов.

– Что ж, Аделаида, позвольте дать вам пару важных советов. Не нужно проявлять свои прекрасные манеры дамы из высшего света: вам незачем привлекать к себе излишнее внимание. Хорошенько думайте, прежде чем кого-то поправлять, даже если вам станет грубить Клара. – Седрик произнес ее имя таким тоном, что у меня создалось впечатление, будто он несколько не возражал против того, что я поставила Клару на место. – И, главное, наблюдайте за новенькими девушками. Изучайте их поведение. Прислушивайтесь к тому, как они общаются между собой. Подмечайте любые мелкие детали. Одна ошибка – и нам обоим придется расплачиваться за нее всю оставшуюся жизнь. Вы способны ненароком выдать себя, совершенно того не замечая.

Я сглотнула. Внезапно мне стало ясно, сколько раз за сутки я уже оступалась. Дверца кареты. Тарт. Лекция о косметике. И да – моя прическа – она просто бросалась в глаза!

«Вы способны ненароком выдать себя, совершенно того не замечая».

– Послушайте! – горячо заявила я. – Я справлюсь! Обязательно! Я все буду делать правильно. Я получу дюжину предложений от адорийцев и принесу вам рекордную комиссию.

– Вам не стоит выделяться. – Седрик помолчал, и на его губах возникла слабая, но донельзя обаятельная улыбка. – Постарайтесь взять себя в руки.

– Вы сказали, что для вас от этого очень многое зависит. А что именно? Не только комиссионные деньги?

Он снова посерьезнел.

– Вас не должны беспокоить мои дела. Если вы попадете в Адорию под видом простолюдинки, тогда мы оба, вероятно, уцелеем. – Он осмотрелся по сторонам. – Нам пора. Вас хватятся.

Я вспомнила о том, как резко с ним говорил Джаспер, как он раскритиковал решения Седрика. Однако я понимала, что данную тему лучше не затрагивать, и спросила:

– Вы больше ничего мне не посоветуете?

Седрик опять повернулся ко мне и обвел взглядом, который показался мне чересчур пристальным, – хотя теперь он смутил меня гораздо меньше, как и то, что мы стояли столь близко друг от друга.

– Посоветую, – медленно произнес Седрик. Подняв руку, он обернул один из моих локонов вокруг пальца, случайно дотронувшись до моей щеки. – Сделайте что-то со своими волосами. Взлохматьте. Стяните лентой на затылке. Что угодно! Постарайтесь выглядеть немного неопрятной, а не так, словно вас собираются представить ко двору.

Я вскинула подбородок.

– Во-первых, у меня сейчас не придворная прическа – и вы бы это знали, если бы имели контакт со старой аристократией. И во-вторых – я могу специально провалить дюжину заданий по этикету... но быть неопрятной? Вряд ли я способна пойти на такие жертвы.

Его улыбка вернулась, став теплее и шире.

– Почему-то я не удивлен. – Он изобразил поклон, который стал почти пародией на тот, который он адресовал мне при нашем первом знакомстве. – Да встречи, ва... Аделаида.

Седрик осторожно заглянул за угол – и направился в вестибюль. Я немного выждала и последовала его примеру. Я надеялась, что успею его

увидеть, но Седрик уже скрылся из виду. Ладно, может, оно и к лучшему. Выбросив Седрика из головы, я поднялась по винтовой лестнице, готовясь к моей новой жизни в Блистательном Дворе.

Глава 5

Я вернулась в спальню, плохо представляя, чего мне ожидать. Меня до сих пор трясло после встречи с Седриком: я была невероятно близка к полному провалу! Глубоко вздохнув, я расправила плечи и открыла дверь.

Меня встретила гробовая тишина. Две мои соседки сидели каждая на своей кровати. Мира подтянула колени к груди, устроив нечто вроде пюпитра, на который водрузила потрепанную книгу. Тэмсин сидела, поджав под себя ноги, и лихорадочно писала... похоже, письмо. При виде меня она поспешно сложила листок. Не знаю, было ли это простым совпадением, но обе девушки выбрали кровати, стоявшие у противоположных стен комнаты.

– Надеюсь, ты не возражаешь против места у окна, – вымолвила Мира. – Тэмсин боится, что там у нее цвет лица испортится.

Тэмсин дотронулась до своей щеки кончиками пальцев.

– А ты в курсе, что солнечный свет творит с веснушками? Хотя сейчас это не важно. Что стряслось внизу? Тебя ведь не выставили?

Я присела на край кровати, стоявшей как раз возле окна, – той самой, которая приводила к появлению веснушек.

– Не выставили. – Я едва не сказала, что мистрис Мастерсон вообще меня не ругала, но вовремя опомнилась, что тогда мне придется объяснять, чем я была в действительности занята. – Мне... э... сделали выговор.

– Тебе еще повезло! – заявила Тэмсин. – Но это вроде как все меняет. Что же мне теперь с тобой делать?

Я недоуменно заморгала.

– Ты тоже мне выговариваешь?

– Нет. То есть да. Не знаю. Не уверена, что связь с двумя нарушительницами спокойствия пойдет мне на пользу.

Мира явно изумилась:

– А я-то что натворила?

– Пока ничего. – Тэмсин казалась раздосадованной. – Но ты-то сама видела, что началось уже через пять минут после того, как мы принялись завтракать. Такие девицы, как Клара, тебя в покое не оставят!

– Видимо, ты хочешь взять Клару в сообщницы, – сказала я.

– Ха! Конечно, нет. Но мне надо разработать стратегию. Мне нельзя провалиться.

На последних словах голос у нее чуть задрожал. Я поняла, что Тэмсин

просто-напросто боится, а ее заносчивость – явно напускная. Мира тоже кое-что уловила.

– Ты не провалишься, – доброжелательно произнесла она. – Только ничего не запускай. Седрик сказал, что если мы сдадим экзамены, то нас точно отправят в Адорию.

От меня не укрылось то, что Мира назвала его по имени, без всякой выражающей уважение приставки.

– Послушайте, вы обе! – Тэмсин посмотрела на сложенный листок, который держала в руке, и сурово уставилась на нас с Мирой. При этом ее вторая рука сжалась в кулак. – Мне нужно стать лучшей в поместье! Нет! Лучшей во всех поместьях! И мне надо обязательно добиться самого удачного брака в Адории – выйти за самого богатого мужчину, который будет готов для меня на все! А если мне придется перегрызть кому-то горло? Плевать! Ну и пусть!

– А зачем перегрызать горло, когда у тебя есть я? Если хочешь быть лучшей, то тебе следует положиться на меня. Я уже выучила наизусть половину правил хорошего тона, потому что работала в доме у знатной дамы. Держись меня – и тебе гарантирован успех. Держись нас обеих, – добавила я, покосившись на Миру.

Она по-прежнему оставалась для меня загадкой, хотя меня не покидало странное чувство общности. Я и про Тэмсин мало что знала, если не считать ее готовности сражаться до последнего (что не особо меня удивило после нашего недолгого общения). Однако слова Седрика произвели на меня глубокое впечатление: я понимала, насколько мне важно не оплошать и не выдать себя с головой. У меня будут реальные шансы на успех, если я заручусь поддержкой.

Но подходили ли Мира и Тэмсин на роль «группы поддержки»? Не знаю... Правда, в качестве соседок по комнате на ближайший год они, наверное, являлись самыми удачными кандидатурами.

– Думаю, ты не единственная, кто настроился перегрызть сопернице глотку, – продолжила я. С некоторых пор мои способности к убеждению часто давали сбой, но после того, как мне удалось уговорить Седрика встать на мою сторону, я снова обрела уверенность в себе. – Ты должна понимать: другие будут безжалостны, особенно если ты станешь лучшей.

– Сейчас нет никаких «если», – фыркнула Тэмсин.

– Возможно. Но ведь кто-то вроде Клары, конечно же, скоро на тебя нацелится. И ты, надеюсь, сообразила, что Клара способна окружить себя приспешницами. У нее повсюду будут глаза и уши – поэтому тебе тоже следует ими обзавестись. А вдруг Клара унизится до саботажа? Пусть ты

считаешь меня нарушительницей спокойствия, но при этом я такая нарушительница спокойствия, которая отлично разбирается в марочных винах и этикетках бутылок с надписями *sec*, *demi-sec* и *doux*^[1].

– Деми... что? – пролепетала Тэмсин.

Я торжествующе скрестила руки на груди:

– Вот именно.

– А ты и впрямь неплохо осведомлена. Зато я – лидер. – Тэмсин грозно посмотрела на Миру: – А что можешь предложить ты?

Когда Мира молча выдержала ее взгляд, я подсказала:

– Мира, между прочим, имела опыт выживания в зоне военных действий. Почему-то я сомневаюсь, что в «Голубом ключе» будет сложнее.

Судя по лицу Тэмсин, она пыталась взвесить все «за» и «против». Однако прежде чем разговор успел продолжиться, к нам в дверь постучали. Порог спальни переступила мистрис Мастерсон с перекинутой через руку одеждой.

– Девочки, я принесла вам дневные платья, которые вы можете примерить. Мы подгоним их позже. Наденьте их, умойтесь и спускайтесь на первый этаж через пятнадцать минут. – Ее взгляд упал на меня. – Аделаида, я рассчитываю на то, что от тебя никогда не последует высказываний столь... откровенного характера. Торны платят мне жалование за то, что я делаю из вас примерных юных леди. Я не желаю, чтобы моя репутация была подпорчена подобными дикими выходками.

– Да, конечно. – Под ее выжидательным взглядом я добавила: – Сударыня. – Но моих слов оказалось явно недостаточно, чтобы освободить меня от строгого взгляда домоправительницы, так что я неуверенно промямлила: – Извините меня...

В моем положении мне редко приходилось просить прощения, и я плохо представляла, каким образом это делается.

Мастерсон поджала губы и перевесила платья и сорочки на спинку стула.

– Пожалуйста, в следующий раз подумай, прежде чем говорить.

Я кивнула. Такой совет моя бабушка давала мне уже много лет подряд.

Когда мистрис Мастерсон удалилась, Тэмсин бросилась к вороху одежды и начала его перебирать. А Мира пристально посмотрела на меня:

– Кажется, ты говорила, что она тебя уже отругала?

Я криво улыбнулась:

– Наверное, мистрис Мастерсон хотела проверить, что я усвоила урок. А может, решила выставить меня перед вами в неловком виде.

Тэмсин застонала, заставив нас обеих вздрогнуть.

– Нет! Оно чересчур длинное!

Она приложила к себе кремовое платье с зелеными цветочками. Я подошла к стулу.

– Надень это. Оно короче.

Тэмсин презрительно посмотрела на яркий ситец кирпичного оттенка.

– Не мой цвет! Я думала, горничной следует знать, что к рыжим волосам оранжевый не подходит.

– Тэмсин, в плохо сидящем платье ты будешь выглядеть гораздо хуже. Даже неряшливо.

Тэмсин секунду колебалась, а затем выхватила у меня ситцевый наряд и кинула мне платье с зелеными цветочками. Мне оно тоже оказалось длинновато, поэтому я вручила его Мира – самой высокой из нас. В результате мне досталось шерстяное платьишко в серую полоску.

Мира и Тэмсин начали быстро раздеваться, а я попятилась в абсолютном смущении. Полагаю, я выглядела глупо, но ведь меня с детства одевали горничные и камеристки. Это было в порядке вещей: прислуга должна была выполнять свои повседневные обязанности. Нынешняя ситуация стала напоминанием о том, что у меня больше нет возможности уединиться. Комната сразу показалась мне тесной, стены словно надвинулись на меня.

Я повернулась к девушкам спиной и начала сражаться с массой пуговичек, которые уже создали мне столько трудностей. К счастью, расстегивать их оказалось чуть проще, чем застегивать, хотя петли были спрятаны под краем ткани и требовали определенной сноровки. И, боги милосердные, неужели везде требовалось по два ряда пуговиц? Когда я добралась до конца застегки, то оглянулась и увидела, что Тэмсин и Мира изумленно таращатся прямо на меня. Обе девушки уже щеголяли в обновках, принесенных мистрис Мастерсон.

– Ты – наша главная надежда, да? – съязвила Тэмсин.

– Все не так просто, как кажется, – возразила я. – Оно явно сшито по самой свежей выкройке из модного журнала. Мне нужно привыкнуть...

Я вновь от них отвернулась и принялась судорожно, но быстро выпутываться из синего платья Ады. Сорочка Ады была лучшего качества, чем та, которую подобрала домоправительница, но я решила снять и ее и в конце концов облачилась в светло-серый наряд целиком.

– Они что... рваные? – вдруг произнесла Мира, рассматривая свои рукава с прорезями.

Я лишь пожала плечами. Мне стало ясно, что обе девушки привыкли считать сорочку нижним бельем. Более того – я почти не сомневалась, что у

Миры под платьем ее вообще не было. К слову сказать, наши одеяния были того же фасона, какой мне неоднократно случалось носить (однако портнихи шили мой гардероб из исключительно дорогих тканей), – и сорочку следовало демонстрировать как часть наряда. И хотя я, разумеется, знала, как нужно выглядеть даме в обществе, я была не столь уверена в том, каким образом можно добиться нужного эффекта. Я постаралась объяснить все Мире и Тэмсин, и после нескольких отчаянных попыток нам все же удалось придать себе вполне модный вид.

Ну а если говорить обо мне... Что ж, полупрозрачные рукава моей сорочки были вытянуты фонариками из разрезов рукавов, создавая цветовой контраст, а кружево на горловине наполовину выглядывало из-под корсажа.

На все прихорашивания ушло время – и вниз мы спустились последними. Мы не опоздали, но пристальный взгляд мистрис Мастерсон свидетельствовал о том, что оттягивать свой приход не следовало. Однако когда она оценила наш облик, ее лицо просветлело.

– Вы трое прекрасно справились с сорочками, – одобрительно заметила она. – Я пытаюсь научить остальных уже неделю, но они просто комкают ткань.

Я адресовала мистрис Мастерсон самую милую улыбку.

– Спасибо, мадам. Мы будем рады прийти на выручку остальным девушкам, если у них и будут подобные проблемы. Похоже, у Клары на спине сорочка совсем скомкалась. Я могу помочь ей после сегодняшних занятий.

Клара бросила на меня ненавидящий взгляд. Я обратила внимание на то, что она стерла с себя почти всю косметику.

– Очень мило, – произнесла мистрис Мастерсон. – И такое отношение меня несказанно радует. Многие барышни, к сожалению, пытаются вцепиться друг другу в горло. Мира, что-то случилось?

Мира прижала ладонь к губам, чтобы не расхохотаться.

– Нет, мадам. Просто закашлялась.

Мистрис Мастерсон недоверчиво посмотрела на Миру и взмахом руки пригласила нас всех проследовать за ней в музыкальный салон. Мира и Тэмсин пристроились по обе стороны от меня.

– Это было чересчур, – шепнула мне Тэмсин.

Но она тоже улыбалась – на сей раз не наигранно и без расчета.

Я усмехнулась в ответ:

– Наилучший. Шанс.

Так началась моя жизнь в качестве простолюдинки – и дни пролетали неожиданно быстро.

Седрик напрасно опасался, что меня выдаст прическа. Я никогда в жизни не укладывала волосы самостоятельно и после первого мытья уже не смогла повторить то, что красовалось на моей голове в день моего приезда в «Голубой ключ». Однако никто, в принципе, и не требовал от новичков парикмахерских ухищрений: мы должны были лишь аккуратно стягивать волосы в пучок или заплетать косы. И то и другое давалось мне с переменным успехом. Частью моего повседневного облика стала обычная растрепанность.

Зато Седрик оказался прав относительно других вещей. Мистрис Мастерсон сразу же начала усердно готовить нас к тому, чтобы за год мы превратились в великосветских дам. Конечно же, мы оказались избавлены от множества обязанностей, которые были не в новинку подопечным домоправительницы «Голубого ключа», но надо признать – некоторые из их старых привычных навыков мне не давались. Но я следовала совету Седрика: жадно наблюдала за девицами и старательно пыталась им подражать. Иногда я терпела на этом поприще поражение.

– Хватит мешать! – закричала Тэмсин.

Пролетев через кухню, она вырвала у меня из руки ложку.

Мы жили в поместье уже месяц и привыкли к нашему повседневному расписанию. Я указала на раскрытую поваренную книгу, лежащую на столе.

– В рецепте написано «соедините масло и муку».

– Это не значит перемешать. Тесто будет густым, как глина.

Я пожала плечами, не понимая, что Тэмсин имеет в виду. Она оттеснила меня от стола и взялась за дело сама.

Странно, что в «Голубом ключе» мне пришлось осваивать кулинарное искусство! Предполагалось, что в Адории у нас будут свои повара. Тем не менее ожидалось, что хозяйка большого дома должна руководить процессом готовки и будет наставлять слуг относительно самых сложных кушаний. «Шедевры», которые мы создавали на кухне, выходили за рамки незатейливых блюд, с которыми девушки были знакомы с детства, но с основными приемами мои подруги прекрасно справлялись и без указаний преподавательницы. А вот я никогда в жизни не занималась стряпней – равно как и не руководила работой на кухне. У нас дома имелась старшая

прислуга, которая надзирала за своими подчиненными – низшими по знанию.

Я смотрела, как Тэмсин ловко рубит масло и кладет мелкие кусочки на доску, посыпанную мукой.

– Дай я попробую, – попросила я.

– Нет, ты опять все испортишь! Мы еще не забыли, что случилось, когда ты «обварила» спаржу.

– Послушай, «обварить» и «обвалить» – похожие слова, – процедила я сквозь зубы.

Тэмсин насупилась.

– Я не хочу провалить наш первый экзамен по кулинарии. Нет уж! Кроме того, Клара вчера получила самые высокие оценки! Ступай и отмерь изюм. Мира, ты не подогреешь сливки вместо меня?

Мира передвинула ко мне плоску с изюмом, обменявшись со мной смеющимся взглядом. Мы с ней уже привыкли к распределению ролей и успели сблизиться. Несмотря на первые заявления Тэмсин, неформальным лидером нашей компании стала я – хотя мы часто позволяли Тэмсин диктовать общую линию поведения. Так было проще, чем идти ей наперекор. Каждой из нас хотелось добиться успеха, но открытое честолюбие Тэмсин и ее бритвенно-острая сосредоточенность заставляли нас с Мирой следовать такому темпу, который мы без Тэмсин не выдержали бы. Ее поддержка оказалась полезной, но излишняя дотошность Тэмсин порой заставляла меня нервничать. Она редко что-то упускала из виду.

– И как ты выживала в особняке своей госпожи? – спросила она, с удовлетворением глядя на получившееся рассыпчатое тесто.

Этот вопрос мне задавали, наверное, сотню раз. Я подозревала, что являюсь не только непризнанным лидером, но и источником развлечения: благодаря моему остроумию и оплошностям.

Я опять пожала плечами.

– У меня не было таких обязанностей. Готовкой занимались другие.

Я не лгала. Может, Ада и должна была помогать на кухне, пока она росла в доме у матери, но у нас она этого никогда не делала.

– Я шила и штопала. Одевала госпожу. Укладывала ей волосы.

Тэмсин и Мира выразительно выгнули брови. Мои попытки сделать прическу они видели!

Я поспешно перевела разговор с опасной темы, увидев, что Тэмсин собирается выставить для нашей выпечки керамическое блюдо.

– Нет, возьми стекло, – сказала я.

– На кой черт... то есть зачем?

Хотя Тэмсин в выборе слов за этот месяц добилась немалых успехов, иногда она перегибала палку.

– Сейчас выпечку подают в стеклянной посуде, посыпав сахаром и лишним изюмом.

Пусть с повседневными обязанностями у меня и возникали проблемы, зато я была профессионалом по мелким, но важным деталям и знала то, до чего наши учителя пока не добрались. Именно так получилось тогда с сорочками. Тэмсин прищурилась, запоминая услышанное. Вот почему она закрывала глаза на мои недостатки, как реальные, так и напускные. Подобные мелочи давали нам преимущество, что и выяснилось позже, когда преподавательница кулинарного искусства пришла проверить наш результат.

– Как мило! – восхитилась она, любуясь созданными мной изящными завитками сахара на стеклянной тарелке. – Никто из девушек не уделил внимания подаче, а ведь она очень важна – так же, как и качество пищи. Зрительное удовольствие – это часть вкусовых ощущений, барышни.

Мы не видели, что именно она занесла в свой листок, но ее довольное лицо свидетельствовало о многом. Тэмсин с трудом спрятала самодовольную ухмылку.

– Теперь она будет невыносима, – шепнула мне Мира по дороге на урок танцев и кивнула на Тэмсин, которая уже хвасталась какой-то девице нашими оценками. – Она ведь делает это из вредности: знает, что Клара передадут.

– По-твоему, Клара не заслуживает такого отношения с нашей стороны?

Клара продолжала досаждать Мире. Правда, она несколько снизила напор, когда поняла, что ссора с Мирой означает и столкновение со мной и Тэмсин.

– Я только хочу сказать, что не стоит раздувать мелочную вражду, когда в жизни и без того столько зла, с которым мы могли бы бороться.

Пусть Мира и была лишена лихорадочного напора Тэмсин, она быстро стала союзницей и подругой, прямоу которой я уже успела оценить. Мира обладала смелостью и спокойствием, а ее сила духа сдерживала и меня, и даже нервную Тэмсин. В общем, она стала той скалой, на которую мы обе могли опереться. У меня создалось впечатление, что интриги и драмы, разыгрывавшиеся в поместье, мало волновали ее после всех бед войны и последовавших за этим лишений в сирминиканском гетто в Осфриде. Слова Миры относительно зла в нашем мире были одним из редких намеков на ее прошлое.

Я не стала ни о чем ее расспрашивать, когда она замолчала, а просто взяла Миру под руку – и мы вместе вошли в бальный зал.

– С такими дипломатическими позициями тебе следовало стать монашкой. Закрыться в келье и медитировать.

– Медитацией со злом не справиться, – возразила она.

Я бы не удивилась, узнав, что она позаимствовала данную цитату из своего главного сокровища – старинной книги героических легенд, вывезенной из Сирминики.

Учительница танцев проводила по неделе в каждом из поместий, и именно на этих занятиях я была вынуждена сознательно приуменьшать свои способности. В отличие от остальных, меня учили танцам с раннего детства, а большинство девушек в «Голубом ключе» даже спустя месяц не могли научиться вальсировать. Но именно здесь мне и приходилось помнить предостережения Седрика, и я прилагала все усилия к тому, чтобы не привлекать внимания мисс Хэйворт... Честно говоря, я казалась ей безнадежно неумелой.

– Аделаида, – устало осведомилась она, – ты у нас за кавалера, верно?

Мы исполняли цепочку сложных фигур, для которых обычно по очереди играли роль партнеров мужского пола.

– Да, мадам, – подтвердила я. – Ведь нам положено делать это по очереди?

Она всплеснула руками:

– Разумеется, но сейчас твоя очередь танцевать за даму... Не забывай, что ты должна будешь посещать приемы и балы в Адории. Ты бедняжке Сильвии уже все ноги отдавила.

– Ну теперь понятно!

Я тепло ей улыбнулась, и она занялась другими девицами. Может, Седрик и способен продать священнику отпущение грехов, зато я умею добиться того, чтобы преподаватели питали ко мне симпатию вопреки неукладчивости.

Мы протанцевали еще пару туров и сделали перерыв, чтобы мисс Хэйворт провела свой печально знаменитый опрос. Я моментально насторожилась. Показывать плохие результаты уже не стоило: неудачниц ждало наказание в виде уборки или мытья посуды.

– Кэролайн, сколько проходов должно быть в лорандийском круге?

Кэролайн – главная подпевала Клары – неуверенно пробормотала:

– Три?

– Правильно!

И мисс Хэйворт обратилась к соседке Кэролайн, двигаясь вдоль

шеренги. Когда настала моя очередь, я ответила абсолютно правильно, заработав недоуменный взгляд мисс Хэйворт, поскольку вопрос касался именно того танца, который я только что исполняла неверно. Однако, слегка пожав плечами, она последовала дальше.

– Мира, в каком туре на быстром темпе идет кружение?

Мира растерялась. Она от природы обладала талантом изящно двигаться и танцевать, но опросы преподавателей ставили ее в тупик. Мира трудилась гораздо усерднее всех нас: она лихорадочно наверстывала то, что остальные знали как урожденные жительницы Осфрида, в особенности язык. Она столько времени тратила на отработку речи, что технические детали танцев затерялись где-то на втором плане.

Мисс Хэйворт повернулась ко мне спиной. Я поймала взгляд Миры и приподняла руку, выставив вверх четыре пальца.

– В четвертом, мисс Хэйворт.

Хотя акцент у нее до сих пор был заметным, но ее труды по совершенствованию в осфридском уже приносили свои плоды.

– Молодец!

Мисс Хэйворт пошла дальше, а Мира благодарно мне кивнула. Я улыбнулась в ответ, радуясь, что смогла ей помочь. Урок завершала отработка очередных танцевальных па. Естественно, я опять притворилась неуклюжей ученицей.

– Я все видела, – прошипела Клара, скользнув ко мне, пока мисс Хэйворт смотрела в другую сторону. – Ты подсказала ей ответ. Ты вечно так поступаешь! Когда у меня будут доказательства, я выведу на чистую воду и тебя, и сирминиканскую шлюшку!

– Не смей ее так называть! – огрызнулась я.

На лице Клары расцвело торжество. Но я хорошо научилась игнорировать ее выпады, поэтому ей все равно не удалось вывести меня из равновесия. А Клара жила раздорами и склоками.

– Интересно, почему? – осведомилась она. – Я, кстати, не вру! Я ничегошеньки не выдумываю.

– Конечно, выдумываешь, – заявила я. – Мира – одна из самых приличных девушек в «Голубом ключе», что ты и сама бы признала, не будь ты такой узколобой.

Клара покачала головой.

– А как, по-твоему, она сюда попала? Каким образом сирминиканская беженка сумела заполучить место в Блистательном Дворе, главная цель которого – готовить элиту из осфридских девушек?

– Седрик Торн разглядел ее потенциал.

Клара ухмыльнулась:

– Он не только это разглядел!

Внезапно я по-настоящему споткнулась, а не разыграла неловкость.

– Ты – лгунья! Мне следовало бы пожаловаться на твои оговоры!

– Неужели? А ты не заметила, как он вьется вокруг нее во время своих визитов? Он ведь пошел против воли отца, чтобы ее сюда устроить, рискнул своей комиссией! Они заключили сделку. Мира с ним переспала за то, что он устроил ее сюда. Я слышала, как это обсуждали другие люди.

– Кто именно? – взвилась я. – Твои подружки-подхалимки?

– Болтай что хочешь, но от правды не уйдешь! Твоя сирминиканкая приятельница – мерзкая, бесстыдная...

Дальше я действовала не задумываясь. Клара подошла ко мне очень близко, чтобы не повышать голоса, и я воспользовалась ее промашкой, стремительно выбросив ногу и ударив девицу по щиколотке. Результат оказался впечатляющим: мы обе потеряли равновесие. Мелкие неприятности в бальном зале стали для меня делом обычным, а вот Клара была в числе лучших танцовщиц. Моя выходка заставила меня пошатнуться, я упала на спину и сильно ушиблась о столик. Однако меня утешило зрелище того, как Клара растянулась на полу, заставив всю нашу группу застыть на месте.

– Барышни! – воскликнула мисс Хэйворт. – Что случилось?

Я встала, разглаживая платье, которое зацепилось за причудливую ручку на ящике лакированного стола.

– Прошу прощения, мисс Хэйворт. Виновата именно я. Простите, я очень неловкая!

Мисс Хэйворт сердито посмотрела на меня.

– Как можно так хорошо усваивать теорию и не демонстрировать ее на практике? И... ох, смотри: ты порвала платье! Нам обеим попадет от мистрис Мастерсон!

Я опустила глаза и с огорчением убедилась, что она права. Пусть наши платья не были из шелков и бархата, в которых я прежде щеголяла, но они стоили Блистательному Двору немалых денег. Нас приучали их беречь. Похоже, унижение Клары обошлось мне дороже, чем я рассчитывала.

– Ладно, – добавила мисс Хэйворт и вздохнула. – К счастью, все будет легко исправить. Можешь быть свободна, Аделаида. Тебе нужно привести платье в порядок.

Я недоуменно на нее воззрилась:

– Что-что?

– Платье совсем нетрудно заштопать, и ты даже не опоздаешь к

мистеру Брикеру на урок.

Я остолбенела: смысл ее слов медленно до меня доходил.

– Платье совсем нетрудно заштопать, – медленно повторила я.

На лице мисс Хэйворт отразилась досада:

– Да, Аделаида. Ступай!

Повинуясь ее приказу, я удалилась, чуть утешившись негодованием Клары. Когда я оказалась в вестибюле, то уставилась на дыру, которая зияла на юбке, и почувствовала отчаяние. Для любой другой девушки заштопать ее было, наверное, просто... для любой, кроме меня. Я иногда садилась за очень сложную тонкую вышивку, и если бы мисс Хэйворт попросила меня вышить на платье цветы, я бы сразу справилась с заданием. Я и понятия не имела, как заштопать дырку, однако послушно взяла один из наборов для шитья и направилась в спальню.

Там как раз убиралась служанка. Не желая демонстрировать ей свое неумение, я вернулась на первый этаж и решила устроиться в музыкальном салоне. Он пустовал: до урока музыки оставалось еще дня два. Я расшнуровала лиф, выскользнула из своего наряда и уселась на диванчик, положив на колени ткань разорванным местом вверх. Это была тонкая нежно-розовая шерсть, подходящая для прохладной весенней погоды. Материя оказалась грубее нежных шелков, с которыми я раньше имела дело, так что я выбрала иголку потолще и погрузилась в работу.

Когда я занималась вышиванием, то нитки в иголку мне всегда вставляли камеристки, поэтому и на это ушло немало времени. А начав шить, я сразу поняла, что все и впрямь безнадежно. Я не знала, как надо штопать юбку. Стежки у меня получались неодинаковыми и кривыми, а ткань собиралась морщинками. Я замерла, мрачно рассматривая результат. Мои отговорки насчет обязанностей горничной теперь не сработают. Может, сказать, что меня выгнали именно из-за неумения шить?

Мои размышления прервал звук открывающейся двери. Я испугалась, что кто-то решил меня проведать, но, к моему глубокому изумлению, это оказался Седрик. Вспомнив, что я в одной сорочке, я моментально крикнула:

– Убирайтесь!

Вздвигнув, он отскочил назад и едва меня не послушался. Но, похоже, любопытство победило.

– Погодите, Аделаида! Почему вы здесь? Вы же... вы...

– Полуголая? – Я прикрылась платьем. – Да. Вы правы.

Седрик закрыл дверь, посмотрев на меня скорее с любопытством, чем с возмущением.

– Вообще-то, я хотел спросить – вы шьете? Типа, иголкой, да?

Я вздохнула: мое раздражение пересилило смущение. Но он-то что делает в «Голубом ключе»? Как-никак с момента нашего приезда Седрик побывал в поместье лишь пару раз.

– Вы не могли бы уйти, пока ситуация не стала еще хуже?

Однако он подошел ближе и мельком взглянул на платье, которое я прижимала к груди. Порванная юбка висела над моим коленом, и Седрик присел на корточки, чтобы получше ее рассмотреть.

– А вы действительно шили, – протянул он. – Вернее, пытались...

Его суховатых слов оказалось достаточно, чтобы я опомнилась. Я перестала обращать внимание на то, что он оказался так близко от меня, и отдернула порванную юбку.

– Можно подумать, у вас получилось бы лучше.

Седрик выпрямился и сел на диван рядом со мной.

– Вы не ошиблись. Дайте-ка мне посмотреть.

Я колебалась, не желая расставаться с импровизированным покрывалом и демонстрировать свою работу, однако в конце концов отдала Седрику платье. Моя сорочка была темно-синей, но легкая ткань явно не соответствовала правилам приличия. Я скрестила руки на груди, немного отодвинулась и придала лицу невозмутимое выражение.

– Вы взяли иголку для простегивания, – произнес Седрик, распуская мои кривые стежки. – Хорошо хоть, что дырки не прокрутили.

Сменив иголку на более тонкую, Седрик ловко продел в нее нитку, пока я изумленно гладела на него. Затем вывернул юбку наизнанку и начал шить аккуратными мелкими стежками.

– Где вы этому научились? – вырвалось у меня.

– В университете нет заботливых служанок. Мы сами вынуждены штопать свои вещи.

– А почему вы не в университете?

Седрик оторвался от своего занятия и поднял голову, посмотрев на меня в упор.

– Сегодня лекций нет. Отец отправил меня за отчетом в «Голубой ключ» и в «Данфорд».

– Не сомневаюсь, у вас найдется что сказать о моих успехах.

Седрик улыбнулся и опять принялся за штопку. Волосы у него сейчас были распушены и обрамляли лицо мягкими каштановыми волнами.

– Боюсь даже спрашивать, как у вас такое получилось.

– Снова защищала честь Миры. – Я почувствовала легкий укол боли, вспомнив суть обвинения и ту роль, которая при этом отводилась Седрику.

Мне пришлось потупиться. – Клара была в своем обычном злобном репертуаре.

Седрик приостановился и нахмурился.

– Миру продолжают донимать?

– Меньше, чем вначале, но пока еще травят. Правда, она хорошо держится.

– Не сомневаюсь, – отозвался он. – У Миры – сильная воля. Ее трудно сломить.

Он вновь вернулся к шитью, а я ощутила странную сосущую боль в животе. Седрик говорил о Мире уважительно... и даже с теплотой. У меня сильнее сжалось сердце, когда он добавил:

– Надеюсь, что вы и дальше будете ей помогать. У меня поубавится поводов для беспокойства, если я буду знать, что у Миры есть храбрая защитница. Только глупец попытается пойти вам наперекор. Я бы определенно не отважился встать у вас на пути.

Я не могла принять его похвалу. Внезапно я стала мучиться сомнениями и подозрениями.

Неужели Клара права и Мира попала сюда, переспав с Седриком?

Он относится к ней без того безразличия, которое может вызывать удачное приобретение. Он восхищался Мирой и тревожился за нее. Клара права: забрав Миру с собой, он сильно рисковал.

Но мне не хотелось так думать про спокойную и стойкую Миру, в каждом поступке которой ощущаются гордость и сила.

И мне не хотелось так думать про Седрика...

Разглядывая его профиль – изящные скулы и мягкий изгиб губ, – я почувствовала, что к моему горлу прямо из живота поднимается ледяной ком. Мне вдруг представилось, как губы Седрика прижимаются к телу моей подруги, как его длинные пальцы зарываются в ее роскошные волосы. Я судорожно сглотнула, стараясь справиться с непонятным отчаянием, которое захлестнуло меня с головой.

Седрик снова поднял взгляд на меня – и явно смягчился.

– Эй, не переживайте. Никто ничего не узнает.

Вероятно, я не скрыла своих чувств, но он неправильно их истолковал. Я покраснела, пробормотав неискренние слова благодарности, которые резко отличались от нашего обычного обмена колкостями.

– Готово, – заявил он через несколько минут и расправил платье. – Как новое!

Вглядевшись в ткань, я с облегчением вздохнула. Шов оказался практически незаметен – его можно было различить лишь при ближайшем

рассмотрении. Надо надеяться, что этого будет достаточно и мистрис Мастерсон ничего не заметит. Я взяла платье, отвернулась от Седрика и натянула наряд. Удивительно: за столь краткий срок ткань пропиталась легким и теплым ароматом ветивера, который всегда исходил от Седрика.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы привести себя в порядок: застегнуть крохотные перламутровые пуговики на лифе, разгладить юбки... Затем последовала утомительная возня с контрастной сорочкой, чтобы та выглядела отовсюду, как и положено. Когда я, наконец, обернулась, Седрик улыбался.

– Вы подглядывали за мной? – возмутилась я.

– Не нервничайте, я ничего не увидел, – отозвался он. – Не считая того, что я понял, насколько хорошо вы научились одеваться сами. По-моему, наша школа хороших манер себя оправдывает.

– Это вас надо отправить в школу хороших манер! – парировала я, направляясь к двери. – У вас нет ни малейшего понятия о благопристойности.

– И это я слышу от девицы, которая позволила мне войти.

– Я сказала вам убираться восвояси! А вы все проигнорировали и ворвались сюда, несмотря на мое... в общем, на мой облик.

Веселая и самоуверенная ухмылка вновь заиграла на его губах.

– Не волнуйтесь, о вашем промахе легко забыть.

– Конечно! – обиженно фыркнула я. – Но это не должно мгновенно улетучиваться из памяти!

– Вы предпочли бы услышать от меня, что я забуду недавнюю сцену, но только сперва порядком помучаюсь и настрадаюсь?

– Да.

– Ладно. Договорились.

Мы расстались, и я убежала в гостиную, где мистер Брикер давал нам уроки истории и современной политики. Дверь оказалась приоткрыта, но я задержалась в коридоре, не спеша переступить порог. Мне не хотелось получить очередной выговор из-за опоздания, кроме того, я скучала на лекциях мистера Брикера. Он нудно вещал про аланзанскую ересь и про то, как текущее положение вещей тревожит представителей осфридской церкви.

По его словам, добропорядочные урособязненные люди знали, что шесть великолепных ангелов служили Уросу с первого дня творения, а шесть ангелов-отступников пали и превратились в демонов. Аланзане поклонялись всем двенадцати ангелам, и темным, и светлым, вознося их почти до уровня бога Уроса в своих кровавых, страшных ритуалах.

С этим учением я была знакома не понаслышке: данная тема активно обсуждалась в светских салонах. Было принято изумляться такому, а потом отвергать, как нечто дикое, и сетовать на людское невежество. Я приоткрыла дверь, но замерла, когда мой взгляд упал на Миру. Девушка жадно слушала преподавателя, впившись взглядом в мистера Брикера. Аланзане пользовались в Сирминике огромным влиянием.

Но я не стала задумываться о том, сталкивалась ли Мира с ними прежде, и невольно залюбовалась точеными чертами ее лица. Ее красота притягивала взгляды, а сдержанность и бесстрашие делали Миру невероятно таинственной и притягательной. Мне с ней никогда не сравниться. Неужели в этих поразительных темных глазах скрывалась мрачная тайна? Что она действительно была любовницей Седрика?

Недавнее отвратительное чувство снова начало подниматься во мне, но я сумела подавить ревность. Распахнув дверь, я ворвалась в гостиную и села на кушетку, надеясь, что запах ветивера с моего платья уже выветрился.

Глава 6

В последующие месяцы я почти не видела Седрика. Но я была постоянно занята, и поэтому мне оказалось нетрудно оттеснить мысли о Седрике в самый дальний уголок сознания. Туда же я складывала и кое-что другое: воспоминания о родителях и мысли о том, как бабушка должна обо мне тревожиться. Я приказала себе думать о прошлом как можно реже. Только изредка, поздно ночью, когда я ворочалась в кровати без сна, я могла навестить эти темные закуты собственной памяти.

Тем не менее, за исключением таких мрачных моментов, мое пребывание в Блистательном Дворе вскоре стало самым счастливым периодом моей жизни. Несмотря на плотное расписание, бесконечные тренировки и занятия, я наслаждалась дотоле не знакомой мне свободой. Я гуляла по территории поместья с легким сердцем, пьянея от мысли о том, что могу делать все что пожелаю. Каждый день передо мной открывался целый мир!.. Конечно же, за мной следили – но отнюдь не так пристально, как в Осфро.

Однако я часто сталкивалась с различными трудностями.

– Эй, ты готова... Что ты натворила?

Я повернулась к Тэмсин и Мире, которые вбежали на кухню. Хотя нас уже восемь месяцев обучали аристократическим манерам, мистрис Мастерсон хотела, чтобы мы (или некоторые из нас) не забывали о своем скромном происхождении. Это выливалось в поручения по домашней уборке. К примеру, сейчас я мыла посуду.

Девушки бросились ко мне и заглянули в медный котел, который я тщетно пыталась отскрести от накипи.

– Что это? Точно, щелочь! По запаху понятно. – Не дожидаясь моей реакции, Тэмсин подхватила котел и выплеснула его содержимое в бадью с помоями. – О чем ты только думала?

– В нем что-то сгорело, и отмыть его никак не получалось. Я видела, как ты выводила щелочью пятно с платья, и решила...

– Молчи! – приказала Тэмсин. – Больше ни единого слова! Не хочу тебя слышать!

Мира взяла тряпицу и протерла внутреннюю сторону котла.

– Все отошло, а щелочь была там недолго и ничего не успела испортить.

Я торжествующе воскликнула:

– Значит, у меня получилось!

– Можно было налить в него воду и поскрести с лимоном. Результат был бы тот же, а риска – гораздо меньше. – Тэмсин схватила меня за руку и принялась рассматривать кисть. Кожа на запястье покраснела от щелочи. – Адова пропасть! Быстро вымой ее водой. У тебя самые нежные пальцы в «Голубом ключе». Не губи их почем зря!

У самой Тэмсин руки хранили следы работы прачкой, что ее бесконечно раздражало. Она постоянно мазала их увлажняющими кремами, стараясь устранить нанесенный ущерб или хотя бы свести его к минимуму.

Мира забрала у меня фартук и повесила на место, а Тэмсин придирчиво меня осмотрела.

– Вроде бы все остальное в порядке. Платье цело. Да и пучок у тебя получился на редкость удачно. Тебе помогали?

Я пригладила волосы, обидевшись на ее подозрительность.

– Мы живем в одной комнате. Считаешь, в спальню кто-то прокрался, чтобы сделать мне прическу?

– Это не я, – быстро вставила Мира, поймав на себе взгляд Тэмсин. – Аделаида добилась большого успеха. Я видела, как она недавно складывала покрывало – на нем практически не было морщинок.

Я открыла дверь. Подруги ринулись вслед за мной.

– Прекратите, вы обе! У нас выдался свободный день! Даже если бы мои волосы растрепались, это бы не имело никакого значения!

Тэмсин задумчиво прищурилась.

– Нет, что-то сегодня не так, иначе мистрис Мастерсон не приказала бы нам собраться в бальном зале. Обычно в этот день его как раз убирают.

Моя задержка из-за посуды привела к тому, что мы пришли последними, хоть еще и не опоздали. Странно, но мистрис Мастерсон не сделала нам замечания. Она деловито распоряжалась лакеями, которые устанавливали у стены длинные столы. В центре зала мы увидели расстеленные на полу покрывала, на которых сидели подопечные «Голубого ключа».

– Что случилось? – поинтересовалась я у Розамунды.

Она посмотрела на нас со своего лоскутного покрывала с голубыми цветами.

– Понятия не имею. Мистрис Мастерсон велела нам ждать здесь.

Мы с подругами в недоумении прошли к свободному покрывалу – огромному, пушистому, в красную и желтую полоску. Вокруг нас гудели голоса: другие девушки переговаривались и недоуменно переглядывались

между собой.

Тэмсин простонала:

– Проклятье! Знала ведь, что надо надеть платье для посещения церковной службы!

– Думаешь, в зале устроят службу? – удивилась я.

– Нет. Наверное, нам придется сдавать какой-нибудь экзамен! Вот она – неожиданная проверка! Может, насчет того, как принимать гостей и быстро организовать вечеринку. – Тэмсин указала на двери. – Смотрите-ка, еда!

Порог зала переступили трое мужчин в простой одежде. Они тащили тяжелые подносы с блюдами, которые мистрис Мастерсон велела им расставить на столах. Когда домоправительница сняла с блюд крышки, я даже с такого расстояния различила, что на них разложены маленькие сэндвичи и фрукты. Слуги покинули зал, но вскоре вернулись с новым грузом угощения, а также со стопками тарелок и с ворохом льняных салфеток. Сперва я предположила, что Тэмсин дала волю паранойе – но теперь стало очевидно, что еды здесь гораздо больше, чем потребовалось бы для нашей группы. Когда буквально столы ломились от яств, слуги удалились.

Мистрис Мастерсон застыла у дверей с выжидательным выражением лица.

– Проклятье! – прошипела Тэмсин. Она втянула ноздрями воздух, и взгляд у нее стал решительным, как у генерала, который готовится к сражению. – Ладно, девочки. Мы победим. Мы справимся лучше всех, потому что другие вообще ничегошеньки не поняли! Тугодумки! А у нас – фора. Вспоминайте, как нас учили встречать незнакомых гостей на приеме. Прокручивайте в голове допустимые светские темы. Погода. Приближающиеся праздники. Про животных тоже можно болтать. Никакой религии и политики, не считая одобрительных высказываний о короле и его последних решениях. Выглядите величаво: кто знает, каких знатных персон откопала старая перечница? Помните об осанке и...

Но благоразумие Тэмсин исчезло, и она издала в высшей степени не величавый вопль. В следующее мгновение она уже вскочила и понеслась через весь зал. И она оказалась не единственной. Другие тоже не усидели на месте, а гул голосов превратился в настоящую какофонию. Девицы радостно верещали и взвизгивали. Посмотрев на двери, я обнаружила, что в зал входят незнакомые люди, которых нельзя было причислить к благородным и знатым особам.

Мои товарки ныряли в толпу, захваченные водоворотом объятий и

слез.

– Это их родные, – пояснила Мира.

Мы с ней единственные остались сидеть на покрывале. Мира улыбнулась шире, когда на наших глазах Тэмсин повисла на шее у массивного рыжебородого здоровяка. Рядом с ним стояла усталая худая женщина, а к ней жались трое детей с огненно-рыжими шевелюрами. Двоим – девочке и мальчику – было лет по пятнадцать. Третьей оказалась совсем маленькая девчушка. Тэмсин подхватила сестренку на руки как пушинку и попыталась одновременно обнять остальных родных, что вызвало веселую путаницу. На лице Тэмсин не было и тени хитрости. Никакой расчетливой оценки ситуации. Жесткий контроль, который держал ее в напряжении, напрочь улетучился. Сейчас ее эмоции были чистыми и неприкрытыми. В девушке ощущалась легкость, которая показала мне, что до этой минуты я толком не понимала, какой на Тэмсин лежал груз.

– А тебя кто-нибудь навестит? – спросила я у Миры.

Она качнула головой.

– Нет. Никто из родных не приехал со мной из Сирминики в Осфро. Но я пытаюсь вообразить, что бы обо всем подумали мои родители, окажись они в «Голубом ключе». Они были бы шокированы.

Я невесело рассмеялась.

– И мои тоже.

Удивительно, но сердце у меня заболело вовсе не из-за мысли о матери и отце. Дело было в бабушке. Она заботилась обо мне долгие годы и потратила столько сил на то, чтобы поправить наше положение! Я по-прежнему не жалела о своем решении сбежать, но когда первая волна возбуждения схлынула, у меня появилось время на то, чтобы оценить последствия своего поступка... и почувствовать себя виноватой. Седрик тайком подсунил мне газетную вырезку из раздела светской хроники: в заметке упоминалось о женитьбе Лионеля на некоей не особо знатной аристократке. Свадьбу отыграли через несколько недель после моего исчезновения. Седрик нацарапал на полях: «Что за поспешность! Наверное, бедняга только так и мог утешиться! Какая потеря!»

И хотя эта страница книги моей жизни уже была перевернута, масса вопросов до сих пор не нашли ответа.

Я бездумно проговорила:

– Как бы мне хотелось увидеть бабушку!

Невозмутимая Мира вытаращила глаза.

– Ты о ней никогда не упоминала. Ой, не может быть! – Она медленно поднялась на ноги и ошарашенно уставилась на чету морщинистых

сирминиканцев. – Пабло и Фернанда! Они были со мной на пути из дома! Извини!

Мира уверенно направилась к ним, и, хотя я порадовалась, глядя, как она обнимает щуплых стариков, боль в моем сердце только усилилась.

Девушки продолжали ликовать – они безумно обрадовались своим родным и близким и не обращали на других никакого внимания, но потом ситуация переменилась, и кое-кто начал кидать на меня любопытные взгляды. Даже тех, кто давно осиротел, навестили хотя бы друзья. Я осталась одна. Я была единственной, у кого не оказалось близких.

Я стала единственным человеком без прошлого.

А может, и нет.

– Аделаида, конечно же, находится здесь! Она сидит на полосатом покрывале, возле родных Сильвии! – услышала я голос мистрис Мастерсон.

Какая-то женщина обогнула семью Сильвии и расплылась в счастливой улыбке:

– А вот и моя Аделаида!

Я воззрилась на нее. Раньше я ее никогда в жизни не встречала. Женщина была втрое старше меня и обладала пышными формами, которые чрезмерно подчеркивало тусклое красное платье, причем сам наряд был ей явно не по размеру.

Глаза у незнакомки оказались щедро подведены, а на медно-рыжих волосах красовалась соломенная шляпка с целой клумбой искусственных цветов.

– Привет, Ада! – провозгласила она, воздвигаясь надо мной и упирая руки в боки. – Ты не собираешься обнять твою любимую тетю Салли?

У нее за спиной я увидела мистрис Мастерсон, которая пристально за нами наблюдала. Не желая опростоволоситься, я встала и обняла женщину и едва не задохнулась от аромата чайных роз.

– Подыгрывай мне! – шепнула она мне на ухо.

Мы отстранились друг от друга, и я выдавила из себя улыбку, надеясь, что та успешно скроет мое первоначальное изумление. Мистрис Мастерсон одобрительно кивнула и отошла в сторонку.

«Тетя Салли» расслабилась, но постаралась говорить как можно тише.

– Меня зовут Ронда Гейблз – я была звездой самых популярных спектаклей в Осфро. Думаю, ты обо мне слышала.

Я покачала головой.

– Ладно уж... девица с таким статусом, наверное, редко попадает в театр, что вполне объяснимо.

Моей семье принадлежала ложа, и мы посещали практически все значимые представления, которые давались в столице. Я не сомневалась, что если бы Ронда играла на подмостках, я бы ее точно запомнила. Вероятно, она была актрисой театра рангом ниже...

– Что вы тут делаете? – спросила я.

Ронда осмотрелась и заговорщически мне подмигнула:

– Я здесь для того, чтобы с блеском исполнить роль твоей тетки. Меня нанял... короче говоря, имени он не назвал, но заплатил серебром. Симпатичный юноша. Темные волосы. Высокие скулы. Будь я лет на двадцать моложе, я бы...

– Да-да, – оборвала я излишества Ронды. – Вероятно, я знаю этого молодого человека. Значит, именно вы будете моей временной теткой?

– Дорогая, мне положено посетить это захолустье вместе с остальными. Между прочим, в столице за нами прислали шикарные экипажи. Нас обещали накормить до отвала, а кто я такая, чтобы отказываться от бесплатной еды? А вот тот мужчина как раз все и организовал. – Ронда указала на Джаспера, вошедшего в зал. – Кстати, а вино подадут?

Джаспер хлопнул в ладони, требуя внимания. Гвалт моментально стих, и все присутствующие уставились на Торна-старшего. Он, в свою очередь, приготовился лицедействовать.

– Во-первых, позвольте приветствовать вас в поместье «Голубой ключ». Вы – наши гости, и мы целиком к вашим услугам. Во-вторых, я хочу поблагодарить вас за жертву, которую вы принесли, отдав нам на долгие восемь месяцев ваших дочерей. – Он помолчал, обвел взглядом наугад выбранных слушателей и приветливо им улыбнулся. – Однако видеть их в «Голубом ключе» является для нас самих честью и удовольствием! Мы помогаем девушкам раскрывать свои таланты, которыми, как вы, конечно же, знаете, они обладают изначально. А сегодня вы сможете заглянуть в тот мир, частью которого они уже стали! Но он поблекнет по сравнению с тем богатством и роскошью, которые ваши дочери получают, выйдя замуж в Адории.

Последние слова Джаспера произвели неизгладимое впечатление на гостей. И родственники, и друзья девушек были поражены бальным залом с гигантской хрустальной люстрой и позолоченными обоями. Мысль об иной, наверняка невообразимой роскоши, которая ожидала каждую из нас в недалеком будущем, ввергала их в ступор.

– Обычно мы приглашаем родных и близких ближе к концу весны и устраиваем пикник в саду. – Джаспер улыбнулся, кивая на панорамное

окно, запотевшее от изморози. – Но, к сожалению, сегодня подобное невозможно, поэтому мы решили устроить пикник в помещении. Не стесняйтесь! Наполняйте тарелки и чашки, выбирайте себе местечко – и наслаждайтесь! И, пожалуйста, не забывайте о том, сколь блистательное будущее ожидает ваших дочерей!

Я с трудом сдержала желание закатить глаза. Трудно было принимать высокопарные речи Джаспера всерьез: я слишком хорошо помнила, как жестко он разговаривал с Седриком с глазу на глаз. Однако остальные были совершенно очарованы Торном-старшим и неторопливо направились к столам. Ронда увидела ромовый пунш и быстро метнулась к дымящейся чаше. Я бросилась за ней, но застряла в толпе оживленных гостей. Ожидая, пока мимо меня проковыляет бабушка Каролины, я услышала голос Джаспера. Торн-старший разговаривал с мистрис Мастерсон.

– Встречи с родственниками – всегда непростое дело, – негромко произнес он. – Никогда не знаешь, кто из девушек сильно соскучился по близким. Кто-нибудь может сорваться и закатить истерику. А если мы официально объявляем дату отплытия в Адорию, то риск побега увеличивается в разы. Но теперь-то наших кандидаток поддержат их близкие, ослепленные роскошью, – и я надеюсь, что девицам не захочется разочаровать свои семьи. Похоже, у нас все идет как по маслу.

Хмурясь, я наконец добралась до Ронды. Не зная я, что в Адорию корабли ходят только весной и летом, я бы решила, что Джаспер намекает на совсем другие, гораздо более близкие, сроки.

Ронда уже успела залпом осушить стакан пунша и собралась налить себе вторую порцию. Я оттащила ее подальше под неодобрительным взглядом Клариной мамыши.

– Будет, тетя Салли! Тебе надо перекусить. Вспомни, что ты вытворяла на прошлом праздновании Средизимья.

К счастью, Ронду не нужно было уговаривать дважды: в итоге мы положили на тарелки сэндвичи с огурцом, холодную курятину, ломтики свежих фруктов и вернулись к полосатому покрывалу. Мира сидела рядом с Пабло и оживленно разговаривала со стариком по-сирминикански. Ну а сияющая Тэмсин вообще лишилась аппетита. Близкие Тэмсин разделяли ее радость, хотя от вкусной трапезы отказаться не могли. Подростков – (как выяснилось, они были близнецами) – звали Джонатан и Оливия. Они прижимались к Тэмсин с двух сторон, одновременно пытались уплетать свои сэндвичи и без умолку о чем-то трещали. Малышка, которую мне представили как Мэри, сидела у Тэмсин на коленях и с удовольствием жевала грушу. Ее волосы тоже были рыжими.

– Ты только посмотри на свои пальцы! – воскликнула мать Тэмсин. – Тебе уже не перестирать корыто с грязным бельем!

Тэмсин довольно улыбнулась. Ее руки (по мнению самой Тэмсин, они сильно уступали моим) стали гладкими и изящными по сравнению с руками ее матери, огрубевшими и шелушащимися от бесконечной возни в горячей воде.

– А я и не собираюсь! – объявила Тэмсин. – А когда я выйду замуж за самого богатого мужчину в Адории, тебе тоже не придется стирать!

Ее отец громко захохотал, вызвав у окружающих улыбки.

– Мечтательница моя! Сначала вообще туда попади.

– Она права, – проговорил подкравшийся к нам Джаспер.

Я обратила внимание, что он постоянно переходил от одной семьи к другой.

Торн-старший присел на корточки.

– Тэмсин прославилась своей целеустремленностью и решительностью. И она явно хочет добиться еще большего. Я недавно беседовал с учительницей музыки, и она не перестает восторгаться тем, как хорошо Тэмсин научилась играть на фортепьяно.

Мать изумленно воззрилась на нее:

– Правда, дочка?

Более впечатляющего и поразительного факта Джаспер и выбрать не мог. В тех слоях общества, откуда вышла Тэмсин, фортепьяно даже никогда не видели. Игра на музыкальном инструменте приравнивалась к владению чужим языком.

Тэмсин зарделась от удовольствия.

– Я еще учусь, зато отлично знаю основы! Если у моего мужа будет рояль, я смогу практиковаться и дальше.

Джаспер ей подмигнул.

– А если не будет, то, уверен, вы уговорите своего благоверного на эту покупку.

Он повернулся ко мне – и мне стало интересно, каким комплиментом Джаспер собирается меня наградить. Я очень сомневалась в том, что Джаспер действительно общался с нашей преподавательницей музыки. Вероятно, он получил сведения о наших успехах лишь сегодняшним утром – от мистрис Мастерсон. Во время своих прошлых визитов Джаспер просто мельком заглядывал к нам, а затем обсуждал дела с домоправительницей. Самым конкретным замечанием, которое он на моей памяти сделал одной из девушек, был совет, данный Каролине. Джаспер настоятельно рекомендовал ей уменьшить количество съедаемой на завтрак

выпечки.

– Наша Аделаида демонстрирует неслыханную выдержку и изящество! Похоже, это ее прирожденные качества, – произнес Торн-старший. Меня не удивило, что он выбрал нечто, не связанное с учебой: я нарочно не преуспевала на уроках. – И она настолько красива, что можно не сомневаться – у нее отбоя от мужчин не будет!

Ронда кивнула и выпила стакан ромового пунша. И как ей только удалось налить себе еще?

– С нашей красоткой всегда так было – прямо с самого детства. Мальчишки ждали ее на улице и у дверей. Парни влезали к нам в дом. Если где-то появлялась Аделаида, то с ней наверняка был какой-нибудь ухажер.

Наступила неловкая пауза. Я попыталась беззаботно засмеяться, но вместо этого из моего горла вырвался сдавленный хрип. К счастью, Джаспер повернулся к Мире и чете пожилых сирминиканцев.

Тэмсин перегнулась через Мэри и прошептала:

– Теперь-то я понимаю, почему ты никогда не говорила о своей тете.

– А Мира... – Джаспер продолжал улыбаться, но его истинные чувства понять было трудно. – Мира не перестает нас удивлять. Не сомневаюсь, что так будет и в Адории.

– Вы отец мистера Торна? – поинтересовался Пабло. – Мистера Седрика Торна? Я думал, он тоже придет.

– Он сейчас в Осфро – сдает выпускные экзамены. – Джаспер насупился. – А откуда вы знаете моего сына?

Пабло замялся.

– Я встретился с ним, когда он приходил за Мирабель. Мистер Седрик показался нам очень хорошим молодым человеком.

Я ожидала, что Джаспер ответит какой-то резкостью, но он проявил чудеса сдержанности.

– Верно. Конечно, с кем-то иным вы Миру и не отпустили бы. Но прошу меня простить: мне надо пообщаться и с другими гостями.

Джаспер выпрямился и перешел к следующей компании. Я вспомнила, как он говорил с мистрис Мастерсин. По его словам, это был спектакль, направленный на то, чтобы мы отплыли в Адорию с благословения наших близких. Я не могла избавиться от подозрения, что происходит нечто неблагоприятное.

Когда он ушел, Фернанда фыркнула:

– Мы не можем позволять или не позволять Мире что-то делать. Она решает сама.

Посмотрев на стариков, я выбросила тревожные мысли из головы.

– Вы знали Миру еще в Сирминике?

– Пока группировки воевали между собой, простые люди хотели оставаться в стороне. А когда это стало невозможным, началось массовое бегство, – пояснила Мира. Она улыбнулась Пабло и Фернанде. – Мы оказались в одной группе беженцев, пытавшихся пересечь границу. В дороге было очень страшно... думаю, там и теперь ситуация не изменилась. Мы старались держаться вместе. Но даже в группе беженцев одинокой девушке может грозить опасность. Я пыталась оберегать других. Я...

Мира помрачнела, и Фернанда ободряюще сжала ее руку.

– Мира и вправду защищала других. Война пробуждает в людях чудовищ, а силы человека ограничены... – Она заметила рыженьких подростков, ловивших каждое ее слово. – Да. Как я сказала, Мира многих защитила.

Ронда поставила пустой стакан на покрывало.

– Я ничего против сирминиканцев не имею! Ведь наша страна открыта для всех и каждого! У меня среди близких друзей есть сирминиканцы. Я знакома с одним джентльменом, он содержит кафе, где пекут креперы – оно находится у Фонтанной площади. Он мой друг... очень близкий, понимаете? Его блинчики – лучшие в столице. А мне с ним...

– Я знаю о кафе, о котором вы говорите, – вмешалась мать Тэмсин. – Но его владелец – не сирминиканец. Он из Лорандии.

– Нет! Сперва я в его речах вообще не разбиралась! И фамилия у него заканчивается на «о», как у вас у всех!

Последние слова Ронда сопровождала кивком в сторону Миры и ее друзей.

– Его зовут Жан Деверо, – не сдавалась мать Тэмсин. – Я ему белье стирала. Он говорит по-лорандийски.

– И креперы придумали в Лорандии, – добавила я.

Ронда бросила на меня оскорбленный взгляд.

– Теперь и ты мне не веришь? Вот вам и родная кровь! Ладно, какая разница. Сирминиканец, лорандиец... Все разговаривают похоже, и, если честно, мы всегда только и делаем, что болтаем, как сороки, верно?

Когда пару часов спустя пикник завершился, я была этому так рада, что мне стало немного стыдно. А вот остальные девушки заметно приуныли – особенно сильно расстроилась Тэмсин. Все прощались в вестибюле, а кареты уже стояли у крыльца, чтобы увезти гостей обратно в столицу.

Тэмсин вручила матери толстую пачку бумаг, и я догадалась, что

письма, которые Тэмсин постоянно строчила, наконец-то попадут по адресу. Тэмсин писала их каждый день, но конечный результат выглядел весьма впечатляюще.

Однако более всего меня потрясло лицо Тэмсин. Если раньше Тэмсин светилась от счастья, то теперь она казалась совершенно убитой. Я никогда не видела у нее подобного выражения. Такой ранимости. Она яростно обняла обоих родителей, а когда подхватила на руки Мэри, то, похоже, едва не разрыдалась.

Мне пришлось отвести взгляд: было неловко наблюдать за подругой в эту минуту.

Ронда стояла рядом со мной. Я потеряла счет выпитым ею стаканам пунша.

– Аделаида, дорогая, – проворковала она, положив руки мне на плечи. – Надеюсь, ты не согласишься навестить свою старую тетку Салли, когда приедешь в столицу. Понимаю, тогда ты уже будешь знатной дамой и все такое, но не забывай, откуда ты родом, девочка. Слышишь?

Ронду услышали и еще несколько человек, которые находились неподалеку: она была навеселе и почти не контролировала звук своего голоса. Я не могла решить, оказал ли мне Седрик добрую услугу, наняв ее, или наоборот.

Кучер позвал первую группу гостей, в которую, как выяснилось, входила и семья Тэмсин. Она проводила родных тоскливым взглядом, окаменев от горя. Как только они скрылись, она крутанулась на месте и убежала из вестибюля, где царили суматоха и шум: гости толклись у дверей, и ухода Тэмсин никто вообще не заметил. Даже Мира отвлеклась на разговор с каким-то слугой. Проскользнув между девушками и их близкими, я кинулась за Тэмсин, не обращая внимания на крики Ронды – та требовала, чтобы я непременно ее навестила.

* * *

Я обнаружила Тэмсин в нашей комнате: она плакала, сидя на кровати. Когда я вошла, она вскинула голову и вытерла покрасневшие глаза.

– Ты что здесь делаешь? Разве тебе не надо попрощаться с теткой?

Я присела возле Тэмсин.

– Она прекрасно обойдется без меня. А я волнуюсь за тебя.

Она шмыгнула носом и замотала головой.

– Я прекрасно себя чувствую.

– Скучать по дому не стыдно, – мягко произнесла я. – Вовсе не обязательно скрывать, что тебе не хватает родных.

– Мне не стыдно! Но я не могу позволить, чтобы они... остальные... видели меня такой. Мне нельзя демонстрировать слабость.

– Любовь к близким – это не слабость, Тэмсин.

– Да... Но здесь? Мне надо быть сильной! Всегда. Я должна идти вперед. – В ее взгляде вспыхнула привычная решимость. – И я не допущу, чтобы кто-нибудь – даже я сама – помешал мне добиться цели. Получить то, что мне необходимо.

Я промолчала и просто накрыла ее руку ладонью. Спустя мгновение Тэмсин стиснула мои пальцы.

– Я знаю, что меня считают холодной и бесчувственной. Все думают, что я подличаю.

– Со мной ты никогда себя так не вела.

Тэмсин посмотрела на меня в упор.

– Еще бы! А как мне выучить мерзкий бельзианский вальс, если ты не будешь со мной заниматься? Мне надо тебя задабривать! Но если серьезно... – Она отстранилась и скрестила руки на груди. – Пойми: я это делаю не потому, что я просто от природы такая стерва. У меня есть причина, по которой я стремлюсь стать лучшей и заполучить самого богатого мужа в Адории. Если бы ты знала, что здесь решается...

У нее сорвался голос.

– Скажи мне! – взмолилась я. – Наверное, тогда я смогу тебе помочь!

– Нет! – Тэмсин смахнула еще несколько непокорных слезинок. – Если бы ты узнала, то стала бы относиться ко мне по-другому.

– Ты – моя подруга. Ничто не изменит моего отношения к тебе.

Однако, говоря это, я усомнилась в том, что сама бы поверила таким словам, если бы кто-то попытался выведать мои тайны. Я была почти уверена, что Тэмсин и Мира изменили бы свое поведение, узнай они, что живут в одной комнате с потомком могучего Руперта.

– Не могу, – выдавила Тэмсин. – Мне нельзя рисковать.

– Ладно. Тебе не нужно делиться со мной секретами. Но просто знай, что я всегда рядом.

Улыбка у нее получилась усталая, но искренняя.

– Ага.

Дверь распахнулась, и в спальню ворвалась Мира.

– Вот вы где! Все уже... Что случилось?

Тэмсин вскочила с кровати.

– Ничего. А в чем дело?

Мира бросила на меня вопросительный взгляд, и я тотчас кивнула. Она еще секунду озабоченно смотрела на Тэмсин, а потом продолжила:

– Родственники и друзья разъехались. Джаспер попросил нас всех снова собраться в бальном зале.

Последние следы вспышки чувств у Тэмсин исчезли. Она мельком проверила свое отражение в зеркале и поплелась за Мирой.

– Ну конечно. Происходит что-то неладное, – проворчала Тэмсин.

Мы быстро спустились вниз и присоединились к остальным подопечным «Голубого ключа». Тэмсин оказалась отнюдь не единственной девушкой, переживающей отъезд родных, и я усомнилась в том, что план Джаспера приведет именно к тому результату, на который он рассчитывал.

Мистрис Мастерсон призвала нас к вниманию, и Джаспер заговорил:

– Надеюсь, что вы получили истинное удовольствие после встречи со своими семьями! Я тоже был искренне рад увидеться с этими чудесными людьми, которые воспитывали и растили вас, барышни. Однако их визит – не единственный сюрприз! Сейчас вас ожидает кое-что еще...

Джаспер чуть выждал, нагнетая атмосферу напряженного ожидания. Хотя его лицо излучало самоуверенность, настороженный взгляд мистрис Мастерсон свидетельствовал о том, что все идет не очень хорошо. Ко мне вернулось ощущение грядущих неприятностей.

– Надеюсь, вы все с нетерпением ждете переезда в Адорию, – провозгласил он. – Ведь мы отправляемся туда на два месяца раньше, чем планировалось!

Глава 7

Воцарилась тишина. Мы были потрясены. Зато следующее объявление Джаспера вызвало бурную реакцию в наших рядах.

– Таким образом, вы, барышни, будете сдавать экзамены досрочно. Они начнутся через неделю.

Тэмсин ахнула и прижала ладонь к груди. Многие девушки выпучили глаза, испуганно повернулись друг к дружке и начали перешептываться.

– Тише! – одернула их мистрис Мастерсон. – Мистер Торн еще не закончил говорить.

– Я понимаю, что подобное изменение планов застало вас врасплох, – продолжил Джаспер. – Однако наше решение перевезти вас в Адорию досрочно отражает ваши поразительные успехи. Через пару месяцев вы окажетесь в совершенно новом мире, будете окружены обожанием и ухаживаниями, которых достойны именно такие жемчужины, как вы. Я уверен, мой брат придет в восторг, когда увидит выпуск этого года.

Чарльз Торн, главный инвестор Блистательного Двора, чередовался с Джаспером в качестве основного рекрутера. Сейчас он находился в Адории и должен был отплыть в Осфрид весной, дабы произвести очередной набор, предоставив Джасперу полную свободу, чтобы тот мог отвечать за нас в Адории.

– Я не сомневаюсь, что вы отлично проявите себя на экзаменах, – вещал Джаспер. – Я был бы рад присутствовать при ваших испытаниях, но мне надо навестить девушек и в других поместьях. Однако скоро сюда приедет Седрик. Он будет надзирать за экзаменами и обеспечит вам должную моральную поддержку.

Я кашлянула и вышла вперед.

– А разве это не опасно?

Джаспер нахмурился:

– Моральная поддержка Седрика?

– Нет. Путешествие на корабле в зимнее время. А как же сезон штормов?

– Я предпочитаю рассматривать конец зимы как начало весны. И я сам вряд ли бы отправился в путь, если бы считал, что нам угрожает опасность. Дорогая Аделаида, неужели ты уже успела приобрести столь серьезные мореходные сведения, какими не обладаю я? Может, ты знаешь больше, чем тот капитан, который согласился нас взять на борт? – усмехнулся

Джаспер.

Я мудро решила не спорить с Джаспером, поскольку не хотела ставить себя в неловкое положение. Конечно, я не имела никаких познаний в мореплавании, но зато я прочла бессчетное количество книг по истории Адории, которые входили в нашу программу обучения. Я натолкнулась на множество рассказов о первых переселенцах: они на собственном печальном опыте убеждались, что зимой плыть через Закатное море не рекомендуется.

Нам велели разойтись по спальням. У Тэмсин, как я и ожидала, нашлось немало чего сказать. Она плюхнулась на кровать, не боясь измять свое батистовое платье.

– Нет, вы слышали? Экзамены будут через неделю! – негодовала она.

Мира тоже выглядела встревоженной – так что я спохватилась и изобразила уместное для данного момента беспокойство. Но мы могли бы сдавать экзамены хоть сегодня: меня они ничуть не волновали.

– Времени на подготовку у нас мало, – сказала Мира.

– Да-да! – взывала Тэмсин. – Между прочим, я услышала, как мистрис Мастерсон говорит, что мы уже либо усвоили материал, либо благополучно все провалим.

– Она права, – признала я, заработав от обеих девушек удивленные взгляды. – Думаю, многие из девиц получают высокие баллы. Хватит переживать! А никого из нас троих точно не срежут.

Чтобы быть исключенной из Блистательного Двора, требовалось провалиться сразу по нескольким предметам: любую, кто учился бы настолько плохо, давно бы отправили восвояси.

– Меня не устраивает положительная отметка! – возразила Тэмсин. – Я хочу получить лучшие результаты. Я хочу стать бриллиантом.

– Кем? – хором спросили мы с Мирой.

Тэмсин вечно твердила о своем будущем успехе в Адории, но о бриллиантах она никогда не упоминала.

Тэмсин подалась к нам с горящими глазами.

– Это тема нынешнего года! Когда девушек представляют в Адории, то всегда выбирают определенную тему. На ней базируется гардероб выпускниц, и каждая получает свою роль, которая приблизительно соответствует экзаменационным оценкам. В прошлом году это были цветы, и лучшая девчонка стала орхидеей. Следующая была розой. Потом шла лилия. Кажется, в предыдущем году были птицы. Ну а сейчас будут драгоценные камни!

– И лучшую выпускницу назовут бриллиантом, – уточнила я.

– Да. Три лучшие девушки из всех поместий всегда получают максимальное количество приглашений на приемы в Адории, и их представляют самым выгодным женихам. То есть формально мы являемся бесценными жемчужинами, но Джаспер с Чарльзом создают особую атмосферу вокруг трех счастливиц. Это создает спрос... и увеличивает сумму выкупа. А страховая сумма, которая остается нам, тоже возрастает.

Я пожала плечами: мне-то надо постараться попасть лишь в середину списка! Тэмсин, несомненно, являлась лучшей кандидаткой на выданье в «Голубом ключе», и я сомневалась, что в других поместьях найдется девушка, которая бы сравнялась с ней в мотивированности.

С приближением экзаменов суматоха в поместье возросла. Регулярные занятия отменили, чтобы мы смогли посвятить время подготовке к самым трудным разделам и попрактиковаться. Учителя, разъезжающие по поместьям, часто навещали в «Голубой ключ», читая дополнительные лекции для тех, кто об этом просил. В доме кипела работа.

Мне же опять пришлось имитировать бурную деятельность, чтобы не вызывать подозрений. Тэмсин замкнулась, зарывшись в учебники – и я с изумлением поняла, что мне не хватает ее энергичного присутствия. Теперь и Мира не нуждалась в моей помощи с языком. Во время непринужденной болтовни она порой начинала говорить с акцентом, но когда она за собой следила, то ее осфридский становился почти неотличим от речи местного населения. В принципе, он был даже лучше, чем у некоторых девиц, которые до сих пор могли разговаривать на простонародном диалекте. А иногда сама Мира просто ради шутки уморительно подражала акцентам носителей других языков...

Мне же следовало создавать впечатление, будто я чем-то занята, поэтому я не расставалась с книгой, которую мистрис Мастерсон деликатно нарекла «Женской наукой». Помимо подробных сведений о беременности и деторождении, она включала в себя и информацию о том, что к этому приводит. «Хорошая жена хороша и в спальне. Ваши теплота и ласка сделают вашего мужа счастливым», – однажды заявила нам домоправительница ледяным тоном. По сути, это оказалось единственной областью знаний, с которой я не сталкивалась в прежней жизни. Многие девицы на уроках по «Женской науке» явно чувствовали себя оскорбленными, однако я относилась к лекциям со стыдливым интересом.

– Разве ты ее не в третий раз перечитываешь? – поддразнила меня Мира накануне экзаменов.

Она лежала на кровати с учебниками по языкознанию, а Тэмсин, позволив себе редкую передышку, строчила очередное письмо.

Покраснев, я захлопнула книгу.

– Она кажется мне непонятнее других.

Мира оторвалась от своих записей.

– А я думаю, все само прояснится в нужный момент.

– Наверное, – согласилась я, гадая, не познакомилась ли Мира с этой областью на собственном опыте.

Но по хладнокровному выражению ее лица ничего понять не получалось.

– Глупости! – фыркнула Тэмсин, не потрудившись оторвать взгляд от письма. – Мы должны ждать первой брачной ночи и позволить мужу научить нас тому, чему он сам пожелает.

Мира отложила учебник и прислонилась к изголовью кровати.

– А мне совсем не нравится, что все находится в их руках. Почему власть должна быть у мужчин? Разве мы не должны иметь право решить, чего хотим мы сами?

Тэмсин всерьез заинтересовалась нашим разговором.

– Что ты мелешь, Мира? Дома я знала одну девушку, которая отдала свою невинность парню, пообещавшему на ней жениться. И представляешь, он, конечно, на ней не женился. Он был помолвлен с другой, а той сказал, что она все неверно поняла. Девчонка погубила свою репутацию и свою жизнь! В общем, хватит уже безумных идей.

– А разве были еще? – осведомилась я.

– Мира недавно сказала, что сама выплатит выкуп за себя, – наядбедничала Тэмсин.

– Но я не утверждала, что обязательно так и поступлю, – проговорила Мира. – Хотя это действительно возможно. В контракте не указано, что мы обязаны вступить в брак, – только упомянуто, что должны быть уплачены деньги за наше обучение. Если бы ты имела деньги, то смогла бы себя выкупить и стать свободной.

– Ты хочешь попасть в работный дом? – ужаснулась я.

Я прекрасно помнила, как Седрик объяснял нам с Адой, что девушки, нарушающие контракт, идут на другую, менее привлекательную службу.

– Нет-нет. – Мира вздохнула. – Я имела в виду, что если бы удалось найти какой-то другой способ добыть деньги, пока встречаешься с женихами в Адории, то можно было бы расплатиться на своих условиях.

– Значит, ты собираешься найти клад? – ехидно спросила Тэмсин. – Минимальная сумма, которую заплатят за кого-то из нас, сотня золотых. Повторяю, минимальная!

– Но стать свободной возможно, – тихо произнесла Мира.

Я улыбнулась и вернулась к своей возмутительной книге. Мира часто заявляла, что может покинуть Блистательный Двор. Похоже, эти мысли никогда не оставляли ее, хотя Тэмсин была права: осуществить такое очень сложно, если вообще возможно.

Когда наступил день экзаменов, нас собрали в вестибюле рано утром. Наше появление сильно отличалось от неуверенного шарканья первых дней. Мы спускались по парадной лестнице друг за другом, позволяя собравшимся в холле любоваться нашей грацией. Еще на полпути вниз я заметила Седрика, который стоял возле наших преподавателей. Почему-то я почувствовала себя оробевшей и смутилась.

Однако я завершила свой спуск по ступеням безупречно и замерла рядом с другими девушками, ожидавшими своей очереди в изящных позах, к которым нас давно приучили. Мистрис Мастерсон пытливо оглядела кандидаток «Голубого ключа». Когда она миновала меня, я осмелилась взглянуть на Седрика, который с интересом за мной наблюдал. Он ненадолго встретился со мной взглядом и перевел его на Миру.

Мистрис Мастерсон сообщила нам о том, как пройдет сегодняшний день, после чего обратилась к Седрику:

– Скажете нечто вдохновляющее?

Седрик продемонстрировал свою фирменную улыбку:

– Я могу только пожелать вам удачи! Но я не думаю, что она вам понадобится. Каждая из вас добилась огромных успехов всего лишь за восемь месяцев, и я знаю это не понаслышке. Вы все – необыкновенные.

В отличие от отца, Седрик говорил правду насчет того, что он отслеживал наш прогресс. Во время своих визитов он обязательно беседовал с девушками, искренне желая получше с нами познакомиться.

Когда мы стали расходиться по комнатам, Седрик поймал меня за рукав.

– Как вам свидание с тетей Салли?

Я закатила глаза.

– А никого получше отыскать было нельзя? Я бы предпочла показаться одинокой и жалкой.

– Но вы слишком симпатичная: никто бы не поверил, что у вас нет хотя бы подружки в Осфро! – возразил Седрик. – А я располагал лишь парой дней для того, чтобы найти хоть кого-то. Я в последнюю минуту узнал о том, что расписание изменилось!

– А почему оно вообще изменилось?

– Помимо вас, отец перевозит в колонии Адории и массу самых разных товаров. Если ему удастся добраться в Адорию раньше других

грузовых кораблей, он получит максимальную прибыль. Поэтому, когда он договорился с несколькими капитанами, готовыми на столь раннее плавание, то ухватился за предоставленный ему шанс, – объяснил Седрик. – Ну а я в спешке подыскивал вам актрису на роль тетушки.

– И вы обнаружили настоящую звезду театральных подмостков Осфро. По крайней мере, так мне было сказано.

Седрик выгнул бровь.

– Можете не сомневаться: я встретился с Рондой отнюдь не во время популярной театральной постановки. Зато люди обратили внимание на вашу эксцентричную родственницу и не стали удивляться тому, что у вас никого на свете нет.

– Согласна, – кивнула я и неохотно добавила: – Спасибо вам.

– Всегда к вашим услугам. Но вам уже пора идти, а то опоздаете. Надеюсь, вы произведете фурор.

– Нет. У меня будут удовлетворительные оценки.

И я держала свое слово. Вся информация, которую в нас вбивали в течение восьми месяцев, буквально сплюснулась и спрессовалась в тугой ком знаний. У нас было лишь три дня. Частично экзамены были письменными, но кое-какие (например, танцы) проходили на практике. Это было утомительно даже для меня – ведь мне следовало выбирать, в каких областях показывать хорошие результаты, а в каких – средненькие.

В общем, я занималась настоящей эквилибристикой, но верила, что окажусь в золотой середине. Нет, я не нарушу данное Седрику обещание и не привлеку ненужного ажиотажа к своей персоне!

– Аделаида, милочка, – обратилась ко мне мисс Хэйворт во время экзамена по танцам, – что вы делаете?

– Вальсирую, – предположила я.

Она покачала головой, делая пометки в своем блокноте.

– Ничего не понимаю. Вы танцевали на прошлой неделе безупречно, но полностью провалили новый ригодон. А сегодня все наоборот.

Я постаралась оставаться невозмутимой.

– От нервов и не такое бывает, мадам.

– Продолжайте, – потребовала она, взмахнув рукой.

На лице мисс Хэйворт застыло выражение досады, которую я частенько у нее вызывала.

Клара ухмыльнулась, радуясь моему промаху. Она весьма преуспела в танцах, и мисс Хэйворт однажды сказала, что Клара будет блистать на балах в Адории. Сама же Клара была сейчас явно настроена получить самую высокую оценку, чтобы компенсировать крайне низкие баллы по

академическим предметам.

Но меня ее мнение совершенно не интересовало, поскольку меня занимала Тэмсин. Я поймала на себе ее недоуменный взгляд, брошенный из дальней части зала. Тэмсин снова сосредоточилась на танце, а я едва не прокляла себя за оплошность. Хотя на занятиях я с легкостью демонстрировала успехи, сейчас я должна было показать плохие результаты. Порой я от волнения забывала, в каких именно танцевальных па я должна быть слаба. И я уже не в первый раз что-то напутала, что, конечно, не укрылось от Тэмсин.

После танцев начались письменные экзамены, где я чувствовала себя гораздо спокойнее. Я надеялась, что теперь-то не привлеку излишнего внимания и не допущу очередную промашку. Увы, на следующий день я снова допустила ошибку: уже на экзамене по музыке. На занятиях от нас не требовалось мастерски овладеть каким-либо музыкальным инструментом, предполагалось, что мы более-менее освоим каждый. Но вместо того чтобы погонять нас по всему материалу, учительница просто выбрала три инструмента для каждой из нас. Я была озадачена. Два первых, флейта и арфа, относились как раз к тем инструментам, на которых я преднамеренно плохо играла. Я рассчитывала, что третьим будет клавесин или лютня, поскольку с ними я всегда демонстрировала свои исполнительские таланты. Но преподавательница указала мне на скрипку. Женщины в Адории на ней почти никогда не играли, и я решила, что все проблемы позади, но внезапно поняла: приличную оценку по музыке я получу, только если сыграю что-нибудь отлично. И вот, к глубокому изумлению и учительницы, и подруг, я сыграла на скрипке безупречно правильную мелодию.

– Потрясающе! – восхитилась мистрис Босворт, расплываясь в улыбке. – Вы проявили неслыханное усердие!

– Но ты не занималась! – прошептала мне Тэмсин, когда экзамен закончился и нас отпустили на обед. – Где ты этому научилась?

Я пожала плечами.

– Здесь.

– Когда она в прошлый раз доставала скрипку, ты даже смычок неправильно держала!

– Тэмсин, я иногда волнуюсь и нервничаю. Впадаю в панику. А в чем дело? Кстати, ты сдаешь экзамены просто превосходно!

К счастью, моя уловка подействовала, и Тэмсин тотчас отвлеклась.

– Да! – гордо подтвердила подруга. – Я ответила на все религиозные и политические вопросы мистера Брикера безупречно. Да и контрольную по

адорийской культуре и обществу я написала очень хорошо. А она – одна из самых важных выпускных работ!

Я улыбнулась, искренне радуясь за нее.

– Ты у нас получишь бриллиантовый ранг, Тэмсин.

– Если смогу опередить девчонок из других поместий. В «Голубом ключе» я точно лучшая. – Тэмсин сказала это просто как факт, без всякого хвастовства. – Но что творится в остальных трех поместьях? – задумчиво добавила она.

Я за нее не тревожилась, особенно после следующих экзаменационных дней. Рвение и глубокая решимость, которые я наблюдала в Тэмсин, заработали на полную мощность, и она отдавала каждому испытанию все силы. А вечером, возвращаясь в нашу спальню, она отчаянно боролась с усталостью, но продолжала сидеть за учебниками.

На третий день, после того, как все проверки закончились, мы чувствовали себя донельзя измотанными. Даже те, кто не занимались столько, сколько Тэмсин, едва не падали от усталости. Мы похудели и осунулись, и я была рада рухнуть на кровать сразу же после ужина. Ни мои соседки, ни я почти ни о чем не разговаривали, предпочтя со вздохом облегчения погрузиться в сон.

А затем наступило долгожданное утро. Отдохнув и избавившись от экзаменов, мы вдруг осознали истину: мы справились. Мы добились своей цели, присоединившись к Блистательному Двору. Мы еще не знали своих результатов, но успех уже вскружил наши головы. Мистрис Мастерсон предоставила нам полную свободу, запланировав первое торжество на вечер, в честь дня Вайиля – главного зимнего праздника.

Правда, чуть позже всем девушкам дали различные поручения по подготовке к праздничному приему: впрочем, мы были не прочь применить свои навыки, приобретенные в поте лица.

– Обожаю день Вайиля! – тараторила Тэмсин, когда мы переодевались в будничные платья. – Еда! Ароматы! Украшения! Обидно, что мы делаем все на скорую руку.

Так и было. Обычно зимние торжества начинались за несколько недель до святого дня, посвященного ангелу мудрости, так что радостная атмосфера распространялась почти на целый месяц.

– Если бы Джаспер не изменил расписание, то празднование не отодвинули бы в сторону ради какой-то денежной выручки мистера Торна, – напомнила я подруге.

– Зато у нас хоть что-то будет! – заявила Тэмсин, тряхнув головой. – Ты ведь видела несчастных еретиков Уроса: босые святоши вечно ходят в

трауре и твердят, что это идолопоклонство. Но, наверное, лучше вообще ничего не делать, чем творить те ужасы, которыми славятся аланзане! Кому захочется поклоняться деревьям в такую погоду?

– Среди деревьев, – уточнила Мира. – День Вайиля для них – середина зимы и самая длинная ночь в году. Аланзане молятся на улице Динзиль о прозрении, а на рассвете благодарят Аланзиля за возвращение солнца и за то, что дни становятся длиннее.

Я с любопытством посмотрела на Миру. Ей редко удавалось поставить меня в тупик и похвастаться своими познаниями... но, похоже, она и впрямь сталкивалась с настоящими аланзанами. Ее верования входили в число многих вещей, в которые я не вдавалась. Мира посещала с нами правоверные службы Уросу, а остальное значение не имело.

– Какая разница, чему они поклоняются! Глупые языческие суеверия! – пробормотала Тэмсин, повернувшись к зеркалу. Она с довольным видом улыбнулась своему отражению и направилась к двери. – Ладно, девочки, нужно браться за дело. Жду не дождусь, когда это за нас будут делать другие.

Большинству девушек, в том числе и Тэмсин, пришлось хозяйничать на кухне: как-никак мистрис Мастерсон собиралась закатить в «Голубом ключе» настоящее пиршество! Другие выпускницы отвечали за музыкальное сопровождение и прочие развлечения, я же должна была заниматься украшениями вместе с Кларой. Какое невезение! Мы с ней ладили, разделив особняк таким образом, чтобы не сталкиваться друг с дружкой.

Когда я добралась до гостиной, я едва не остолбенела, обнаружив там Седрика с Мирой. Они о чем-то оживленно переговаривались между собой.

Во время наших экзаменов Седрик не показывался.

– Вы выглядите весьма респектабельно. Похоже, вы снова стали настоящим адориейцем, – отметила я.

Седрик был одет примерно так же, как и в день нашей первой встречи. В неофициальной обстановке он предпочитал осфридский стиль, а сегодня его камзол из плотной синей ткани с золотой отделкой доходил почти до колен – в Осфро их было принято шить покороче. Сапоги у него тоже оказались выше, чем диктовала нынешняя мода. Седрик выглядел хорошо. Хотя нет... Он был ослепителен.

Однако я прикусила язык. Незачем расточать ему комплименты – можно лишь слегка похвалить.

– Вы словно прошли краткий курс в школе светских манер.

– Кое-кому, может, и непросто одеваться самим, но у меня такой

проблемы никогда не возникало, – парировал он. – Мы отправимся в плавание через месяц, и я решил, что надо одеваться соответствующим образом. Нам с отцом необходимо выглядеть почти – хоть и не совсем – так же великолепно, как вам, барышни. Ну а мы должны демонстрировать, что мы – серьезные деловые люди. Главное – произвести впечатление. По крайней мере, так утверждает мой дядя.

В последние месяцы я редко вспоминала о злобных обвинениях Клары в адрес Седрика и Миры. Но, застав их в гостиной, я не сумела сдержаться.

– Почему вы отвлекаете Миру от работы? – спросила я Седрика небрежным тоном.

Мира обменялась с ним многозначительной улыбкой.

– Седрик рассказывает мне об игре, которую называют «Гадальные кости». Мистрис Мастерсон поручила мне развлечения, а я не знаю осфридских забав.

– Гадальные кости? – переспросила я. – В них режутся мальчишки, конюхи и посыльные.

Под пристальным взглядом Седрика я покраснела.

– В нее играют и другие люди, – поправил меня Седрик. – Выпускницы «Голубого ключа» буквально росли с нею. Но представители высшего света действительно презируют кости. Разумно, что вы настолько дальновидны. Однако я уверен, что сегодня вечером нам всем можно будет немного расслабиться.

– Да, конечно, – согласилась я. Я давно не делала настолько серьезных ошибок. – Но где вы возьмете игральные кости? Неужели они найдутся у мистрис Мастерсон?

– Разумеется! Нэнси Мастерсон способна к бунтарству, которого мы не подозреваем.

Седрик добродушно усмехнулся, но я сразу же напряглась. В нем ощущалось нечто необычное. Я не могла бы толком сказать, что именно, но он казался почти подавленным. Как странно! Что с ним творится? Седрик всегда выглядел самоуверенным и непробиваемым...

– Вы меня звали?

Мистрис Мастерсон возникла на пороге гостиной. Вероятно, в этот момент она как раз проходила по коридору.

– О нет! – воскликнул Седрик. Мы с Мирой с трудом сдержали смех. – Аделаида просто сообщила нам о том, как собирается украсить гостиную, и выразила надежду, что вы одобрите ее план.

Мистрис Мастерсон вопросительно уставилась на меня. Мне захотелось обжечь Седрика гневным взглядом за то, что он перевел

разговор на меня. Но я сосредоточилась и сразу же придумала, о чем говорить.

– Э... свечи на подоконниках и синие с золотой окантовкой салфетки на столы. А если передвинуть диван вон туда, то получится уютный укромный уголок. И еще нужно принести пряные благовония.

Мистрис Мастерсон медленно кивнула.

– Отличная идея, милая!

– И остролист! – внезапно вспомнила я, покосившись на каминную полку. – Надо нарезать остролиста и связать его в пучки! Мы всегда так делали для зимних приемов в столице.

– Замечательно, – подтвердила мистрис Мастерсон. – Я была настолько занята, что совсем забыла про остролист. Но теперь за ним идти поздно: солнце сядет уже через час. – Она кивнула на потемневшее окно и, видя мое разочарованное лицо, добавила: – Не огорчайтесь. Клара позаботилась о том, чтобы нарезать плюща на гирлянды. Это почти так же нарядно.

Находчивость Клары только ухудшила дело. Похоже, эта девица меня обошла.

Мистрис Мастерсон удалилась. Мира посмотрела на окно, а затем обратилась к Седрику:

– А вы хотели что-то сделать, не правда ли?

– Да... и как можно скорее, – произнес Седрик.

Однако он не сдвинулся с места, так что Мира сказала:

– У вас будет масса времени до вечера, а сейчас и у нас забот хватает, поэтому...

– Да-да. – Его лучезарная улыбка вернулась, но показалась мне натянутой и только подтвердила уже сложившееся у меня впечатление. – Итак, барышни, мне пора.

Седрик встал и двинулся к двери, но задержался возле меня.

– Возьмите.

Я улыбнулась: он вложил мне в руку набор костей.

– Естественно, у вас нашлись кости!

– Запасные. Мы в университете постоянно играем.

– А вы преуспели? – поинтересовалась я. – Впрочем, не отвечайте. Конечно же, да – ведь в этой игре нужно угадывать мысли людей и манипулировать собеседниками.

– Совершенно верно, – согласился он. – Уверен, вам бы это тоже легко далось.

Несмотря на шутку, он все равно выглядел взвинченным.

– Он как-то странно себя ведет, – призналась я Мире, когда Седрик прикрыл за собой дверь.

– Я недостаточно хорошо с ним знакома, чтобы понять, что у него на уме.

– Разве? – подчеркнуто удивилась я.

С выражением полной невинности на лице Мира покачала головой.

– Думаю, не стоит за него волноваться. Помочь тебе передвинуть диван? У меня куча дел, но я могу уделить тебе несколько минут.

Мы с ней перетаскивали диван через комнату, удивившись его тяжести.

– Начинаю соглашаться с Тэмсин, – выдохнула я. – Хорошо иметь толпу слуг, которые выполняли бы за нас черную работу.

Мира рассмеялась.

– Посмотрим. Но вряд ли мои баллы помогут мне заполучить мужа хотя бы с одним слугой, что уж говорить о толпе.

– В отличие от Тэмсин, – подытожила я.

– В отличие от Тэмсин, – повторила Мира, продолжая смеяться. Внезапно она посерьезнела. – Но я надеюсь, что сдала экзамены хорошо и могу претендовать... впрочем, не знаю на что... На свой собственный выбор. Или на человека, которого я буду уважать.

– Ты еще хочешь расплатиться за обучение и выкупить себя?

Мира принялась приводить диванные подушки в порядок.

– Насчет денег, упомянутых в контракте, Тэмсин права. Мне понадобился бы приработок, но, наверное, просить об этом бесполезно.

– Ага. Джаспер такое желание сразу осудит! Ладно, неважно! Полагаю, у тебя будет возможность выбирать из сотни потрясающих женихов. А если тебя тревожат твои оценки, то экзамены всегда можно пересдать.

– Точно! Это было очень весело! – с иронией произнесла Мира. Она попятилась и встала рядом со мной, оценивая результат перестановки дивана на другое место. – Тебе больше ничего не надо, пока я не ушла?

– Только если сможешь материализовать немного остролиста, – сказала я с грустью. – Без него атмосферы зимнего праздника нет.

– Мне этого не понять: в Сирминике он не растет. Но, по-моему, комната вполне нарядная и без него.

Мира ушла, а мной овладело уныние, словно я обязана была позаботиться о пучках остролиста ради настоящего осфридского торжества.

Когда я закончила украшать гостиную и продемонстрировала ее мистрис Мастерсон, домоправительница отпустила меня. Поднявшись по винтовой лестнице в спальню, я не обнаружила в комнате ни Тэмсин, ни

Миры. Отдохнув, я облачилась в свое лучшее платье – пышную юбку из небесно-голубой парчи усеивали розовые цветочки. Нежно-палевая сорочка, как и положено, выглядывала из прорезей в рукавах и из-под выреза корсажа на китовом усе. Зашнуровывая лиф, я подумала о том, каково будет переходить на адорийские фасоны. Кажется, адорийские модницы не любили пышные юбки: их наряды были более практичными, а корсажи – не столь жесткими.

Я спустилась вниз, собираясь кому-нибудь помочь. Никому я не понадобилась, а Седрик исчез (мне вроде как хотелось похвастаться ему, что я смогла зашнуровать платье меньше чем за минуту). Я опять проверила все комнаты особняка, украшенные мной к празднику, и не нашла в них изъянов... если не считать отсутствия остролиста. Быстрый взгляд на часы подсказал мне, что до трапезы остался целый час, – и я приняла спонтанное решение.

Я сменила изящные вечерние туфельки на теплые ботинки и закуталась в шерстяной плащ. однако я оказалась не готова к волне морозного воздуха, которая обрушилась на меня, когда я вышла через черный ход во двор. На мгновение я испугалась, но потом бросилась вперед, не обращая внимания на облачка пара, которые вырывались у меня изо рта.

Несомненно, мистрис Мастерсон прошла бы насчет того, что я разгуливаю по «Голубому ключу» одна, да и моя бабушка бы к ней присоединилась. Однако за время нашего пребывания в «Голубом ключе» я успела изучить территорию поместья досконально: для девушек часто устраивали пикники на свежем воздухе. В «Голубом ключе» можно было ничего не бояться. Тут не рыскали хищники, а располагалось поместье в уединенной местности, так что сюда не заходили бездомные бродяги. Единственным живым существом, которого я могла встретить, был добродушный старичок-смотритель.

Сегодня был самый короткий день в году, поэтому сумерки наступили быстро. На западе догорали последние закатные лучи, а на востоке высыпали сверкающие звезды. Луна выкатилась из-за горизонта, а дорогу к зарослям остролиста я помнила и уверенно зашагала по тропе.

Увы, самым главным препятствием стал холод: я жалела, что не захватила перчаток. Тонкий слой снега хрустел у меня под ногами.

Я нашла остролист именно в том месте, которое запомнила, – в дальней части поместья. Здесь парковые посадки переходили в дикий лес, который прежде рос повсюду. Мистрис Мастерсон рассказывала нам, что при строительстве особняка рабочие сперва вырубили дикие корявые

деревья, заменив их декоративными растениями и кустарниками. Потом за дело взялись садовники, которые засеяли территорию газонной травой и разбили возле особняка клумбы. Так было принято делать во всех поместьях, и лесов в Осфриде оставалось мало.

Мне хватило соображения прихватить с собой нож, и я принялась срезать ветки остролиста. К сожалению, я знала, что мне не удастся сплести праздничные венки, но я утешила себя мыслью, что составлю изысканные композиции для каминных досок и наверняка превзойду Кларин плющ. Я уже почти закончила, когда краем взгляда поймала нечто необычное.

Сначала я решила, что зрение меня обманывает и мне все померещилось. Лунный свет отражался от снега, звезды сверкали на небосклоне... Прищурившись, я попыталась понять, не было ли увиденное просто еще одним отблеском. Но нет: это был не бледный серебристый свет, идущий от луны или от сугробов, а теплое золотистое сияние пламени.

Он лился откуда-то из глубины леса, от купы орешника и дубов. Я тихо направилась на разведку. Кто же там прятался? «Вероятно, я просто-напросто столкнусь со зрителем, – подумал я. – А если я ошибаюсь и увижу незваного гостя, то я улизна и сообщу мистрис Мастерсон о нарушении границ частного владения».

Я понимала, что мистрис Мастерсон и моя бабушка много чего смогли бы сказать относительно моих соображений, но меня это вообще не волновало.

Крепко сжимая ветки остролиста и нож, я кралась дальше, прячась в тенях и за стволами деревьев. Приблизившись, я разглядела, что на самом деле огней двенадцать. Я затаила дыхание: на поляне, окруженной мощными дубами, были расставлены крошечные фонарики-свечки, которые образовывали форму звезды. В самом ее центре стоял мужчина в развевающемся алом пальто. Он опустился на колени лицом к восточному лучу фигуры и, низко склонившись, прошептал какие-то слова (их я не смогла разобрать). Потом он преклонил колени перед южным лучом и повторил то же действо.

Я буквально заледенела от ужаса: наконец-то я поняла, чему стала свидетелем. Днем я отмахнулась от шуточных слов Тэмсин относительно аланзан и Средизимья, но здесь, прямо передо мной, оказался еретик, проводящий в ночи мрачный ритуал. Пусть я знала про эту веру гораздо меньше, чем Мира, но в Осфро слышала уже достаточно шепотков про аланзанскую звезду с двенадцатью лучами. Она олицетворяла для аланзан

двенадцать ангелов: шесть светлых и столько же темных.

«Еретик в поместье!»

Мне нужно вернуться в дом и рассказать все мистрис Мастерсон!

Я начала отступать, но в этот миг мужчина повернулся к северному лучу... в мою сторону. На его лицо упал свет, обнаруживая знакомые мне черты, которые я видела меньше часа назад. Черты, которые я слишком любила вспоминать.

Седрик.

Глава 8

Потрясенная, я выронила остролист, попыталась его подхватить, но опоздала, и ветки упали прямо на снег. Я опешила. Что мне делать: я произвела столько шума, и Седрик наверняка заметил мое присутствие!

А Седрик тем временем молниеносно встал с колен. Первым моим порывом было бежать, но я понимала, что нужную скорость в пышном платье я, конечно, не наберу. В следующую секунду Седрик уже стоял рядом со мной, изумленно на меня взирая.

– Аделаида? Как вы здесь оказались?

– Я? А вы... Ладно. Я знаю, что вы делаете! – Я попятилась, размахивая своим жалким ножиком. – Не подходите ко мне!

– Спрячьте его, пока кого-нибудь не ранили. – На его лице застыло выражение отнюдь не гнева, но покорности судьбе. – Все не так, как вам кажется.

Нелепая реплика Седрика мигом заставила меня забыть об отступлении.

– Да? Вы хотите сказать, что не проводили сейчас еретический обряд Средизимья?

Он вздохнул.

– Нет. То есть послушайте, Аделаида, аланзане – не кровожадные чудовища, как вы все считаете.

Меня ранили слова «вы все», и я решительно бросилась в атаку.

– Значит, вы – один из них? – произнесла я с нажимом.

Седрик ответил мне не сразу. Порыв холодного ветра растрепал мои волосы и заморозил щеки.

– Да.

Мой мир пошатнулся. Седрик Торн только что признался в ереси.

Он протянул ко мне руку.

– Я серьезно. Пожалуйста, отдайте мне ножик!

– Не прикасайтесь ко мне! – воскликнула я, вскидывая свое «оружие» повыше.

Фонарики у Седрика за спиной светились мрачным светом – и я почему-то подумала, что Седрик способен запросто наложить на меня какое-нибудь изощренное аланзанское проклятие. Я слышала много сплетен об аланзанском колдовстве, но никогда не предполагала, что стану жертвой черной магии. Но ведь раньше я и не попадала в подобную

ситуацию... Неужто Седрик открыл мне свой истинный облик? Я попыталась сообразить, услышат ли меня в особняке, если я завизжу.

– Не надо кричать, – сказал Седрик, угадав ход моих мыслей. – Клянусь, вам нечего бояться. Все остается прежним. И я прежний.

Я покачала головой и почувствовала, что мои пальцы, задрожали.

– Неправда. Вы верите в общение с демонами... – проговорила я, стискивая нож.

– Я верю в то, что шесть ангелов-отступников столь же святы, как и шесть их великолепных собратьев, – парировал Седрик. – Кроме того, они не демоны. Божественность окружает нас повсюду в мире природы и доступна всем, – спокойно продолжил он. – Доступ к ней открыт не только через священников в храмах.

Это прозвучало весьма миролюбиво, но я за всю свою жизнь слышала слишком много предостережений.

– Аделаида, вы ведь меня знаете. Я прикрыл вас, когда вы сбежали. Я нашел вашей старой поварихе работу. Вы же не считаете меня прислужником тьмы?

– Нет, – пролепетала я, наконец опуская нож. – Но вы заблуждаетесь. Вам надо все прекратить. Нельзя быть еретиком.

– Моя вера – часть меня, – твердо произнес Седрик.

– Но если вас поймают, то убьют!

– Разумеется. Поверьте, я прекрасно об этом осведомлен. И я давно смирился со своей судьбой. – Он с тревогой посмотрел на меня. – Пойдемте отсюда, Аделаида. Мы поговорим о моей вере и прочих вещах где-нибудь в тепле, пока вы не переохладились.

– Например, в гостиной? – выпалила я. – Конечно, ваши опасные и противозаконные убеждения станут прекрасной темой для светской беседы на праздничном вечере! Нет, мы останемся на поляне. Я хочу разобраться, в чем дело! Кстати, я в полном порядке. Не надо за меня беспокоиться. У меня теплый плащ.

– Тогда почему вы посинели?

– Здесь не настолько хорошо видно!

– Ваш плащ рассчитан на то, чтобы набросить его на плечи перед тем, как выйти из кареты и добежать до дома. По-моему, не стоит разгуливать в таком наряде по лесу в самую длинную ночь в году. Но если вы отказываетесь идти в дом, давайте хотя бы погреемся вон там.

У края поляны оказался маленький шалаш, в который летом складывали хворост и рабочие инструменты. Я протиснулась внутрь и убедилась, что он действительно защищает от ветра. Седрик последовал за

мной, и при его приближении я оцепенела, все еще напуганная воспоминанием о том, как он стоял в центре двенадцатиконечной звезды. Я как будто переживала наяву жуткие истории, которые слышала в Осфро.

К моему изумлению, Седрик расстегнул свое алое пальто и, притянув меня к себе, укрыл складками ткани. Тепло чуть притушило мои страхи. Я почувствовала запах знакомого одеколона, который мне нравился. Теперь, когда мы оказались так близко, я смогла разглядеть черты его лица, слабо озаренные лунным светом. Повинуясь обстоятельствам, я немного расслабилась и поняла: Седрик сказал правду. Это же он, тот самый юноша, которого я знаю почти год.

Внезапно я напряглась и вздрогнула.

– Вас могут убить! – прошептала я, по-настоящему ужаснувшись.

Осфридские церковные суды иногда смягчали приговоры женщинам или иностранцам, уличенным в том, что те практиковали запретные аланзанские обряды. Тюремное заключение. Штрафы. Но осфридскому гражданину, мужчине? Это частенько заканчивалось казнью. Священники проявляли немалое рвение, добиваясь чистоты веры в Осфриде. А королю не нравилась религия, которая утверждала, что право голоса имеют все члены церкви, а не только один всесильный глава.

И тут меня осенило.

– Именно поэтому вам надо поскорее добраться до Адории! – воскликнула я. – Вот почему вы добивались этого у своего отца и едва не забросили учебу! Чтобы безопасно следовать своей вере в Триумфальном!

Хотя осфридские колонии подчинялись законам короны, многие уже получили хартии, оговаривавшие определенные права и свободы. А вопросы религии вечно обсуждались в Осфро. Отправить еретиков за море было проще, чем пытаться искоренить их подчистую, особенно учитывая то, что в результате жестких мер Осфро мог лишиться и товаров, и вовремя уплаченных налогов.

– В Триумфальном наша вера незаконна, – проговорил Седрик. – Однако ни одна колония не санкционирует аланзан. Пока.

Я чуть запрокинула голову: мне пришлось исхитриться, чтобы посмотреть ему в глаза, оставаясь при этом в уютном коконе плотного пальто. Теперь-то я запоздало сообразила, почему эта верхняя одежда настолько популярна в суровом климате Адории.

– А если случится самое плохое? – предположила я.

– Ну... не будем о грустном. Кроме того, сейчас составляют хартию колонии, которая называется Вестхэвен: она будет гарантировать свободу вероисповедания для каждого ее жителя. И заблудшие священники, и

наследники Уроса – те, кто еще не успел сбежать на север – будут в безопасности.

– Вы тоже сможете уехать туда, – произнесла я, с облегчением вздохнув и удивившись самой себе.

– Процесс еще в самом начале, – с тоской произнес он. – Границы и законы только устанавливаются. Колонию пока не открыли для всех поселенцев – лишь для тех, кто выкупит пай в компании-организаторе. Стать одним из первых инвесторов – большая удача. Если получить такое членство, то это открывает немалые возможности лидерства и обеспечивает стопроцентную безопасность. Но это не дешево.

– И поэтому вы выставили своих кандидатов, да? – уточнила я. – Вам нельзя переехать в Адорию по семейным делам. Вам нужен изначальный крупный капитал.

– Да. Но я нужной суммы не наберу.

Я поежилась.

– Потому что вы пригласили сирминиканку и самозванку, за которых дадут не слишком много денег.

– Вы самозванка только в том, что касается шитья и обваливания спаржи.

Я шлепнула его по груди, в досаде даже не поинтересовавшись, откуда он узнал про случай с испорченной спаржей.

– Я не шучу! Вам надо срочно уезжать отсюда! Вам нужно найти надежное убежище... если такое существует для людей вроде вас.

Я не была уверена – но мне показалось, что он вздрогнул, услышав про «людей вроде вас».

– Дело не столько в безопасности, сколько в свободе. Вправе быть самим собой, не надевая ни перед кем маски. – Он махнул рукой в сторону звезды. – Не скрываясь.

Его утверждения были созвучны с моими собственными мыслями, теми, которые я высказала вслух еще восемь месяцев тому назад – когда умоляла Седрика меня не выдавать. Я понимала его стремление к свободе, хоть и не разделяла его мотивов. Я приложила массу усилий для того, чтобы самой решать свою судьбу, – и Седрик мне в этом помог.

– А сейчас вы стали заложником ситуации, – добавила я. – И зачем вы молились прямо на территории Блистательного Двора?

– Я не ожидал, что в лес кто-то придет, – ответил он язвительно. – Будь моя воля, я бы вообще не приезжал в поместье: молился бы с другими, а не проводил обряд в одиночестве. Вы празднуете окончание экзаменов, а для меня сегодня наступила самая святая ночь в году. Мне хотелось вознести

хвалу ангелам, пока ваше веселье не началось.

Я почувствовала, что запуталась. Неужели прежний чуть развязный Седрик, которого я вроде бы прекрасно знала, является истовым представителем аланзанской веры? И сейчас он так серьезно, без тени улыбки, обсуждал со мной духовные вопросы, которые казались чепухой мне, выросшей в общепринятом поклонении богу Уросу! Я задумалась. В Осфро было построено множество храмов, где ежедневно проводились службы. И где я нахожусь теперь? В объятиях еретика?

Я отвела взгляд и ничего не сказала.

– Как странно, – вымолвил Седрик. – Я знал, что, когда все откроется, окружающие будут смотреть на меня иначе. Отталкивать меня. Я готовил себя к такой доле. Но почему-то совсем не ожидал, что меня так сильно заденет ваше отношение ко мне. Похоже, я вас разочаровал.

Я снова повернулась к нему, озадаченная его интонацией. То, что я прочла на его лице, сбilo меня с толку – особенно когда он плотнее закутал меня в пальто. Я судорожно сглотнула и поспешила сменить тему.

– А разве нет другого способа получить деньги и выкупить пай в колонии? Вы не можете попросить отца или дядю?

– Вы же видели моего отца! – фыркнул Седрик. – Он даже не в курсе, что я связан с аланзанами. Он, наверное, первым на меня донесет, если пронюхает про мое отступничество! Я познакомился с аланзанами пару лет назад, когда поступил в университет, – меня буквально потянуло к ним. Их вера показалась мне правильной, и мир стал для меня яснее, чем когда бы то ни было. Но я понимал, что мне надо помалкивать. Нельзя говорить про мою веру ни единой душе. Мои родные не стали исключением. А дядя... он тоже не станет мне помогать – он всегда подчиняется моему отцу. А что до других источников средств... Я могу бросить университет и найти себе какое-нибудь место, но мне понадобится время, чтобы заработать крупную сумму, которая нужна для пая в колонии. Ну а позже, когда колония откроется для поселенцев, мне, вероятно, придется стать разнорабочим и переехать туда... но и это случится не сразу. Те, кто не войдет в число основателей колонии, получают гражданство только в следующем году.

– Вы могли бы остаться в Осфро и получить диплом, – заявила я. – Есть же какие-то способы быстро заработать деньги.

Седрик невесело рассмеялся.

– Если бы они существовали, разве ваша семья нуждалась бы в средствах? То есть – да, существуют сотни хитроумных схем быстрого обогащения и тут, и в Новом Свете, и некоторые из них иногда работают. Но, по правде говоря, Блистающий Двор входит в число самых удачных

предприятий. Импорт любых предметов роскоши, даже юных женщин, приносит громадную прибыль. В Адории не доступны товары, которые есть у нас здесь.

– Какие именно предметы роскоши? – спросила я и передернула плечами от холода.

– Пряности, драгоценности, фарфор, хрусталь. – Седрик вздохнул. – Отец зарабатывает кучу денег, торгуя дорогими тканями. Он привозит их вместе с девушками, что мгновенно окупает все расходы на ваш гардероб, который он тоже выгодно перепродает, когда вы выходите замуж. А еще в Адории ценится нечто уникальное. Антикварная мебель. Произведения искусства.

Я была заинтригована и постаралась не обращать внимания на свой озноб.

– Произведения искусства? Какие именно?

– Любые. В Адории нет художественных галерей, не выставлены работы великих мастеров. И мало кто из эмигрантов берет на себя труд захватить с собой раритетные картины или скульптуры, чтобы продать их в Адории. Мероприятие слишком сложное и рискованное... Но если бы люди пошли на такую авантюру, то они бы неслыханно разбогатели. Проклятье! Я слышу, как у вас зубы стучат. Нам пора!

Он начал тянуть меня в сторону дома, но я заупрямилась, оставаясь на месте.

– Если бы вы могли продать какую-нибудь картину, то получили бы немалую часть от нужной вам суммы.

Он покачал головой.

– Если бы я смог продать отличное полотно правильно выбранному клиенту, то мог бы получить даже больше, чем надо для выкупа пая в Вестхэвене.

– Значит, вам нужно найти хорошую картину!

– Ценные вещи на дороге не валяются. То есть в поместьях дяди они, конечно, есть, но я не намерен обкрадывать кровных родственников.

– Не обязательно воровать, если можно создать свое собственное произведение! – возбужденно заявила я.

– Я не могу...

– Не вы. Я. Помните тот день в Осфро? Мое полотно с маками?

Седрик замолчал. В тусклом лунном свете его глаза казались угольно-черными. Он пристально меня разглядывал.

– Разве это была не забава?

– Нет. Знаете, мне трудно объяснить... Но я умею неплохо рисовать. Я

много лет училась живописи и смогу сделать копию любой картины. Ну почти любой... А если вам не нужна точная копия, я просто воспроизведу манеру какого-нибудь художника – а вы скажете своему будущему покупателю, что случайно обнаружили в своем поместье потерянную работу известного мастера. Помните Флоренсию, который висит у входа в гостиную? Я с легкостью изображу нечто подобное, если у меня будет пара свободных дней.

– Вы хотите, чтобы я продал в Адории подделку? – напрямую спросил он.

– А вы действительно считаете, что в Новом Свете поймут разницу? – вызывающе бросила я.

– Если нас разоблачат...

– Добавьте это к списку других проблем, связанных со мной.

– Список становится все длиннее, – деловито произнес Седрик, тепло мне улыбнулся и опять стал серьезным. Но я почувствовала себя гораздо спокойнее – рядом со мной находился тот Седрик, который был мне знаком: авантюрист и торговец. Он пристально разглядывал меня под свист холодного ветра. – Вы хотя бы понимаете, как вы рискуете?

– Я рискую не больше, чем вы! Надеюсь, вы не забыли, на что пошли вы, защитив меня в тот вечер при выезде из Осфро? Поэтому я у вас в долгу.

Он помолчал, принимая окончательный вердикт.

– Ладно. Согласен. Но сперва нам надо вернуться.

Мы покинули ненадежную защиту шалаша. Нас обоих била крупная дрожь. Седрик затушил фонарики, а я подобрала остролист. Наблюдая за его действиями, я ощутила, как во мне опять просыпается прежнее беспокойство: мне вспомнились строгие проповеди суровых священников. А затем Седрик вернулся ко мне, и его лицо было полно радостной решимости осуществить наш план – и все предостережения отодвинулись куда-то за задворки сознания. Седрик постарался плотнее закутать меня в пальто, и мы пошли к дому, прижимаясь друг к другу.

– Но как именно, – произнес Седрик, явно строя планы на будущее, – я найду для вас место и время, необходимые для создания вашего шедевра?

– Вы что-нибудь обязательно придумаете, – ответила я. – Да и в Адории я начну поиски мужа, чтобы вы получили свое вознаграждение.

– Конечно. Не следует вас отвлекать, Аделаида.

Но когда я увидела огни поместья, моя храбрость куда-то испарилась, и я сразу же занервничала. Не из-за картины. Я была уверена в том, что это мне по силам... но устроить все будет непросто. Достать необходимые

принадлежности и найти укромное место для работы тоже достаточно сложно. Да и в Адории нас может постигнуть неудача: вдруг потенциальный покупатель не попадется на удочку? Наверное, я переоценила собственные силы и зря обнадежила Седрика, но меня так поразила его решимость...

Возле двери черного хода он остановился и посмотрел мне в глаза.

– Я говорил правду про то, что слышанные вами истории лживы. Аланзане – обычные люди со своими профессиями и принципами. Мы просто иначе смотрим на то, как устроен мир.

– Седрик, я не стала хуже к вам относиться. Я всегда чувствовала...

Я не смогла договорить – у меня возникло ощущение, что мне не следовало бы и начинать эту фразу. Я отвернулась, но он поймал меня за плечо и притянул к себе.

– Аделаида... – Он замялся и отпустил меня. – Давайте поторопимся...

Мы вернулись в дом, где нас встретили удивленные взгляды мистрис Мастерсон, других наших преподавателей и девиц, уже собравшихся идти к столу. Я знала, что щеки у меня покраснелись, а волосы растрепались, но Седрик, как всегда, поспешил мне на выручку.

– Аделаида не могла успокоиться, не получив остролист, и я предложил ей пройтись вместе со мной.

Его улыбка была ослепительной и непринужденной. Ничто в Седрике не выдавало того, что он – активный сторонник сомнительной религии, грозящей ему смертной казнью.

Мистрис Мастерсон осуждающе поцокала языком.

– Меня восхищает ваша целеустремленность, милочка, но зимняя погода прогулкам не благоприятствует. Спасибо, что позаботились о ней, мастер Седрик.

Но кто позаботится о нем? Именно этот вопрос не давал мне покоя целый вечер. Я механически поглощала пищу, смеялась и танцевала, но мой взгляд постоянно соскальзывал в сторону Седрика. Он тоже участвовал в торжестве, но не предпринимал никаких усилий, чтобы привлечь к себе других. А для меня уже многое прояснилось. Я легко подмечала, насколько гнетет Седрика его нынешняя ситуация. Сама того не замечая, я опять погрузилась в размышления. Станет моя будущая поддельная картина (если нам вообще удастся все организовать) счастливым билетом для Седрика? Спасет ли она его?

– Ты, похоже, витаешь в облаках.

Тэмсин подбежала ко мне и прищурилась. Подруга щеголяла в синем платье, которое идеально гармонировало с ее рыжими волосами, хоть

Тэмсин неукоснительно напоминала нам, что лучший цвет для ее нарядов – изумрудно-зеленый.

– Думаю о результатах экзаменов, – соврала я.

– Правда? – переспросила она, склонив голову набок. – Ты всегда относилась к занятиям и подготовке так, будто тебе на них наплевать.

– Наверное, я начинаю осознавать реальное положение дел.

Тэмсин посмотрела на меня в упор.

– Ясно. Пойди налей себе лишнюю рюмку вина, пока мистрис Мастерсон не видит. Но тебе-то ведь не свойственно паниковать! Кроме того, ты можешь пересдать экзамены в ближайшее время, если захочешь.

– Пересдать? – повторила я.

Я предлагала это Мире, но сама о таком даже не думала.

– Ага, – подтвердила Тэмсин. – Я собираюсь. То есть я уверена, что сдала очень неплохо, но почему бы не подстраховаться? Мне нельзя проигрывать.

Слова Тэмсин подействовали на меня, как оплеуха. Я несколько долгих секунд таращилась на подругу, а потом стала изучать обстановку в гостиной. Седрик прислонился к камину и о чем-то беседовал с активно жестикулирующим мистером Брикером (по-моему, тот немного перебрал с домашней наливкой).

Ощутив мой взгляд, Седрик повернулся ко мне, адресовал мне быструю улыбку и вновь вернулся к разговору.

– Аделаида! Что с тобой? – нетерпеливо воскликнула Тэмсин.

Я заморгала.

– Ничего. Просто в голову вдруг пришла очень забавная и странная мысль.

– Какая? – поинтересовалась Тэмсин.

– Неважно! – Я делано рассмеялась. – Скажи мне, какие, по-твоему, у всех будут результаты?

Тэмсин встрепенулась. На экзаменационную тему она была более чем рада поговорить, поскольку немало времени тратила на то, чтобы анализировать успехи остальных. Тэмсин быстро начала мне что-то объяснять: я кивала и улыбалась в нужные моменты, а сама мысленно занималась планированием своих действий.

Седрику нужны средства, чтобы поехать в Вестхэвен и выжить. Сможет ли он выкупить пай благодаря деньгам, вырученным после продажи моей картины? Да – если все сложится удачно. А если нет? Тогда ему нужен запасной вариант!

Еще час назад я ломала над этим голову, досадуя на собственное

бессилие. Но сейчас я поняла, что у меня имеется великолепная возможность поддержать Седрика. Хотя смогу ли я гарантировать, что он сразу же выплатит всю сумму пая в Вестхэвене? Нет. Зато я обеспечу ему неплохой стартовый капитал...

Единственный способ помочь Седрику заключался в том, чтобы он получил за меня отнюдь не умеренную комиссию.

Глава 9

Седрик уехал на следующее утро после празднования Средизимья, а еще через пару дней мы узнали о результатах экзаменов. Их привез Джаспер – а вместе с ним прибыла и мисс Гэррисон, одна из портних Блистательного Двора (мисс Гэррисон хотела немедленно приступить к своим обязанностям и заняться нашим «тематическим» гардеробом).

Мистрис Мастерсон степенно вошла в библиотеку, где собрались все девушки: мы громко галдели, но при виде домоправительницы чинно встали и мгновенно умолкли. В руке мистрис Мастерсон держала лист бумаги, обрамленный в рамочку: это и был вожденный список с нашими именами. Домоправительница поставила его на каминную доску и отступила на несколько шагов назад. После короткой паузы мы сломали построение и ринулись вперед, чтобы посмотреть, какое место присудили каждой из нас.

Список был составлен по результатам экзаменов для девушек из всех четырех поместий. Я моментально нашла свое имя – оно оказалось точно в середине, как я и надеялась. Это был очень неплохой результат, хотя цифры, конечно, не могли гарантировать мне абсолютный успех в Адории. Тем не менее я решила идти до конца и сделать все, как я и задумала. Зажиточный мужчина, очарованный внешностью кандидатки на выданье, конечно, не станет обращать внимания на результаты ее экзаменов – но у девиц с наилучшими показателями будет гораздо больше шансов познакомиться с вышеупомянутым богачом.

Внезапно Мира радостно вскрикнула. Я обнаружила ее имя несколькими строчками выше моего, на весьма достойном седьмом месте. Мира даже победила Клару – та занимала восьмую позицию.

– Нет, ты представляешь? – выпалила Мира. – Может, мне не придется мыть полы!

Комнату наполнил шум голосов других девушек.

Кто-то огорченно взвыл: я вздрогнула и нашла взглядом Тэмсин. Она стояла чуть поодаль с широко распахнутыми глазами и прижимала руки к груди.

– Почему я третья? – заверещала Тэмсин, повернувшись лицом к мистрис Мастерсон. – У тех, кто стоит выше, точно такой же результат, как у меня!

Я тотчас убедилась в том, что первое и второе место отдали девушкам

из других поместий.

– Да, – подтвердила мистрис Мастерсон. – Вы трое одинаково преуспели и произвели прекрасное впечатление на преподавателей. Но, если говорить начистоту, все свелось к эстетическим параметрам. – Она кивнула в сторону мисс Гэррисон. – Уиннифред, первая в списке выпускниц, будет блистать в бриллиантовых нарядах. Второй драгоценный камень – рубин, и мы тоже отдали его другой кандидатке, а не вам, Тэмсин. Рубин явно не оттенит ваших достоинств. Зато третий камень, сапфир, показался нам самым подходящим...

– Сапфир? – перебила ее Тэмсин. – Что-что? Всем известно, что мне идет исключительно зеленый цвет! А разве изумруд не дороже сапфира?

– У нас нет приличного отреза зеленой ткани, – объяснила мисс Гэррисон. – И вряд ли необходимый товар придет раньше, чем за неделю до вашего отплытия. Так что временем мы не располагаем.

Мистрис Мастерсон кивнула.

– Табель рангов у нас гибкий. Нам просто важно представить подборку драгоценностей. Мы решили, что нужно остановиться на сапфире и быстро начать шить наряды. Иначе придется делать все в последний момент.

Тэмсин пригвоздила портниху к месту яростным взглядом:

– Она могла бы шить эти проклятые платья чуть быстрее!

– Тэмсин! – отрезала мистрис Мастерсон, превращаясь в строгую домоправительницу, перед которая порой мы пасовали. – Вы ведете себя недопустимо! Извольте согласиться на сапфир и радоваться, что оказались в числе первых трех барышень. И последите за языком!

Я видела, что Тэмсин не успокоилась, однако она глубоко вздохнула и, с трудом взяв себя в руки, произнесла:

– Да, мистрис Мастерсон. Я прошу прощения. Но я ведь могу пересдать экзамены, которые сдала неудачно, верно?

– Разумеется, как и любая из наших выпускниц. Хотя, честно говоря, я не вижу в этом необходимости. Общая сумма набранных вами баллов равняется девяносто девяти из ста, милочка! Вам и стремиться почти не к чему.

– Только к идеалу, – буркнула Тэмсин.

Но в основном девушки остались удовлетворены результатами. Даже те, кто угодил в конец списка, понимали, что будут выглядеть в Адории ослепительно. В общем, пересдавать экзамены никого не тянуло. Мисс Гэррисон и ее подручные принялись снимать с нас мерки и начали прикладывать к нам разноцветные отрезки ткани в соответствии с нашими будущими «драгоценными» ролями.

Но я направилась к мистрис Мастерсон и спросила, нельзя ли мне пересдать экзамены.

– Можно, конечно, – с удивлением ответила она.

Я всегда была середнячком, и подобной инициативы мистрис Мастерсон от меня не могла ожидать. Домоправительница покопалась в стопке бумаг и выудила ту, на которой были написаны мои оценки по всем предметам.

– Что вы хотите пересдать?

Я не стала вчитываться в записи.

– Все.

Мистрис Мастерсон потеряла дар речи.

– Такого почти никогда не бывает, – наконец произнесла она.

Я лишь пожала плечами.

Мистрис Мастерсон указала на пару строчек:

– Эти предметы ты сдала очень хорошо. Сомневаюсь, что их стоит пересдавать.

– Но я бы хотела попробовать.

Чуть поколебавшись, она коротко кивнула.

– Надо будет кое-что уточнить, чтобы ты встретилась с нашими преподавателями до отъезда, поскольку право пересдачи обещано любой из девушек. Между нами говоря, все девушки, которые повторно сдавали экзамены, улучшали показатели лишь на считанные баллы. Мы с мисс Гэррисон определили тебе аметист, а фиолетовая ткань у нас просто роскошная. Вряд ли результат изменится настолько сильно, чтобы обеспечить смену гардероба, да и надо ли вам опять мучиться?

– Я хочу попробовать, – настаивала я.

– Хорошо. Но мисс Гэррисон все равно снимет мерки и начнет шить аметистовые наряды. На всякий случай.

Мистрис Мастерсон не ошиблась: из всех привезенных мисс Гэррисон тканей аметистовые оказались в числе самых красивых. Портниха накидывала на меня лавандовый шелк и лиловый бархат, одобрительно прищелкивая языком.

Но «аметистовая» выпускница Блистательного Двора не принесет Седрику той комиссии, которая ему так необходима!

– С вашей внешностью можно носить любые цвета, – отметила портниха. – Для некоторых девушек запланированная палитра не подойдет.

Одной из них оказалась Мира. Сперва было решено сделать ее топазом, но после примерки стало ясно, что оливковые ткани ей совершенно не к лицу.

– Здесь нужны глубокие красные тона, – сообщила нам мисс Гэррисон и вздохнула. Неожиданно ее взгляд упал на Клару. – Знаете, мистрис Мастерсон, мы могли бы их поменять! Нужно дать Мире гранат.

Джаспер, который тоже присутствовал при раздаче ролей, кивнул:

– Гранат чуть дешевле, что вполне уместно.

Я не успела оскорбиться за подругу: хмурый вид Клары подсказал мне, насколько она недовольна такой переменной. Что ж, весьма неплохая компенсация за нанесенную обиду!

Позже я услышала, как Клара прошептала Каролине:

– Ненавижу желтый. У меня в нем болезненный вид.

Наконец, мисс Гэррисон закончила возиться с Тэмсин – та была в числе последних девушек, с которых следовало снять мерки. Когда подруга пошла с нами в спальню, то продолжала жаловаться вслух и твердить, насколько для нее неудачен синий цвет.

– Скорее бы пробиться наверх, – ворчала она и мотала головой. – Тогда все увидят, какой неудачный выбор они сделали. В белом я буду смотреться не хуже, чем в изумрудном.

Я споткнулась на ступеньках, но успела ухватиться за перила. В своих планах насчет пересдачи экзаменов я почему-то не приняла во внимание Тэмсин. Если у меня получится передвинуться в первую тройку, где окажется она? Мне вспомнилось ее признание. Тэмсин говорила о том, что я вроде бы даже не подозреваю, как многое зависит от полученных результатов...

Да, я действительно ничего толком не знала. Но зато я была в курсе, что от меня зависит судьба Седрика. И его жизнь. Какой бы тяжелой ни была ситуация для Тэмсин, ее будущее было вполне предсказуемым и безопасным – в отличие от будущего Седрика. И несет ли Тэмсин столь тяжелый груз на своих плечах? В день визита родственников ее чувства показались мне искренними, но за восемь месяцев, проведенных в «Голубом ключе», я часто наблюдала, как Тэмсин закатывала настоящие спектакли. Может, ее стремление стать первой – просто вопрос гордости? Стремление к богатству?

Мне надо выбрать между Тэмсин и Седриком. Моя лучшая подруга или... кто? Седрик – юноша, который помог мне сбежать... Какое бы место Тэмсин ни заняла, в Адории ее ждет благополучная жизнь. А мое место в списке выпускниц станет для Седрика спасительным якорем.

Выбора для меня не было.

Мира, довольная и результатами, и выбранным для нее камнем, спокойно отдыхала и коротала время за своими любимыми

приключенческими романами. Зато мы с Тэмсин поднатужились и занялись пересдачей экзаменов, встречая наших преподавателей на крыльце особняка. Как и мистрис Мастерсон, Тэмсин не понимала, почему я решила сдать заново абсолютно все предметы.

– Что на тебя нашло? – спросила она меня, когда мы направлялись на экзамен по танцам. – Думаешь, что-то изменится? Что за чушь, Аделаида? Твои наряды великолепны! Не то что у некоторых из нас...

Я была вынуждена отвести взгляд: несмотря на принятое мной решение, я иногда чувствовала себя виноватой.

– Я хочу проверить, на что я способна.

Мисс Хэйворт встретила нас и Каролину (единственную, кроме нас, решившую пересдать танцы) в бальном зале.

– Формат не меняется. Повторим весь материал и посмотрим, удалось ли вам что-то исправить.

Тэмсин немного увереннее выполняла танец, с которым у нее постоянно возникали проблемы. По какой-то причине она не улавливала его ритм. А Каролина ни на дюйм не продвинулась вперед. На самом деле она танцевала даже хуже, чем в прошлый раз, но, на ее счастье, мистрис Мастерсон была настроена очень благосклонно.

А я? А со мной дело обстояло иначе.

Трудно было сказать, кто из них троих удивился сильнее. Я станцевала безупречно, как технически, так и с точки зрения артистизма – и возможность не скрывать свое истинное «я» стала для меня огромным облегчением. За все проведенное здесь время я прятала свои способности за маской и лишь теперь смогла продемонстрировать свои таланты и получить от этого истинное удовольствие. (Как-никак танцам я училась с раннего детства, а приемы и столичные вечеринки не были для меня в диковинку.)

Другие экзамены тоже принесли схожие результаты. Как и раньше, на письменных испытаниях мне удавалось прятать готовые ответы от остальных девушек, однако на практических проверках мои умения были буквально выставлены напоказ. Но мне повезло: я оказалась единственной, кто пересдавал абсолютно все предметы, и никто не успел сообразить, насколько хорошо я проявила себя во второй раз.

Спустя неделю пришли новые результаты.

Мистрис Мастерсон устроила в гостиной очередное собрание. Мы, как всегда, выстроились ровными рядами. Торн старший стоял рядом с домоправительницей: лица у них обоих были серьезными и озадаченными. Мистрис Мастерсон собиралась заговорить, но неожиданно в гостиную

ворвался Седрик. Я не видела его уже две недели, и теперь мне оставалось только гадать, в каком состоянии находятся его планы относительно нашей задумки с живописью.

Седрик поспешно извинился и занял место возле отца. Джаспер промолчал, сохраняя на людях видимость хороших отношений с сыном.

Мистрис Мастерсон приветливо кивнула Седрику и обратилась к нам:

– Итак, барышни, некоторые из вас с нетерпением ждали результатов переэкзаменовки, и я рада сказать, что они наконец получены. Большинство из вас явно преуспели, чем я особенно горжусь. Однако не было сделано ничего настолько значительного или выдающегося, чтобы нам потребовалось изменить ваш ранг или же гардероб. – Она сделала выразительную паузу. – За одним исключением.

Тэмсин выпрямилась и гордо вскинула подбородок. Я почувствовала, как она дрожит от возбуждения, ожидая сообщения о том, что обошла двух девушек, которые опережали ее в списке.

– Аделаида, – произнесла мистрис Мастерсон, устремляя на меня внимательный взгляд, – продемонстрированный тобой прогресс оказался просто поразительным. Я никогда в жизни не видела, чтобы наша кандидатка совершила подобный рывок во время пересдачи и показала столь превосходные результаты.

Мистрис Мастерсон умолкла, позволяя остальным выпускницам усвоить услышанное. Я ощутила на себе взгляды всех девиц и покосилась на Тэмсин: ее глаза расширились и потемнели.

– Мы редко меняем темы после переэкзаменований, хотя, конечно, такое иногда случается. А в данном случае наше решение полностью оправданно, – заключила мистрис Мастерсон.

Джаспер шагнул вперед, принимая инициативу от домоправительницы. Он сохранял свою обычную жизнерадостность, но мне почему-то показалось, что Торн-старший не слишком доволен таким крутым поворотом событий.

– Аделаида, милая, ты сменяешь Уиннифред из поместья «Данфорд» и становишься нашим бриллиантом. Остальные выпускницы Блистательного Двора отодвигаются на одну позицию назад. Все девушки сохраняют свои драгоценные камни – кроме некоторых.

– Как и сказал мастер Торн, вам отдают бриллиант, – пояснила мистрис Мастерсон. – У вас с Уиннифред – одни и те же размеры, поэтому мисс Гэррисон сможет легко подогнать для вас платье. Но раз наша Уиннифред тоже проявила себя с наилучшей стороны, будет несправедливо прикреплять к ней полудрагоценный камень вроде аметиста. Мы решили,

что ей прекрасно подойдет сапфир, и сделали еще пару срочных замен. А это означает, что вы, Тэмсин, сможете стать изумрудом. Мисс Гэррисон надеется получить зеленую ткань на будущей неделе. Она со своими помощницами будет работать круглые сутки, но обеспечит вам необходимый гардероб.

Тэмсин продолжала выглядеть ошеломленной, словно мистрис Мастерсон заговорила с ней на незнакомом языке.

– Но... если ранг поменялся, то я... я четвертая.

– Да.

Тэмсин никогда еще не теряла дара речи, и у меня в горле встал ком. Видя ее смятение, Джаспер адресовал ей напряженную улыбку:

– Ты ослепишь Адорию, как настоящий изумруд. И если тебя сразу не пригласят на все балы, то это будет лишь делом двух-трех дней. Ты затмишь лучших невест Адории. Я тобой горжусь. Я горжусь всеми моими девушками... хотя, похоже, именно моему сыну удалось найти лучшую жемчужину сезона.

Судя по тону Джаспера, он был недоволен последним фактом. Первоначальная тройка девиц была целиком из его набора.

Моя же победа едва не заставила меня забыть о том, что здесь находится Седрик. Я взглянула на него и поняла, что он потрясен до глубины души и даже перестал улыбаться.

Джаспер сказал еще несколько ободряющих фраз выпускницам, повторив, как он счастлив тому, что вскоре отправится с нами в Адорию. У него намечались крупные торговые сделки, поэтому он успел нанять два корабля. Мы поплывем вместе с девушками из поместья в Гатшире. «Лебединый кряж» и «Данфорд» разместятся на втором судне.

Когда нам объявили, что мы свободны, мы дали волю своим чувствам. Меня мигом окружили девицы, требующие рассказа о том, как мне удалось достичь такого невероятного успеха. Я искренне обрадовалась, когда мистрис Мастерсон отвела меня в сторонку, чтобы обсудить дальнейшие планы.

– Хочу вас поздравить, Аделаида, – сказала она мне в уединении своего кабинета. – Мастер Джаспер заподозрил, что на экзаменах был какой-то обман, но я заявила, что если вы нашли способ сжульничать, играя на арфе или танцуя лорандийский тустеп, то это уже заслуживает награды. Поразительно!

Я перевела дыхание.

– Наверное, я просто не осознавала, сколько всего выучила. Многие вещи, которые я усвоила, работая горничной, вдруг ко мне вернулись.

– А мы, в свою очередь, приложим все силы к тому, чтобы справиться с возникшими неувязками. Полагаю, мы быстро уладим наши дела. Наряды бриллианта – белые и серебряные, и они, несомненно, будут вам к лицу. Но вам надо встретиться с мисс Гэррисон, чтобы она к концу недели перешила все платья.

– Конечно, – пролепетала я и кивнула. – Дайте мне знать, что именно надо делать.

В дверях возник Седрик. Похоже, он взял себя в руки: теперь он обворожительно улыбался.

– Мистрис Мастерсон, можно мне ненадолго увести Аделаиду, когда вы закончите с ней беседовать? Она, вероятно, весьма взволнована, и я бы хотел ее подбодрить.

Мистрис Мастерсон тоже расплылась в улыбке.

– Естественно, мастер Седрик. Мы уже поговорили.

Зима еще не сдавала своих позиций, но солнце светило ярко: очутившись в саду, я с удовольствием вдохнула свежий морозный воздух. Седрик предложил мне прогуляться и насладиться хорошей погодой, но я решила, что ему нужно пообщаться со мной безо всяких свидетелей.

Я испытала облегчение, когда он привел меня к купе боярышника, а не в дикий лес, где творил обряд Средизимья.

– Что вы натворили? – напрямую спросил он. – Вы свихнулись?

– Я вас спасла, вот что я сделала!

Я ожидала от него похвалы и была шокирована его вспышкой.

Седрик запустил пальцы в свою шевелюру, выдернув несколько прядей из аккуратно стянутого на затылке хвоста.

– Вам не следовало привлекать к себе внимания! Я же сказал вам об этом еще в первый день! Вы что, не слышали мистрис Мастерсон? Никто не пересдает все предметы! Никто не получает максимум баллов! Никто из девушек!

– Я...

– Думаете, вами будут восхищаться? – продолжил он, нервно расхаживая туда и обратно. – Полагаете, все лишь посмеются и покачают головами? Кто-нибудь сразу начнет сомневаться. Кто-то начнет удивляться, почему это горничная из графского особняка вдруг идеально пересдала экзамены, хотя сперва она показывала очень средненькие результаты? И кто-нибудь обязательно догадается, что простушка из Осфро – вовсе не горничная!

Я надвинулась на него, оперев руки в боки.

– Ну и что с того? Пусть меня разоблачат как сбежавшую

аристократку, зато вас не признают еретиком! И потом... мы ведь отплываем в Адорию – вы, я надеюсь, не забыли? Моя переэкзаменовка останется в прошлом!

– Откуда у вас такая уверенность? – мрачно поинтересовался он. – Вы сильно рискуете!

– А что самое страшное может случиться? Меня отволокут обратно к бабушке? Пусть лучше так, чем вы окажетесь в Осфро на виселице!

– А если меня казнят за похищение титулованной аристократки? – парировал он, подаваясь ко мне.

– Нет! Я позабочусь о том, чтобы вас ни в чем не обвинили. Я возьму всю вину на себя – только этого делать не понадобится. Даже если кто-то последует за нами в Адорию, я выйду замуж раньше, чем на меня успеют заявить права в Осфро. Судите сами! – с гордостью добавила я. – Экзамены – лишь первая ступень! Погодите немного, и я вас точно не разочарую! Я буду уникальным бриллиантом: из-за меня начнется яростный аукцион. Они все будут у меня как ручные.

– Не сомневаюсь, – проворчал он.

– Не смейтесь надо мной, – потребовала я. – Благодаря тому, что я сделала, вы получите самую большую комиссию в нынешнем сезоне. Возьмите часть моей страховки! Может, суммы и не хватит на оплату пая в Вестхэвене, но это все равно упростит дело, если наша авантюра с картиной провалится.

Он смерил меня взглядом и объявил:

– С вами не соскучишься.

Я сжала руки в кулаки.

– Слова, которые вы сейчас пытаетесь подобрать, должны звучать несколько по-другому: «Спасибо вам, Аделаида, за то, что столько делаете и помогаете мне».

– У вас могут возникнуть серьезные проблемы. – Он покачал головой. – Вам не стоило так стараться из-за меня.

Я замолчала. Неужели Седрик беспокоится обо мне? Значит, он не боится обвинения в соучастии в моем исчезновении! Ему хочется помешать моему разоблачению, не дать увезти меня назад, в Осфро.

– Но почему? – возразила я, нарушив паузу. – Вы тоже меня выручили! Вы меня спасли, Седрик. В Осфро я медленно шла ко дну. И теперь я у вас в долгу. Я бы и на большее пошла, если это нужно, чтобы сохранить вашу жизнь, даже вопреки вашему желанию.

Во время моей тирады Седрик смотрел на меня невероятно пристально, как будто не мог до конца поверить моим словам. А когда я

замолчала, он улыбнулся – и я чуть-чуть успокоилась.

– Вопреки моему желанию? – переспросил он.

– Это вы сделали выбор и осложнили свою жизнь ересью.

– Веру не ты выбираешь. Наоборот – она тебя выбирает.

– Ладно, – отозвалась я и пожала плечами. Я постаралась говорить легко и небрежно, но безумно радовалась тому, что мы не ссоримся. – И как же она вас выбрала? Не обижайтесь... но вы не похожи на человека, который интересуется духовными вопросами.

Седрик неторопливо направился к особняку, и я пошла рядом с ним.

– Меня беспокоило очень многое – с самого детства. Мои родители состоят в браке, но с тем же успехом можно считать, что они в разводе. Они почти всегда жили порознь, а мы должны были притворяться, что это нормально. Не полагалось открыто реагировать на семейные неурядицы, впрочем, и на все остальное – тоже... Главными понятиями для Торнов являются долг и сохранение приличий, как и учат традиционные религии... Но позже я узнал, что шесть ангелов-отступников – вовсе не злобные чудовища: они просто отвечают за чувства и инстинкты, которые отвергают священники Уроса. И я понял: нет ничего дурного в том, чтобы принимать эмоциональную сторону, жить в мире с самим собой. Нет ничего страшного в том, чтобы давать волю своим страстям.

Мысль о Седрике и вольных страстях выбила меня из колеи, и я на мгновение потеряла нить его горячих объяснений.

– Другие стороны аланзанской веры тоже показались мне обоснованными, – продолжил он. – Духовность без ограничений. Внимание к каждому человеку. Почитание природы. Нам не нужно посещать пышные службы, когда нищие и простолюдины голодают рядом с соборами, возведенными в честь Уроса. А ведь церковь Уроса процветает исключительно за счет щедрых пожертвований. Нечестно, что одни живут в роскоши, а другие влачат жалкое существование.

– Я видела ваши наряды. Вы не аскет. Кроме того, вы, по иронии судьбы, знаете с людьми, которые в Новом Свете считаются весьма обеспеченными.

– Думаю, что есть разница между честными предпринимателями и теми, кто забирает последние гроши у людей, которые верят, что в будущем получат от своего господина реальную помощь. Видите ли, Аделаида: традиционная церковь проповедует любовь к человеку, а на самом деле копит...

– Нет! – вскинула руку я. – Перестаньте! Я вижу, куда вы клоните. Я буду хранить ваши тайны, но не пытайтесь обратить меня в язычество!

Он рассмеялся:

– И в голову бы не пришло! Хорошо, что вы хоть где-то проводите границу.

Мы приближались к особняку, и мимолетное веселье угасло.

– Мне очень жаль, что я осложнила вашу ситуацию, – призналась я.

– Ничего! Я давно привык к тому, что моя жизнь полна трудностей. Но прошу вас, Аделаида, будьте осторожнее. Никто из нас не будет в безопасности, пока у вас на пальце не засверкает золотое кольцо от адорийского жениха.

– Обещаю, что он подарит мне кольцо с огромным бриллиантом, – сообщила я Седрику, заработав ответную улыбку.

Когда мы вернулись в дом, я увидела, что большинство девушек разошлись по своим комнатам, избавив меня от массы вопросов. Увы, я ошибалась!

Поднявшись в спальню, я застала там Тэмсин и Миру. Похоже, они ждали моего возвращения. Тэмсин сразу вскочила.

– Что ты натворила? – крикнула она, повторяя слова Седрика.

– Что ты имеешь в виду?

– Хватит мямлить! Теперь ты не отвертишься! – Тэмсин скатилась до своей прежней речи, что ужаснуло бы мистрис Мастерсон. – Ты у нас любишь пошутить, да? Плынешь себе по течению, а в конце просто всех давишь?

Мне вспомнились обвинения Седрика, которые он на меня обрушил, когда я попала в Блистательный Двор: он тоже говорил, будто я отношусь к роли Ады очень легкомысленно. Неужто мои поступки всегда будут восприниматься окружающими именно так – и меня никогда не станут принимать всерьез?

– Как ты умудрилась это сделать? – не унималась Тэмсин. – Как ты получила лучшие баллы по всем предметам?

– Я многому научилась, когда работала у графини. Я всегда находилась среди аристократов и, наверное, невольно переняла их манеры. Я ведь тебе говорила...

Тэмсин скривилась.

– Не ври! Где же были твои прекрасные манеры? Мы живем здесь уже достаточно долго, и ты вечно в чем-то путалась, но всегда в разном! Ты постоянно менялась, делала что-то безупречно, а потом не справлялась с самыми примитивными вещами. Что за игру ты ведешь?

– Но я не играла, – возразила я. – Я слишком нервничала. А во время переэкзаменовок я собралась с силами.

– Не верю, – твердо заявила она. – Я не знаю твоих намерений, но ты явно что-то скрываешь. И если ты думаешь, что можешь взять и сломать мою жизнь...

– Опомнись, Тэмсин! – прервала я ее, переходя от обороны к наступлению. – Твоя жизнь вовсе не сломана.

Ее лицо исказилось от ярости.

– Неправда! Я добилась своей цели и попала в первую тройку! А ты взяла и все разрушила! Я говорила тебе, насколько мне важно стать самой лучшей, а ты отняла у меня надежду и лишила меня будущего!

Я вскинула руки.

– Тэмсин, прекрати! Я почти каждый день терпела твои спектакли, но это уже чересчур. Почему ты считаешь, что твоя жизнь сломана? Ты можешь мило беседовать на любую тему, высидеть праздничный обед с семьей переменами блюд и играть на фортепьяно! Может, ты и не попадешь на все приемы в Адории, но запросто выскочишь замуж за богатого и влиятельного жителя Нового Света. Ты была дочерью прачки, но преобразилась. Если бы ты была мне настоящей подругой, ты бы радовалась моим успехам.

– Ага! – бросила она. – Но я все-таки должна понять, что ты от нас утаиваешь! Я прожила рядом с тобой больше восьми месяцев, но ничего толком о тебе не знаю. Единственное, в чем я уверена – что ты нам врала! Твой триумф является прекрасным доказательством!

Меня терзало множество неприятных чувств. Гнев. Печаль. Досада. Я ненавидела ложь и притворство. Мне хотелось рассказать все Тэмсин и Мире. Про титул. Про Лионеля и Аду, про Седрика и его мечту попасть в колонию Вестхэвен. Свои и чужие секреты жгли меня, и я жаждала открыться подругам. Но хотя мне это и было необходимо, я запретила себе так поступать. Мне нельзя предавать Седрика. Да и последствия могли быть очень-очень печальными, если не трагичными. Поэтому я спрятала все тайны в глубине сердца и приказала себе выстоять перед враждебным отношением Тэмсин.

– Нет, Тэмсин, – вмешалась Мира, – ты несправедлива. Что плохого в том, что Аделаиде захотелось преуспеть? Каждая из нас хочет добиться успеха! И она ведь сказала тебе, что сперва она не справлялась, потому что нервничала.

– Она лгала и тебе, и мне! – взвилась Тэмсин. – Она не боялась с самого первого дня! Она выступала против Клары! Она даже отправилась на ночь глядя за остролистом. Ее шуточки, ее беззаботность... это была просто маска. – Тэмсин обвиняюще наставила на меня палец. – Никакой

проблемы с нервами у тебя не было и в помине! Я отказываюсь трепыхаться в твоей паутине лжи! Я никогда не буду иметь с тобой дел.

Дипломатка Мира вскочила на ноги.

– Тэмсин, ты перегнула палку! Ты не слушаешь голоса рассудка.

– И ведешь себя как маленький ребенок, – добавила я.

Сегодняшние стрессы начали давать о себе знать. Мои экзаменационные результаты, объяснение с Седриком, а сейчас – сцена с Тэмсин: все это...

Я с трудом себя сдерживала.

Тэмсин повернулась к Мире, игнорируя меня.

– Я не допущу, чтобы она манипулировала мной, как остальными. Подумай о том, что я говорю, Мира! Я права!

– Тэмсин! – взмолилась та. – Пожалуйста, перестань! Давай мирно обсудим ситуацию.

– Нет! – Тэмсин побежала к двери и, крутанувшись на месте, одарила меня ледяным взглядом. – Я отказываюсь с тобой разговаривать.

Я сорвалась.

– Без проблем – ведь в Адории мы будем вращаться в разных кругах общества!

Тэмсин вздрогнула, как от удара, но тотчас стиснула губы. Она действительно не проронила ни единого слова: ее единственной реакцией стала громко хлопнувшая дверь.

Моя первая настоящая подруга ушла от меня.

Глава 10

Если честно, я ей не поверила. Месяцами наблюдая за бурными эмоциями и сценами, которые закатывала Тэмсин, я решила, что она успокоится и помирится со мной. Но нет – Тэмсин продолжала упрямо гнуть свою линию.

А в «Голубом ключе» закипела бурная деятельность. Примерки проводились все чаще: портнихи работали круглыми сутками, чтобы приготовить нам достойный гардероб. Это было нелегкой задачей даже для одного нашего поместья, и я понимала, что в остальных трех владениях Торнов дела обстоят таким же образом.

Тэмсин продемонстрировали изумрудно-зеленые ткани, когда я случайно столкнулась с ней на очередной примерке. Она была ослепительна – и я сделала ей комплимент, но она притворилась, что ничего не расслышала.

Мой гардероб тоже поражал воображение. Я была в восторге и от аметистовых одеяний, однако бриллиантовые превзошли мои ожидания. Некоторые платья – в особенности дневные – оказались белоснежными, а ткань на них была столь тонкой, что могла поспорить с теми нарядами, которые я носила в Осфро. Ну а вечерние и бальные туалеты стали шедеврами портновского искусства. Мисс Гэррисон сшила их из бархата и атласа, и я не уставала любоваться сверкающе-белыми и серебристыми платьями, украшенными жемчугом и канительным кружевом.

Но к адорийским фасонам следовало привыкнуть. Хотя длинные юбки были пышными и надевались на несколько нижних юбок, как и у нас, фижмы, увеличивающие бедра, вообще не использовались. Но меня это несказанно порадовало: двигаться в новых нарядах оказалось намного проще. Адорийские рукава облегли руку до локтя, а затем расширялись и заканчивались прозрачным кружевом или иным видом отделки. Никакой сорочки, продернутой в узкие прорезы, к счастью, не предвиделось! А более всего меня изумили лифы. Вырез был поглубже, чем требовала осфридская мода, и любая амбициозная девица могла продемонстрировать своим ухажерам очень и очень многое.

– В Адории так принято, – заявила мисс Гэррисон, когда я вертелась перед зеркалом. – Это Новый Свет – по их собственным словам, новый, смелый мир. Они стараются не придерживаться наших «ханжеских» обычаев. – По тону мисс Гэррисон чувствовалось, что она не слишком

одобряет адорийцев, пусть даже создание подобного гардероба и входило в ее прямые обязанности. – По крайней мере, именно эти фасоны и предпочитают там, где вы сперва будете жить, – в Триумфальном. А в северных колониях, где поселились безумные наследники Уроса, все обстоит несколько иначе.

Я вежливо кивнула: мое деколье меня занимало гораздо больше, чем консервативный анклав приверженцев Уроса. Хотя я не забывала о наказании, которое грозило Седрику в случае его разоблачения, я твердо решила, что мне лучше вообще не касаться никаких религиозных вопросов.

Если бы не ссора с Тэмсин, то приготовления к будущей жизни в Адории стали бы для меня чудесным временем.

– Она передумает, – сказала мне Мира однажды вечером. – Я уверена.

Мира по-прежнему выступала в качестве дипломата, постоянно общаясь с нами обеими в надежде положить конец нашей размолвке.

– Неужто? – отозвалась я. – Ты видела хоть какой-то признак, что она смягчилась?

Мира поморщилась.

– Нет. Но так ведь не может продолжаться вечно, даже при ее характере. Может, когда мы окажемся в Адории и у Тэмсин появятся кавалеры, она уgomонится.

– Возможно, – согласилась я, решив не спорить.

Мой неожиданный успех до сих пор будоражил выпускниц Блистательного Двора. Девушки часто судачили обо мне, хотя никто к истине не приблизился даже на дюйм. Я знала, что Мира входила в число тех, кого это интересовало, но она была хорошей подругой и не мучила меня расспросами. Похоже, она не только хранила свои секреты, но и уважала чужие тайны.

Последний удар в нашей с Тэмсин вражде был нанесен в день отплытия. Мы приехали в портовый город Калвер на западе Осфрида, где нас ждали зафрахтованные Джаспером корабли. День выдался прохладным и ветреным. Мы столпились у причалов, и я услышала, как матросы ворчат по поводу утомительного морского путешествия. Мистрис Мастерсон тоже посетовала на это, но Джаспер отмахнулся от нее и заявил, что весна уже не за горами и самое главное – не угодить в эпицентр бури. Я знала, что если Торну-старшему удастся опередить других, менее решительных торговцев, он получит крупный куш, сбыв товар, которым он запасся в Осфриде.

Мистрис Мастерсон и домоправительницы из других поместий сопровождали своих выпускниц, однако в Адорию должны были

отправиться не все.

– По приезде вы попадете в надежные руки мистрис Калпеппер, – сообщила нам мистрис Мастерсон. Нас обдувал ледяной морской бриз, и я плотнее закуталась в плащ. – Она заправляет всем в Адории и позаботится о выпускниках.

Несмотря на уверенные речи, на лице мистрис Мастерсон отразилась тревога. Она прославилась своей суровостью, но сейчас смягчившиеся черты ее лица свидетельствовали о том, что мистрис Мастерсон вовсе не бессердечна по отношению к своим подопечным.

– Внимательно слушайте, что вам будут говорить, и помните курс обучения, который вы прошли в Блистательном Дворе, – посоветовала нам управляющая «Лебединого кряжа».

– И не разговаривайте с матросами, – добавила другая домоправительница. – Держитесь вместе и никогда не покидайте каюту поодиночке.

Мы это уже поняли. Матросы, заносившие на борт наше имущество и грузы Джаспера, оказались массивными и грубыми парнями. Я старалась не встречаться с ними взглядами, когда они проходили мимо нас с тюками и сундуками. Похоже, им тоже запретили с нами общаться, но излишняя осторожность, конечно, не могла нам помешать.

Джаспер разговаривал с матросами, указывая, что следует грузить на тот или иной борт. Благодаря нам он собирался получить немалый доход, который, естественно, должен был приумножиться после удачной продажи и остального товара. Какая несправедливость: Джаспер думал только о себе и не желал потратить ни гроша на то, чтобы помочь сыну! К сожалению, Седрик не ошибался насчет своего отца: Торн-старший очень редко одобрял решения своего сына.

Сам Седрик появился, как обычно, с некоторым опозданием. К этому моменту весь груз уже разместился в трюмах, и наступила очередь жемчужин. Джаспер зачитывал наши имена по списку, сообщая, кому из выпускниц надо идти на борт того или иного судна. Девушки из «Голубого ключа» должны были разместиться на «Доброй надежде», но каким-то чудесным образом имя Тэмсин попало в список «Серой чайки».

Я остолбенела, и даже Мира была удивлена. Мы не ожидали, что Тэмсин доведет нашу ссору до крайности.

– Тэмсин! – потрясенно выдавила Мира, глядя, как подруга вышагивает мимо нас.

Тэмсин не обернулась. Она задержалась только, чтобы вручить мистрис Мастерсон пухлую пачку писем.

– Спасибо, что обещали передать их по адресу, – произнесла Тэмсин и направилась к сходням.

Когда Тэмсин поднялась на палубу соседнего корабля, у меня заныло сердце. Я поставила интересы Седрика выше нашей дружбы с Тэмсин и, просыпаясь ночью, начинала сомневаться в том, что сделала верный выбор.

– Она обязательно передумает, – заявила Мира, пока мы шагали по причалу, однако ее голос дрогнул. – Во время плавания у нее будет время поразмышлять.

Наша каюта с шестью узкими койками оказалась тесноватой, но мы были к этому готовы. Здесь уже обосновались трое выпускниц «Голубого ключа» и еще одна девушка из «Лебединого кряжа», по имени Марта. Вероятно, с ней и поменялась местами разозленная Тэмсин! Я выглянула в коридор и посмотрела на ряды дверей, за которыми скрывались каюты других жемчужин, а также отдельное помещение, предоставленное мисс Брэдли, домоправительницы поместья «Данфорд».

Чуть позже мисс Брэдли собрала нас всех в кают-компании, где мы могли перекусить, и опять объяснила нам правила поведения на борту. По сути, она дотошно повторила все рекомендации, которые мы слышали на суше. Увы, круг наших возможностей заметно сузился, и двухмесячный «круиз» обещал быть тоскливым и долгим.

Когда судна приготовились отчалить, мы поднялись на палубу, чтобы понаблюдать за происходящим. С отчаянно бьющимся сердцем я смотрела на матросов, которые сустились на кораблях. Будучи графиней Ротфордской, я много чего делала – но никогда не предпринимала путешествий подобного масштаба. Однажды в детстве я плавала вместе с родителями в Лорандию, но почти ничего не запомнила. Да и маршрут был коротким, морская поездка длилась всего лишь сутки: кораблик просто пересек пролив, отделяющий Осфрид от его континентальной соседки.

Я посмотрела на «Серую чайку» и различила яркие локоны Тэмсин в толпе девиц, собравшихся на палубе.

– А вы добиралась из Сирминики на корабле? – спросила я у Мира, неожиданно осознав, что никогда не спрашивала ее о вынужденном бегстве.

Ее взгляд был устремлен на удаляющийся берег Осфрида. Я задумалась. Вдруг Мира жалела о том, что навсегда расставалась со страной, где нашла временный приют?

– Часть пути, – наконец ответила она. – Плыть на корабле всю дорогу – слишком дорогое удовольствие. Большинство беженцев не могут позволить себе такие расходы. Компания, с которой была я, передвигалась по суше, а

затем села на суденышко в Бельзии. – Она улыбнулась какому-то давнему воспоминанию. – Если тебе кажется, что наша каюта тесная, тебе стоило бы посмотреть на бельзианский корабль. Там даже не было коек: мы сидели в грузовом трюме. К счастью, плавание длилось несколько дней.

Я сжала ее локоть. Надо же, я никогда толком не понимала, что пришлось пережить Мире!

– Какой ужас, Мира!

Она пожала плечами.

– Это уже в прошлом.

– А теперь вас ждет безоблачное будущее, – произнес Седрик, тихо подойдя к нам.

Руки он сунул в карманы алого пальто, напомнившего мне тот праздничный вечер, когда я застала его за аланзанским обрядом. Седрика можно было принять за торговца или ученого, но из-за растрепавшихся на ветру волос он выглядел немного диковато. В моей голове пронеслись его слова о том, что надо давать волю страстям. Меня передернуло.

– Надеюсь, – отозвалась Мира. – А какая у вас каюта?

– Надо полагать, вам предоставили роскошную, – поддразнила я Седрика.

– Вы наверняка имеете в виду хоромы моего отца. У меня такая же скромная каюта, как у вас: я делю ее с другими пассажирами.

Седрик кивнул на группу мужчин, стоящих на палубе. Их одежда и манеры указывали на самое разное происхождение.

– Кто они? – поинтересовалась я.

Мне стало любопытно, кто еще плывет с нами в Новый Свет.

Какой-то мужчина с взлохмаченной черной шевелюрой сверлил меня пристальным взглядом. Если бы сегодня утром он побрился и облачился в отутюженный костюм, то его можно было бы назвать привлекательным. Заметив, что я обратила на него внимание, он вежливо кивнул и отвернулся.

– В основном торговцы. Пара-тройка авантюристов. И колонисты. Меня поселили с приятными людьми. Кстати, они донимают меня расспросами насчет вас, девушек, что совсем неудивительно.

– Потенциальные женихи уже есть? – спросила я. – Наше обаяние и прочие чары надо пустить в ход?

– А разве ваше обаяние временно покинуло вас? – Седрик прищурился и покачал головой. – Вряд ли они бы многого достигли. Вы никому из них не по карману.

Две девушки неподалеку от нас услышали реплику Седрика и

оценивающе посмотрели на незнакомых путешественников. Может, кое-кто из них и не процветал, зато остальные, похоже, жили припеваючи. Я догадывалась, о чем думают мои товарки: выпускницы Блистательного Двора выросли в бедности, и брак с любым из этих господ был бы немалым шагом вверх по социальной лестнице.

И что ждет дебютанток Джаспера в Адории, если они клюнули на первых встречных?

После того как возбуждение, вызванное отплытием, улеглось, мы опять вернулись в каюты. Но спустя час мы вновь поплелись на палубу: у некоторых из нас началась морская болезнь. Я почувствовала легкую тошноту, но быстро ее преодолела. Мира вообще обошлась без неприятных ощущений.

Мисс Брэдли предпочитала оставаться в каюте, но нам прогулки не запрещала – при условии, что мы будем ходить группами. Наверное, главной ее заботой было то, чтобы мы регулярно накладывали увлажняющие маски на лица, дабы к прибытию в Адорию у нас не огрубела кожа.

Очутившись в каюте, Мира ерзала на месте: она ненавидела сидеть взаперти. Я старалась почаще ее сопровождать, хотя порой она ускользала в одиночку.

– Как думаешь, чем занимается Тэмсин? – спросила я у нее.

Мы стояли у фальшборта и наблюдали за «Серой чайкой», которая постоянно находилась в пределах видимости. Я прищурилась, надеясь увидеть рыжеволосую голову Тэмсин.

– Строит планы, – ответила Мира. – Оценивает конкуренток и размышляет, как их превзойти.

Я усмехнулась, признавая ее правоту.

– Ее соперницы тоже не дремлют! Я говорю о девушках, которые получили высокие баллы на экзаменах.

Мира кивнула.

– Может, это было уловкой, чтобы шпионить за ними.

– Хотелось бы так думать.

«Серая чайка» нагоняла на меня тоску. Даже странно, насколько я скучала по расчетливой Тэмсин: наша размолвка лишала меня всякого удовольствия от плавания.

Мира с присущей ей отвагой подошла к фальшборту и принялась наблюдать на белыми барашками волн. Я содрогнулась: сама я не переставала бояться, что упаду за борт. Отведя от нее взгляд, я всмотрелась вдаль, в серо-синие безбрежные морские просторы и решила, что цвет воды

напоминает мне глаза Седрика.

– Как красиво! – прошептала я.

– Ваше первое путешествие через Закатное море?

Я обернулась и увидела мужчину, который таращился на меня в день отплытия. Это был как раз тот тип, которому следовало побриться или отпустить бороду. Если честно, чем дольше я на него смотрела, тем сильнее мне хотелось привести его в порядок. Его мятый костюм казался недешевым, но, как правильно заметил Седрик, наряд недотягивал до уровня богача, которому была бы по карману настоящая жемчужина.

– Извините, мисс, – добавил он, – нам ведь не положено разговаривать без официального представления?

– Но обстановка здесь совсем не официальная, – ответила я. Мира вернулась и снова встала рядом со мной. – Я – Аделаида Бейли, а это – Мира Виана.

– Грант Эллиот, – представился мой собеседник. – Я бы снял шляпу, будь она на мне, но давно понял, что на таком ветру надевать ее не имеет смысла.

– А вы бывали в Адории? – спросила Мира.

– В прошлом году. У меня – доля в лавке, которая продает все необходимое для разведки и выживания в дикой местности. Зимой в ней работал мой компаньон, и теперь я наконец-то возвращаюсь в Адорию.

У Миры загорелись глаза:

– А вы занимались разведкой новых мест, мистер Эллиот?

– Кое-где, – нехотя ответил он, отворачиваясь от Миры и глядя на меня в упор. – Ничего интересного. А объясните-ка мне, как устроен ваш Блистательный Двор? Каждая из девушек имеет ранг определенного драгоценного камня, да? И вы – самая лучшая.

– Я – бриллиант, – подтвердила я. – А Мира – гранат.

– Значит, вас приглашают на всякие...

– А, вот вы где! – К нам подошел Седрик и при виде Гранта улыбнулся. – Похоже, вы познакомились и без моей помощи. Мистер Эллиот – один из моих соседей по каюте. Аделаида, вы мне нужны на минутку. – Он указал на выпускниц, сгрудившихся неподалеку, и обратился к Мире: – Вы сможете спуститься вниз вместе с ними, когда они будут уходить? Вам не стоит оставаться одной на палубе.

– Конечно, – согласилась Мира. – Мистер Эллиот, может, вы успеете рассказать мне поподробнее про свой бизнес?

Грант замотал головой.

– Был бы счастлив, но, к сожалению, я вспомнил, что у меня срочные

дела.

Он улизнул, а Мира направилась к остальным девицам. Седрик поманил меня за собой. Я подумала, что он собирается побеседовать наедине со мной прямо на палубе. Однако Седрик тоже спустился вниз и зашагал по длинному полутемному коридору. Через некоторое время мы добрались до трюма, заставленного ящиками.

– Я вас слушаю, – сказала я, когда он закрыл за нами дверь.

Седрик миновал ряды деревянных ящиков и, картинно махнув рукой, объявил:

– Вот ваша художественная студия, мадам!

Я заглянула в узкий проход, загороженный штабелями из коробок, и обнаружила холст и краски.

– Я тайком пронес их на борт и стал искать место, куда редко заходят, – объяснил мне Седрик с затаенной гордостью.

Я опустилась на колени, чтобы разобраться с красками. Юбки изящно раскинулись вокруг меня. Я медленно перебрала все баночки.

– Масло, – констатировала я.

– Я что-то сделал не так? – встревожился он.

– Это повлияет на результат. Я не смогу подражать Флоренсио. У него совершенно другая техника.

Задор Сердика моментально улетучился.

– Я не знал. Но ведь вы сумеете хоть что-то сделать?

– Конечно. – Я мысленно перебрала виденные мной работы мастеров, вспоминая виды использованных ими красок и полотна. У меня была неплохая память на детали. Вопрос состоял в том, чтобы выбрать нужный и не слишком сложный стиль.

– Тодорос! – воскликнула я. – Художник из Мирикосии. Я напишу картину в его манере. Мирикосия ведет активную торговлю через Сирминику, а сейчас там творится жуткий хаос, поэтому никто не удивится незаконно вывезенной картине.

– Вы справитесь меньше чем за два месяца?

Я задумалась.

– Надеюсь, но мне надо работать ежедневно – хотя бы по два часа.

– Я это обеспечу, – твердо заявил Седрик. – Мы справимся.

Он замер, выжидающе глядя на меня.

– Что, прямо сейчас? – вырвалось у меня.

– А почему бы и нет? Сроки поджимают.

– Я не могу сразу же приступить к серьезной работе. Кроме того, вы меня отвлекаете, когда так смотрите на меня.

Он отступил назад – но не слишком далеко.

– Мне нельзя вас оставлять. Надо быть рядом на тот случай, если кто-то войдет в трюм.

– Но это не избавит нас от обвинения в подделке произведения искусства! – огрызнулась я.

– Не следует допускать, чтобы в разгар работы сюда забрел матрос. Вам нужно что-нибудь еще?

– Мне требуется свободное время и побольше места. Отсутствие постоянной качки. И, наверное, нормальная пища, а не сушеные фрукты и консервированная говядина. Все бы отдала за медовый бисквит. – Поймав его негодующий взгляд, я проворчала: – Сами попробовали бы начать создавать шедевр одного из величайших мастеров! Я хочу вам помочь, но мне надо хорошенько подумать над будущим сюжетом.

Я почти час вспоминала работы Тодороса и только потом взяла угольный карандаш и принялась за набросок. Тодорос прославился своей знаменитой серией из четырех картин под названием «Дама у фонтана». Каждая имела свой номер. Художник написал молодую женщину, стоящую у фонтана: живописец уделил внимание композиции, освещению и позе модели (они были разными на всех четырех полотнах). Вдобавок Тодорос включил в третью и четвертую картины изображение мужчины и ребенка.

Ну а я решила создать пятое, только что обнаруженное произведение из этой серии.

Однако сперва я оробела и боялась провести карандашом лишнюю линию. Странная обстановка и теснота мешали, как и корабельная качка. Но затем я сообразила, что проще всего будет изобразить женщину со спины, и стала вспоминать точное расположение фонтана и количество окружающих его деревьев. Вскоре я расхрабрилась окончательно и с удовольствием погрузилась в работу. Она помогла мне забыть об обмане, в котором я запуталась, и о постоянном унынии из-за Тэмсин.

Я забыла и про Седрика и вздрогнула, когда он заговорил:

– Аделаида, нам пора.

– Но я еще не закончила набросок! – возмутилась я.

– Мы задержались в трюме дольше, чем следовало. Близится время обеда, и я надеюсь, что мисс Брэдли не начала рыскать по палубе.

Я неохотно отложила карандаш и подождала, пока Седрик спрячет все «улики».

– Аккуратнее, – предостерегла я его. – Не порвите холст.

– Прореха добавит убедительности рассказу о том, что шедевр вывозили тайком, да еще в экстремальных условиях.

– Верно, – согласилась я, разминая затекшие мышцы. – Но картина, доехавшая в целости, принесет более высокую цену язычникам Адории. Клиент не станет подвергать сомнениям чудо, благодаря которому он получит возможность повесить у себя дома нечто действительно милое и симпатичное.

– Что ж, язычник из Адории будет вам весьма благодарен.

Мы покинули трюм и вновь зашагали по коридору. Завернув за угол, Седрик резко затормозил, и я едва не налетела на него.

– Но где же вы научились живописи? – спросил он меня шепотом. – Многие владеют лишь азами изобразительного искусства. Мало кто способен подражать мастерам.

Я пожала плечами. Седрик задал мне непростой вопрос.

– Меня научил отец, – сказала я, прерывая затянувшуюся паузу. – У нас была особая игра на проверку моей памяти.

Он сразу заметил, как изменилось мое настроение.

– Простите. Я не хотел вас огорчать. Но удивительно, что ваш батюшка так в вас верил. Судя по всему, аристократы мечтают лишь о том, чтобы их дочери получили хорошее воспитание и удачно вышли замуж.

– Папа тоже думал об этом. Но похоже, что мои намерения не совпали с его представлением о браке. Вы слышали про Руперта, первого графа Ротфордского?

– Да! Любой из Осфрида знает про него. – Седрик многозначительно посмотрел на меня. – И я могу назвать вам имена его прямых потомков.

– Всю жизнь мне в голову вбивали, какую ответственность налагает на меня титул. – Я привалилась к шершавой деревянной перегородке, вспоминая бабушку. – Иногда я думаю, что я посрамила свой древний род. Наверняка так оно и есть.

Седрик тепло мне улыбнулся.

– Я точно знаю две вещи. Именно Руперт допустил, чтобы его титул переходил к потомкам по женской линии, что указывает на его благородство и широту души. Вы же графиня, верно? Аристократы прошлых веков так никогда не делали – наоборот, они передавали титул наследникам-сыновьям! Значит, Руперт не относился к сторонникам архаических правил. Вам надо им гордиться.

– Не нужно расхваливать мне моего же предка. И что еще вы якобы знаете?

– При чем тут «якобы»? Руперт отверг сытую жизнь на континенте и пересек море. Он отправился на запад, в дикие варварские края! Он поступил так вовсе не потому, что это было выгодно для его карьеры или

могло обогатить его еще больше. Нет! Он просто сделал правильный выбор – Руперт, естественно, понимал: жизнь на старом месте его иссушает, ему необходимо стремиться к чему-то новому. Он не посрамил своего наследия. Он всегда проявлял отвагу и решительность. – Седрик бросил на меня пытливый взгляд. – Поведение Руперта вам никого не напоминает?

– Вы имеете в виду себя?

Я поспешила отвернуться, чтобы спрятать улыбку, но Седрик поймал меня за руку и притянул обратно. Когда я посмотрела на него, то поняла, что мне уже не до смеха. Седрик был преисполнен пугающей серьезности. Внезапно мне стало трудно дышать, а небольшое расстояние между нами как будто совсем исчезло.

– Не надо себя недооценивать, – произнес Седрик. – Я никогда этого не делал.

Мне хотелось, чтобы он отшутился, но он молчал, и я попятилась.

– Мне пора! До встречи.

И я бросилась по коридору к своей каюте. Меня страшило то, что я могла увидеть у себя за спиной.

Глава 11

Сперва Седрик ужасно нервничал. Похоже, он думал, что, взявшись за кисти и краски, я с наскока начну создавать подлинный шедевр. Но это было делом будущего, так как мне было необходимо провести подготовку. Я делала наброски, накладывала фоновые цвета, и постепенно, понемножку мое полотно стало оживать. Заканчивая сеанс, я неизменно ощущала, что мне не хватило времени. Минуты стремительно улетали прочь, и я побаивалась, что не успею закончить картину к назначенному сроку.

Однако за пределами моей импровизированной студии время тянулось, как резина.

– Ах, вот и вы! – воскликнула мисс Брэдли однажды вечером.

В тот день я сидела в трюме и ждала, когда высохнут краски, поэтому опоздала на ужин в кают-компании. Остальные жемчужины уже сидели за столом и с любопытством таращились на меня. Я замерла на пороге. Что ж, в столь длительном плавании любой, допустивший оплошность, становился настоящим развлечением.

– Приношу свои извинения, – Я сцепила руки и потупилась с виноватым видом. – Я гуляла на палубе и лишь через час спохватилась! А дорогу мне перегородили матросы: они что-то чинили на трапе. Мне не хотелось приближаться к ним, я затаилась неподалеку и проскользнула мимо них, когда смогла улучшить момент. Мне показалось, что это правильно.

Мисс Брэдли покачала головой.

– Не стоило расхаживать по палубе в одиночестве, Аделаида!

Но такой проступок совершала не только я – некоторых из резвых девиц, скучающих в своих каютах, тоже упрекали в нарушении правил.

– Извините, – произнесла я. – Мне просто надо было подышать свежим воздухом. Меня иногда начинает подташнивать.

Мисс Брэдли смерила меня строгим взглядом и жестом предложила мне сесть за стол.

– Хорошо, но надеюсь, что вы больше не совершите столь легкомысленных поступков. Барышни, это относится к каждой из вас.

Девушки кротко кивнули, отлично понимая, что такая «шалость» повторится вновь. Я со вздохом облегчения села рядом с Мирой. С той самой секунды, как наш с Седриком план начал воплощаться в жизнь, у

меня не получалось долго общаться с подругой. И если сначала Мира зазывала меня на прогулки, то позже она сдалась. Когда у меня выдавался часок, свободный от живописи, я могла застать Миру в каюте. Она увлеченно перечитывала сирминиканские приключенческие романы. Правда, порой я вообще Миру нигде не находила.

– Присоединяйся к нашей роскошной трапезе, – проговорила она, вручив мне корзинку с сухарями и галетами.

Я хмуро взяла жесткое печенье и положила на свою тарелку ложку маринованной капусты. Наши уроки застольного этикета были явно бесполезны: нам приходилось питаться скудными корабельными припасами. Меня огорчала не столько сама еда, сколько то, что она не менялась день ото дня.

Я уже поднесла галету ко рту, когда Клара вдруг спросила:

– А разве сейчас не идет дождь? Почему ты не промокла, Аделаида?

Я оцепенела, а взгляды присутствующих опять устремились на меня.

– А я стояла под навесом, – выдавила я. – Я ведь знаю, что мисс Брэдли не захочет, чтобы мы испортили одежду или свои прически. Пусть мы еще не в Адории, но нам очень важно придерживаться высоких стандартов. – Почувствовав себя увереннее, я мило улыбнулась Кларе. – Разумеется, ты о таких проблемах не задумываешься, но как бриллиант нашей группы я считаю, что мне следует постоянно об этом помнить.

– Золотые слова! – одобрила меня мисс Брэдли. – Хотя мы и оказались в трудных условиях, но нам всегда нужно заботиться о манерах и не забывать о внешнем виде. Вам, барышни, надо сохранять прекрасную форму! Когда наши корабли прибудет в Адорию, потенциальные женихи сразу же прибегут на пристань, чтобы посмотреть, как вы сходите на берег. Они будут оценивать всех выпускниц Блистательного Двора.

Ее реплика на мгновение нас ошеломила. И хотя прежде мисс Брэдли никогда не говорила ничего подобного, мне не следовало удивляться ее речам. В «Голубом ключе» все, что мы делали, подвергалось тщательному разбору со стороны преподавателей и мистрис Мастерсон. Предполагалось, что мы встретим столь же пристрастное отношение и в Адории. Почему бы новому испытанию не начаться уже в тот момент, когда мы ступим на берег чужой страны?

– Они оценят стати, как у скотины, – негромко произнесла Мира, но у мисс Брэдли оказался отличный слух.

– На улицах Осфро можно увидеть юных особ, которые вынуждены просить милостыню: они были бы счастливы возможности наряжаться и принимать комплименты от кавалеров, – резко одернула она Миру. –

Конечно, если вам хочется познакомиться с бедняжками поближе, можно устроить ваше возвращение обратно с Торнами в конце лета.

Многие девушки из нашей компании давно привыкли к Мире, но мисс Брэдли еще не смирилась с мыслью о том, что в ряды жемчужин вторглась сирминиканка.

– Прошу меня простить, – произнесла Мира.

Тон у нее оказался таким же виноватым, как и у меня, – наверняка ее раскаяние было неискренним.

* * *

– По-моему, если бы Мира могла решать, что ей делать, она бы не вышла замуж, – заметила я и посмотрела на Седрика.

Мы как раз направлялись к трюму. Прошло немало монотонных недель, и наш морской вояж близился к завершению.

– Иногда я думаю, что Мира оказалась здесь просто потому, что ничего другого для нее не нашлось.

Седрик положил руку мне на талию и перешагнул через рыбацкие сети, которые валялись на полу. С той поры, как началось наше совместное предприятие, мы стали вести себя по отношению друг к другу очень непринужденно и даже перешли на «ты».

– Мире несказанно повезло, – заявил он. – В Сирминике сейчас несладко.

– Верно. Но мне бы хотелось, чтобы она с большим энтузиазмом относилась к своему будущему. В любом случае все закончится браком в Адории. Она была бы счастливее, если бы радовалась, как и остальные девушки.

Возле трюма мы увидели капитана и его помощника: оба куда-то спешили. Мы посторонились, пропуская их, и до меня донеслись обрывки разговора.

– Ничего страшного, кэп. Я справлюсь.

– Не сомневаюсь, – буркнул тот. – Но погода сегодня что-то разыгралась. Ветер слишком сильный. В ближайший час за штурвал встану я, а потом передам его тебе.

Когда они скрылись из виду, Седрик застыл как вкопанный.

– Слышала? – спросил он.

– Что именно?

– Капитан встанет за штурвал.

– И что?

Лицо Седрика осветила предвкушающая улыбка.

– А то, что какое-то время его в каюте не будет. Не хочешь добавить к нашему авантюрному списку еще одно преступление?

Я опасливо на него посмотрела.

– Ты о чем?

– За мной!

Он подхватил меня под руку и повел куда-то вперед. Вскоре мы очутились в той части судна, где находились каюты команды «Доброй надежды». Я забеспокоилась, но Седрик не сбавлял скорость. Его чуть нахальная манера поведения заставляла матросов предположить, что мы находимся здесь по праву... к тому же они сейчас сутились и были чем-то озабочены.

Мы подошли к резной двери, которая вела в капитанскую каюту. Воровато пригнувшись, Седрик открыл ее и затащил меня внутрь.

– Странно, что она не заперта! – вырвалось у меня.

– Он обычно запирает ее, только когда спит. А днем почти никто из команды не осмелился бы сюда зайти.

– А мы осмелились? – сказала я и принялась с интересом озираться по сторонам.

Помещение одновременно выполняло функции рабочего кабинета и спальни и было в два раза просторнее нашей комнатки в «Голубом ключе». Изящное бюро притягивало взгляды к центру каюты, как и круглый иллюминатор, возле которого красовалось кресло. Даже не верилось, что тут можно каждый день любоваться небом с низкими облаками и серо-стальным морем. В дальней части каюты возвышалась кровать с парчовым балдахином. Кроме того, в глаза мне бросилось немало безделушек: подсвечники, статуэтки, шкатулки... В шкафах стояли дорогие книги в кожаных переплетах. Трудно было вообразить, что капитан живет в подобной роскоши, в то время как остальные ютятся в тесных и жалких конурках.

Корабль накренился на крутой волне, и Седрик ухватился за край бюро.

– Ты говорила, что я могу продать священнику отпущение грехов, но есть кое-что такое, чего мне у капитана выпросить не получается. И поэтому мы это просто заберем.

– Значит, мы еще и воруем? – уточнила я.

– Он не хватится пропажи. Обещаю. – Седрик направился к стеллажу и устремил взгляд на закрытый шкафчик у самого потолка. Затем он

присвистнул, и на его лице отразилось недоумение. – Нам надо в него залезть, но приставной лесенки нет. Я ее видел, когда мы с отцом тут обедали по приглашению капитана.

Я подошла к креслу, но сразу же выяснила, что оно намертво прикручено к полу. Наверное, мне следовало принять это как знак, что нам надо убираться восвояси, но я была заинтригована.

– Ладно, поднимай меня.

– погоди, что?

– Я могу забраться по полкам. Буду использовать их как ступени. Тебе надо лишь меня подсадить. Или ты передумал?

– Нет. – Вероятно, даже Седрика шокировало мое предложение. – А разве ты сумеешь вскарабкаться в платье?

– Мне не впервой, – залихватски ответила я, вспоминая детство (тогда меня часто ругали за то, что я лазила по деревьям в нашем сельском поместье). – Я могла бы его снять, но тогда ты впадешь в ступор, потому что вновь увидишь меня полуголой.

– Я еще от первого раза не оправился, – произнес он шутливо и посмотрел на стеллаж. – Надо попробовать. Риск – благородное дело.

Седрик обхватил меня за талию и помог приподняться – в итоге я поставила ноги на нижнюю полку и вцепилась в другую, расположенную гораздо повыше. Я понимала, что из-за этого маневра Седрик уткнулся лицом мне в юбки, но ему быстро удалось меня отпустить: я смогла удержаться и осторожно полезла выше.

– Если будешь падать, я тебя поймаю, – успокоил меня Седрик.

– И не мечтай! Ты меня спутал с какой-то неловкой девицей, которая не способна на обман.

– Да, ошибся.

Несмотря на кураж, я едва не потеряла опору, когда корабль снова накренился. В основном наше плавание проходило в спокойных водах, а сегодняшняя качка затрудняла самые обычные перемещения по кораблю... что уж говорить о моей попытке вскарабкаться на стеллаж в длинном платье!

Я добралась до шкафчика, распахнула дверцы и ахнула от изумления. Моему взору предстала еда!

Но отнюдь не солонина и сушеные фрукты, которые мы потребляли день за днем. Передо мной поблескивали банки с разнообразными деликатесами: изюмом, орехами, хрустящей карамелью, лимонным печеньем... А рядом находились таинственные мешочки и коробочки с какими-то запредельными лакомствами.

– Видишь зеленую жестянку? – спросил Седрик. – Нам нужна именно она.

Немного поискав, я обнаружила то, о чем говорил Седрик. Сбросив ему коробку, я начала спуск. Это оказалось проще простого – я была уверена в том, что «ступени» выдержат мой вес, и не боялась получить травму. Когда я почти слезла, Седрик опять обхватил меня за талию и водрузил на пол.

– Вуаля! – объявила я.

Седрик начал меня отпускать, но очередная волна заставила нас обоих врасплох. Он крепче меня обнял и сменил позу, так что мы оба устояли на ногах. Из-за неожиданного крена незакрепленные вещи в капитанской каюте съехали со своих мест. Только когда корабль обрел равновесие, Седрик меня отпустил.

– Оно того стоило? – осведомилась я.

Седрик открыл жестянку.

– Это ты мне скажи.

– Медовые бисквиты! Откуда?

– Наш капитан – сластена, а когда ты призналась, что готова убить за такое лакомство, я подумал, что надо принимать меры, чтобы все обезопасить. Хочешь штучку?

– Нет, дай мне целую коробку! – возразила я. – Но давай вернемся в трюм, пока нас не поймали на краже.

Перед отступлением мы приоткрыли дверь и выглянули наружу, но на нас, к счастью, никто не обратил внимания. Члены команды ловко сновали по коридору, а вот мы с Седриком были вынуждены останавливаться и хвататься за стены. Когда мы наконец дошли до нашего убежища, то мигом нырнули в уголок и занялись дележом добычи.

– Но ты решила взять себе все! – поддразнил меня Седрик, когда я протянула коробку ему.

– Бери немножко в качестве комиссионных. Хотя черную работу действительно выполнила я.

Я отломила кусок медового бисквита и отправила его себе в рот. Зажмурив глаза, я наслаждалась нежной выпечкой.

– Дома я уплетала их каждый день, – призналась я, прожевав свой бисквит. – Я их обожаю! А теперь, после корабельных сухарей и галет... Клянусь, ничего лучшего я за всю жизнь не пробовала.

Мы в считанные минуты расправились с содержимым жестянки.

Седрик галантно предложил мне последний кусочек.

– Надо отдать его Море, – возразила я. – Она – настоящая подруга.

Других у меня теперь нет.

Седрик вскинул голову.

– Правда?

– Не могу сказать, что сейчас думает обо мне Тэмсин...

– Ну а остальные – просто соучастники преступления.

– Ой! – Я почувствовала себя дурочкой. – Извини меня, Седрик. Я сболтнула глупость. Конечно, ты мой друг. Кажется.

Его улыбка стала еще более загадочной. Седрик потянулся и прислонился к стене трюма.

– Твой вердикт меня не слишком радует.

– Ты мой друг, – убежденно повторила я. – Но раньше я никогда не верила, что юноша способен дружить с девушкой. В моей жизни мужчины всегда являлись средством для достижения цели.

– И эти слова меня тоже совершенно не радуют.

– Зато сейчас я точно знаю, что на свете есть мужчины, которых мне надо покорить, – нашла я.

– Чуть лучше. Может, быть покоренным тобой не столь плохо.

– Помнишь, как я добилась от тебя реальной помощи, когда ты обнаружил меня в карете? Я решила, что ты уже покорен.

Посмотрев на Седрика, я заметила капельку меда у него над верхней губой. Инстинктивно я подалась к нему и бережно сняла ее пальцем.

Как только кончик моего пальца скользнул к его рту, я почувствовала, что у меня ускорился пульс, а тело накрыла волна жара. Поддавшись порыву, я провела пальцем по контуру его губ и внезапно подумала, что и вкус у них должен быть медовым.

Седрик поймал мою руку и переплел наши пальцы. От его обжигающего взгляда у меня закружилась голова: он проникал мне в самую душу. Он не отпускал мою руку – и мне показалось, будто течение времени вокруг нас замедлилось. В конце концов мне удалось прошептать:

– А как насчет меня? Я тебе друг?

Он на секунду прикрыл глаза, сражаясь с какой-то сложной дилеммой, и шумно выдохнул:

– Ты...

Седрик не успел договорить: дверь трюма с грохотом распахнулась. Мы оба вздрогнули. В проеме встал матрос: немолодой, с обритой головой и косым шрамом через всю щеку. Я была почти уверена, что на левой руке у него отсутствовали два пальца. Похоже, он остолбенел при виде нас.

Седрик молниеносно выпрямился и передвинулся таким образом, чтобы оказаться между мной и незванным гостем. Одной рукой он

защищающим жестом обнял меня, а другую сунул в карман куртки. По крайней мере, громила не разглядел мольберт с моей картиной: около двери был не очень хороший обзор трюма.

– Что вы тут делаете? – возмущенно спросил матрос. Мы не успели ничего ответить, а на его лице внезапно появилась ухмылка. – Ага, ясно! Решили побыть наедине, да? Похоже, стыдливые красотки Торна вовсе не такие и невинные!

Я не сразу его поняла, но в следующую секунду догадалась, как мы с Седриком выглядели со стороны. Близость Седрика и его полуобъятие создавали впечатление, что мы как минимум целовались. Оценив всевозможные варианты развития события, я залилась краской.

– Мы не...

– Она не хочет выходить замуж в Адории, – отчеканил Седрик, прервав мое смущенное бормотание. – Барышня собирается вернуться в Осфрид. А если мой отец узнает о ее решении сейчас, у меня будут неприятности.

Я подыграла ему, скрестив руки на груди. Джаспер скорее простит разыгравшиеся нервы, чем подозрения в моей добродетельности.

– Я давно все решила! Вы не сможете меня отговорить! – воскликнула я, обращаясь к Седрику.

Матрос обвел нас недоверчивым взглядом. Мне не понравилось то, как он смотрел на меня, и я поежилась.

Седрик запустил руку в другой карман и извлек оттуда бархатный мешочек. Достав из кошелья три серебряные монеты, он протянул их матросу.

– А тебе, приятель, необходимо молчать, пока я не смогу переубедить барышню. Так что не проболтайся, ладно?

Матрос схватил предложенные ему монеты. Насчет его пальцев я не ошиблась.

– Сударь, я вас не подведу! Молчать-то я умею получше других. Вы можете положиться на Старину Левшу. Никому не скажу про ваши... гм... сомнения.

Он почтительно кивнул и наклонился, чтобы взять деревянный ящик. Переступив через порог, громила обернулся, одарил нас понимающей ухмылкой и закрыл за собой дверь.

Я застонала.

– Отлично! Я не сомневалась, что когда-нибудь все рухнет.

– Ничего подобного, – возразил Седрик. – Картину он не видел – и будет хранить молчание.

– Неужели? Ты действительно так считаешь? Извини, но, по-моему, нам нельзя связываться с типом по прозвищу Старина Левша. – Я помолчала. – А почему его так называют? Потому что у него нет пальцев именно на левой руке? Можно было бы выбрать что-то позитивное и назваться Стариной Правшой!

– Он ничего никому не скажет, – произнес Седрик. – Серебро это гарантирует и другие монеты – тоже. Полагаю, Левша еще заявится ко мне и потребует премию за свою «забывчивость».

Я нахмурилась.

– Значит, у тебя есть столько серебра, что ты можешь разбрасывать его пригоршнями?

– Какие-то расходы неизбежны. А если наше дело выгорит, то серебро не будет иметь особого значения.

– Ладно. – Я уставилась на карман его куртки. – А что у тебя там еще припрятано? Признавайся!

Поколебавшись, Седрик продемонстрировал мне сверкающий кинжал. Рукоять у него была серебряная, украшенная сложным древесным узором.

– Ритуальный клинок ангела Ожиля. Здесь изображено Древо Жизни, которое соединяет всех живых созданий земного мира с миром иным.

Я настолько удивилась, что даже не стала шутить насчет того, что Седрик и впрямь поклоняется деревьям.

– Ты собирался атаковать матроса?

– Если бы понадобилось. Я ведь не знал его намерений. – Седрик ненадолго задумался и протянул кинжал мне. – Держи.

– Он красивый, но языческий нож мне ни к чему.

– Забудь про религиозные вопросы. Возьми его на тот случай, если окажешься в серьезной переделке, когда он тебе понадобится.

– В ту ночь, когда я срезала остролист, ты велел мне бросить ножик, пока я никому не навредила.

– Я боялся, что ты навредишь мне. А вот кому-то другому... Мне их не жалко.

– Но я не умею им пользоваться, – запротестовала я, взяв клинок и невольно залюбовавшись орнаментом.

– Сообразишь. Ты сможешь за себя постоять, Аделаида. А для начала я дам тебе подсказку: если кто-то нападет на тебя, поверни кинжал острием от себя и начинай кромсать.

– Ага. Не знала, что ты подрабатывал инструктором-оружейником.

Очередная волна – гораздо более сильная, чем прежние – бросила нас друг на друга. Штабеля ящиков передвинулась, а я чуть не проткнула

Седрика ритуальным клинком.

– Наверное, не стоит его правильно держать при таком волнении на море, – отметил он.

Я убрала кинжал, раздумывая, куда бы мне спрятать его понадежнее, чтобы меня не поймали с аланзанским артефактом. Корабль накренился, и я с беспокойством осмотрелась.

– Это просто несколько крупных волн? Все началось с того, что капитан пошел за штурвал, помнишь?

Седрик погрузился в размышления. Наверное, нам следовало уделить внимание тому факту, почему именно ограбленная нами каюта пустовала.

– Я считаю... – начал Седрик, но умолк: крен отбросил нас к стене, и рядом с нами рухнула на пол тяжелая коробка. – Думаю, нам надо уходить отсюда, – признал он.

Мы выбрались из трюма. Мощные волны продолжали кренить судно. Не заботясь о том, чтобы быть незамеченными, мы направились к кают-компании Блистательного Двора. Однако у двери я оттащила Седрика назад.

– Седрик, ты до сих пор не сказал мне. Кто я для тебя?

– Ты... – Он потянулся рукой к моему лицу, но тотчас отдернул ее. – Ты недоступна для меня.

Я на мгновение закрыла глаза, буквально ощущая, как слова Седрика прожигают меня насквозь. Мой мир пошатнулся – и совсем не из-за бури, которая бушевала за бортом. Я отвернулась, не решаясь встретиться с ним взглядом, распахнула дверь и вошла в кают-компанию.

Там металась бледная мисс Брэдли, окруженная перепуганными девушками.

– Слава Уросу, вы здесь! – воскликнула она. – Мастер Джаспер заявил, что мы попали в эпицентр бури! Капитан сказал, что шторм налетел неожиданно. Нам приказано не покидать каюту!

– Мне надо вернуться, – произнес Седрик.

Я уже села за стол, но мигом вскочила.

– Что? Не надо рисковать! Сейчас не время совершать глупости.

– Аделаида! – одернула меня мисс Брэдли, которая, естественно, была не в курсе наших непринужденных отношений.

– Очередная маленькая глупость мне не повредит, – отозвался Седрик и исчез за дверью.

Я обвела взглядом кают-компанию, оценивая состояние присутствующих. Некоторые девицы стояли поодиночке, стойчески борясь со своими страхами. Другие сбивались в группы, плача и стеная. Я быстро

пересчитала девушек – и обнаружила, что одной жемчужины не хватает.

– Где Мира?

Мисс Брэдли лишь скорбно покачала головой.

– Не знаю! – с паникой в голосе воскликнула она. – Надо надеяться, что Мира укрылась где-то неподалеку.

Омерзительное ощущение тошноты, усиленное качкой и креном корабля, подступило к моему горлу. Мира не спряталась в соседней каюте, я была в этом уверена. Видимо, она отправилась на палубу еще до шторма и теперь пытается вернуться обратно.

Она находчивая – но успеет ли Мира добраться до кают-компания вовремя?

Я нетвердыми шагами двинулась к двери.

– Нужно ее найти. Хочу убедиться, что она в безопасности.

Мне пришлось повысить голос, чтобы он был слышен на фоне скрипа корабельной обшивки и воя ветра, который с каждой минутой усиливался.

– Аделаида! – крикнула мисс Брэдли. – Ни в коем случае!

Она шагнула в мою сторону, но потеряла равновесие. Я рванулась к двери не оглядываясь.

Идти по коридору оказалось мучительно трудно. Меня постоянно бросало на стены, и продвигалась я медленно. Все вокруг превратилось в хаос, и я остро осознавала, что наше уютное суденышко может запросто перевернуться и утонуть в бурлящем море. Я еще никогда в жизни не испытывала столь чудовищного ужаса – даже в ночь моего побега из Осфро. Тогда мне грозило обычное наказание от бабушки. Здесь же бушевала ярость стихии.

Я, наконец, добрела до люка, через который можно было вылезти на палубу. Я поднялась по трапу – и замерла. Я была совершенно не готова к мощному ветру, налетевшему на меня. Небо имело тошнотворный зеленоватый оттенок, а дождь хлестал как из ведра. Матросы метались по «Доброй надежде», исполняя отрывистые приказы капитана и первого помощника: хватались за такелаж и закрепляли какие-то подвижные предметы. Я сразу вымокла до нитки, а сильнейший порыв ветра отбросил меня на деревянную опору. Гигантская волна нахлынула на судно, практически уложив его на бок. Я успела уцепиться за опору, но заметила, что многих опытных матросов сбило с ног. Они катились по палубе и отчаянно пытались ухватиться за балки, попадающиеся им по пути.

Косой ледяной дождь превратился в густую пелену, и мои глаза защипало: я еле-еле смогла разлепить веки, однако мои усилия увенчались успехом – я различила Миру у дальнего борта. Девушка скрючилась на

палубе, пригвожденная к месту обломком реи, рухнувшим прямо на нее.

Мира находилась в опасной близости от борта, и мое волнение возросло: ее могло смыть волной в любую минуту! Безо всяких колебаний я кинулась к ней, пытаясь поскорее добраться до подруги.

Матросы игнорировали меня, но Старина Левша сразу обратил на меня внимание.

– Ты что творишь, девка? – заорал он. – Живо ступай вниз!

Я указала на Миру.

– Ей надо помочь! Она не может двигаться!

– Сама помогай! – рявкнул он. – Нельзя дать кораблю пойти на дно!

Он убежал, а я бросилась к Мире. Ну и пусть! Если мне нужно убрать обломок в одиночку – я так и сделаю.

Опустившись на колени, я начала тащить рею в сторону, но не смогла даже приподнять ее на дюйм.

– Оставь меня и возвращайся вниз! – прокричала мне Мира.

– Ни за что! – ответила я, продолжая тянуть рею.

В ладони впивались занозы, мышцы пылали. Мне удалось немного подвинуть обломок, но освободить Миру пока не получалось. Я подумала, что, наверное, при такой тяжести за борт Мира улететь не должна, но мне было бы спокойнее, если бы подруга оказалась в кают-компании вместе с остальными. Я стиснула зубы и опять ухватилась за рею, обещая, что добьюсь своего, чего бы это ни стоило. Чуть не плача, я вздрогнула: на обломок легла вторая пара рук. Оказывается, к нам сумел подойти Грант Эллиот. Во время путешествия я редко с ним сталкивалась. Он сделал еще пару попыток заговорить со мной в первую неделю на борту, но затем куда-то исчез.

– Тяни со мной! – приказал он тоном, совершенно не похожим на его прежнее обращение. Когда рея не сдвинулась, он гневно сверкнул глазами. – Проклятье! Ты вообще не стараешься?

– Еще как стараюсь! – прокричала я в ответ.

– Вам обоим надо... – запротестовала Мира.

– Заткнись! – бросил ей Грант, а мне сказал: – Сделаем на счет три. Тяни изо всех сил, даже из тех, о которых ты никогда раньше не догадывалась! Раз... два... три!

Я выполнила его приказ, задействовав все свои резервы. Казалось, руки у меня сейчас оторвутся... но спустя некоторое время нам с Грантом удалось приподнять рею настолько, чтобы Мира вытянула из-под нее ногу и освободилась.

Она с трудом поднялась на ноги и оперлась на Гранта.

– Идти сможешь?

Мира неуверенно кивнула, но, сделав шаг, захромала. Ушибленная нога давала о себе знать! Мы с Грантом тотчас подхватили ее под руки и поволокли за собой. Увы, из-за шторма нам тоже было непросто координировать свои движения. Ветер выл и налетал на нас, смешиваясь с воплями экипажа. Некоторые матросы кричали, чтобы мы уходили вниз, но большинство молча пробегали мимо: их не беспокоило, что мы можем упасть за борт.

Наконец мы смогли по кренящейся палубе добраться до одного из люков. Когда мы начали спускаться, Мира указала куда-то вдаль.

– Аделаида, смотри! – воскликнула она.

Я прищурилась, попыталась сфокусировать зрение и спустя минуту разглядела сквозь туман то, что увидели зоркие глаза Миры. «Серая чайка» буквально крутилась как волчок. Она находилась от нас дальше обычного – волны швыряли корабль, словно детскую игрушку, наклоня судно в разные стороны. Порой «Серая чайка» так резко кренилась направо или налево, что мне казалось – теперь ей не выкарабкаться.

Но Тэмсин!

Тэмсин находилась на борту «Серой чайки»!

Может, «Добрая надежда» выглядит столь же плачевно? Наверное, нас тоже изрядно потряхивало на волнах.

У меня не хватило времени на длительные раздумья.

– Хватит пялиться! – приказал нам Грант. – Скорее!

Мы спустились вниз, однако это лишь укрыло нас от ледяного дождя и ветра: качка была просто ужасающей. Грант довел нас до кают-компания Блистательного Двора и повернул обратно.

– Куда вы? – спросила Мира.

Он даже не посмотрел на нее.

– Проверить, не нужно ли помочь другим олухам.

Мира проводила его гневным взглядом.

– Мужчинам все позволено!

– Тебе хочется опять подняться на палубу?

– Предпочла бы сделать что-то полезное, а не сидеть и горевать о том, что у меня платье промокло.

Мисс Брэдли заметила, что мы стоим на пороге.

– Аделаида, Мира! Сюда! Слава Уросу, вы целы!

Несколько девушек молились. Некоторых тошнило, но это были пустяки по сравнению с остальной свистопляской.

Мы с Мирой устроились в самом дальнем углу.

– Ты точно в порядке? – спросила я.

Она пощупала лодыжку и кивнула.

– Болит, но ничего не сломалось. В худшем случае – растяжение. Мне повезло. Рея меня только придавила.

Я притянула Миру поближе к себе, стараясь не разрыдаться.

– Ты видела «Серую чайку? Там ведь Тэмсин!

– Она выживет! – яростно заявила Мира. – Она стойкая. Она не допустит, чтобы шторм помешал ей заполучить самого богатого мужа в Адории.

Однако нас обеих эти слова нисколько не позабавили. И, честно говоря, мне казалось, что нам надо бояться и за себя: бурное море продолжало кидать наш кораблик из стороны в сторону. Мы несколько часов жались друг к дружке и лишь вздрагивали, когда налетала очередная волна, которая наверняка могла бы с легкостью опрокинуть судно.

Пробила полночь, но никто из нас не спал.

Внезапно наступило затишье, и я понадеялась, что мы спасены, но это продлилось недолго: шторм опять разыгрался, и наше мучительное бдение продолжилось. Когда качка снова унялась, я напряглась еще больше и приготовилась к новому разгулу стихии... но ничего не произошло. Мира приподняла голову, которую положила мне на плечо, и заглянула в мои глаза. Мы обе думали об одном: неужели кошмар все-таки позади?

Ответ мы получили, когда в кают-компанию ворвался Седрик. Он был бледен и явно потрясен испытанием. Седрик посмотрел на девушек, задержавшись взглядом на мне и на Мире, а затем обратился к мисс Брэдли:

– Мой отец говорил с капитаном. Шторм стих. Просто чудо, что никто не погиб и корабль не получил серьезных повреждений. Непонятно, в каком состоянии груз, но мы это обязательно выясним.

В кают-компании раздались вздохи и вскрики облегчения.

– Сейчас ночь. Как только облака разойдутся, капитан определит наше местоположение. А вы попробуйте отдохнуть.

Он ушел, и многие девушки воспользовались его советом. Нам с Мирой было не до сна: возбуждение боролось с усталостью. Но море перестало бушевать, и в итоге я провалилась в дрему.

Мира, не терявшая чувства времени, разбудила меня и посмотрела на мисс Брэдли. Наша наставница не спала.

– Кажется, наступило утро, мадам, – вымолвила Мира. – Можно нам подняться наверх и посмотреть, как дела?

Мисс Брэдли ответила не сразу. Я видела по ее лицу, что благоразумие

требует оставить нас в кают-компании, но любопытство было сильнее.

– Хорошо, – согласилась она. – Но мы пойдем все вместе. Нас могут отослать обратно.

Она повела нас и еще нескольких девушек по коридору к трапу, с помощью которого можно было выбраться на палубу. Нас встретило серое утро – и тут выяснилось, что мы не единственные, кому не сиделось в укрытии. Некоторые наши спутники, в том числе Джаспер и Седрик, стояли на палубе и наблюдали за происходящим на судне. Повсюду виднелись следы поломок, но «Добрая надежда» плыла быстро и уверенно.

Матросы лихорадочно занимались ремонтом корабля.

– Смотрите! – произнес Грант, подойдя к нам и указывая на запад.

Мы с Мирой повернулись и застыли при виде темно-зеленой линии на горизонте.

– Я готов был поклясться, что ветер уносит нас в пучины ада, но, похоже, он сжалился над нами, – добавил Грант. – Это Мыс Триумфа.

– Адория... – прошептала я. Во мне вспыхнуло торжество, развеяв оцепенение, в котором я пребывала после шторма. Я повернулась к Мире и увидела, что она разделяет мои чувства. – Адория!

Милостью Уроса мы каким-то образом пережили ураган и достигли Нового Света. Я жадно осматривалась, ожидая, что и другие девушки сейчас будут плясать от восторга. Некоторые искренне радовались, но почти все остальные казались невеселыми. Даже мрачными. В том числе Седрик и его отец.

Я поймала взгляд Седрика. Меня потрясло горе, застывшее в его глазах.

– Что-то случилось? – спросила я.

Он кивнул на матроса, который держал в руках какой-то странный предмет. Я шагнула поближе, и меня захлестнула волна паники. Матрос держал в руках обломок деревянной скульптуры, которые обычно крепятся на кораблях. Я различила, что это часть женского лица, и... обомлела.

Это изваяние красовалось на форштевне «Серой чайки».

– Выловили из воды, – пробормотал матрос.

– Нет! – прошептала я. – Не может быть!

А потом я заметила, что второго корабля нигде не видно. На протяжении всего плавания он шел рядом с «Доброй надеждой»: порой впереди нас, порой – позади, но всегда держался неподалеку.

Теперь «Серой чайки» нет.

Первый помощник капитана шагнул ко мне и понурился.

– «Серая чайка» пропала, – с грустью констатировал он.

Глава 12

Пока судно подплывало к Адории, я была как в тумане. Я стояла на палубе вместе с девушками и тупо смотрела на чужой зеленый материк, который становился ближе с каждой минутой. Мне вяло подумалось, что я еще никогда в жизни не видела такого количества деревьев. Хотя Триумфальный являлся старейшим городом в Новом Свете, было ясно, что дикую природу там полностью покорить пока не удалось.

Но я молчала. Мира находилась возле меня: мы не разнимали рук и горевали о потере. А мне полагалось ликовать. Сердце у меня должно было колотиться в предвкушении чуда. Ведь этого я и ждала: Адория являлась целью моего плана, который зародился в тот день, когда я отправила Аду к ее родне. Однако я оказалась не способна наслаждаться этой минутой. На сердце у меня было тяжело, внутри все заледенело – похоже, навсегда.

– Поднимайте штандарт! – потребовал Джаспер.

Громкой возглас Джаспера вернул меня к реальности, и я вышла из оцепенения. Когда обнаружили обломки «Серой чайки», Джаспер был потрясен не меньше, чем остальные, но он незамедлительно переключился на гнев. Торн-старший неистово ругал утонувший экипаж «Серой чайки» – поскольку он, Джаспер Торн, понес из-за этого неслыханные потери. Он лишился и товаров, и бесценных жемчужин!.. Излияния Торна-старшего прекратил наш капитан: он резко заметил, что если кого и следует винить, то самого Джаспера.

Я мысленно согласилась с капитаном. Именно Джаспер настоял на плавании в конце зимы, подвергнув нас риску внезапных штормов, вроде того, который налетел на нас накануне вечером.

И Джаспер быстро переключился на свой обычный равнодушный деловой стиль, как будто урагана вообще не было.

Какой-то матрос поднял штандарт Блистательного Двора, закрепив его под флагом Осфрида. Джаспер с удовлетворением улыбнулся и обратился к мисс Брэдли.

– Как только его заметят, известие распространится мгновенно. – Он жестом указал на девушек, жмущихся на палубе. – Через несколько часов мы будем на берегу. Позаботьтесь о том, чтобы барышни подготовились.

В тусклом утреннем свете лицо мисс Брэдли казалось мертвенно-бледным.

– Подготовились, сударь? – переспросила она.

– Половина вероятных клиентов выйдет на пристань. Они, конечно, пожелают посмотреть на выпускниц. Я требую, чтобы девушек нарядили в их лучшие наряды. Пусть они продемонстрируют все, чему научились за этот год. Катастрофа с «Серой чайкой» ничего не меняет.

– Разумеется, сударь, – пролепетала она и склонила голову. – Девочки, надеюсь, вы слышали мастера Джаспера. Давайте спустимся вниз: вам надо переодеться. Вы выглядите как оборванки.

Девушки покорно двинулись к трапу, но я застыла на месте. Я недоверчиво уставилась на Джаспера и заговорила не сразу – отнюдь не потому, что не решалась. Я просто не могла толком выразить свое возмущение.

– Ничего не меняет? – наконец произнесла я. – Как вы можете такое утверждать? Случилась трагедия! Погибли все, кто находился на корабле. Половина выпускниц... и Тэмсин – моя подруга! А вам все равно? Вы считаете, что мы чинно прошествуем на берег и начнем кокетничать и улыбаться?

Джаспер устремил на меня немигающий взгляд.

– Я полагаю, что вы сделаете то, ради чего сюда приплыли: вступите в брак, который будет выгоден вам и мне. «Серую чайку» уже не вернуть. Я понимаю, что из-за кораблекрушения мое предприятие понесет огромный ущерб. Но вы уцелели, поэтому вам необходимо и дальше соблюдать условия контракта Блистательного Двора. Кроме того, я вложил в вас всех столько денег! Так что, мисс, вы облачитесь в нарядное платье и сойдете с корабля с безмятежным видом, как будто вы счастливы оказаться в Адории.

Я сделала шаг по направлению к Джасперу, не боясь ни его роста, ни высокого положения.

– Я не собираюсь вам подчиняться! Я помню, что я должна играть в Адории роль послушной куклы, которую вы выставите на аукционе. Но в моем контракте не говорится о том, что я обязана отключить свои чувства... что я могу игнорировать недавнюю трагедию! Я думаю, что вам следует добавить в курс нашего обучения бессердечность: вы в этом настоящий специалист!

– Аделаида! – ахнула мисс Брэдли. – Как вы смее дерзить мастеру Джасперу? Извинитесь перед ним!

– Вы имеете право на собственное мнение, – хладнокровно заявил мне Джаспер. – Урос свидетель: вы никогда не стеснялись его выразить. Но вы подписали строгий контракт. Вы должны выйти замуж в Адории, и подготовка к этому начинается именно сейчас. Если вы пожелаете вернуться в Осфрид в работный дом, я легко смогу отослать вас обратно.

– Если я пожелаю попасть в Осфрид, то я прекрасно обойдусь без вашей помощи!

Я повернулась к нему спиной и удалилась, игнорируя протесты мисс Брэдли. Я не обращала внимания на то, куда иду, проталкиваясь мимо изумленных матросов и пассажиров. Добравшись до люка, который вел на нижний уровень «Доброй надежды», я спустилась по лесенке и быстро преодолела лабиринт внутренних переходов. Ворвавшись в трюм, я бросилась к своей картине. Я ничего не осознавала, но не слишком удивилась, обнаружив, куда привело меня сердце. Во время путешествия только это место и было целиком моим.

Опустившись на пол, я закрыла лицо ладонями. Меня сотрясали рыдания. Заливаясь слезами ярости и горя, я проклинала этот мир. Меня переполняла ненависть к капризной зимней погоде, которая погубила «Серую чайку». Я ненавидела Джаспера, который заставлял нас вести себя так, словно ничего особенного не произошло.

А сильнее всего я ненавидела себя.

Если бы не я, Тэмсин не оказалась бы на «Серой чайке».

Появление Седрика я заметила лишь в ту секунду, когда он присел рядом со мной.

– Аделаида.

Я не откликнулась и не подняла головы.

– Аделаида, – повторил он.

Мои рыдания унялись, но я еще шмыгала носом.

– Тебя ищут, – сообщил он серьезным тоном. – Мисс Брэдли вне себя. Она боится, что тебя утащил кто-то из матросов.

– Передай ей, что я в порядке. Мне просто нужно побыть одной.

– Но с тобой не все в порядке.

Мой гнев вспыхнул с новой силой. Я вскочила на ноги.

– Почему? Потому что я не могла продолжать лицемерный спектакль? Мне хочется оплакать Тэмсин и остальных девушек. Я пока не научилась чувствовать – в отличие от некоторых!

Седрик выпрямился и встал.

– Всем хотелось бы их оплакать. Никто не отмахивается от того, что случилось.

– Кроме твоего отца, – напомнила я.

Седрик болезненно скривился.

– Он вовсе не бесчувственный. Но им движет деловая хватка, которая подталкивает его вперед. Отец решил, что вам необходимо произвести незабываемое впечатление на адорийцев. Так было и с предыдущими

выпусками. Блистательный Двор должен кружить всем головы. Я слышал, как отец говорил мисс Брэдли, что, оказавшись дома, мы сделаем чуть более длительную паузу перед началом бального сезона.

– А потом будем вести себя как ни в чем не бывало, – заключила я. – Танцевать. Флиртовать. Наряжаться.

– Аделаида, а ты чего ожидала? Да, мой отец – человек черствый, но по-своему он прав. Мы приплыли в Адорию с конкретной целью. И нам нельзя о ней забывать из-за «Серой чайки».

Я закрыла глаза.

– Тэмсин была на том корабле.

– Да.

– А знаешь, почему? – воскликнула я, посмотрев на Седрика. – Из-за меня! Из-за того, что я натворила! Я устроила фокус по поводу экзаменов!..

– Аделаида...

– Я не жалею, что помогаю тебе, – продолжила я. – Я у тебя в долгу. Но мне следовало быть с ней откровенной. Я не рассказала Тэмсин о своем прошлом – я ей не доверяла. Думала, что она, моя подруга, выдаст мою тайну! Я оказалась упрямой гордячкой и была занята исключительно собственной персоной! А теперь Тэмсин умерла. Из-за меня.

Седрик ласково обнял меня и попытался притянуть к себе. У меня промелькнуло воспоминание о медовом бисквите – и я оттолкнула Седрика. Сейчас мне было не до нежностей.

– Ты не должна так думать, – тихо произнес он. – Ты не виновата.

– Неужели? А кто виноват в том, что Тэмсин выбрала «Серую чайку»?

– Она сама. Она приняла такое решение. Тэмсин была столь же упрямой, как и ты. Каждый из нас решает, как ему поступить, а затем нам приходится жить дальше и принимать последствия нашего выбора.

У меня к горлу подступили рыдания, но я заморгала, не давая воли слезам.

– Все началось еще в Осфро! Сперва я поменялась местом с Адой. А сейчас ты говоришь, что я должна снова изворачиваться. Что мне нужно заполучить богатенького мужа в Адории.

– Аделаида, – проговорил он, нахмурившись. – Мне совсем не понравится, если ты угодишь в работный дом.

– Мне тоже, – призналась я.

Я почувствовала, что стою на краю пропасти. Что ж, теперь выбор был только за мной: стиснуть зубы и приспособливаться к жизни в Адории или трусливо вернуться в Осфрид.

– Ладно. Я продолжу спектакль. Мне надо переодеться.

Я направилась к двери, но Седрик преградил мне путь.
– Аделаида... мне очень жаль. Искренне жаль.
– Знаю, – ответила я. – Мне тоже. Но это ничего не меняет.

* * *

Вернувшись в отсек, где располагались каюты Блистательного Двора, я увидела, что некоторые девушки метались по коридору как безумные. Похоже, подготовка к выходу в адорийский свет была в самом разгаре...

Жемчужины оказались слишком заняты прическами и платьями, чтобы общаться со мной. Почти никто не встречался со мной взглядом, однако я заметила, что кое-кто из девиц с любопытством косился на меня.

Я застала Миру в нашей тесной каюте. Подруга уже застегивала свое алое атласное платье, вышитое золотыми цветами. Нижние юбки из золотистого шелка пикантно выглядывали настолько, насколько и было положено согласно местным фасонам.

Мира преобразилась. Она была экзотической и таинственной. При виде меня подруга оторвалась от своего занятия и крепко меня обняла. Я прижалась к ней – и мне снова пришлось бороться со слезами.

– А тебя это не волнует? – спросила я.

Зная ее независимый характер, я почти ждала, что она тоже будет возмущаться.

– Конечно, волнует, – ответила Мира совершенно хладнокровно.

Я увидела ее пылающие глаза и пролегшие по лицу морщинки и поняла, что за ее спокойствием прячутся ярость и горе. Просто Мира лучше меня умела сдерживать свои эмоции.

– Если я вернусь обратно в Осфрид, то проиграю. Мне нужно двигаться дальше, переходить к следующему этапу жизни. И тебе тоже.

Я отстранилась и кивнула.

– Да. И на самом деле... я же знала, на что подписывалась. Я не сдамсь. Но Тэмсин...

У меня перехватило дыхание, и я не смогла вымолвить ни слова. Мира стиснула мои пальцы.

– Понимаю, – прошептала она. – И у меня на душе очень тяжело. Но, Аделаида, твоей вины тут нет.

Седрик сказал то же самое. Но я пока не могла им поверить...

Однако я последовала примеру подруги и начала прихорашиваться. Я облачилась в платье из серебристо-серого бархата, под которое поддевались

белоснежные нижние юбки и сорочка. Рукава и лиф платья были украшены серебряными бантами, плечи прикрывала невесомая кружевная шаль. Она плохо защищала от сырости и промозглой погоды, но Джаспер жестко запретил нам выходить в теплых накидках.

Мы уложили волосы в сложные прически. Адорийские женщины предпочитали разнообразные пучки и плетения, но жемчужины Джаспера должны были затмить местных модниц своей красотой. В общем, нам пришлось трудиться не покладая рук.

На борту корабля использование огня было строго ограничено, поэтому тем, кто не мог похвастаться кудрями, нельзя было даже думать о том, чтобы использовать щипцы для завивки. К счастью, у меня были волнистые волосы, и я смогла быстро накрутить локоны, которые теперь обрамляли мое лицо.

Ну а мисс Брэдли заверила нас, что хоть мы и не смогли уделить должного внимания нашей внешности, мы на порядок превосходим всех путешественниц, которые когда-либо ступали на берега Адории.

Когда мы закончили сборы и снова поднялись на палубу, «Добрая надежда» уже почти подошла к гавани. Свободные матросы и пассажиры смотрели на берег. Мое горе оставалось столь же гнетущим, что и раньше, но я с горделивым выражением лица начала изучать окрестный пейзаж. Залив Триумфа оказался действительно громадным, а суша обнимала водное пространство подобно подкове или дуге.

Сам Триумфальный располагался как раз на одной из сторон «подковы». Мистрис Мастерсон рассказывала нам о том, что Триумфальный сразу же занял стратегически выгодное положение. Городской порт был защищен от морских штормов и обеспечивал безопасную стоянку швартующимся кораблям. В остальные районы Денхэма можно было попасть либо по суше, либо проплыв вдоль берега. Напротив города, на противоположной стороне залива, возвышались голые прибрежные скалы, а далее лежали каменистые, еще не освоенные земли.

Сперва я разглядывала мощные адорийские деревья. Несмотря на то что поселенцы постоянно использовали лес для строительства и с помощью вырубки расчищали почву для посевов, растительность здесь буйствовала.

Затем я различила и городские здания. Я невольно заинтересовалась Триумфальным, несмотря на свое желание сохранять равнодушие. Город был совершенно иным, чем мой родной Осфро. В столице Осфрида все было старинным. Непрístupные замки и вековые храмы определяли столичный силуэт, их окружали обжитые деревянные жилые дома и

магазины, облицованные камнем или кирпичом. Конечно же, в Осфро не прекращалось строительство и обновление, но в целом город производил впечатление надежной твердыни и внушал чужакам трепет.

А Триумфальный – старейший город Адории! – казался неловким подростком. Здесь почти не встречалось каменных зданий. Большинство домов были деревянными, и светлый цвет обшивки свидетельствовал об их юном возрасте. Я сразу же заметила и множество строительных лесов: Триумфальный явно увеличивался в размерах, но пока еще не достиг своего расцвета. Станным было и то, что в городе не обнаружилось и по-настоящему высоких зданий. Не было в Триумфальном и замков, напоминающих о доблестном прошлом. Самым крупным из увиденных мной строений оказался форт на склоне холма, но и там не было следов времени: его тоже построили из свежих бревен.

Все это вкупе с почти полным отсутствием камня сильно меня обескуражило. Город выглядел невероятно юным, но, похоже, каждый день отчаянно боролся за свое существование.

Я задумалась о том, что ждет меня на берегу.

А на пристани уже собралась толпа, в основном состоявшая из мужчин.

Причалы, к счастью, ничем не отличались от тех, что я видела в Осфро. Вода, казавшаяся темной из-за ненастного неба, равномерно билась о дубовые сваи.

В воздухе пахло рыбой, солью и отбросами.

Матросы пришвартовали корабль (на закрепление концов ушло немало времени), и нам разрешили сойти на берег. К этому моменту толпа заметно выросла. Я заметила богато разодетых джентльменов: они вполне могли оказаться законными претендентами на роли будущих женихов. Рядом сгрудились простолюдины, которые просто глазели на происходящее. Все кутались в плотные плащи или пальто, защищавшие от холода. Я ежилась при резких порывах ветра и с завистью смотрела на обладателей теплой одежды.

Тем временем дюжина вооруженных здоровяков направилась к сходням.

Джаспер первым спустился на берег. По долетавшим до меня обрывкам разговора я поняла, что этих громил Торн-старший нанял для нашей охраны. Хотя в Осфро я всегда передвигалась в сопровождении слуг, отряд головорезов напомнил мне, что мы действительно очутились в Новом Свете. Я грезилась о приключениях в Адории и получила то, что хотела: Новый Свет до сих пор оставался диким и неизведанным местом.

Джаспер махнул нам рукой. Мисс Брэдли построила нас в ряд, поставив меня во главе цепочки.

– Ты – бриллиант, – объяснила она. – Ты должна идти впереди.

Я потрясенно воззрилась на нее. Я была не очень стеснительной, однако после всего пережитого требование мисс Брэдли показалось мне явным перебором. Но я не успела ничего возразить, поскольку Мира спросила:

– А почему вы ставите меня третьей?

Мисс Брэдли адресовала ей одновременно жесткий и печальный взгляд.

– Ну, милочка, ты теперь третья. Девушки, которые занимали более высокие позиции в списке жемчужин,плыли на «Серой чайке».

Мир покачнулся: я снова могла думать только о Тэмсин и о корабле, который крутился на волнах, как игрушка.

– Аделаида! – окликнула меня мисс Брэдли. – Пора! Мы ждем.

Я ссутулилась, не в силах сделать ни шагу – но внезапно ощутила рядом надежное присутствие Седрика.

– Иди за мной, – прошептал он. – Мы же направляемся к моему отцу, вот и все. Смотри вперед и не оглядывайся.

Седрик начал спускаться по сходням. Сделав пару глубоких вдохов, я набралась храбрости и последовала его примеру. К сожалению, мои ноги, привыкшие к постоянной корабельной качке, отказывались мне подчиняться. Твердая почва стала чем-то совершенно непривычным. Не сводя глаз со спины Седрика, я спускалась вниз, стараясь игнорировать адорийских зевак. Хотя я и знала, что за мной идет вереница девушек, я чувствовала себя одинокой и уязвимой. Джаспер, стоявший на пристани неподалеку от толпы, с тем же успехом мог отойти на несколько миль. Его наемники расчистили проход перед причалом и с угрозой смотрели на каждого, кто осмеливался сделать хоть шаг вперед.

Но они не могли прекратить свист и крики.

– Эй, деваха, задери юбку и покажи, как выглядит настоящая драгоценность!

– А сирминиканку привезли для нас? Когда моя очередь?

И это были далеко не все дерзости. Во мне поднялась волна гнева, даже немного разогнавшая холод. Моя злость была направлена не только на неотесанных мужланов, но и на Джаспера. Неужели он не мог придумать лучшего способа подобрать нам мужей?! Он выставлял нас на всеобщее обозрение, словно мы – племенной скот! Мира была права. Видимо, наше обучение, заключительные экзамены и все усилия, нацеленные на то, чтобы

якобы расширить наш кругозор, были пустой тратой времени! Джаспер заставлял нас демонстрировать себя перед адорийскими варварами, которые оценивали исключительно нашу внешность!

Но, с другой стороны, разве это чем-то отличалось от вечеров и приемов в Осфро, когда меня выставляли напоказ в великолепных бальных залах столицы? Может, таков удел женщины?

У меня возникло почти непреодолимое желание разорвать свое дорогое платье и растрепать тщательно уложенные волосы. Но я вскинула подбородок и продолжала идти вперед. Теперь я смотрела лишь на алое пальто Седрика. Я пожалела, что спрятала кинжал в сундук – но не потому, что хотела пустить его в ход. Мне было бы спокойнее иметь клинок при себе.

«Я лучше этих людей, – подумала я. – Не из-за моего происхождения, а как личность».

В конце концов (хотя действие, вероятно, длилось всего несколько минут) я приблизилась к Джасперу. Он вместе с охранниками стоял возле экипажей, которые – слава Уросу! – оказались закрытыми. Джаспер одобритительно кивнул.

– Отлично, – пробормотал он, приглашая нас забраться в кареты. – Я уже вижу возможных клиентов. Не сомневаюсь, что при половине набора можно будет поднять цены.

Я резко остановилась, открыв рот для отповеди. Мира затолкала меня в карету.

– Как ты можешь молчать! – взорвалась я, когда мы уселись.

Мне казалось, что даже ее самообладание имеет свои пределы.

– Ошибаешься, – возразила она, растирая лодыжку. В глазах подруги тоже плескалась ярость. – Но я не собираюсь растрачивать силы попусту. Случившегося не изменить. И его характера ничто не изменит. Зато мы можем определять свое будущее, и именно на этом нам надо сосредоточиться.

Я откинулась на спинку сиденья, обхватив себя руками за плечи. Напряжение, вызванное участием в постыдной процессии, постепенно спало – и я опять ощутила ледяной холод. Я старалась оставаться бесстрастной, как и Мира, но мне было нелегко. Я мечтала выскочить наружу и наорать на Джаспера, дав волю эмоциям, которые бушевали во мне.

Но я знала, что истерикой не вернешь ни Тэмсин, ни «Серую чайку».

Поэтому я сидела с безмятежным видом, сдерживая кипевшие во мне чувства. К нам присоединились еще две девушки, и карета покатила по

дороге. Еще на берегу я заметила, что в Триумфальном нет мощеных улиц – даже в самой оживленной части города. Налетевшая на нас буря принесла сюда дождь, и колеса ощутимо вязли в неровной раскисшей грязи. Один раз кучеру пришлось позвать наших провожатых, чтобы те помогли ему освободить застрявшее колесо.

До нашего нового дома мы добрались ближе к вечеру. Какое-то время нам предстояло жить в особняке под названием «Глициниевая лощина». Он казался маленьким и скромным после почтенного «Голубого ключа», но мисс Брэдли объяснила нам, что по адорийским понятиям это великолепное строение. Трехэтажное здание выглядело аскетичным, зато в оконных рамах поблескивали настоящие стекла, что являлось редкостью для Адории.

Практически все деревья вокруг были вырублены, лишь вблизи от крыльца росло несколько яблонь да еще глициния, давшая название особняку.

Плети глицинии были еще голыми, а почки на яблонях только-только начали набухать – в отличие от почти проклюнувшихся в Осфро. В более суровом климате Адории весна наступала позже.

В доме на нас нахлынуло тепло – и нам наконец вручили пледы и накидки, чтобы мы согрелись. Женщина средних лет с гладко зачесанными темными волосами и острым подбородком стояла в холле вместе с хорошо одетым немолодым мужчиной в очках. Он обнял Джаспера и Седрика – и я догадалась, что это и есть Чарльз Торн. Он беззаботно улыбался, пока Джаспер не прошептал ему что-то на ухо. Чарльз побледнел: я поняла, что ему сообщили про «Серую чайку».

– Какая трагедия, – выдавил он.

Джаспер кивнул и поделился с ним своим недавним прозрением:

– Увы! Тем не менее это повысит спрос на жемчужин.

Седрик бросил на отца уничтожающий взгляд и повернулся к Чарльзу.

– Дядя, мы пообещали девушкам, что они отдохнут перед началом светского сезона.

– Конечно, – сразу согласился Чарльз. – Мои бедные жемчужины! Вам необходимо прийти в себя. Но когда сезон начнется, вашу печаль как рукой снимет! Ваша прогулка в карете была лишь намеком на те наслаждения, которыми вы будете окружены в Триумфальном!

Мы с Мирой переглянулись. Чарльз говорил совершенно искренне. Похоже, он был добрее своего брата, однако оставался в неведении относительно нашей «роскошной» жизни. Мне стало понятно, почему всеми делами управлял Джаспер.

– Барышни, познакомьтесь с мистрис Калпеппер, – сообщила нам мисс Брэдли, указывая на женщину с острым подбородком.

Это немного напомнило мне наш приезд в «Голубой ключ».

Мистрис Калпеппер придирчиво нас осмотрела.

– Думаю, что многие из вас воображают, будто в Новом Свете порядки свободнее и вам позволят делать все, что вам заблагорассудится. Уверяю вас, такого не случится, пока я здесь главная. Вы будете следовать установленным правилам, причем станете соблюдать их детально. И я не потерплю неприличного поведения или невоспитанности.

Я изумленно уставилась на домоправительницу. Она что – решила нас запугать? Она и впрямь считает, что мы окажемся разнузданными девицами?

Торны и часть нанятых охранников располагались в одноэтажном крыле особняка. Наши спальни находились наверху. В обычных обстоятельствах нас разместили бы по трое или четверо, но из-за уменьшившегося количества девушек мы смогли расселиться парами. Я обрадовалась тому, что мы с Мирой делим одну комнату на двоих, хотя и почувствовала боль в сердце: гибель Тэмсин не давала мне покоя.

– Переодевайтесь и отдыхайте, – добродушно посоветовал нам Чарльз. – Скоро мы поужинаем, а уж завтра начнем всестороннюю подготовку к светскому сезону. И вот тогда-то, жемчужины мои, и начнется настоящее веселье!

Глава 13

Не знаю, было ли все задумано именно Джаспером, но в итоге наш период траура оказался отличной деловой тактикой, которую он успешно и применил.

Наше исчезновение в «Глициниевой лощине» вызвало у потенциальных женихов бурный ажиотаж. Они видели нас лишь на пристани – а теперь жаждали встретиться с нами в другой обстановке. Джаспер воспользовался преимуществом ситуации и весьма неопределенно высказывался о том, когда же мы начнем блистать на балах. Таинственная завеса вокруг нас намеренно нагнеталась, и возле ворот особняка постоянно толпились слуги, нанятые для того, чтобы выведать хоть какую-то информацию о жемчужинах.

А вскоре в «Глициниевую лощину» стали наведываться и сами хозяева.

Я была среди тех, кто сильнее всего горевал о гибели «Серой чайки», но даже мне не удавалось справиться с любопытством. На первом этаже дома имелся рабочий кабинет, но, как правило, Торны принимали клиентов в просторной гостиной, под потолком которой проходила узкая галерея. Там-то мы и приседали, прячась за резным ограждением, и тайком наблюдали за происходящим внизу. Поскольку других контактов с внешним миром у нас не было (если не считать жутких историй о пиратах и икорийцах, которыми нас потчевали охранники), это превратилось для нас в настоящее развлечение. Новые впечатления разбавляли нашу каждодневную рутину, хотя и не очень помогали мне забыть о Тэмсин.

Некоторые поклонники задавали самые общие вопросы – и Торны тотчас приводили в действие свои торговые навыки, предлагая клиентам возможные кандидатуры. Седрику это удавалось прекрасно: Джасперу придрасться было явно не к чему. Мне вспоминался тот Седрик, которого я видела при нашем первом знакомстве. Удивительно, но он совершенно не походил на страстного инакомыслящего Седрика, который стал моим другом.

– Да, мистер Коллинз, вам, как члену магистрата, следует особенно тщательно подходить к выбору супруги, – говорил Седрик какому-то адорийцу однажды после полудня.

Девицы, прятавшиеся наверху, насторожились и постарались приглядеться к жениху. Член городского совета был нам особенно

интересен.

– Я долго откладывал встречу с вами, – произнес его собеседник.

Кажется, он был значительно старше нас, лет тридцати пяти. Седрик общался с ним наедине, как бывало уже не раз.

– Я начал говорить с Гарольдом Стоуном о его дочери, но как раз приплыл ваш корабль, и я решил вас навестить.

– Я знаком с мистером Стоуном, – отозвался Седрик. – Хороший человек, насколько я слышал. Преуспевающий фермер, верно? И, полагаю, его дочь – милая и респектабельная барышня, которая росла и воспитывалась дома, усвоив должные взгляды и принципы.

– Да, – настороженно подтвердил мистер Коллинз, не понимая, к чему клонит Седрик.

– Но разве миловидная фермерская дочка сможет реально помочь вам добиться ваших целей?

– Что вы имеете в виду? – озадаченно спросил мистер Коллинз.

Седрик театрально взмахнул рукой.

– Посмотрите на себя! Вы – мужчина в расцвете лет! Ваша карьера идет в гору. Разве вы собираетесь остановиться на должности обычного члена магистрата? Вы ведь определенно будете претендовать на высокие посты в правительстве – в Денхэме или других недавно основанных колониях, где столь велика потребность в способных людях. Талантливый мужчина, желающий преуспеть, должен выделяться среди прочих. Ему пригодится любое преимущество, в том числе и подходящая ему супруга.

Мистер Коллинз замялся.

– А кого вы можете мне... предложить?

Седрик стоял к нам спиной, но перед моим мысленным взором уже возникла его ослепительная фирменная улыбка.

– Я вас не разочарую! – Он взял стопку листков и стал в них заглядывать. – Например, Сильвия: миниатюрная брюнетка, которая всех очаровывает. Получила превосходные оценки по планированию и организации досуга. Сильвия сможет устраивать вечеринки и приемы, впечатляя ваших друзей. Есть еще Розамунда, кстати, у нее чудесные золотистые волосы. Прекрасно разбирается в истории и политике. Умеет поддержать любой разговор со сливками общества – конечно, в аристократичной и женственной манере.

Сильвия и Розамунда, сидевшие рядом со мной на корточках, жадно подались вперед.

– Блондинки мне нравятся, – неохотно признал мистер Коллинз. – А она миловидная?

– Мистер Коллинз, уверяю вас: жемчужины все прехорошенькие. Нет, они просто красавицы! Сногшибательные и будоражащие воображение. Люди до сих пор не пришли в себя после того, как увидели их в гавани Триумфального!

– Меня там не было... но рассказы я слышал, – проговорил мистер Коллинз и вздохнул. – И сколько будет стоить Розамунда?

– Ну... – протянул Седрик, шелестя бумагами.

Я знала, что Седрик притворяется: он, конечно, помнил все наши данные наизусть. Работая с потенциальным клиентом, он лишь основывался на том, какую из девушек еще не рекламировали, стараясь, чтобы та превратилась для жениха в лакомый кусок. Меня еще никому не предлагали.

– Начальная цена Розамунды – двести золотых.

– Двести? – повторил мистер Коллинз. – Она будет стоить двести золотом?

– Повторяю, такова начальная цена Розамунды в соответствии с ее рангом. Данная цифра может возрасти, если претендентов окажется несколько и каждый захочет добиться ее внимания. Между нами говоря... – Седрик заговорщически подался к мистеру Коллинзу, – ...в течение недели к Розамунде был проявлен немалый интерес. Многие мужчины, как и вы, предпочитают блондинок.

Я-то знала, что Седрик упоминал о Розамунде только как об одном из возможных вариантов, однако мистер Коллинз моментально попался на крючок.

– Кругленькая сумма! – посетовал он.

– Это же инвестиция! – поправил его Седрик.

Я невольно улыбнулась: он был так обаятелен и самоуверен! Наверное, он убедил бы мистера Коллинза купить сразу десять жемчужин.

– Вероятно, скоро губернатор устроит торжественный прием, собираясь в ближайшее время огласить вашу должность? И, полагаю, вам следует появиться на приеме вместе со своей невестой. Между прочим, жена губернатора, дочь барона, по слухам, очень влиятельная особа. Каково будет ее мнение о вас, мистер Коллинз, если вы выберете в качестве спутницы жизни девицу, не умеющую поддержать элементарную светскую болтовню? А если королевский посланник Его Величества нанесет сюда визит, дабы проверить, идет ли Новый Свет в ногу со Старым, что он скажет после знакомства с фермерской дочкой? Она сможет беседовать об изобразительном искусстве или музыке? Будет ли она разбираться в дипломатических тонкостях политики Денхэма? Насколько мне известно,

вы получили воспитание, подобающее представителю среднего класса. Вы быстро продвигаетесь по карьерной лестнице, и, по моему мнению, юная жена с манерами аристократки могла бы помочь вам в плавании по политическим водам.

Седрик почему-то напомнил мне хищного зверя, сжавшегося пружиной. Похоже, он ожидал, что его добыча сейчас продемонстрирует слабость, и тогда он сможет молниеносно атаковать мистера Коллинза.

Ничего не подозревающий мистер Коллинз снова помолчал и спросил:

– Я могу ее увидеть?

– Разумеется – на балу дебютанток, где будут все наши жемчужины. Я позабочусь о том, чтобы вы получили приглашение, как только дата будет выбрана.

Вот так Седрик оставлял мужчин в подвешенном состоянии! Он умело раздражал клиента, внушая ему мысль о существовании идеальной невесты, но намекал на то, что на ее руку претендуют и множество других женихов.

Адорийцы покидали особняк, погрузившись в раздумья. По словам Седрика, они придумывали о нас массу совершенно невероятных легенд и распространяли их по всему Триумфальному.

Мы прожили в «Глициниевой лощине» уже недели полторы, когда Седрику наконец представилась возможность увести меня для частного разговора.

– Картину, мольберт, кисти и краски я перенес в подвал. У тебя найдется возможность туда пробраться и все закончить?

Когда начался шторм, полотно было почти дописано и требовало только пары-тройки завершающих штрихов.

– Если сумею улизнуть от мистрис Калпеппер. Она наблюдает за нами гораздо более пристально, чем мистрис Мастерсон.

Он кивнул.

– Я придумаю способ увести ее из дома после ланча. Скажу, что нам срочно понадобилась особая ткань или мелочь для какой-нибудь из девушек. Это логично, ведь первый бал состоится в конце недели.

– Правда? – воскликнула я.

Я понимала, что передышка не может длиться вечно, однако эта новость застала меня врасплох.

– Про бал скажут завтра. Мистрис Калпеппер будет с вами возиться, здесь воцарится хаос – и тебе наверняка удастся потихоньку спуститься в подвал. Сама понимаешь, возникнут проблемы с платьями, да и мужчины будут вламываться в дом, чтобы попытаться познакомиться с вами заранее.

Ничего не поделаешь, конкуренция среди женихов очень высока!..

Я бросила на него пристальный взгляд.

– А почему ты никогда не расхваливаешь меня?

– Что?

– Я следила почти за всеми твоими встречами. Ты перебираешь девушек одну за другой и стараешься, чтобы каждая была представлена кому-то из поклонников. А меня словно не существует.

– Наверняка я и о тебе говорил, – беспечно возразил Седрик. – Вероятно, именно эти встречи ты и пропустила.

Я пожала плечами. Я наблюдала практически за каждым клиентским визитом, а если и отсутствовала, то всегда находилась девушка, готовая пересказать мне подробности делового randevu.

Однако я не успела возразить Седрику – в столовую поспешно вошла мистрис Калпеппер.

– Мистер Торн, с вами желает побеседовать некий господин.

Я впервые видела домоправительницу выбитой из колеи.

Седрик наморщил лоб.

– Не помню, чтобы на сегодня кому-то было назначено.

– Вы правы. Но, сударь, с вами хочет встретиться сын губернатора. Уоррен Дойл.

Удивительно, но даже Седрик смутился.

– Ладно. Думаю, вам следует провести его в гостиную. – Мистрис Калпеппер удалилась, а он посмотрел на меня. – Тебе стоит занять свой наблюдательный пост.

Я ухмыльнулась и вылетела из комнаты. Поднимаясь вверх, я заметила, как Джаспер впопыхах вбегал в особняк. Похоже, Торна-старшего уже оповестили о визите губернаторского сынка. Обычно Джаспер предоставлял Седрику полную инициативу при обрабатывании возможных женихов, сейчас он явно захотел присутствовать при разговоре.

На галерее собрались все девушки – включая Миру, которая лишь изредка занималась подглядыванием. Мы вытянули шеи, надеясь рассмотреть важную шишку, которая столь впечатлила Седрика и Джаспера.

– Недурен, – прошептала Клара.

Мне пришлось с ней согласиться. Уоррен Дойл был всего на несколько лет старше нас самих, что немного обнадеживало, поскольку «Глициниевую лощину» удостоили своим появлением немало седовласых джентльменов. У юноши были правильные черты лица, а черные как смоль волосы он стянул в короткий хвост, популярный и в Старом, и Новом

Свете.

– Мистер Дойл! – воскликнул Джаспер, пожимая гостью руку. – Какая честь!

– Называйте меня по имени, пожалуйста. Обойдемся без формальностей: я рассчитываю на честный разговор без прикрас. Такой уж я человек. Надеюсь, вы меня простите. Не люблю светскую болтовню.

Джаспер обменялся с сыном быстрым взглядом и обратился к Уоррену:

– Разумеется! Присаживайтесь, куда вам угодно.

Уоррен устроился в кресле и сжал руки на коленях. В светлое время суток для визита допускался повседневный костюм, однако Уоррен был при полном параде – в терракотовом камзоле и жилете из золотой парчи.

«В таком виде можно отправляться прямиком на бал», – подумала я.

– Я бы хотел поговорить по поводу одной из ваших девушек. Лучшей – той, которая возглавила процессию. Она была в серебристо-сером платье.

Я напряглась.

– Вы имеете в виду Аделаиду? – неуверенно уточнил Седрик.

– Ее зовут Аделаида? – оживился Уоррен. – Она ведь лучшая, да? Ваш ранг жемчужин устроен очень своеобразно. У нее каштановые волосы, вернее, золотисто-каштановые. Очень красивые.

Мира усмехнулась.

– Какая память! – фыркнула она. – Удача – на твоей стороне, Аделаида.

– «Лучшая» – понятие субъективное, – дипломатично вымолвил Джаспер. – Каждая из наших жемчужин...

Уоррен добродушно рассмеялся.

– Не надо прибегать к привычной тактике. Вам не надо убеждать меня в том, что ваши девушки будут достойными спутницами жизни для адорийцев. Я видел их на пристани – и остался весьма впечатлен. Я хочу ее. Она мне нужна. Видите ли, меня назначили губернатором Хэдисена, новой колонии.

Джаспер расплылся в улыбке, но я понимала, что он занимается мысленными подсчетами.

– Поздравляем вас! Какой невероятный взлет для человека вашего возраста, если мне будет позволено так выразиться.

– Спасибо, – ответил Уоррен, кивнув. – Мне повезло. И поэтому мне необходима безупречная супруга. Она станет первой леди колонии, и на первоначальном этапе все будут брать с нее пример. А когда мы освоимся, она будет заниматься различными общественными мероприятиями и устраивать приемы в нашем доме. Мне нужна та, кто преуспел во всех

областях – умная, изысканная, восхитительная особа. Полагаю, что как ваша лучшая девушка...

– Наш бриллиант, – промурлыкал Джаспер. – Мы называем Аделаиду нашим бриллиантом.

– Хорошо. Надо полагать, что она превзошла остальных барышень вашего Блистательного Двора. Повторяю, что для успеха моего предприятия мне необходима несравненная супруга.

Я почувствовала на себе взгляды соседок, пытающихся понять мою реакцию. Я чувствовала себя потрясенной. После того, как мое имя вообще ни разу не упоминалось, я немного расслабилась, а сейчас была поставлена в тупик. Более почетного положения, чем супруга губернатора, в принципе не существовало. И я не могла не отметить, что Уоррена привлекла не только моя внешность, но и мои качества и способности. Ведь мужчины, наносившие сюда визиты, ставили во главу угла именно нашу красоту.

– Она поистине несравненна, – сказал Джаспер, который умудрился произнести свои слова без тени сарказма. – И открою вам секрет: бал дебютанток состоится очень скоро, и уже через несколько дней вы познакомитесь с Аделаидой.

– Мне такие проволочки ни к чему, – без обиняков заявил Уоррен. – Я уверен, что она исключительна. И я бы хотел подписать брачный контракт прямо сейчас.

– Это слишком скоропалительно, – жестко возразил Седрик. – Жемчужины знакомятся со своими будущими женихами во время светского сезона, а затем делают выбор.

Уоррен насупился.

– Я не собираюсь рисковать тем, что ее завоюет внешне блестящий, но пустой человек. Я назначу цену, которая компенсирует вам все расходы... но вы не получите эти деньги, если мне придется ждать. Гарантирую вам тысячу золотых в случае немедленной сделки.

Кое-кто из девиц шумно втянул ноздрями воздух. За всю историю Блистательного Двора такой суммы никто никогда не предлагал! Она вдвое превышала ту, с которой мне предстояло бы начинать.

Джаспер не поверил своим ушам.

– Вы очень щедры, мистер Дойл Уоррен.

– Я понимаю, что моя просьба необычна, – объяснил Уоррен почти смущенно, – и поэтому готов компенсировать изменение вашего свода правил.

– Да-да, – согласился Джаспер, только что не облизываясь. – Как тактично с вашей стороны!

– Наша политика, – объявил Седрик, бросая на отца предупреждающий взгляд, – состоит в том, что девушка знакомится с адорийскими джентльменами и делает выбор самостоятельно. Мы не можем продать выпускницу без ее ведома.

– Мне бы такое и в голову не пришло, – ответил Уоррен, озадаченный тоном Седрика. – А я могу увидеть ее сегодня, а позже заключить с вами сделку?

– Это также является нарушением правил, – начал Джаспер. – Но в данных обстоятельствах я, конечно, пойду вам навстречу. Не будет ничего страшного, если Аделаида встретится с вами сейчас и...

– Она должна оценить всех кавалеров и сама отдать предпочтение кому-либо из них, – упорствовал Седрик. – Так прописано в договоре. Никаких досрочных сделок.

Джасперу с трудом удавалось сохранять маску доброжелательности.

– Прошу меня простить, – обратился он к Уоррену. – Очевидно, столь щекотливый вопрос нам необходимо обсудить поподробнее. Дайте нам немного времени – и мы свяжемся с вами, как только найдем решение проблемы.

Уоррен помедлил. Казалось, что ему не хочется уходить, ничего не добившись, но в конце концов он кивнул.

– Я буду ждать вашего ответа – и скорейшей встречи с Аделаидой. Встречи до бала, – с нажимом произнес он. – И благодарю вас за то, что согласились выслушать мое необычное предложение.

Когда Торны распрощались с Уорреном, Джаспер утащил Седрика к себе в кабинет и закрыл дверь. Мы покинули галерею и направились в свои спальни. В коридоре меня засыпали вопросами и комментариями. Мне нечего было отвечать, а от девичьей трескотни у меня разболелась голова. Когда смогла остаться в нашей с Мирой комнате без посторонних, у меня вырвался вздох облегчения.

Мира лукаво мне улыбнулась.

– Какой сюрприз! – сказала она.

Я растянулась на кровати, обдумывая случившееся.

– Это ты еще преуменьшила.

– И как ты намереваешься поступить? – спросила меня подруга.

– Сомневаюсь, что я действительно смогу сделать выбор. Нами командуют Торны.

Мира уселась рядом со мной.

– Если бы ты спустилась вниз и объявила, что согласна стать женой Уоррена, возражений бы не было даже от Седрика.

Я резко села.

– Ты считаешь, мне стоило так сделать?

– Мое мнение ничего не значит. Но у тебя есть амбиции. А ничего амбициознее вообще нельзя вообразить.

– Да... и я смогу купаться в роскоши. А мы находимся здесь исключительно для того, чтобы заполучить богатенького жениха.

Конечно, мы были вовсе не обязаны выбирать самого щедрого адорийца. Однако если мужчина предлагал хорошие деньги за жемчужину, то это свидетельствовало о том, что он готов тратить на свою избранницу и в будущем. При этом Торны получали после сделки приличные комиссионные, да и сумма, закреплявшаяся за невестой в качестве вдовой доли, также увеличивалась.

– Хотя несколько самонадеянно явиться сюда, пожелав купить бриллиант! – сострила я.

Мира расхохоталась.

– Точно! Хотя Уоррен, по-моему, соображает. И он такой неуклюже-очаровательный. Он хотя бы не из тех, кто спрашивал, нельзя ли купить сирминиканский гранат по сниженной цене.

Я сжала ее руку. Такое предложение мы слышали очень часто.

– Мне понравилось, что он заинтересовался моей личностью больше, чем моей внешностью.

– А он уже тебя видел! Уоррену незачем беспокоиться о твоей внешности.

– Но ты бы на такое не пошла. Ты по-прежнему хочешь выкупить свой контракт.

Мира замолчала.

– Ты и сама говорила, что Торны нами командуют. Мое мнение тут совершенно ни при чем. Но я бы поступила так, как сказал Седрик, и оценила остальных ухажеров. Кстати, ты тоже можешь выбрать Уоррена или кого-то еще на балу.

– Тэмсин пошла бы на эту сделку, – с грустью произнесла я.

– Тэмсин потребовала бы священника и заявила, что хочет заключить брак немедленно, – подтвердила Мира.

У меня сжалось сердце.

– Это Тэмсин следовало получить подобное заманчивое предложение. Ей надо было стать бриллиантом.

Вечером мне передали, что Седрик переспорил отца: я не буду знакомиться с Уорреном до бала. Я заподозрила, что Джаспер уступил сыну не просто так. Он явно надеялся на то, что, увидев других претендентов, Уоррен в итоге повысит первоначальную сумму, которую он обещал за меня.

А утром следующего дня «Глициниевую лощину» начало лихорадить. Я обнаружила, что эпизод с Уорреном вызывает у меня смешанные чувства. Меня восхищала принципиальность Седрика. С другой стороны, я тревожилась, не лишится ли Седрик из-за своего упрямства столь необходимой ему комиссии.

И чего мне еще желать? Брак с Уорреном обеспечит мне безоблачное будущее. Хэдисену икорийцы не угрожали. Это была просто необжитая земля, нуждавшаяся в поселенцах, которые бы процветали, открывая там золотые прииски.

Несмотря на суматоху, я нашла возможность дописать картину во время отсутствия мистрис Калпеппер. Окно полуподвального помещения давало на удивление хорошее освещение. И вот однажды, отступив от мольберта, я смогла убедиться в том, что смогла скопировать манеру Тодороса.

Это была моя лучшая работа. Неопытный покупатель вообще не распознает в моей картине подделку. Возможно, и знаток живописи ничего не заметит.

Дверь подвала со скрипом отворилась. Вздвогнув, я обернулась – но сразу успокоилась при виде Седрика, который спускался вниз по ступеням.

Он встал рядом со мной и воззрился на результат моих трудов.

– Готово, – констатировал он.

– Да, – подтвердила я.

– Поразительно. В день нашей встречи твоя картина с маками меня потрясла, но это произведение... оно уникальное. Особенное. – Седрик продолжал замороженно рассматривать полотно. – Я унесу холст сегодня и отдам моему агенту. Он оценит картину и сообщит мне, сколько рассчитывает получить. Интуиция мне подсказывает, что сумма будет немаленькая. Наверное, я смогу выкупить пай Вестхэвена.

– А знаешь, что еще принесло бы тебе пай Вестхэвена? – игриво спросила я. – Двадцать процентов комиссионных с тысячи золотых.

Седрик отвел взгляд от картины и посмотрел мне в глаза.

– Правда? Ты проделала столь долгий и тяжелый путь лишь для того, чтобы, даже не успев повеселиться на вечеринках и балах, выскочить замуж за первого же кандидата на твою руку и сердце? Но ведь ты с ним и

не познакомилась!

– Но я обязательно встречу с ним на балу дебютанток, – возразила я. – И я не говорила, что мечтаю о скороспелом браке. Но меня обескуражила твоя позиция, Седрик. Мне казалось, что тебе просто необходимо ухватиться за самое выгодное предложение и получить комиссионные.

– На первом месте для меня стоят твои интересы. Ты должна себя уважать. Я привез выпускницу Блистательного Двора в Адорию не для того, чтобы ее спланировали первому встречному, который изъявил желание купить ее за тысячу золотых.

– Эй! – воскликнула я. – Я сама села на корабль и приплыла на нем в Адорию!

– Твои слова подтверждают мою правоту. Ты слишком сильная и своевольная, чтобы принять предложение Уоррена. Ты заслуживаешь большего. Адорийцы должны выстроиться перед тобой по струнке. Возможно, ты выберешь именно Уоррена – и это будет вполне нормально, хоть и принесет меньшую комиссию. Но, вероятно, тебе понравится кто-нибудь еще... или вообще несколько претендентов. Тогда мы организуем аукцион. Может, кто-то перебьет предложение Уоррена.

– Вряд ли! Готова поспорить, что твой отец явно рассчитывает именно на сына губернатора.

Седрик вздохнул.

– Да. Но он очень осторожен и решил себя обезопасить. Он хочет связать тебя помолвкой до того, как ты откроешь рот и все мигом испортишь. Это слова отца, а не мои.

– Что? – выпалила я, не считая нужным скрывать возмущение. – Что он о себе возомнил? Наверняка найдется масса мужчин, отдающих предпочтение не пустоголовым дурочкам! Уверена, многим нравятся женщины, которые говорят то, что думают.

– Согласен. И мне твой рот определенно нравится. – Седрик вдруг сообразил, что говорит невпопад. – Аделаида, я имел в виду не... Послушай, я просто хочу, чтобы тебе предоставили максимум возможностей в Адории. Ты этого достойна. Ты должна сама выбирать.

– А я хочу, чтобы ты остался жив.

– Я тоже. – Он опять повернулся к картине. – Но благодаря твоему полотну, твоему очарованию и толике везения, мы, возможно, переживем судьбу.

Глава 14

Дни до первого бала каким-то образом ухитрились одновременно стремительно лететь и бесконечно долго тянуться.

Я продолжала горевать о Тэмсин, но атмосфера, царившая в «Глициниевой ложине», позволяла мне отстраняться от тоскливых мыслей. Блистательный Двор лихорадило. Одни жемчужины, на которые уже были сделаны «заявки», похоже, собирались дать согласие на брак прямо на балу. Другие девицы внимательно оценивали своих претендентов и пока раздумывали о том, не подвернется ли им еще более выгодное предложение.

– Я хочу вырваться отсюда, – заявила мне Мира, когда день бала наконец наступил. – Мы оказались в самом крупном и космополитичном городе Нового Света, но даже ничего не видели!

Я вспомнила шаткие домишки и грязные ухабистые дороги Триумфального.

– По-моему, ты немного преувеличиваешь насчет космополитизма.

– Мы были только в гавани, Аделаида! Центр Триумфального – абсолютно другой. Оживленный, веселый и чудесный.

– С чего ты это взяла? – спросила я.

Мира пожала плечами.

– По слухам.

Я повертелась перед зеркалом, которое висело в нашей спальне, – предметом роскоши по адорийским меркам. Мы приготовились уже давно и теперь дожидались, когда нас позовут к экипажам. Мистрис Калпеппер подстраховалась, чтобы в последний момент ни у кого проблем с нарядами не возникало.

Мы с Мирой являли яркий контраст друг другу. Я облачилась в ослепительно-белый шелк, подобно невесте. Глубокий вырез моего платья был оторочен серебряным кружевом, оно же обрамляло и широкие рукава, доходившие мне до локтей. Крошечные стразы (они выглядели точь-в-точь как бриллианты) украшали лиф затейливым узором и рассыпались звездами по юбке.

Зато на шее и в ушах у меня сверкали настоящие бриллианты: часть общей коллекции драгоценностей, которой подопечные Торнов пользовались из года в год. В Адории были в моде сложные парики, часто цветные, но мисс Брэдли и мистрис Калпеппер упорно настаивали на том,

чтобы я не использовала даже накладные пряди.

– В соответствии с вашей бриллиантовой темой парик должен быть белым или светло-серым, – объяснила мистрис Калпеппер. – Зачем вам казаться седовласой дамой? У вас прекрасные волосы, и нужно подчеркнуть, что вы молоды и полны жизни.

– Однако на балу дебютанток вам надо выглядеть урожденной осфридкой, что только повысит ваши ставки, – добавила мисс Брэдли. – Конечно, мы хотим стать частью адорийского общества, но важно, чтобы вы, жемчужины, оставались и представительницами Старого Света – который, безусловно, остается вершиной моды и культуры.

В итоге мои волосы уложили узлом по местной моде, оставив несколько длинных локонов обрамлять мое лицо на осфридский манер. Вдобавок мои волосы переплели нитями хрусталя – и они переливались при каждом моем движении. Да уж, теперь я действительно блистала по здешним меркам!

Платье Миры, сшитое из кроваво-красного шелка, отличалось весьма соблазнительным декольте. Юбка впереди расходилась, открывая кипы воланов черных нижних юбок – столь необычный выбор цветов заставил мистрис Калпеппер удивленно покачать головой. Но портнихи в Осфриде утверждали, что наряд Миры будет смотреться поразительно – и не ошиблись. Вырез и рукава платья оказались отделаны не традиционным кружевом, а гранеными бусинами из черного гагата. Распущенные волосы Миры украшала лента с такими же бусинами и пряди огненно-рыжих волос, которые смешивались с собственной темной гривой Миры. Поскольку ранг у Миры неожиданно взлетел вверх, вдохновители Блистательного Двора пытались представить ее как рубин, а не как гранат.

Мира встала рядом со мной и пригладила непокорные рыжие пряди.

– Как ты думаешь, они настоящие? На мне – волосы другой женщины?

– Какая разница? Ты выглядишь просто сногшибательно! – сказала я.

По лицу Миры я поняла, что для нее разница есть, однако она не стала продолжать дискуссию по поводу аксессуаров.

– Удачи, – пожелала она мне, – хотя она тебе и не потребуется. Ты уже получила предложение.

– Ты тоже получишь, причем не меньше дюжины, – заверила я подругу.

Мои мысли перескочили на Уоррена. Еще когда он нанес визит в «Глициниевую лощину», я безумно растерялась и ругала себя из-за того, что слишком медлила. Но потом, хорошенько подумав, я обрадовалась тому, что Седрик вмешался. Мне хотелось оценить всех кавалеров, даже

если окажется, что для этого я пожертвовала баснословной суммой золотых.

Нас окликнули из-за двери: пора было отправляться. Мы с Мирой порывисто пожали друг другу руки (никаких объятий, а то платья могут помяться), покинули нашу комнату и спустились вниз.

В холле столпились и остальные девушки, которые тоже превратились в россыпь драгоценных камней. Некоторые, кстати, щеголяли в причудливых париках. На Кларе был одуванчиково-желтый, который, на мой вкус, смотрелся ужасно. Мистрис Калпеппер и мисс Брэдли еще раз придирчиво нас осмотрели.

– Не забывайте припудриваться, – посоветовала нам мисс Брэдли. – Следите, чтобы макияж не растекся и кожа не начала жирно блестеть.

– Надеюсь, вы будет вести себя безупречно, – вмешалась домоправительница. – Я прослежу, чтобы никто из вас не злоупотреблял вином или пуншем.

Мы кивнули и направились к выходу.

На улице уже выстроилась вереница экипажей, возле которых стояли дополнительно нанятые слуги и охранники. Нас сажали в кареты по двое, чтобы оставалось достаточно места для пышных юбок. Горничные ехали в отдельном экипаже: они должны были помогать тем жемчужинам, которым понадобится спешно приводить себя в порядок во время бала. В последнюю карету на всякий случай загрузили запасные платья, парики и украшения.

Я не видела Торнов, но знала, что они приедут позже.

На Триумфальный опустились сумерки, и, очутившись в карете, мы с Мирой принялись жадно изучать окрестности. Мы проезжали мимо других – очень скромных – особняков, и меня опять обескуражила новизна строений и беспорядочная планировка. К примеру, даже в пригороде Осфрида участок вокруг каждого дома был ровно отмерен и отграничен от соседних дворов невысокими каменными оградами. А здесь здания возводили как попало, и владельцы не слишком заботились о праве собственности.

Однако везде росли деревья. Целые рощи деревьев!

Растительности значительно поубавилось, когда мы подъехали к центру Триумфального, зато теперь я смогла убедиться в правоте слов Миры. Узкие улицы были вымощены булыжником, а дома в несколько этажей выглядели надежными и солидными. Повсюду располагались лавки и увеселительные заведения, как респектабельные, так и самые простецкие. Когда совсем стемнело, над дверями зданий затеплились

фонари.

Я заинтересовалась горожанами: кто-то возвращался с работы домой, а кто-то отправлялся на поиски приключений. В основном адорийцы были одеты неброско или демонстрировали явную принадлежность к среднему классу. Однако среди них часто попадались и преуспевающие люди, в чем, конечно, не было ничего необычного.

Меня удивило другое: и бедные, и богатые оказались одеты по своему вкусу, отвергая и адорийские, и осфридские обычаи. Жители Триумфального были экзотичными, жизнерадостными – и от них невозможно было оторвать взгляд. В соответствии с адорийской демографией мне на глаза попадались преимущественно мужчины.

– Вот бы тут прогуляться! – вырвалось у Миры.

– Боюсь, мистрис Калпеппер не одобрит такой прыти.

Улицы не казались опасными, но нам, разумеется, не позволили бы бродить без сопровождения по Триумфальному. Я вспомнила, как нас встречали на пристани, и невольно поежилась.

Увидев мужчину в темно-зеленом мундире, который стоял на углу, я воскликнула:

– Ого, военный! Раньше я их не видела. Но их должно быть больше!

– Они здесь есть, – ответила Мира. – Но их не так много, как раньше: ведь внешней угрозы больше не осталось.

– Но кто вообще следит за порядком? Полиция? – спросила я.

В отличие от Осфро, Триумфальный не мог похвастаться регулярной городской охраной. Основные меры по соблюдению законов обеспечивали военные, а остальное передавали добровольческим местным отрядам.

– Различные королевские службы. Пираты.

– Но ведь пираты как раз и нарушают закон?

– Не всегда. Разве ты не в курсе, что некоторые из них помогают тем, кто подвергает свою жизнь риску?

Мира оживилась, воодушевленная героическими историями, которые она обожала.

– Нет. А ты где об этом слышала?

– Я иногда болтаю с охранниками. Это поинтереснее, чем прятаться на галерее и шпионить за клиентами.

– Ты имеешь в виду тех адорийцев, один из которых обязательно предложит тебе руку и сердце и заодно озолотит?

– Ага, – подтвердила Мира, широко улыбаясь.

Наконец мы подъехали к так называемой ассамблее, которая находилась на одной из площадей Триумфального. Деревянное здание,

построенное возле ратуши безо всяких излишеств, сильно отличалось от дворцов и особняков Осфро.

Но я предположила, что если здесь организовали бал дебютанток, то именно ассамблея и являлась самым подходящим местом для подобных мероприятий.

А заметив толпу зевак и гостей, которые сгрудились у парадного крыльца, я решила, что в ассамблее поместятся далеко не все желающие.

Наши кареты быстро проехали к черному входу, чтобы мы могли войти внутрь без свидетелей.

Когда мы собрались в вестибюле, нас снова придирчиво осмотрели: мистрис Калпеппер пожелала убедиться, что наши наряды и прически не пострадали в дороге. Я увидела и братьев Торнов, к которым присоединилась какая-то стройная высокая незнакомка. Сперва я приняла ее за сирминиканку из-за темных волос и смуглой кожи. Было в ней что-то необычное: высокие скулы, разрез глаз... она казалась чужим диковинным существом. А ее наряд, хоть и сшитый из дорогой ткани, напоминал одежду для верховой езды с юбкой-брюками. Он выглядел неуместно, как и ее прическа: ее волосы были заплетены в длинную косу, ниспадавшую на спину своей хозяйки.

Такой странной моды не было нигде.

Я повернулась, собираясь сообщить обо всем Море, но обнаружила, что к нам уже подошел Седрик. Руки он держал в карманах камзола, отлично подогнанного по фигуре. Голубовато-серая парча прекрасно подчеркивала цвет его глаз. Я впервые увидела Седрика в костюме такого оттенка и была поражена получившимся эффектом. Каштановая шевелюра была прекрасно уложена: в целом Седрик легко сошел бы за осфридского аристократа. Но ни один знакомый аристократ не вызывал у меня такого странного жара...

Тем временем Седрик начал пристально смотреть на меня – наверное, жарко здесь стало не только мне.

– Ты хорошо выглядишь, когда умоешься, – попыталась пошутить я.

– И вы... ты тоже.

– Можно подумать, ты видел меня немытой.

– Я же видел тебя, когда... – он резко замолчал, покосившись на Миру. – ...когда ты была не в столь пышном платье. Как в тот раз.

– И сейчас ты решил мне об этом напомнить. – Я смело шагнула к нему и покружилась, демонстрируя свой бриллиантовый наряд. – Но мое бальное платье гораздо лучше! Просто мечта! Загляденье! Не то что... тот костюм.

Седрик так смотрел на меня, что я зарумянилась еще сильнее.

– Думаю, что очень многое зависит и от мечты.

Мира кашлянула и спросила:

– Простите, а у вас в семье все в порядке? Я случайно видела, как вы о чем-то спорили с вашим отцом.

Седрик опомнился и с трудом отвел от меня взгляд.

– Ерунда. У нас бывают кое-какие трения. Мы обсуждали, кто будет представлять Аделаиду. Отец хотел сделать это сам, но я возразил, что он должен уступить мне, поскольку ты... вы, Аделаида, мое приобретение.

Раньше он бросался такими словами совершенно спокойно, но сегодня почему-то запнулся.

– И?.. – поинтересовалась я.

– Я выиграл.

Я ухмыльнулась.

– А бывает иначе?

Седрик на секунду смутился.

– Мне позволили представить тебя, но с условием, что ты первым познакомишься с Уорреном Дойлом, – произнес он, вновь переходя на «ты». – Мой отец был вынужден дать согласие, потому что я пообещал ему устроить тебе встречу с мистером Дойлом.

Я кивнула. Я знала, что после нашего торжественного дефиле по залу заинтригованные ухажеры будут обращаться к представителям Блισταющего Двора, дабы договориться о танцах и разговорах с жемчужинами. Это должно было предотвратить толкучку вокруг нас.

– А меня тоже вы представите? – осведомилась Мира.

Седрик покачал головой и указал на высокую женщину.

– Нет, Айяна.

Мира с любопытством посмотрела на столь необычную персону.

– Кто она?

– Баланканка, – ответил Седрик. – Она выполняет наши поручения.

Мы с Мирой изумленно переглянулись. Баланканцы, как и икорийцы, населяли Адорию еще в те времена, когда туда добрались осфридцы и другие путешественники-первооткрыватели, отважившиеся переплыть Закатное море. В отличие от икорийцев, с баланканцами никогда не возникало ни войн, ни территориальных споров. Это было связано отчасти с тем, что их северные земли оказались гораздо менее привлекательными. Помимо прочего, они являлись очень серьезными противниками – не то что полудикие икорийцы! Их культура считалась развитой и древней, хоть и не похожей на нашу.

– Что она тут делает? – спросила Мира.

Баланканцы порой пытались примирить икорийцев и осфридцев, но чаще держались особняком.

– Ее нанимает дядя Чарльз, – пояснил Седрик, – обычно ей поручают проследить за девушками после брака. Если она видит нарушения или дурное обращение, она сразу же решает все проблемы.

Мы не успели узнать подробности: мистрис Калпеппер построила нас в соответствии с нашим рангом для торжественного выхода. Мне, конечно, следовало идти первой. От волнения у меня задрожали руки, и я отчаянно старалась успокоиться. Дома, в Осфриде, обо мне докладывали – и я смело переступала пороги бальных залов и светских салонов. В отличие от жемчужин, я никогда не пасовала перед толпами аристократов и не могла понять, что же творится со мной сейчас. Но внезапно меня осенило. Пусть мы и сдали все экзамены, а потом выдержали суровое путешествие по Закатному морю, но теперь нас ожидало нечто неизвестное. То, с чем никто из нас никогда не сталкивался.

Некоторые девицы побледнели, других трясло.

Мистрис Калпеппер опять велела мне идти. Мне хотелось оглянуться на Миру, получить последний ободряющий взгляд, но она шла позади меня, и я решила не искушать судьбу. Не хватало еще получить выговор от мистрис Калпеппер!

Вдруг я заметила Седрика, стоящего у дверей. Он поймал мой взгляд и кивнул. Я шагнула вперед.

– Аделаида Бейли, бриллиант! – провозгласил мужской голос.

Я посмотрела по сторонам и поняла, что Торны не поскупились на обстановку. Они сумели превратить простое помещение в настоящий бальный зал. Цветы и свечи, тонкие полотняные скатерти и хрусталь... Если бы не грубые деревянные стены и не балки над головой, то все походило бы на типичный осфридский прием.

Жемчужины должны были дефилировать по ковровой дорожке и идти прямо к помосту, который находился у противоположной стены зала. Слева и справа уже выстроились гости, сдержанные и молчаливые – без следа грубости или наглости адорийских зевак на пристани.

Но иначе и быть не могло: ведь на бал пригласили всю местную элиту, и превосходно одетые адорийцы с бокалами вина доброжелательно смотрели на дебютанток. Среди гостей были и женщины: матери, надеющиеся помочь сыновьям, или просто светские дамы, пришедшие из любопытства.

Я двигалась плавно и с изяществом. Я – лучшая в Блистательном

Дворе. Я – новая аристократка и старая аристократка, потомок основателей Осфрида. Мое положение только упрочится, и я буду вхожа в самые богатые семьи Адории. Именно ради этого я приложила столько усилий и прибегла к миллиону уловок. Я – бриллиант, и мне предстоит познакомиться со сливками Триумфального. Я буду посещать престижные мероприятия и танцевать на балах. И я принесу самую крупную сумму – и самую большую комиссию, какой еще не знали жемчужины Торнов.

Я дошла до помоста, где один из нанятых слуг молниеносно помог мне подняться по ступенькам. Я заняла место в центре длинного сервированного стола и мельком посмотрела на бокалы с водой. Миссис Калпеппер строго-настрого запретила нам есть, поэтому мы утолили голод заранее, но в горле у меня давно пересохло.

В зал входила следующая девушка, но я еще чувствовала на себе взгляды окружающих. Я держалась с такой уверенностью, которая сделала бы честь королеве Осфрида.

Однако появление Миры взбудоражило гостей. По моему мнению, Мира являлась самой красивой из всех жемчужин. Пусть Джаспер и ворчал, но я не сомневалась в том, что немало мужчин захотят сделать Миру своей женой, несмотря на ее происхождение. Помня о волевом характере подруги, я едва не рассмеялась. Наверняка главная проблема будет заключаться в том, чтобы Мира дала согласие на брак! Я улыбнулась... и неожиданно встретила взглядом с Уорреном Дойлом. Он ответил мне улыбкой, решив, что она, конечно, адресована ему.

Когда жемчужины заняли свои места, великосветская сдержанность начала давать сбой. К Седрику, Джасперу, Чарльзу и Айяне моментально обратились с требованиями о более близком знакомстве с жемчужинами. Кавалеры выстраивались в очереди, чтобы получить шанс с нами пообщаться.

Мира, сидевшая слева от меня, тихо произнесла:

– Вечер будет долгим.

Несмотря на первоначальную сумятицу, все мгновенно пришло в порядок. Седрик направился ко мне и, предложив руку, повел в зал.

– Готова познакомиться со своим главным поклонником?

– А я считала, что мой главный поклонник – ты.

– Я – человек скромный. Куда мне до невероятно богатого сына губернатора, который, похоже, души в тебе не чаёт! Не забудь, что он вдобавок еще и будущий государственный деятель.

Я решила посмотреть на самого претендента. Уоррен Дойл сиял и взволнованно переминался с ноги на ногу. Камзол Уоррена, сшитый из

бронзовой ткани, был такого же покроя, как и у Седрика: подогнанный по фигуре и наглухо застегнутый под горло. Казалось, Уоррен очень старался выглядеть серьезным, однако губы у него расплывались в мальчишеской улыбке.

– Если тебя это утешит, – шепнула я Седрику, – то твой камзол мне нравится больше.

– Пожалуйста, ничего не говори бедняге. По-моему, если он узнает, что ты поставила его ниже, то разрыдается.

Мне удалось не расхохотаться, но улыбку спрятать не получилось, а Уоррен опять вообразил, что она адресована ему.

– Мистер Уоррен Дойл, – проговорил Седрик без тени недавнего поддразнивания, – позвольте представить вам мисс Аделаиду Бейли.

Я сделала реверанс, как нас учили в «Голубом ключе», а Уоррен, продолжая широко улыбаться, пожал мою руку.

– Мне следует быть сдержанным, но я ничего не могу с собой поделать... Я безумно рад! Наверное, вы сочли меня неотесанным адорийским чурбаном!

Меня искренне позабавил нетерпеливый порыв Уоррена.

– Нисколько, мистер Дойл.

Седрик чуть поклонился и, незаметно для Уоррена, подмигнул мне.

– Я оставлю вас двоих, а позже подойду, чтобы представить мисс Аделаиду очередному гостю.

В ту же секунду как раз заиграл струнный квартет, и Уоррен увлек меня на танец.

– Зовите меня Уорреном, – попросил он. – Я люблю прямоту.

– Мне рассказывали. Можете называть меня Аделаидой.

– К сожалению, наша беседа не продлится долго. Я уверен, что еще дюжина мужчин попытаются вскружить вам голову своим обаянием и комплиментами. – Он помолчал. – У меня плохо получается вести пустые светские разговоры только ради соблюдения приличий. Многие дамы предпочитают других собеседников, а я...

– Вы – человек прямой, – договорила я.

– Именно! Если я чего-то хочу, то добиваюсь своей цели. И буду честен: я хочу вас. Пока мы ждали ваш корабль, я твердо знал, что сделаю предложение звезде вашей группы. И когда я увидел вас на пристани, то сразу утвердился в принятом решении. А сейчас... – Уоррен помотал головой. – Ладно, буду говорить, как умею: остальные девушки меркнут по сравнению с вами. Вы – настоящий бриллиант. И я не могу представить своей женой никого, кроме вас.

Несмотря на все, что я уже знала об Уоррене, я оторопела.

– Ого! Вы действительно говорите очень...

– Прямо?

Я рассмеялась.

– Да, но я собиралась употребить слово «напористо». Или, может, «настойчиво». Вы столь добры... но вы льстите мне, Уоррен. И я сомневаюсь, что я заслужила такое трепетное отношение с вашей стороны: ведь мы практически не знакомы.

Он смешался и сбился с шага, но успел спасти положение.

– Понимаю, Аделаида! Извините меня. Я выгляжу отчаянным дурнем, но вы же в курсе того, что меня ждет, верно? Губернаторство в Хэдисене? В мои двадцать три года!

– Да, я слышала. Большая честь.

– И пугающая, – признался он и с беспокойством огляделся. – У меня возникли кое-какие идеи, но пока я не собираюсь говорить об этом с моим отцом, который и помог получить мне место губернатора. Если честно, я рад такой удаче, но замечу, что в Хэдисене сперва будет сложновато... и я имею в виду не только повседневные заботы, связанные с развитием колонии. Аделаида, я мечтаю, чтобы Хэдисен стал процветающим регионом с честными и преуспевающими жителями. Но не все одобряют мои начинания. В политике за вами вечно наблюдают, а некоторые вообще хотят, чтобы вы потерпели крах, но прикидываются вашими друзьями.

Я ничего не ответила, но ободряюще кивнула. Уоррен пробудил во мне старые воспоминания: расчетливые аристократы Осфрида тоже мило улыбались, а потом ловили нужный момент и наносили противнику удар. Даже в Новом Свете многое оставалось прежним – и я посочувствовала Уоррену.

– У меня есть помощники и советники, которым я вроде бы могу доверять, но полной уверенности ни в ком быть не может, – продолжил он. – Поэтому мне необходима умная и умелая жена. Мой верный союзник. Единственный человек, на которого я смогу положиться. Пусть моя будущая супруга будет давать мне добрые советы и станет помогать во всем. Она должна следить за модой, культурой и прочими вещами, к которым элита частенько придирается.

– Вряд ли вам нужен помощник в области моды и хороших манер.

Что бы я ни говорила Седрику, Уоррен был одет безупречно.

– В Триумфальном меня окружает влиятельная родня, а мать фанатично следит за модой. А в колонии у меня не будет надежного тыла. Кроме вас. И поверьте мне, Аделаида, вы будете иметь все, что вашей душе

будет угодно! Любую роскошную безделушку. Полную власть в доме.

– Опять же... мне очень лестно, – произнесла я. – Но вы знаете лишь мой бриллиантовый ранг, а для брака требуется нечто большее. Почему вы решили, что мы друг другу подойдем?

Уоррен не тянул с ответом.

– Потому что вы не согласились сразу же. Вы – женщина думающая, способная оценивать. А это, Аделаида, как раз то, чего я ищу. А когда я увидел вас, то все решил для себя. Меня приводит в восхищение и ваш облик, и ваши таланты...

Музыка смолкла, и Седрик незаметно оказался рядом с нами.

– Аделаида, настало время для нового знакомства.

Я повернулась к Седрику, но Уоррен не отпускал мою руку.

– Прошу вас, не отвергайте меня, Аделаида! Понимаю, что все выглядит чересчур поспешным, но я долго размышлял и...

– Извините, мистер Дойл, – проговорил Седрик, удивленный и отчасти позабавленный пылом Уоррена. Похоже, он считал Уоррена слегка наивным юношей. – Аделаида должна вас покинуть.

Уоррен стиснул мои пальцы, хотя я попыталась высвободиться.

– Вам сегодня будут делать всевозможные предложения. Говорить разные красивые слова. Вы несравненны и хороши собой, но спросите себя: будут ли нуждаться ваши кавалеры в вашей мудрости и проницательности? Кто захочет сделать вас напарницей?

Седрик перестал улыбаться.

– Мистер Дойл, ваше время истекло.

Уоррен не сдавался:

– И кто из них сможет гарантировать вам такой же образ жизни, какой я смогу вам дать? Вы станете королевой колонии!

– Хватит! – рявкнул Седрик, потеряв остатки вежливости. – Правила Блистательного Двора распространяются и на вас, мистер Дойл. Ваш статус и ваша карьера вам сейчас точно не помогут. Мы установили определенные рамки, и если вы не желаете в них оставаться, я буду вынужден позвать охранников.

Седрик потащил меня прочь, заставив Уоррена споткнуться. Бедняга был изумлен и ошарашен.

– Ты хоть себя слышал? – возмутилась я, когда Седрик отвел меня подальше. – Я, между прочим, слышала. И еще несколько человек, находившихся рядом. Надо молиться, чтобы твоему отцу не доложили о твоей выходке! Ты нагрубил самому выгодному претенденту и можешь сорвать сделку!

– Ну и что! – буркнул Седрик, однако тотчас помрачнел. Вероятно, Уоррен Дойл уже не казался ему забавным. – Дойл дважды нарушил правила.

– Последний страстный довод не был нарушением, – парировала я. – А ты мог бы вести себя потактичнее и не прибегать к угрозам.

Моим вторым бальным кавалером стал майор армии Денхэма, который тоже делал стремительную карьеру. Ему как раз поручили командовать отрядом солдат в южных колониях Осфрида, где требовалось разобраться с набегами икорийцев. Майор осыпал комплиментами мою внешность, прибегая к разнообразным поэтическим сравнениям – например, что цвет моих глаз напоминает ему весенние колокольчики. Его сменил член магистрата рангом повыше, чем мистер Коллинз. За ним последовал епископ Уроса, которого мирские дела интересовали гораздо сильнее, чем духовные вопросы.

В конце концов я перестала запоминать имена своих поклонников.

Во время передышки я присела на кушетку возле Миры и принялась обмахиваться веером со стразами.

– Как утомительно! – пожаловалась я.

– И не говори, – откликнулась подруга, украдкой растирая ноющие стопы.

– Насколько я понимаю, нашлось немало мужчин, жаждущих взять в жены сирминиканку? – спросила я.

Я видела, что Мира танцевала не меньше меня!

– Посмотрим, – уклончиво ответила Мира и усмехнулась. – Сейчас трудно о чем-то судить. Потенциальные женихи разливаются соловьями насчет моей красоты и забрасывают меня ворохом комплиментов.

Я удивленно посмотрела на нее.

– Уоррен сказал почти то же самое.

– Правда?

Я кивнула.

– Что мужчины будут мне льстить – и только он единственный делает мне предложение, основываясь на моих личных качествах и своей потребности в спутнице жизни, которой он сможет доверять.

Мира прищурилась.

– От моих кавалеров я сегодня ничего даже отдаленно похожего не услышала. Я по-прежнему считаю, что Уоррен вел себя весьма самоуверенно в «Глициниевой лощине», но...

– Но что?

– Может, тебе не стоит его отмечать.

– Мирабель Виана, я не ожидала, что ты будешь столь благоразумной девицей!

Она фыркнула:

– Я изменилась после того, как один тип заявил, что мои волосы подобны ночному августовскому небу.

– Это был майор?

– Да, – подтвердила она.

Мы обе расхохотались и замолчали, наслаждаясь недолгим отдыхом. Теперь мы молча наблюдали за гостями и жемчужинами, смотрели, как девушки танцуют и кокетничают со своими поклонниками. Большинство преодолели первоначальную робость и наслаждались балом. Клара получала огромное удовольствие. Она вальсировала с майором – и я лениво задумалась над тем, какие словеса он придумает для нее. Вероятно, он пытался увеличить свои шансы, поговорив с каждой из жемчужин.

Мира внезапно вскочила – и на ее лице отразилось изумление.

– Что случилось? – спросила я.

– Я... нет, ничего. Но мне надо кое-что проверить. Сейчас вернусь.

Мира слетела с помоста, даже не оглянувшись на меня. Я недоуменно покачала головой. Я не понимала, что стряслось, и не могла проследить за подругой, которая тут же затерялась в толпе.

А ко мне уже шел очередной кавалер: я вновь начала танцевать и вскоре забыла о Мире.

Бал завершился через пять часов. Я чувствовала себя измотанной, мое возбуждение улеглось, и теперь мне хотелось лишь одного – добраться до спальни в «Глициниевой лощине» и рухнуть на кровать.

Мои мышцы ныли, а щеки горели. Очутившись в вестибюле, я прислонилась к стене, с облегчением смежив веки.

Кто-то подхватил меня под руку.

– Ваше сиятельство, еще рано почивать.

Я открыла глаза.

– Я просила так меня не называть.

– Не думаю, что кто-то примет мое обращение буквально. Идти сможешь?

– Конечно.

Я выпрямилась, а Седрик взял меня под руку. Я оперлась на него и с облегчением вздохнула. Другие девушки тоже поддерживали друг дружку: измучились абсолютно все, и в результате до карет мы добирались долго.

– Самое сложное позади, – утешил он меня. – Тебя ждут визиты в частные особняки и вечеринки. Сегодняшнее мероприятие рассчитано

просто на то, чтобы привлечь побольше зрителей.

– Надеюсь, все получилось.

– Для тебя – да. Мне пришлось многим отказывать. У тебя ведь не было ни единой свободной минутки.

– А ты выбирал тех, кто... – Я замерла у кареты, к которой он меня подвел, и огляделась. – А где Мира?

Седрик умолк. Хотя давно пробил полночь, здесь царил настоящий хаос: ржали лошади, грохотали колеса экипажей, о чем-то ворчали охранники...

Девушки поникли: первоначально выверенный порядок жемчужин вообще не соблюдался. Все думали только о том, чтобы забраться в карету и доехать до «Глициниевой лощины».

– Мира где-то поблизости, – заявил Седрик. – Может, она сидит в экипаже и отдыхает. Не волнуйся.

Он приготовился усадить меня в карету, но у нас за спиной раздался громкий возглас:

– Аделаида!

Мы оба резко повернулись: к нам бежал Уоррен Дойл. Я спустилась с подножки.

– Как вы сюда попали? – возмутился Седрик. – Я велел не пропускать сюда никого из гостей.

– Мистер Торн, я сын губернатора. Мне охранники не помеха. – Несколько секунд Уоррен сверлил Седрика взглядом, а затем послал мне влюбленную улыбку. – Аделаида, теперь вам наверняка пришлют сотню приглашений, поэтому я решил опередить конкурентов. Вероятно, я смогу нанести вам визит в самое ближайшее время. Моя матушка через несколько дней устраивает званый обед, и мы будем счастливы видеть вас, Аделаида, у нас дома. Вместе с вашими подругами, разумеется.

– Какая любезность с вашей стороны, – ответила я. – Благодарю вас, я...

– Мы сверимся с календарем Аделаиды и дадим вам знать, – прервал меня Седрик. – Вы ведь сами сказали: несомненно, мы получим и другие приглашения. И надо соблюдать приличия.

Уоррен напрягся.

– Вы очень строго придерживаетесь правил, мистер Торн. Я восхищен вашей порядочностью.

– Мы дадим вам знать, – подчеркнуто повторил Седрик.

– Спасибо за приглашение, – добавила я и улыбнулась Уоррену, надеясь, разрядить обстановку.

Он поклонился – и пошел прочь.

Я возмущенно уставилась на Седрика.

– Значит, ты не хочешь получить комиссионные?

Седрик погрузился в раздумья.

– Хочу. Но не от него.

– Почему?

– А он мне не нравится.

– Ты с ним толком не знаком!

– Губернаторский сынок – просто заносчивый нахал.

– Похоже, ты даешь характеристику самому себе.

– Аделаида! – Седрик надвинулся на меня: теперь уже он явно нарушал все границы приличия. – Ты его видела! Он – наглец.

– По отношению к тебе. Именно ты провоцировал Уоррена. Я не говорю, что мечтаю сбегать с ним прямо сейчас, но и вычеркивать его тоже нельзя. Решение буду принимать я, а не ты. – Я осмотрелась и понизила голос. – Предполагалось, что мы действуем заодно. Я не смогу справиться со своей задачей, если ты станешь отпугивать претендентов на мою руку.

– С твоей задачей?

– Да, – кивнула я. – Я разбираюсь в мужчинах. Мне их романтические устремления очевидны. Тебе не надо лезть в эти дебри.

– Естественно, – с ехидством произнес Седрик. – Не сомневаюсь, что ты прекрасно разбираешься в «романтических устремлениях» после того, как много лет подряд отчаянно вешалась на шеи аристократов в душных балльных залах. И вы в этом преуспели, ваше сиятельство?

Я покраснела.

– Что ты понимаешь в обычаях знати! С твоим простонародным происхождением и языческими...

– А здесь есть место?

К нам с усталой улыбкой брела Сильвия. Она не была свидетелем нашей стычки, иначе не держалась бы настолько непринужденно. Седрик обаятельно улыбнулся и подал ей руку:

– Прошу вас!

Когда Сильвия устроилась на сиденье, Седрик начал помогать мне забраться в экипаж. Я поднялась на последнюю ступеньку, но неожиданно Седрик сжал мои пальцы одной рукой, а другой обнял меня за талию. Он подался еще ближе ко мне, чтобы нас никто не услышал. Эта интимность меня страшно смутила, заставив на мгновение забыть обо всем, кроме его глаз и губ.

– Аделаида, я не пытаюсь...

– Что? – спросила я, внезапно засмущавшись. – Чего именно ты добиваешься?

Мы оба замерли. Лицо Седрика окаменело.

– Ничего. Как ты и сказала, я простолюдин. Я ничего не добиваюсь.

Он усадил меня в карету, захлопнул дверцу и приказал кучеру ехать.

Глава 15

Даже когда мы приехали домой, я все еще пребывала в смятении. Конечно, я возмущалась Седриком – и имела на то полное право. Почему он повел себя таким неподобающим образом? Я чувствовала ярость, и одновременно с этим мне почему-то хотелось плакать. Удивительно, но и в самые напряженные моменты нашего знакомства мы никогда по-настоящему не ссорились. Из-за того, что мы расстались в гневе, у меня ныло сердце. Как бы я ни обижалась и ни злилась, мне была нестерпима мысль о том, что мы не сумели помириться. Я уже ничего не понимала – и в душе у меня царила неразбериха.

Мои размышления прервались, когда я обнаружила, что наша спальня пуста. Я предположила, что Мира уехала задолго до меня: ведь я не заметила ее возле здания ассамблеи, когда я разговаривала с Седриком и Уорреном.

«Тревожиться не о чем, – успокоила я себя. – Может, Мира села в одну из последних карет».

Но когда я в конце концов приготовилась ко сну, моя соседка так и не появилась. Остальные жемчужины давно расплзлись по своим спальням. Я оказалась перед дилеммой. Сообщать ли о пропаже Миры нашей домоправительнице? А вдруг с Мирой что-то случилось? Однако я хорошо знала Миру. Вполне вероятно, она решила прогуляться по ночному Триумфальному. А если я все расскажу, то у Миры точно будут крупные неприятности. Я задумалась о Седрике. Он сохранял нейтралитет и мог служить буфером или третьей стороной, но после нашей стычки мне не хотелось обращаться к нему за советом.

«Мира сильная. Она обязательно справится», – подумала я.

И действительно, когда я проснулась, Мира уже лежала в кровати.

– Я о тебе тревожилась, – буркнула я.

Я не стала спрашивать, где она пропадала, но мой вопросительный тон явно свидетельствовал о том, что я ожидаю объяснений.

– Извини, – произнесла Мира, потянувшись и сладко зевнув. – Не хотелось тебя пугать. И спасибо, что не проболталась.

Я перешла в наступление.

– Ты решила посмотреть на Триумфальный?

Она замялась.

– Да. Глупо, конечно, но что же поделаешь...

– Ты очень рисковала! Обещай, что такое больше не повторится. Женщине опасно бродить по городу в одиночку!

– Жить вообще опасно, – проворчала она.

Я подождала хоть какого-то конкретного продолжения, но его так и не последовало.

– Ты мне не пообещала.

– А я и не могу.

– Мира...

– Аделаида, – произнесла Мира. – Ты должна знать, что я никогда не делаю ничего опасного или безопасного без веских на то оснований. У всех нас есть тайны. Ты тоже хранишь какой-то свой секрет, но ведь я к тебе не пристаю с расспросами, правда?

Я кивнула. Мне стало ясно, что добиваться от Миры откровенности будет нечестно, ведь я и сама часто помалкивала.

– Тогда ответь мне на такой вопрос, – сказала я после паузы, – ты же не ходила к аланзанам?

Я не могла придумать никакой иной причины таиться и сомневалась, что выдержу присутствие в своей жизни сразу двух еретиков.

Мира выгнула бровь и засмеялась.

– Нет. Почему ты так решила?

– Ты из Сирминики. И очень много про них знаешь.

– Да, – согласилась она, утратив часть веселья. – Я росла среди них, я им сочувствую – но нет, я не аланзанка. Просто их обычаи запечатлелись у меня в памяти. Когда я вижу яркую полную луну, то сразу думаю, что этот час идеально подходит для аланзанских бракосочетаний. И я всегда помню их праздники. Например, скоро будет Звездное Пришествие – но я не собираюсь его отмечать.

– Звездное Пришествие, – медленно повторила я. – Это какой-то странный обряд с кучей постыдных ритуалов?

– Наверное, ты имеешь в виду Весенние обряды... но в действительности они вовсе не постыдные. Да и аланзане придерживаются строгих нравов. А Звездное Пришествие – это настоящее торжество.

Я растерянно кивнула, не понимая, как относиться к ее поступкам. Я обрадовалась, что подруге не грозит арест за ересь... но все-таки в какие авантюры она умудрилась себя вовлечь?

Увы, я не получила никаких ответов – а суматоха в «Глициниевой лощине» продолжилась. После вчерашнего бала нам толком не дали отдохнуть. Днем было назначено много randevu с потенциальными женихами, пожелавшими поговорить с жемчужинами приватно. В итоге все

жилые помещения в особняке оказались заняты: мистрис Калпеппер отводила комнаты для встреч и в каждую назначала дуэнью. У меня было назначено четыре свидания: причем одно с господином, которого мне представили накануне, а остальные три – с незнакомыми адорийцами. На двух присутствовала мисс Брэдли, а на других – Айяна. Она вообще со мной не разговаривала, лишь улыбнулась в знак приветствия.

И хотя двери «Глициниевой лощины» распахнулись для множества мужчин, Седрика в их числе не было.

Это стало для меня неожиданным мучением. После отплытия из Осфрида мы виделись с ним ежедневно. Общение с ним было важной частью моей жизни. Шуточка здесь, хитрая улыбка там... Без него «Глициниевая лощина» превратилось в унылое место. Я чувствовала себя совершенно другим человеком. Очень несчастным и одиноким.

Седрик явился вечером: он должен был присматривать за нами на приеме, который давали в честь трех лучших жемчужин: Миры, Элоизы и меня. Элоиза обучалась в «Лебедином кряже» и заняла второе место. Как и Мира, сперва Элоиза была полудрагоценным камнем, поэтому по прибытии в Триумфальный ее поспешно переименовали из хризолита в изумруд, что позволило ей сохранить свой зеленый гардероб. Это напомнило мне о Тэмсин, и мое сердце опять пронзило болью.

Я попыталась поговорить с Седриком в дороге, но он мне отвечал односложно и избегать встречаться со мной взглядом. Когда мы подъехали к особняку весьма состоятельного торговца, Седрик был вежлив, но держался в стороне, предоставив нам стать центром всеобщего внимания: теперь он просто играл роль наблюдателя.

Дом по адорийским стандартам был очень внушительным: в огромном холле сновали слуги, а гостиная была хорошо обставлена. Адорийский торговец оказался и впрямь выгодным женихом для выпускницы Блистательного Двора, и я попыталась представить себя хозяйкой такого дома. В Денхэме с этим поклонником мало кто мог сравниться, за исключением сына губернатора. Он был приятным и привлекательным мужчиной, который осыпал нас любезностями, правда, особого впечатления адориец на меня не произвел. Я улыбалась, вела светскую беседу, но не хотела выделяться. Даже если бы я была корыстолюбива и оценивала мужчин исключительно по их финансовым возможностям, Уоррен все равно занимал среди них первое место... а пост в Хэдисене только упрочивал его позиции.

Прощаясь, хозяин пообещал, что навестит нас, но было заметно, что ему приглянулась Элоиза.

В карете она счастливо улыбалась, а я радовалась за нее.

– Вы втроем завтра вечером едете к губернатору на обед, – сообщил нам Седрик. – Я вас сопровождать не смогу, но полагаю, что к вам присоединится мой отец.

Что бы Седрик ни думал о губернаторе и его сыне, он сохранял абсолютную бесстрастность. А у меня ком подкатил к горлу и стало трудно дышать.

* * *

Добравшись до «Глициниевой лощины», мы обнаружили, что остальные девушки уже вернулись с увеселительных мероприятий. Никто еще не ложился: жемчужины горячо обсуждали последние новости, которые оказались гораздо интереснее всего, что мы слышали в предыдущие дни. У северных границ осфридских колоний заметили лорандийских солдат. Какой-то перепивший вина мужчина утверждал, что двое благородных пиратов спасли его от грабителей. На западе на осфридской территории видели икорийцев, поэтому не исключалась вероятность их нападения на Триумфальный. Кое-кто даже утверждал, что икорийцы начали набеги на северные колонии. Возле берегов Триумфального пропал торговый корабль с грузом сахара и пряностей, что обещало подъем цен. Языческая колония под названием Вестхэвен получила от Его Величества разрешение на заселение.

Такое количество информации показалось мне чрезмерным, и я с трудом верила, что все это правда. Фактами почти ничего не подтверждалось, однако я не сомневалась в достоверности новостей относительно Вестхэвена. Я знала, что в колонии придерживаются религиозной терпимости, а не языческих взглядов, хотя для большинства людей эти понятия были равнозначными.

Я отправилась к себе в комнату: сплетни меня не интересовали. Мира немного задержалась, но вскоре тоже поднялась вверх. Ночью я неожиданно проснулась и с изумлением поняла, что Мира снова улизнула. Ее кровать, озаренная лунным светом, была пуста.

Мира успела вернуться до моего утреннего пробуждения.

– Не хочешь поговорить о том, что случилось вчера? – спросила она за утренняя туалетом.

– Ты имеешь в виду то, что нам надо обсудить твою позднюю прогулку?

Она покачала головой.

– Я имею в виду, что вы с Седриком друг на друга не смотрите.

– Ясно! – Я повернулась к зеркалу и сделала вид, что подкалываю локон. – Мы поссорились – только и всего...

– Но вас обоих что-то гнетет! Если бы ты сердилась на Джаспера или Чарльза, я бы посоветовала тебе о них забыть. Это обычные деловые отношения. Ты вообще можешь с ними не встречаться. Но Седрик... Я вижу, что тут все иначе. Вас что-то связывает, хоть я и не могу понять, что именно.

– Я у него в долгу, – тихо призналась я. – Кроме того, мне пришлось делать сложный выбор.

«И поставить его интересы выше интересов Тэмсин», – добавила я мысленно.

– Больше не хочешь ничего добавить?

– Нет, Мира, я не могу.

Мира что-то произнесла, но я вскинула руку и оборвала ее.

– Ладно, я бы поговорила с тобой откровенно, но мне нельзя так поступать. По крайней мере сейчас. Некоторые вещи должны оставаться тайной – как и причина твоих ночных исчезновений. Я хочу надеяться, что у тебя роман с каким-то привлекательным и богатым мужчиной, что, конечно, очень сомнительно. Но я уверена: ты бы не стала уходить из дома просто так – для развлечения. Разумеется, твоя тайна очень важна для тебя. А я... я бы хотела всем с тобой поделиться, но...

Мира крепко меня обняла.

– Ты можешь мне ничего не рассказывать. Я тебе доверяю. – Подруга отстранилась и заглянула мне в глаза. – Но тебе надо помириться с Седриком. Ты сама не своя.

Я запомнила ее слова, но возможности увидеть Седрика мне не представилось. Он опять отсутствовал, а наше расписание оказалось столь же насыщенным, как и накануне. Элоиза получила предложение от вчерашнего торговца и сразу же его приняла, первой из нас заключив брачный контракт.

Теперь место Элоизы заполучила Клара, которая вместе с нами отправилась на губернаторский обед. Как и предсказал Седрик, нас сопровождал Джаспер. Он объяснил нам, что Седрик встречается с друзьями. Сообщение Джаспера поставило меня в тупик: ведь я думала, что у Седрика нет друзей в Триумфальном.

Вероятно, Джаспер пожелал присвоить себе честь сопровождать нас на такой важный прием.

– Добро пожаловать! – произнесла мистрис Дойл, лично встретившая нас у дверей.

Мать Уоррена оказалась самоуверенной дамой, без единого следа седины в волосах. Мне вспомнилось, как Седрик упоминал о том, что она была дочерью барона и до сих пор имела влияние в Триумфальном. Да уж, аристократизм был у нее в крови! К ней присоединился и ее муж: губернатор был приятным мужчиной средних лет. Я отметила, что его сын перенял свою манеру поведения от матери, а внешность – от отца. Губернатор мог похвастаться незаурядной харизмой, что, конечно, являлось незаменимым качеством для политика. Он вскоре отошел от нас: беседа с другими джентльменами интересовала его сильнее, чем близкое знакомство с возможной невесткой.

Уоррен тоже приветствовал нас, но моментально сосредоточился на мне. Клара – и, к моему немалому удивлению, Мира – предприняли попытки его очаровать. Я была поражена тем, насколько хорошо Мира усвоила науку обольщения. Я не могла поверить, что мужчина способен устоять перед столь чудесной многозначительной улыбкой – но Уоррен устоял. Как только правила вежливости это позволили, он взял меня за руку и повел мимо гостей.

– Я счастлив, Аделаида! – заявил он. – Мне не терпится показать вам наш дом и познакомить с лучшими гражданами Денхэма.

Многих приглашенных гостей я видела на балу и на вчерашнем приеме. Насколько я поняла, хотя обед и устроили исключительно ради Уоррена, некоторые богатые холостяки тоже вели здесь разведку.

Особняк оказался еще больше, чем у жениха Элоизы. Тем не менее ни одно жилище в Адории не обладало величественным духом старины, которое было свойственно дворцам осфридской аристократии.

Однако любая безделушка в домах Триумфального выставлась напоказ – и после того как я к этому привыкла, то смогла оценить своеобразность особняка Дойлов.

– К сожалению, сначала у нас не будет ничего подобного, – сказал мне Уоррен, когда мы переступили порог музыкального салона, где стояла арфа и находилось еще несколько музыкальных инструментов, что было для Нового Света неслыханной роскошью. – Но я позабочусь о том, чтобы мы поселились не в захудалом бараке. А со временем и нам удастся достичь желанного уровня. Так было и с моим отцом.

– А он давно стал губернатором? – спросила я, любуясь картиной, висящей на стене.

Я узнала работу Морела, прославленного лорандийского художника.

Уоррен купил ее, когда год учился в Лорандии.

Я подумала, что, возможно, агент Седрика предложит мое полотно именно Дойлам, и с трудом спрятала нервную улыбку.

– Пятнадцать лет, – ответил Уоррен с гордостью. – Сперва король назначил на этот пост лорда Говарда Дэвиса. Мой отец был в тот момент вице-губернатором, и им совместными усилиями удалось обустроить Денхэм и прогнать икорийцев. Когда пост, наконец, занял мой батюшка, он продолжил ту же политику, обеспечив колонии безопасность и процветание.

– Он преуспел, – признала я. – Денхэм – самая успешная из колоний. Здесь впечатляющий денежный оборот и проживает столько купцов, торгующих с Осфридом!

Уоррен поморщился.

– Большую часть прибыли получает Осфрид, но...

– Уоррен, мой милый...

В комнату вошла мистрис Дойл, плавно выступая в кремовом атласном платье.

– Ты завладел Аделаидой с той минуты, как она вошла в дом, но у нас еще две гостьи. Уступи мне место и дай Аделаиде отдохнуть от твоих признаний в любви.

Реплика мистрис Дойл заставила покраснеть и Уоррена, и меня, однако юноша не стал возражать. Поцеловав мне руку, он послушался матери – с явной неохотой.

– Прошу прощения, если он чересчур напорист, – произнесла мистрис Дойл.

– Нисколько, мистрис Доул, – ответила я, вспомнив о том, каков был Уоррен на балу. – Он очень милый.

– Зовите меня Виолой. И спасибо. Да, он милый, хоть это и не очень заметно, если судить по его неуклюжему уходу за вами.

Мы вышли к остальным в гостиную, но мистрис Дойл остановилась в сторонке и понизила голос.

– Аделаида, дорогая, вы должны понять, что Уоррен твердо решил жениться. Мы рассчитывали именно на девушек Блистательного Двора, но не знали, прибудет ли ваш корабль вовремя.

– Когда Уоррен уезжает в Хэдисен?

– Приблизительно через месяц.

– Не слишком долгий срок для заключения брака.

Виола пристально на меня посмотрела.

– Разве? Насколько я слышала, одна из жемчужин уже приняла

предложение. – Не получив от меня ответа, она улыбнулась. – Мне понятны ваши колебания. Вы разумны и сообразительны. Узы брака весьма прочны – и сперва надо убедиться в том, что вы делаете правильный выбор.

– Совершенно верно, – подтвердила я. К нам подлетел лакей с шампанским, но я качнула головой. Я догадалась, что Уоррен вместе с его матушкой хотят чего-то добиться от меня, и я не собиралась захмелеть и случайно на что-нибудь согласиться. – Мне льстит внимание вашего сына. Но я хочу увериться, что все будет вашему сыну во благо: похоже, Уоррен мог договориться о браке, вообще со мной не познакомившись.

Мистрис Дойл коротко рассмеялась.

– Нет, Уоррен не настолько безнадёжен. Если бы при первой встрече вы оказались друг другу несимпатичны, он бы, конечно, не стал с вами общаться. А если бы мне при личном знакомстве что-то не понравилось – кстати, этого не случилось – я бы ясно высказала Уоррену свои претензии.

– Благодарю вас.

– Но давайте говорить прямо, Аделаида, – продолжала она, напомнив мне своего сына. – Браки редко заключаются по любви, хотя я полагаю, что чувства могут прийти позже. Я практически не знала Таддеуса до замужества. И мне трудно было поверить, что мои родители такое устроили: меня, аристократку, выдали замуж за юриста, направляющегося в Новый Свет! Но, моя милая, он был богатым юристом. А мое семейство разорилось.

– Вероятно, вам было тяжело, – откликнулась я нейтральным тоном.

Я тихонько вздохнула: ведь я сама предлагала бабушке выдать меня за нувориша в день моего знакомства с Лионелем. Казалось, что с тех пор прошел целый век! Если бы моя бабушка была готова рассмотреть тот вариант, наша жизнь сложилась бы совершенно иначе.

– Да, – согласилась мистрис Дойл. – Но я приложила максимум усилий к тому, чтобы привить Триумфальному хотя бы малую толику аристократизма. Хотя у многих жителей колоний простое происхождение и наши города пока еще выглядят неухоженными, это не означает, что мы не можем вдохновляться великим наследием нашей родины. Именно такой трансформацией и занимается Блистательный Двор, не так ли?

– Сед... мистер Седрик Торн и его отец называют нас «новой аристократией», – выдавила я.

– Забавно! – Она покосилась на сына, который о чем-то беседовал с Мирой.

Подруга казалась гораздо более оживленной, чем при общении с другими кавалерами, но Уоррен был рассеянным и постоянно оборачивался

на нас с мистрис Дойл.

Виола перевела взгляд на меня.

– Я горжусь тем, чего я добилась в Триумфальном, и хотя мой муж – человек хороший, я не могу забыть о родовитости аристократических семейств Осфрида. Пусть мой высокий титул почти ничего не значит в Новом Свете, но его все-таки унаследовал мой сын. И мне бы хотелось, чтобы мои внуки гордились своим знатным происхождением. Вот здесь и начинается ваша роль, Аделаида.

Она выжидающе посмотрела на меня, однако я недоумевала.

– Прошу прощения?

– Мои внуки, как и мой сын, станут играть в Новом Свете главенствующие роли. Многие люди – в том числе и мой супруг – сказали бы вам, что данное положение достигается за счет тяжких трудов и силы воли. И отчасти они были бы правы. Но именно кровь играет решающую роль. И когда вы с Уорреном поженитесь, я буду знать, что в жилах моих потомков соединится кровь двух благородных семейств Осфрида.

Я похолодела.

– Я вас не понимаю, мистрис Дойл.

– Аделаида, милочка, я просила называть меня Виолой. К чему нам лишние формальности, графиня?

На мгновение мне померещилось, что на меня сейчас обрушится потолок. Я испугалась, что упаду в обморок. Но я сурово себя одернула и, глубоко вздохнув, постаралась, чтобы на моем лице ничего не отразилось. Я не для того пересекла Закатное море, чтобы спасовать и допустить подобную катастрофу.

– Извините меня, Виола, но я не понимаю вас.

– А вы – молодец! – похвалила меня мать Уоррена. – Вы и виду не подаете! Естественно, вы прекрасно натренировались за это время и достигли в лицедействе невиданных высот. Я бы и сама усомнилась, если бы так ясно не помнила, как встретила юную леди Уитмор, графиню Ротфордскую, на приеме пять лет тому назад. В тот год мы с мужем навестили моих родственников в Осфро... Ваши родители трагически скончались, а леди Элис Уитмор понимала, что семейное состояние тает на глазах, и хотела обеспечить вам достойное будущее. И хотя вы были очень юны, ваша бабушка уже начала действовать. Помню, что я невольно восхитилась вашей грациозностью и расцветающей красотой, Аделаида. Кстати, именно поэтому я была уверена, что у вашей бабушки не будет никаких сложностей и она легко подыщет вам жениха. – Виола сделала театральную паузу. – Но когда я увидела вас на пристани в день прибытия,

я была ошеломлена. Вы мало изменились... но созрели, конечно. Вы стали молодой женщиной. И очень похорошели.

– Мистрис Дойл, – произнесла я натянутым тоном, отказываясь называть ее по имени, – вероятно, вы меня с кем-то перепутали.

Она поманила к себе лакея и отдала ему пустой бокал из-под шампанского.

– Или, может, вам подыскали неплохого кандидата в Осфро, но мужчина вас не устроил? Такое я вполне могу понять. – Ее взгляд на секунду задержался на губернаторе. – Но что бы вас сюда ни привело, теперь я могу только ликовать. А вы, Аделаида, проявили храбрость и не побоялись рискнуть! Как видите, случайностей не бывает.

Я уставилась в глубину гостиной, где оживленно беседовали гости, и мое зрение расфокусировалось. У меня подкашивались колени. Я была совершенно не подготовлена. И, сдаваясь, я спросила:

– Уоррен знает?

– Разумеется. Поэтому он столь решителен. Как и я сама, мой сын давно мечтал о достойной невесте. Мы считали, что Блистательный Двор с его дешевыми подделками – лучшее, на что мы можем рассчитывать. Я сталкивалась с девушками Джаспера и раньше. Бедняжки очень стараются, но плебейство никуда не скроешь, верно? Когда я в первую неделю наводила о вас справки – а я моментально этим занялась, как только вас узнала, – то мне с восторгом рассказывали о вашей уникальности, Аделаида. Вы идеально сдали все экзамены и достигли невероятного успеха. А еще мне говорили, что вы весьма отличаетесь от других девушек...

Я заставила себя оторвать взгляд от гостиной и посмотрела на Виолу в упор.

– Мистрис Дойл, чего вы от меня хотите?

– Дорогая, вам просто надо выйти замуж за моего сына. Я хочу, чтобы вы были счастливы и прожили долгую и безбедную жизнь вместе с губернатором Хэдисена. – Она снова сделала выразительную паузу и взмахнула ресницами. – Даже у вас нет повода для возражений, Аделаида. Вы явно приехали сюда ради выгодного брака. Скажите честно: неужели в Триумфальном найдется более выгодная партия? Где бы вас ожидало такое будущее, да еще с мужчиной, который в вас влюблен (а он влюбился в вас, Аделаида, безотносительно вашего титула). А быстрое соглашение на брак вам очень пригодится. Как незамужняя девушка – пока еще юридически остающаяся под опекой вашей бабушки – вы вполне можете попасться в силки какому-нибудь охотнику за вознаграждением, и он увезет вас обратно

в Осфрид. Брак привяжет вас к супругу, но даст вам определенную свободу.

– Вы мне угрожаете? – уточнила я, оцепенев.

– Леди Уитмор, – мягко отозвалась мистрис Дойл, – я лишь знакомлю вас с фактами.

К счастью, к мистрис Дойл подошел распорядитель и объявил, что гостям можно садиться за стол.

Я так и поступила. Виола заняла место возле своего мужа, а рядом со мной мгновенно возник Уоррен, который пребывал в эйфории. Он болтал о своих обширных планах относительно колонии и о том, как намеревается их реализовать. Я время от времени кивала и улыбалась должным образом, но мои мысли беспорядочно металась.

Прежде мне казалось, что я управляю собственной жизнью – но теперь я ощутила себя игрушкой стихий, столь же беспомощной, как и «Серая чайка», которую трепал шторм. Я ощущала себя одинокой и загнанной в угол, отчаянно нуждающейся в союзниках. Вот только Миру посадили далеко от меня, а Седрик... кто знает, где он был сейчас?

Если бы мы находились в Осфриде, в «Голубом ключе», сведения о моем титуле были бы катастрофой: меня наверняка вернули бы бабушке. Когда я очутилась в Новом Свете, то я смогла немного расслабиться. Даже если бы меня и узнали (а я не верила, что такое произойдет), то само расстояние до Старого Света служило гарантией того, что меня не успеют поймать. Послать запрос о моей пропаже и предпринять что-то конкретное было, в принципе, бесполезно, особенно учитывая то, что я могла заключить помолвку в ближайшие месяцы.

Однако не исключено, что Виола права. Если кто-то попытается насильно забрать меня обратно в надежде на вознаграждение, мне негде будет искать защиты. Меня бы держали на корабле под замком, а после завершения путешествия мигом транспортировали прямо в Осфро. Замужество делало меня отчасти независимой, но навеки связывало с каким-то мужчиной – с тем, кого бы я выбрала сама. По крайней мере, я думала, что у меня будет возможность сделать выбор.

Сейчас, приглядываясь к Уоррену, я пыталась понять, является ли он удачным кандидатом. До разговора с Виолой мне казалось, что это именно так. Мать Уоррена не ошиблась: моментально в кого-то влюбиться маловероятно (чувства Уоррен по отношению ко мне были явным исключением из правил).

Разумно было бы планировать свое будущее с человеком богатым и достаточно приятным. Уоррен отвечал обоим критериям.

Но мне не понравилось, что мне угрожали. И теперь я гадала, какая

опасность кроется за доброжелательностью Виолы.

– ...замечательно, что я приобрел бесценный опыт и знания под руководством отца, – вещал Уоррен. – Я принимал участие в сражениях с икорийскими дикарями. И хотя они исчезли, в Денхэме надо продолжать зачистку. Здесь живут не только негодяи и разбойники. Есть и пираты, и даже еретики! Они, правда, скрываются. Кстати... – он посмотрел на часы, – ...с ними мы разберемся. Очень скоро.

Я моргнула, пытаюсь собраться с мыслями и сосредоточиться.

– Что вы имеете в виду?

– Сегодня они справляют свой темный праздник – я про аланзан, про этих демонопоклонников. Мы узнали, где они встречаются, и собираемся их арестовать.

Я уже ловила каждое слово Уоррена.

– Когда?

– Отправимся часа через два, может, и меньше. Зависит от того, сколько времени уйдет на сборы и выработку тактики. Увы, мне придется рано покинуть вас, Аделаида, – добавил он виновато. – Но я считаю, что мне важно возглавить атаку: в свете моего нынешнего и будущего положения.

Я принялась лихорадочно думать. Мира что-то говорила мне о Звездном Пришествии. Джаспер объявил нам, что Седрик не смог сопровождать нас на прием, поскольку встречался со своими друзьями.

Я сжала губы. Теперь-то я сообразила, что затеял Седрик. Он отмечал праздник Звездного Пришествия вместе с другими аланзанами в какой-нибудь роще или в лесу... где на них вот-вот обрушится отряд вооруженных людей.

Я отчаянно пыталась овладеть собой.

– Как любопытно, – выдавила я. – Но, Уоррен, вы должны меня простить... у меня что-то разболелась голова. Трудно сосредоточиться.

Уоррен побледнел и всполошился.

– Я могу вам помочь?

– Нет-нет, спасибо. Мне надо просто уехать домой и прилечь. – Я вымученно улыбнулась. – Похоже, мы оба не высилим до конца приема.

Я отыскала Джаспера и сообщила ему мой предлог. Джаспера мой отъезд не обрадовал, но наметившееся скорое исчезновение Уоррена смягчило его разочарование. Джаспер приказал кучеру отвезти меня домой в карете, а затем вернуться и ждать остальных девушек. Клара была поглощена флиртом с адорийским банкиром, и Джаспер не хотел отправлять ее и Миру домой раньше срока – ради комфорта

раскапризничавшейся жемчужины.

Я поняла, что мой план может сработать, и поблагодарила Дойлов за гостеприимство. Уоррен смотрел на меня сочувствующе. Судя по взгляду Виолы, та прекрасно поняла мои отговорки, но она ограничилась лишь вежливой улыбкой.

Я отвела Миру в сторонку.

– Ты как? – спросила она. – Хочешь, я поеду с тобой?

Я качнула головой.

– Нет, но мне нужна твоя помощь. Ответь мне на два вопроса.

Она пытливо посмотрела на нее.

– Ты не в курсе, где сегодня будут встречаться аланзаны? Праздновать Звездное Пришествие?

Мира помолчала несколько секунд и прошептала:

– А второй вопрос какой?

– Мне нужно знать, как ты уходишь и возвращаешься так, чтобы тебя не заметили.

– Серьезные вопросы, – констатировала Мира.

– Я не задавала бы их без веских причин, – парировала я, вспомнив наш недавний разговор.

Она вздохнула.

– Никому не проболтайся.

– За кого ты меня принимаешь?

– Ладно, прости, – произнесла Мира с печальной улыбкой. – Не следовало мне так говорить.

Мира рассказала мне все, что мне требовалось узнать, и я поблагодарила ее, крепко обняв подругу. Кучер Джаспера позвал меня, и я уехала в ночь – спасти Седрика.

Глава 16

Когда я вернулась в «Глициниевую лощину», то обнаружила, что большинство девушек до сих пор отсутствовали. Услышав про мое недомогание, мистрис Калпеппер, словно ищейка, принялась к моим губам, проверяя, не под хмельком ли я. Убедившись в моей трезвости, она приняла мой предлог и отправила меня в спальню.

Закрыв дверь комнаты, я испытала ощущение дежавю: ведь еще в Осфро я отговорила именно головной болью, чтобы ненадолго остаться одной. Я мигом скинула свой кружевной парадный наряд и начала искать что-нибудь попроще. Увы, таких вещей у меня оказалось мало: гардероб каждой из жемчужин был рассчитан на то, чтобы производить впечатление на окружающих. Даже повседневные платья отличались богатой вышивкой и изящным кроем. Через некоторое время я выудила из шкафа светло-розовое батистовое платьишко в белый цветочек, которое носила на борту корабля. Легкий плащ и удобные ботинки довершили мой облик – ночи в Триумфальном стояли по-весеннему теплые и безветренные. Больше ничего мне и не требовалось, за исключением одной вещи...

В итоге, завернувшись в просторный шерстяной халат, я вышла из комнаты.

Прокравшись по коридору, я бдительно осмотрелась – и поспешно повернула направо. Там, как и обещала Мира, оказалась дверь, выходившая на узкую лестницу и площадку, где складывали хозяйственные принадлежности. Пролетом ниже шел коридор – как раз позади кухни, а выше находился чердак.

Я поднялась наверх и очутилась под фронтоном. Прямо передо мной было окошко с раздвижной рамой: из него открывался вид на задний двор «Глициниевой лощины».

Я бросила халат на пол. Закутаться в него мне посоветовала Мира. «По пути туда и обратно накинь поверх одежды халат. Тогда, если тебя кто-то встретит в коридоре, то подумает, что ты только что встала с постели. Тебе нужно будет придумывать, почему ты посреди ночи разгуливаешь в уличном наряде».

За окном чердака оказалась шпалера, по которой карабкались ветви глицинии. Глядя вниз, я напомнила себе, что смогла забраться по капитанскому стеллажу во время сильной качки. Конечно, высота там была поменьше – и меня страховал Седрик.

Седрик. Ради него мне нужно это сделать.

Я вылезла в окно и ухватилась за деревянные перекладины. Мира заверила меня, что решетка выдержит мой вес. Медленно спускаясь с высоты трехэтажного дома, я убедилась в том, что подруга не ошиблась. Ступив ногой на землю, я облегченно вздохнула и, дав себе несколько мгновений передышки, пошла через участок. По дороге я удрученно покачала головой. Конечно же, если из дома есть тайный выход, его отыщет именно Мира.

Яркий месяц и звезды сияли в ясном небе. Я перешла на ровный бег. Мне не давали покоя слова Уоррена о том, что он вскоре отправится собирать свой отряд. Оставалось только надеяться, что в городе их что-то задержит – хотя они обязательно наверстают время, поскольку будут верхом. Мира точно назвала мне место встречи аланзан из Триумфального. Мне оставалось лишь следовать ее указаниям.

Не теряя присутствия духа, я добралась до лесистого участка, который лежал к северу от нашего особняка. Если «Голубой ключ» окружали акры ухоженного парка, то к «Глициниевой ложине» примыкали совершенно дикие места. Лес здесь почти не расчищали, заметной тропы я не увидела, но продолжала двигаться в нужном направлении, благо на небе не было ни облачка. Почва оказалась неровной, я спотыкалась об упавшие стволы деревьев, а моя юбка цеплялась за кусты и какие-то колючки. Хорошо, что «корабельные» платья мы практически никогда не носили в Триумфальном: если бы к нему присмотрелась мистрис Калпеппер, мне бы пришлось долго выкручиваться с нелепыми объяснениями.

Наконец, я ступила на утрамбованную грунтовую дорогу, которая должна была привести меня к развилке. К счастью, идти по ней было гораздо легче, и я опять ускорила шаги. Однако развилка не появлялась. Я испугалась, что спутала направление. И где Уоррен со своими людьми? Сколько времени длится мое путешествие? Наверняка уже два часа, если не больше! А если я заявлюсь к аланзанам как раз в тот момент, когда отряд Уоррена налетит на Седрика и его друзей по вере? Может, Уоррен уже арестовывает аланзан?

«Нет, – сурово сказала я себе. – Перестать паниковать. Не для того я потратила столько сил, чтобы в ужасе смотреть, как Седрика и остальных аланзан застигают врасплох. Я справлюсь».

И развилка появилась: как раз когда я сошла с дороги, как мне и велела Мира.

Сперва я увидела крутой склон с раскинувшейся внизу долиной, а потом и дубовую рощу. Сначала я не знала, где смогу найти аланзан, но с

приближением к месту их сборища я различила свет фонариков-свечек: точно такие же Седрик зажигал, когда отмечал Средизимье. Спустившись со склона, я опрометью помчалась по зеленой долине.

Я чувствовала себя очень уязвимой в лунном свете, но уговаривала себя, что скоро увижу Седрика и опасность останется позади.

Однако никто меня не окликнул. Добравшись до рощи, я различила силуэты аланзан, которые застыли возле симметрично расставленных фонариков. Похоже, они читали на древнерувийском какую-то молитву. Меня этому языку научила старушка-гувернантка.

По-моему, речь шла о звездах и примирении, но из-за мрачной обстановки все выглядело жутковатым, а молитва казалась магическим заклинанием. Ко мне опять вернулись прежние страхи, вспомнились рассказы священнослужителей и сплетниц. Я едва не побежала обратно, предоставив аланзан их судьбе.

Внезапно я вспомнила, что среди них находился Седрик – хоть я и не могла найти его среди неподвижных фигур, – и стиснула губы. Я надеялась, что аланзане сделают перерыв, но молитва все длилась и длилась. Время истекало, и я решила действовать. Иного выбора у меня не было.

– Эй! – закричала я. – Вам надо бежать отсюда! Вас хотят арестовать люди губернатора!

Песнопение оборвалось, и аланзане повернулись ко мне. У меня заколотилось сердце. Я совершила чудовищную ошибку! Даже если они не занимаются черной магией, они запросто смогут нанести мне физический ущерб. Еще с детства мне внушали, что человеку, который случайно прервет любой религиозный ритуал, явно не поздоровится...

– Кто она? – спросил низкий мужской голос. – Схватите ее, пока она на нас не донесла!

– Я собираюсь вам помочь! – выпалила я.

Два человека ринулись ко мне, и я начала неловко пятиться, но внезапно знакомый голос со стороны круга воскликнул:

– Аделаида? Как ты тут оказалась?

Подбежавшие ко мне мужчины растерянно оглянулись.

– Ты ее знаешь? – спросил один из аланзан.

– Да! – Седрик вышел из круга, стремительно подбежал ко мне, и я с облегчением всмотрелась в черты его лица.

– В чем дело? Тебе нельзя здесь находиться!

Я вцепилась в его рукав.

– Вам надо бежать! Люди губернатора планируют на вас напасть! Они в курсе, где вы находитесь!

– Чушь! – заявил мужчина с низким голосом и приблизился к нам.

Я заметила, что он облачен в длинную сутану. Почти такие же носили священнослужители нашей веры, но одеяние еретика оказалось двухцветным – одна половина сутаны была темной, а другая – светлой.

– Почему я должен тебе верить? Это частные владения, которые мне передали на время отсутствия собственника. И откуда какой-то девице знать, что делает губернатор?

Седрик пристально посмотрел на меня.

– Она не лжет, – мрачно произнес он. – Нам пора уходить.

– Но церемония не завершена! – возразила какая-то женщина.

– Ну и что? – бросил Седрик. – Гораздо важнее...

– Смотрите! – крикнул кто-то.

Все повернули головы. На противоположном склоне долины я увидела скачущих всадников. У некоторых в руках были факелы, и, конечно же, все они были вооружены.

– Разбегайтесь! – заорал Седрик. – В разные стороны! Прячьтесь в лесу, там кони точно не пройдут!

Аланзана так и поступили. Я решила, что их постоянно готовили к экстремальным ситуациям. Седрик схватил меня за руку, и мы кинулись наутек. Сперва я слышала только топот наших ног и прерывистое дыхание. А затем позади нас раздались крики и прогремел выстрел.

Седрик притормозил и оглянулся.

– Ты чего? – возмутилась я. – Нам нужно спрятаться!

Прозвучал второй выстрел – и, к моему изумлению, Седрик двинулся обратно к роще.

– Седрик, нет!

– Я вернусь, – сказал он. – Я не стану убегать. Я должен им помочь.

– Помоги им, оставшись живым! У тебя нет серьезного оружия, и ты сразу погибнешь. И я тоже.

Моя последняя реплика подействовала на Седрика. После секундного колебания он крутанулся на месте и помчался к лесу.

Похоже, мы целую вечность добирались до опушки, но в конце концов мы ворвались в лес, почти не снижая скорости. Меня хлестали ветви деревьев, платье с треском рвалось, мы несколько раз спотыкались... Я уже не представляла себе, в какой глуши мы оказались.

Внезапно Седрик резко сбавил скорость и остановился. Мне пришлось последовать его примеру. Мы оба тяжело дышали. Седрик принялся озираться, вглядываясь в каждое дерево и куст.

– Теперь нас не найдут, – проговорил он. – В эту сторону они не

поехали. Они либо задержались, пока ловили кого-то еще, либо поскакали вдоль опушки.

– Точно?

Он опять настороженно осмотрелся: вокруг был слышен только шорох ночного леса.

– Да. Лошадь здесь не пройдет, да и у нас была неплохая фора... потому что мы бросили других.

Он даже не пытался спрятать свой бессильный гнев.

Я поникла, не желая показывать, насколько я боялась, что люди губернатора могут обнаружить меня среди еретиков.

– Откуда ты узнала, где мы? – осведомился Седрик.

– Мира сказала. И научила меня, как незаметно выбраться из дома. Она очень находчивая.

Он фыркнул.

– Думаю, не она одна. Ты хоть понимаешь, как ты рисковала? Тайком сбежала из «Глициниевой лощины», а потом в одиночку добиралась до леса!

– Я подвергалась не большей опасности, чем еретики, которые проводят свои ритуалы на открытой местности, когда за их веру грозит смертная казнь, – парировала я. – Почему вы так упорствуете? Почему бы вам не собираться в каком-нибудь подвале без окон и не поклоняться там вашим ангелам? Вы прямо мечтаете, чтобы вас арестовали!

Седрик рухнул на колени и закрыл лицо ладонями.

– Звездное Пришествие должно проходить на открытом воздухе, но мне следовало выбрать другое место, – глухо проговорил он. – Этот участок находится в частной собственности, как и сказал Дуглас, но его использовали и раньше. Да, ты права... мы подвергаем себя огромной опасности. Я совсем не подготовился и подвел остальных.

Я положила руку ему на плечо, тронутая мукой, прозвучавшей в его голосе.

– Ты им помог. Может, им всем удалось убежать. Я успела предупредить их до появления всадников.

Седрик встал.

– Аделаида, но почему ты решилась на это?

– А ты сам как считаешь? – спросила я. – Уоррен хвастался, что вместе с отрядом своих людей устроит нападение на аланзан, и я поняла, что мой любимец-еретик будет со своими друзьями.

– Аделаида...

Хотя в темноте я и не могла толком встретиться с ним взглядом, я

почему-то потупилась под ощутимо пристальным взглядом Седрика. Я не могла признаться ему, что похвальба Уоррена ввергла меня в панический ужас. Но, услышав Уоррена, я не могла думать ни о чем другом: мое сердце болезненно ныло при мысли о том, что Седрика ждет тюремная камера или виселица. Бюрократия Блистательного Двора, махинации Виолы – ничего не имело бы значения по сравнению с жизнью Седрика.

– Мне не хотелось, чтобы твой отец перехватил твои коммиссионные, если бы ты дал себя убить в какой-то странной церемонии поклонения звездам.

Он развеселился.

– Рассказать тебе про Звездное Пришествие?

– Зачем? Я праведно поклоняюсь Уросу.

– Я уверен, что ты сладко спала на скамье в тот раз, когда я со всеми вами был на службе.

Я отвернулась и двинулась куда-то наугад.

– Я иду домой спать.

Седрик взял меня за локоть и повел в другую сторону.

– Послушай, ты уже попала в переделку, поэтому давай сделаем крюк.

– Разве это разумно? – забеспокоилась я. – Ведь они нас ищут!

– Нас уже нет, по крайней мере, нас двоих. И вообще, мы практически добрались до территории «Глициниевой лощины». Мне надо показать тебе, что такое Звездное Пришествие. Не тревожься, – добавил Седрик, угадав мои мысли. – Не будет никаких жутких ритуалов или возлегших под луной еретиков.

– Что-что? – насмешливо спросила я. – Надо полагать, ты деликатно упоминаешь о чем-то постыдном?

– Ты что-то путаешь, – невозмутимо заявил Седрик. – Это просто слова, которые произносят во время аланзанского свадебного обряда, причем весьма респектабельного.

Я вспомнила, как Мира говорила мне, что мораль аланзан точно такая же, как и у нас. Наверное, так и есть, но я не хотела, чтобы Седрик догадался, как я заинтересовалась его верой.

– Объясни?

– К примеру, в момент обряда говорят такие слова: «Я возьму тебя за руку и возлягу с тобой в рощах, в свете луны».

– Звучит красиво, – неохотно признала я. – Но если я правильно поняла, то иногда возлегание под луной все же имеет место быть?

Он задумчиво кивнул.

– Да. Иногда так бывает.

Мы медленно брели по лесу, который постепенно поредел. Вскоре мы вышли к заброшенному полю, которое заросло сорняками: наверное, его перестали обрабатывать после очередной стычки с икорийцами.

– Вот мы и добрались до открытого пространства, – констатировал Седрик, предусмотрительно остановившись на опушке.

Седрик расстелил свой плащ на земле и лег на него с одного края, жестом пригласив меня присоединиться к нему. Недоумевая, я присела на корточки и затем вытянулась возле него. Места было не слишком много. Он поднял руку.

– Смотри вверх, но в другую сторону от луны.

Я послушалась. Сначала я видела только звезды, сияющие над моей головой. Я вспомнила «Голубой ключ»: в загородном имении можно было всегда любоваться звездным небом – не то что в Осфро, освещенном фонарями! Я собиралась спросить Седрика, чего именно надо ждать, когда небосклон вдруг прочертила яркая искра. Я ахнула. За ней вскоре последовала вторая...

– Падающая звезда! – с восхищением воскликнула я. – Вы поэтому собрались именно в той роще, да? И откуда у вас такие познания?

Я лишь однажды наблюдала подобное явление – совершенно случайно, в раннем детстве.

– Звездопад происходит каждый год приблизительно в одно и то же время. Я никогда не знаю точной даты, но астрономы ее вычисляют. Мы говорим, что это слезы шести падших ангелов, которые оплакивают свой разрыв с богом Уросом.

Над нами пронеслась третья яркая звезда.

– Вы поклоняетесь Уросу?

– Конечно. Он – небесный отец. Мы признаем его, как и вы, приверженцы ортодоксальной веры. Когда мы празднуем Звездное Пришествие, мы молимся о том, чтобы Урос и его ангелы, великолепные и отпавшие, примирились. В общем, для нас это особое время, когда надо просто забыть о ссорах и жить в мире.

Я продолжала смотреть на звезды.

– Я бы с радостью с тобой помирилась. Я прощу прощения за то, что сказала после бала.

Он вздохнул.

– Нет, сперва мне надо было попросить прощения у тебя. И ты права: Уоррен Дойл – самый лучший претендент на твою руку. Правда, меня возмутила его манера общения, но разве я могу тебе препятствовать?

– Но сейчас... кое-что изменилось.

И я выложила Седрику все, включая и завуалированные угрозы Виолы. Изумившись, он приподнялся на локте и заглянул мне в лицо. Мне показалось, его сердце находится всего лишь в одном биении от моего.

– И ты до сих пор молчала?

– Ну, – суховато отозвалась я, – между прочим, я была занята: спасала тебя и твоих друзей-еретиков.

– Аделаида, но все это очень плохо!

– А может, и нет, – пробормотала я. – То есть поведение Виолы меня насторожило, но я ведь серьезно подумывала об Уоррене. Хотя, по-моему, я вообще ничего не понимаю.

– Раньше ты делала выбор сама. Теперь согласие на брак превращается в шантаж.

– Если я выйду за Уоррена замуж, у Виолы не будет повода донести на меня.

– Но у нее всегда будет козырь против тебя! И, похоже, она никогда не отступится. Вдруг мать Уоррена растрезвонит о тебе на следующей неделе?..

– И тогда некий предприимчивый мошенник, понадеявшийся на вознаграждение, утащит меня обратно в Осфрид, да? Если только я не защищу себя браком с Уорреном или с другим богачом.

– Скорее я сам на тебе женюсь, чем позволю тебе сделать глупость, – жестко произнес Седрик.

Мне удалось рассмеяться, хотя и не очень убедительно. Может, дело было в недавних треволнениях или в том, что мы вместе лежали под звездами. Может, просто в смелости заявления Седрика, что бы ни означали его слова...

– Аделаида, ты сейчас находишься не в том положении, чтобы позволять мне сделать лишнее, – прошептал Седрик.

Он был совсем близко от меня, и его тело соприкасалось с моим. Я хорошо различала все черты его лица, изгиб губ и, конечно, ощущала аромат проклятушего ветивера.

– Да и какая польза от подделывающей картины беглянки-аристократки какому-то древопоклоннику, который...

Странно, но его поцелуй вовсе не стал неожиданностью для меня. И не могу утверждать, что я его не желала.

Сначала Седрик был неуверенным, как будто он ожидал моих протестов. Это он зря. Я приоткрыла губы и услышала тихий возглас удивления, вырвавшийся у него. А затем вся наша нервозность исчезла. Я бы сказала, что уступила ему – если бы сама не проявила агрессивность. Я

обняла его за шею и притянула ближе, притиснув свой рот к его губам. Было таким облегчением спустя долгие месяцы дать волю сдерживаемому... влечению? Желанию? Чему-то более сильному? Чем бы ни было это чувство, я полностью отдалась ему.

Порой на столичных балах я тайком обменивалась вежливыми поцелуйчиками с ухажерами. А здесь, на опушке леса, отсутствовал даже намек на вежливость или обходительное отношение. Были жажда и жар: каждый из нас словно хотел сделать другого своей собственностью. Когда Седрик оказался надо мной, мое тело яростно подалось ему навстречу. Левую ладонь он прижал к моей щеке, правую положил мне на бедро. После многолетних поучений о добродетели я совсем не понимала, как глупенькие девицы могут забыть о ней. Теперь я это поняла.

Когда его губы переместились на мою шею и проложили дорожку поцелуев до самой ключицы, мне показалось, что я растаю. Мы прижимались друг к другу в темноте, стараясь оказаться как можно ближе. Хотя одежда оставалась на нас, в какой-то момент я оседлала Седрика, не обращая внимания на то, что подол моего платья задрался до колен. Продолжая меня целовать, он запустил пальцы в мои волосы, освобождая их от стратегически размещенных шпилек.

Когда, наконец, я окончательно задохнулась, то сумела сесть – хоть и очень непристойно, по-прежнему оставаясь на нем верхом. Он провел пальцами по моим скулам, прослеживая их очертания – и снова зарылся в мои непокорные локоны.

– Растрепались, – произнесла я, отводя назад пряди его волос. – Наверное, ты давно этого хотел.

– Я... хотел гораздо большего, – признался он хрипло и со вздохом опустил руку. – Но твой будущий муж мне явно спасибо не скажет.

– «Будущий» – ключевое слово. Пока я не замужем и могу сама решать, как мне поступать. – Я на секунду задумалась. – Кстати, я намерена делать выбор сама даже после того, как обзаведусь мужем.

– Не сомневаюсь, но я прекрасно понимаю, что мой отец будет иметь на данный счет определенное мнение. Мы – ваши хранители, ваши опекуны. Нам полагается оберегать и поддерживать жемчужин, пока вы не дадите согласие какому-нибудь щедрому кавалеру.

Я постоянно слышала подобные разглагольствования в Блистательном Дворе.

– И тогда мы принесем вам не менее щедрые комиссионные.

Он бережно передвинул меня и встал.

– Они меня не интересуют.

Я вспомнила наш первоначальный план, а затем – всадников в ночи и выстрелы. Седрику необходимо отсюда вырваться.

– А меня интересуют, – мягко возразила я. – С картиной что-то получилось?

– Не совсем. Никто не усомнился в ее подлинности. Но Уолтер – мой агент – не может найти клиента с деньгами.

Я тоже встала и отряхнула юбку – скорее по привычке, чем из других соображений.

– Значит, мне следует обеспечить тебе пай.

– Не соглашайся на то, чего не хочешь! – потребовал он, закутываясь в плащ.

У меня в висках застучал пульс.

«Я хочу тебя, – подумала я. – Хочу, чтобы ты целовал меня и положил на луговую траву».

Однако хотя мое тело и пылало, разум оставался холодным. Пусть сейчас я могу делать то, что мне взбредет в голову, но Седрик не ошибался. Если по Триумфальному расползутся слухи о том, что между нами произошло, последствия будут катастрофическими.

И мы неторопливо поплелись в сторону дома, погрузившись в размышления. Я взяла себя в руки. Брак строится не на любви и желании. Это – деловое предприятие, и мне надо переключиться на деловой режим. Может, разочек оступиться и простительно, а вот второй раз – нет, что бы мое сердце ни пыталось мне сказать (а у него было что сказать).

Думаю, что и Седрика терзали такие же невеселые мысли. Когда вдалеке показался особняк, мы синхронно замерли возле рожицы деревьев. Седрик пристально посмотрел на меня.

– Что ты намерена делать относительно Уоррена?

– Не знаю. То есть у меня нет желания выходить замуж в такой ситуации, но...

– Вот не выходи, – заявил он. – Ничего другого я и слышать не желаю.

Я насторожилась.

– Что ты намерен предпринять?

– Я намерен защитить тебя от губернаторского сына. Убрать его из твоего поля зрения и познакомить тебя с другими претендентами. Может, тебе понравится кто-нибудь еще...

Наверное, Седрик был прав, но, находясь рядом с ним, я сомневалась в успехе этого предприятия. Я внезапно поняла, почему все кавалеры, с которыми я познакомилась в Триумфальном, казались мне такими тусклыми и скучными! Я сравнивала всех с Седриком – и любой

адорийский ухажер проигрывал ему в ту же секунду!

– Твоему отцу не понравится, что я отвергну Уоррена, – предупредила я Седрика. – Он расsvирепеет и будет возражать.

– Не сомневаюсь, но не забывай: выбор остается за тобой. Ты можешь дать согласие другому – тому, кто не станет тебя шантажировать твоей тайной, – даже если он даст меньше денег, чем Уоррен.

Мы направились к особняку. Седрик сказал мне, что пройдет к парадной двери: никто даже не обратит внимания на его столь позднее возвращение после «бурной вечеринки с друзьями».

– Неужто? – с горечью осведомилась я. – Как приятно не иметь ограничений и свободно передвигаться по городу и его окрестностям! А за каждым нашим шагом пристально следят!

– Эй, наша обязанность – оберегать вашу невинность!

Слабый свет фонаря освещал лицо Седрика. Я увидела, как поблекла его улыбка при мысли о том, что он, пожалуй, не очень преуспел в выполнении своих прямых обязанностей сегодня ночью.

– Ладно, – проворчала я, – хотя бы намерения у вас добрые.

– Это зависит от того, что конкретно ты имела в виду. – Седрик сунул руки в карманы и уставился в небо. Его взгляд остановился на луне. – Как ты думаешь, почему пали шесть ангелов-отступников? – вдруг спросил он.

– Я знаю лишь то, что говорят священники. Но ты бы сказал нечто иное.

– Аланзиль и Динзиль восстали первыми. Они полюбили, что строго-настрого запрещалось ангелам. Им полагалось быть выше человеческих страстей, но их любовь оказалась настолько глубока, что они решили пойти наперекор божественным и человеческим законам. Урос изгнал их обоих, а вскоре за ними последовали еще четыре ангела-отступника. Они не сумели отказаться от эмоций. Они захотели принять свои чувства и научить смертных поступать таким же образом.

Пока он говорил, я затаила дыхание, сама не понимая, чего жду.

Седрик продолжал смотреть на небо.

– Урос не только изгнал Аланзиля и Динзиль из божественных чертогов. Их еще и разлучили. Она – Солнце, он – Луна или месяц. И они никогда не встречаются. Порой, в удачное время суток, им все же удастся мельком увидеть друг друга с противоположных сторон небосвода. Как печально!

Я выдохнула.

– А как насчет затмения?

Седрик долго мне не отвечал, и я начала сомневаться, что он услышал

мой вопрос.

– Затмение происходит далеко не каждый день, – наконец произнес он.

– Сдается мне, что оно все-таки должно случаться – может, пару раз в сто лет.

Седрик посмотрел куда-то в сторону, и хотя я не видела его лица, я догадалась, что он опять улыбается.

– Мы по-прежнему говорим про Аланзиля и Динзиль? – уточнил он.

– Откуда мне знать? Ведь именно ты – еретик, а не я.

– Верно. Ты – отчаянная фокусница-эскапистка, которая спасает отступников вроде меня. А теперь объясни, как ты собираешься вернуться в дом. – Когда я показала ему шпалеру, по которой собиралась забираться наверх, он изумился: – С ума сойти!

Я гордо выпрямилась.

– А почему бы и нет? Я, между прочим, и не на такое способна, помнишь «Добрую надежду»? Кстати, Мира выбиралась из дома по шпалере уже не раз.

Седрик поморщился.

– Мне надо воздержаться от лишних вопросов. И мне не следует ничему удивляться. Ты бесстрашная, и Мира не трусиха. С вами обеими спорить бесполезно.

Мне вдруг вспомнились давние сплетни. Там, под звездами, Седрик действовал очень уверенно: его руки и губы прекрасно знали, что делают. Наивно было бы считать, что Седрик, который общался не только с аланзанами, но и с осфридскими школярами, оставался неопытными юнцом по отношению к женщинам. Однако мне было крайне неприятно думать, что моя лучшая подруга переняла у меня пальму первенства.

Я едва не пристала к Седрику с расспросами, но вовремя опомнилась.

Мы неловко попрощались, демонстративно держась на почтительном расстоянии друг от дружки. Седрик ждал, когда я вскарабкаюсь по шпалере вверх. Увидев, что я благополучно влезла в чердачное окно, Седрик скрылся за углом особняка. Я закуталась в халат и вернулась в спальню, никем не замеченная.

Когда я переступила порог комнаты, Мира села на кровати. Похоже, не мне одной плохо спалось, когда подруга уходила делать какие-то глупости.

– У тебя все получилось как нужно? – спросила она.

На ее вопрос было сложно ответить: именно сегодня он таил в себе столько смыслов и намеков!

– Не совсем, но почти, – сказала я.

Глава 17

Седрик выполнил свое обещание и не сводил меня с Уорреном. В течение недели Уоррен не появлялся в моем расписании свиданий. Я видела его лишь однажды – во время прогулки по городу с другими жемчужинами, но встреча была мимолетной. Кроме того, в присутствии других девушек Уоррен держал себя в руках и не позволил себе очередное страстное излияние. Правда, он не скрывал, насколько рад меня видеть, а я старалась отвечать максимально вежливо – даже когда он начал хвастаться, что его отряду удалось арестовать троих аланзан в ночь Звездного Пришествия. Меня что-то кольнуло в самое сердце: ведь я понимала, насколько болезненно воспринимает эти новости Седрик, который как раз находился неподалеку.

К счастью, Виола не сопровождала своего сына на прогулке, и я немного успокоилась. Похоже, пока мне еще ничего не грозило.

Мне следовало радоваться такому повороту событий. Я должна была использовать передышку для того, чтобы обдумать свои следующие шаги и проложить курс в тех опасных водах, где оказалась по воле Виолы Дойл.

Но в основном я думала о Седрике.

Если говорить начистоту, то Седрик занимал мои мысли с первой минуты нашей встречи. Я просто старалась прятать свои чувства подальше. А теперь, когда я сняла засов с сердца и призналась себе в том, что влюблена... что ж, мне не удавалось выбросить его из головы. Я ловила себя на том, что постоянно перебираю каждое мгновение той ночи под звездами. Тот миг, когда наши губы встретились. То, как его пальцы зарывались в мои волосы. Ту смелость, с которой его ладонь скользила по моей ноге... ни разу не поднявшись выше.

«Порой, в удачное время суток, им все же удастся мельком увидеть друг друга с противоположных сторон небосвода. Как печально!»

Я не спала. Я почти ничего не ела. Я ходила в сладком тумане, опьяненная тем, что произошло между нами, пусть даже меня отрезвляла уверенность в том, что такое больше никогда не повторится.

Хорошо хоть, что Седрик вроде бы ни о чем не жалел. Я никогда не забывала историю, которую нам в качестве предостережения поведала Тэмсин. Еще в «Голубом ключе» Тэмсин страшила нас рассказом о своей приятельнице из Осфро – та подарила своему вероломному возлюбленному нечто гораздо большее, чем поцелуи, а позже услышала от него, что все это

было лишь «недоразумением».

Седрик никогда не выражал сожалений и не опускался до унижительных оправданий, что только еще больше усложняло ситуацию. Однако я уже не сомневалась в одном: он действительно не считал происшедшее ошибкой (впрочем, как и я сама). Однако мы оба не могли отрицать, что тот случай под звездами окончательно запутал наше положение.

Так что мы инстинктивно решили поменьше разговаривать друг с другом: не из враждебности, а лишь потому, что сами себе не доверяли.

А потом наступил день, когда общение стало неизбежным. Жемчужины Блистательного Двора собирались отправиться на очередной прием – и Седрик отвел меня в сторонку, пока остальные девицы щебетали между собой.

Нас разделяло несколько дюймов, и я каждый из них пересчитала.

– Я нашел для тебя кое-кого, – шепнул мне Седрик, быстро оглядываясь на дверь. – Он – хороший человек. Я почувствовал, насколько он надежный, когда вел с ним переговоры. Позже мне это подтвердили люди, которые знают его слуг. Как ни крути, а от прислуги всегда можно много чего выяснить. И я подумал... что, возможно, он тебе тоже понравится.

В наэлектризованной атмосфере между нами возникла новая неловкость.

Странно, что мужчина, к которому меня просто отчаянно влекло, с такой прытью подыскал мне будущего супруга.

– Спасибо тебе, – выдавила я и замолчала.

– Сейчас его нет в Триумфальном, но я договорился, что вы встретитесь в конце недели. К сожалению, возникла маленькая проблема...

Я невольно улыбнулась:

– Седрик, нам не привыкать к проблемам!

– Точно. Он – адвокат, и пока он только начал карьеру. Дом в Триумфальном у него очень скромный, но славный. И у него всего двое слуг.

– Ясно.

Профессия адвоката не считалась в Новом Свете уважаемым занятием. Я понимала, что этот кандидат не обеспечит мне роскоши, которую мне мог дать, к примеру, владелец плантации, или крупный судовладелец, или пресловутый сын губернатора.

Минимальное количество прислуги означало, что мне, вероятно, придется взять на себя часть домашних обязанностей.

– Но ты всегда будешь обеспечена, – поспешно добавил Седрик. – Ты будешь жить в достатке и получать приглашения. Не на самые эксклюзивные приемы и балы, но все же на некоторые мероприятия. И я уверен, что кандидат очень перспективный. Он с легкостью взлетит по карьерной лестнице и, возможно, со временем получит правительственный пост. Такой брак стал бы в высшей степени удачным для любой из жемчужин.

– Но не обязательно для бриллианта.

– Да, – понурился Седрик. – Он боялся, что ты не захочешь с ним встречаться, и вдобавок он сетовал на то, что вряд ли он посмеет сделать тебе предложение. Он может набрать только минимум денег для твоего выкупа, если возьмет заем в банке, но гарантийная сумма, предназначенная тебе, уже не будет обеспечена. Я убедил его в том, что ты будешь того стоить.

У меня заняло сердце.

– Еще бы ты его не убедил! Ты способен продать отпущение грехов священнику.

Седрик поморщился.

– Аделаида, я понимаю, что кандидат тебя не очень устраивает.

– Нет, – прервала я его, – это идеальный вариант. Я предпочту скромную жизнь с человеком, которого я смогу уважать. Думаю, он будет мне симпатичен. Зачем мне продавать себя якобы заботливому богачу, который будет держать у моего горла нож?

– Верно. А он, адвокат... он тебе понравится, – произнес Седрик дрогнувшим голосом.

Я потянулась к нему, но тотчас отступила: не хватало еще, чтобы мой порыв привел нас обоих к катастрофическим последствиям! «Я должна все выдержать», – подумала я и стиснула опущенную руку в кулак. Из соседней комнаты меня окликнули. Мы с Седриком еще мгновение стояли рядом, понимая друг друга без слов, и вернулись к жемчужинам.

Осмотрев меня, мистрис Калпеппер недовольно цокнула языком.

– Аделаида, где твои украшения? Ты какая-то рассеянная, что в высшей степени неуместно для барышни твоего ранга.

– Извините, мистрис Калпеппер.

Мои мысли были настолько заняты подробностями запретной ночи, что, наверное, уже ни для чего другого у меня в голове места не оставалось.

Мистрис Калпеппер выхватила у служанки бриллиантовое кольцо и протянула его Седрику.

– Мистер Торн, пожалуйста, помогите Аделаиде! Право, если нам

удастся выехать вовремя, то это будет чудом! Изволь не шевелиться! То парики пропадают, то наряды рвутся... что еще сегодня может пойти не так?

Последняя реплика была адресована Розамунде, которая порвала шнурок корсета. Мистрис Калпеппер быстро удалилась, чтобы его заменить.

Седрик ненадолго застыл на месте, сжимая кольцо с бриллиантами в форме слезок, что я сочла весьма символичным. Не желая привлекать излишнего внимания, он медленно прошел мне за спину и надел цепочку на мою шею. Я затаила дыхание, удивляясь, что никто из присутствующих не замечает, как близость Седрика будоражит мою кровь. Он находился совсем рядом и дрожащими руками старался застегнуть кольцо. Когда Седрик, наконец, справился с замочком, он расправил бриллианты и отвел в сторону несколько непокорных прядей моих волос.

Он едва прикасался ко мне кончиками пальцев, но у меня по коже побежали мурашки. Перевела дыхание я только после того, как он отступил назад.

* * *

А в конце недели у меня действительно появилась возможность познакомиться с адвокатом. Его пригласили на прием, который в честь жемчужин устраивали сами Торны. К этому моменту предложение получили еще несколько девушек, и хотя Джаспер не очень-то и беспокоился по поводу остальных, он решил собрать кое-каких потенциальных женихов вместе, дабы им посодействовать.

Приглашение получили представители элиты Триумфального: предполагалось, что мы произведем на них впечатление, что еще больше раздует интерес к жемчужинам Блистательного Двора.

Гости начали прибывать в «Глициниевую лощину» задолго до обеда, но мы уже были наготове. По крайней мере, все девушки... кроме меня.

Разумеется, во время последних мероприятий я вела себя исключительно благопристойно и вежливо, но не более того. Почему-то услышанная от Седрика новость сразу усилила мое равнодушие по отношению к остальным адорийским ухажерам. Я ни на йоту не отступала от того, что от меня требовалось, – и случайно услышала, как один господин сокрушался: «А бриллиантовая девушка совсем не такая интересная, как я ожидал».

В день приема я оказалась столь рассеянна, что забыла нанести румяна. Это был пустяк, да и вообще я использовала их очень умеренно, но взвинченная мистрис Калпеппер сорвалась на мне. Она заявила, что это – преступная, совершенно непозволительная оплошность. Казалось, что отсутствие должного макияжа ставит всю цивилизацию на грань полного краха. Домоправительница отправила меня в спальню, приказав пройти по черной лестнице, чтобы никто не смог увидеть меня в столь неприглядном виде.

Пробираясь через кухню, я услышала мужские голоса. Похоже, Седрик и его отец ссорились в буфетной. Повара были заняты и проигнорировали меня, когда я задержалась у двери и наострила уши.

– Почему он сюда заявится? Его нет в списке гостей! – возмутился Седрик.

– Иными словами, ты не внес его в список гостей! – рявкнул Джаспер. – Не понимаю, какую игру ты затеял, но не думай, будто я не заметил, как ты исключаяешь его из ее дневника! Если ты решил испортить нам сделку, то я сам возьму все в свои руки и прослежу, чтобы она состоялась!

– Он не подходит Аделаиде, – возразил Седрик. – И он ей не нравится.

– А как он мог ей приглянуться, если у нее даже не было возможности с ним пообщаться? А теперь ступай вон! Играй роль гостеприимного хозяина и не порти все еще сильнее!

Джаспер вылетел наружу, и я вжалась в стену, избегая его взгляда. Когда появился Седрик, я преградила ему путь.

– Насколько я понимаю, вы говорили про Уоррена?

– Да! – прорычал он и посмотрел на меня горящими от гнева глазами. – Извини. Я к этому не имел отношения. Не волнуйся! Ты не обязана сегодня с ним разговаривать, а если он попытается целиком завладеть твоим вниманием, я его отвлеку.

– Учитывая вашу дружбу, это, конечно, будет не слишком сложно, – заметила я.

– Я справлюсь, – произнес он. – А ты думай только о том, чтобы очаровать мистера Эделтона.

Седрик поднялся со мной наверх и ждал в коридоре, пока я не нанесла румяна, а потом проводил до гостиной. У дверей возникла неловкая ситуация. Согласно требованиям этикета, мужчина в его положении – являющийся в какой-то степени моим опекуном – должен был ввести меня в комнату. Седрик предложил мне руку, и я на нее оперлась. В то же мгновение я ощутила, что меня словно молнией ударило. Седрик втянул в

себя воздух: на него тоже подействовало мое прикосновение.

– Ничего, – пробормотал он. – Мы оба сильные. Мы выстоим.

К моему величайшему сожалению, выяснилось, что Уоррен пришел не один: с ним была его мать. Увидев меня, Уоррен просиял и начал проталкиваться ко мне через толпу гостей. Седрик крутанулся на месте и отвел меня в угол. Там маялся худощавый джентльмен с песочными волосами, который время от времени подносил ко рту рюмку бренди. Мужчина оказался недурен собой, правда, он не был щегольски привлекателен, как Седрик... но с Седриком соперничать не мог никто!

– Мистер Николас Эделтон, – объявил Седрик, – разрешите представить вам мисс Аделаиду Бейли.

Николас с улыбкой взял меня за руку.

– Мисс Бейли, все рассказы, которые я о вас слышал, не отдавали должного вашей красоте, что удивительно, если учесть, насколько восторженным было описание мистера Торна.

Я ответно улыбнулась.

– Он – торговец, мистер Эделтон. Он просто делает свою работу.

– Большинство моих знакомых торговцев предлагают только фальшивки. Похоже, сейчас интуиция подсказывает мне, что...

Его прервали: Уоррен опять добрался до нас.

– Аделаида! Я не видел вас целую вечность!

Флюиды обаяния, которые я послала Николасу, сразу же куда-то улетучились.

– Мистер Дойл, – отозвалась я, ответив официально на использование им моего имени. – Как мило, что вы смогли прийти.

Он посмотрел на Николаса.

– Извините, что помешал, но мне необходимо...

Седрик стремительно переместился к нам и встал перед Уорреном, заслоня меня от сына губернатора.

– Мистер Дойл! Как я рад, что вы здесь!

Уоррен недоверчиво покосился на Седрика.

– Разве?

– Да. Ходят слухи, будто лорандийцы собирают военные отряды на границах северо-западных колоний и даже начали беспокоить форты. Я надеялся, что вы меня просветите относительно этого: ведь вы здесь, в Триумфальном, лучше всего осведомлены относительно планов лорандийцев. Вы жили в их стране, когда учились на континенте, не так ли? Полагаю, что вы и сейчас очень многое можете о них рассказать, если, конечно, не отстали от жизни?

– Я...

Уоррен замялся. Похоже, он разрывался между горячим желанием оставаться возле меня и неудержимым стремлением опровергнуть Седрика, который явно его подначивал и провоцировал на ответные действия.

В итоге Седрик победил: он воспользовался колебаниями Уоррена и утащил юношу за собой.

– Давайте выпьем и побеседуем по-мужски! Зачем надоедать этим двум политикой?

И в считанные секунды Уоррен очутился на другой половине гостиной.

Николас усмехнулся.

– А он умело работает. Надо полагать, это труднее, чем может показаться на первый взгляд.

– Да, – с грустью согласилась я.

Николас внимательно посмотрел на меня.

– Но и вы наверняка испытываете сложности. Выходить в свет для вас – это ведь все равно что играть на сцене, да? Вы находитесь под прицелом чужого внимания, и вам нельзя не только оплошать, но и выказать слабость. И вы, Аделаида... вы просто невероятны. Вы безупречны. Но у вас не появляется такого чувства... извините, если мои слова прозвучат обидно... что вы – товар, выставленный на витрине?

Я помедлила с ответом. Шла третья неделя бального сезона, но ни один адорийский кавалер ни разу не осмелился задать мне столь нескромный вопрос.

– Да, – честно призналась я. – Постоянно.

Моя откровенность сломала между нами лед, и мы начали оживленный разговор.

Я убедилась в том, что Седрик не ошибся: Николас оказался открытым и остроумным и оценил во мне эти же свойства. Мы поболтали о его юридической практике, и я заметила, что Николас удивлен моей хорошей информированностью относительно законодательства и политического устройства. При иных обстоятельствах он действительно мог бы меня заинтересовать. Но, увы, каким бы милым он ни был, сейчас он не внушал мне ничего, кроме дружеской симпатии. Тем не менее Николас оказался самым привлекательным из всех кандидатов в женихи, с которыми я успела пообщаться в Триумфальном. Мне не следовало удивляться: ведь Николаса выбрал Седрик – а он-то хорошо меня знал!

Пока мы беседовали, я пыталась решить, способна ли я гарантировать Николасу счастливый брак, если не смогу его полюбить. В противном случае соглашаться было бы нечестно.

За обедом Седрику удалось усадить Николаса рядом со мной, тогда как Уоррен скучал в дальней части стола. Иногда Уоррен с тоской на меня посматривал, ну а Виола вообще открыто негодовала. По правую руку от меня сидел пожилой джентльмен, который ворчал, что в Триумфальном «скоро воцарится хаос».

– Анархия, – сообщил он нам с Николасом, – вот что творится в городе. Губернатору нужно быть построже, пока местные злодеи его не сместили. Вы слышали, что аланзанские еретики, которых поймали на прошлой неделе, сбежали из тюрьмы? И где армия? Почему отряды солдат отправляют в соседние колонии? Икорийцы собираются на западе: они никуда не ушли, что бы ни твердили городские дурни! А пираты! Несколько дней назад они захватили корабль с королевской данью, а судно, между прочим, шло на полном ходу в Осфрид. Какая наглость!

– По-моему, никто и не огорчился, – произнес Николас. – По крайней мере в колониях. Многие считают, что нас и так обложили чрезмерно большими налогами.

– Вы не хотите проанализировать ситуацию в целом! – кипятился пожилой джентльмен. – Если уж королевские корабли не считаются неприкосновенными, то что тогда неприкосновенно? А пираты не ограничиваются морским разбоем и открыто разгуливают по улицам! Билли Маршалл. Костяшка Джекоби. Тим Жилетка.

– Кажется, его зовут Том Жилетка. Кстати, не забудьте, что есть и женщины-пираты, – заметила я.

Мира обожала истории о благородных пиратах Триумфального и держала меня в курсе событий. Если бы ей сделал предложение какой-нибудь Билли Маршалл, она бы моментально выскочила за него замуж.

– Джоанна Сталь. Леди Эвиль, – добавила я.

– Если люди не врут, пираты уже спасли множество невинно пострадавших, – встрял Николас. – От грабителей и прочих негодяев.

Наш собеседник нахмурился.

– Да... и все было бы хорошо, но ведь они настоящие преступники! Подумать только, женщины с саблями дерутся с мужчинами и берут корабли на абордаж! Можете себе такое вообразить? И куда катится наш мир, если пираты становятся для молодых людей примером для подражания?

– Да-да, – кивнул Николас с серьезной миной, – если женщины начнут себя защищать, зачем мы будем им нужны?

Я скрыла свой смех за покашливанием. Мой сосед сразу переключился на меня, и я была вынуждена хоть что-то сказать.

– По слухам, пираты хорошо одеваются. Значит, они отнюдь не убогие создания. Как про них говорят? Шитые золотом плащи, павлиньи перья. По-моему, звучит чудесно!

– Никогда не доверял павлинам, – проворчал пожилой джентльмен. – Все болтают о том, какие они пригожие, но их кто-нибудь видел вблизи? Их вытаращенные глазенки очень странно блестят! Они знают больше, чем мы думаем!

Он одним глотком осушил целый кубок вина и замолчал.

Когда мы встали из-за стола и направились к столикам с напитками и десертами, Николас уже не имел права претендовать на меня целиком. Вежливость требовала, чтобы я общалась и с другими гостями – но в их числе Уоррена не оказалось. Не представляю, каким волшебством воспользовался Седрик, но Уоррена продолжали отвлекать.

В какой-то момент я обнаружила, что Мира пыталась кокетничать с Уорреном и строила ему глазки! Разумеется, она притворялась, но Уоррен, похоже, угодил во временную ловушку.

Я усмехнулась. Уж не подослал ли Седрик мою подругу к губернаторскому сыну?

Когда прием почти закончился и гости начали расходиться, Седрику удалось перекинуться со мной парой словами.

– Ну что? – спросил он.

– Он именно такой, как ты обещал. Забавно, но я умудрилась получить удовольствие от этого вечера.

– Отлично. – При обычных обстоятельствах Седрик был бы откровенно рад такому достижению – но только не сегодня. – Мне надо еще над ним поработать, но если все сладится, то я сумею выбить из Николаса предложение. Вы сыграете свадьбу, а Дойлы останутся ни с чем. Не совсем по правилам, но если официальные бумаги будут составлены правильно и Николас выплатит минимальную сумму, контракт, конечно, нарушен не будет.

– Прекрасно. Я считаю...

У меня перехватило дыхание, и я не смогла договорить. Я была не в состоянии изображать радость по поводу брака, которого я вообще не желала. Я не хотела лицемерить перед Седриком. Я редко плакала, но сейчас у меня на глаза навернулись слезы. Я сердито их сморгнула.

– Аделаида...

В его голосе я услышала такую же боль, которая терзала и меня. Он протянул ко мне руку, но резко ее отдернул и сжал в кулак, как недавно делала и я сама.

– Вот вы где!

К нам приближался разъяренный Джаспер. Это было весьма необычным зрелищем: на людях Торн-старший всегда был воплощением такта и обаяния.

– Аделаида, мистер Дойл с матерью собираются уйти. Ты должна попрощаться с ними должным образом, пообещав непременно с ними увидеться в другой раз, – прошипел он.

– Отец...

– Нет! – Джаспер предостерегающе воздел вверх палец. – Не желаю слышать от тебя ни единого слова. Зачем ты свел ее с этим адвокатом? Думаешь, он выплатит ее минимум? Ничего, у него есть реальные конкуренты, и твой адвокат скоро пойдет на попятную! Я тебя предупреждал, Седрик, я не позволю тебе все испортить. – Джаспер смерил меня тяжелым взглядом. – Ступай! Живо!

Седрик начал протестовать, но я лишь покачала головой. Я не собиралась устраивать ему дополнительные неприятности.

– Конечно, мистер Торн, – произнесла я и сделала реверанс.

Уоррен и Виола уже стояли у дверей.

– Аделаида, – выпалил Уоррен при виде меня, – как жаль, что мы не смогли побеседовать. Мне не терпелось рассказать вам о новостях относительно золотых приисков в Хэдисене.

– Как любопытно! – отозвалась я, ощущая на себе пристальный взгляд Джаспера. – Надеюсь, нам удастся поговорить о приисках в следующий раз. Я просто сгораю от нетерпения, так сильно мне хочется услышать все подробности!

– Неужели? – лукаво спросила Виола. – А я решила, что вы переключились на юриспруденцию.

Я сладко улыбнулась.

– Ах, мистрис Дойл, вы ведь знаете нашу жемчужную долю! Нас заставляют менять собеседников, общаться с новыми людьми... Это банальная формальность!

– Вот и хорошо, – проворковала она. – Было бы обидно, если бы вы нацелились на другого кандидата.

Я кивнула, хотя и знала, что время в Триумфальном для жемчужин летело быстро и некоторые девицы уже заключили брачные контракты.

– Верно, но я стараюсь соблюдать этикет Блистательного Двора. Вежливость – превыше всего.

Виола прищурилась.

– Тогда вы, возможно, сочтете нужным продемонстрировать Уоррену

вежливость в виде приватного визита. Не хотелось бы, чтобы кто-то подумал, что вы задираете нос или ведете себя неподобающе. – Виола помолчала и многозначительно добавила: – Ведь вы, милая, никогда не забываете про ваше положение, не так ли?

Я судорожно сглотнула:

– Безусловно, нет!

Прием закончился задолго до полуночи, но жемчужины чувствовали себя совершенно измученными. Пусть все и прикрывалось блеском и лоском, но последние недели нас и впрямь вымотали. Николас Эделтон оказался проницателен: быть жемчужиной – тяжелый труд, как бы все ни смотрелось со стороны.

Некоторые из помолвленных девушек продолжали посещать балы, другие решили от них отказаться и полностью погрузились в предсвадебные хлопоты. Блистательный Двор после подписания контрактов и получения всех выплат «передавал» невесту адорийскому жениху без роскошного «жемчужного» приданого. Девушке позволялось оставить себе лишь одно платье, более-менее подходящее для свадьбы... Ну а размах торжества определял будущий супруг. Некоторые закатывали грандиозные приемы, а кое-кто мог только зарегистрировать брак в мэрии, воспользовавшись услугами магистрата.

Мистрис Калпеппер строго следила за распорядком дня и требовала, чтобы мы все, как помолвленные, так и нет, каждый день завтракали ровно в восемь часов. Меня совсем не огорчали ранние пробуждения – хотя бы потому, что завтрак становился короткой передышкой в нашем пребывании на людях.

Поэтому на следующее утро после приема я проснулась спозаранку, привела себя в порядок и быстро спустилась вниз.

Торны, которые могли есть когда им заблагорассудится, переступили порог столовой ближе к концу нашей трапезы. Мистрис Калпеппер поспешно отыскала им места и усадила Седрика рядом со мной. Я не осмеливалась на него посмотреть, но из-за тесноты наши колени под столом соприкоснулись. Сперва я напряглась, но постепенно чуть-чуть расслабилась. Я почувствовала, что Седрик тоже перестал нервничать. Все оставшееся время я и понятия не имела, что ем и что говорю. Мой мир целиком сосредоточился лишь на этом прикосновении.

Неожиданно охранник, дежуривший на крыльце, вошел в столовую и объявил, что у нас гость. Мистрис Калпеппер вылетела в коридор, чтобы выяснить, в чем дело, но никто из нас особо не заинтересовался визитером. Слуги и посыльные приходили и уходили в любое время суток. Адорийцам,

имевшим серьезные намерения, в случае отсутствия предварительной договоренности предлагалось зайти попозже.

Поэтому все были ошеломлены, когда бледная мистрис Калпеппер вернулась к нам в сопровождении высокого джентльмена. Он был облачен в дешевый мешковатый костюм из грубой шерсти, в котором наверняка было не слишком уютно при внезапно потеплевшей весенней погоде. Редущие волосы незнакомца пронизывала седина, лицо избороздили глубокие морщины. Это определенно был не предприимчивый ухажер. Жемчужины изумленно вытаращили глаза, а вот реакция Миры меня насторожила. Подруга выпрямилась на стуле, взгляд у нее стал пронзительным. Мне не удалось толком расшифровать выражение ее лица. Потрясение? Расчеты? Возможно, всего понемногу.

Чарльз встал из-за стола, одергивая камзол. Он явно не понимал, что стряслось, но прекрасно знал, что мистрис Калпеппер допустила гостя в столь ранний час, конечно, не случайно.

– Я могу быть вам полезен, сударь?

Незнакомец отрывисто кивнул.

– Мое имя – Сайлас Гаррет. Я работаю в агентстве Макгроу.

«Да уж, утро будет нескучным», – подумала я. Никто из нас не ожидал подобного поворота событий!

Агентство Макгроу базировалось в Осфро и занималась расследованием любых, самых запутанных дел. У этой конторы не было отбоя от клиентов, которым, правда, приходилось выплачивать сотрудникам кругленькие суммы. Формально агентство считалось независимой компанией, но ни для кого не являлось секретом, что оно может похвастаться королевским мандатом по поддержанию правопорядка.

В общем, агентство Макгроу славилось своей безжалостностью и решительностью, а его сыщики шли буквально на все (как открыто, так и тайно), чтобы достичь поставленной перед ними цели. Они занимались чем угодно, начиная с супружеских измен мелкого дворянства и кончая шпионажем в пользу Его Величества. Ходили слухи о том, что они действуют и в Новом Свете, но никто не знал, что они здесь делают и кто их наниматель.

Джаспер подоспел брату на помощь.

– Силы небесные! Нам редко случается принимать джентльменов с таким статусом! Полагаю, вы не ищите себе жену?

Сайлас Гаррет никак не отреагировал на его шутку.

– Нет. Но я нанес вам визит, потому что ищу некую женщину.

Я похолодела, а к моему горлу подкатил ком. Седрик под столом

стиснул мне пальцы. Я уставилась в свою тарелку. И без слов было понятно, что хотел сказать Седрик: «Сохраняй спокойствие».

– Я веду свое собственное дело, о котором не стану говорить, но в Арчервуде сейчас как раз находится мой коллега... Его в прошлом году наняли для того, чтобы он нашел некую юную аристократку, сбежавшую в Новый Свет из Осфрида, – пояснил Сайлас. – Ему не повезло, что неудивительно: Адория обширна, а он не имел никаких подсказок и не знал, в какую из колоний она могла отправиться.

– Ясно! – отозвался Чарльз. – Но, прошу прощения, какое это имеет отношение к нам?

Сайлас смерил Чарльза и Джаспера суровым взглядом.

– Мне недавно подсказали, что леди, о которой идет речь, может скрываться в Триумфальном – и что именно вы располагаете информацией о местопребывании беглянки.

– Что? – воскликнул Чарльз. – Откуда нам что-то знать о пропавшей девице?

– Об аристократке, – поправил его Сайлас. – Речь идет о леди Уитмор, графине Редфордской.

Седрик стиснул мою руку еще крепче.

– О графине? – Джаспер нахмурил брови. – Вы не о том побеге, из-за которого нас той ночью останавливали в Осфро?

– Какой ночью? – тотчас спросил Сайлас.

– Мы с Седриком прошлой весной увозили из столицы группу наших будущих жемчужин. Тогда у городских ворот останавливали все экипажи. Нас проверили ипустили. – Джаспер мельком посмотрел на сына. – Ты ведь помнишь, верно?

Седрик небрежно кивнул.

– Конечно. Был настоящий переполох. А почему этот вопрос снова возник?

– Повторяю, джентльмены, нам сообщили, что вы располагает сведениями по поводу леди Уитмор. – Сайлас обвел взглядом всех присутствующих. – У вас в доме проживает много девушек того же возраста, что и леди Уитмор.

Улыбка Джаспера стала натянутой, что было не очень заметно.

– Да-да. Но, как видите, у нас в «Глициниевой ложине» – настоящий цветник! Это – наш бизнес, мистер Гаррет. Мы привозим из Осфрида девушек брачного возраста. Я ничего не могу поделать с тем, что ваша графиня – столь же юная особа.

– И как вы рассчитываете ее найти? – поинтересовался Чарльз. – Вы

ведь не собираетесь подозревать наших барышень!

– Нет, сударь. Мне такое бы и в голову не пришло. Я просто проверю полученные сведения и отправлю моему коллеге на севере письмо. Я знаю только, что у беглянки каштановые волосы, однако у моего коллеги есть ее миниатюрный портрет.

Сайлас говорил весьма учтиво, но я заметила, как он прощупывал взглядом каждую темноволосую девицу, сидевшую за столом – в том числе и меня. (К счастью, здесь находились еще три жемчужины с каштановыми волосами.)

– Если мой коллега приедет в Триумфальный, он наверняка навестит вас и покажет вам изображение леди Уитмор, – продолжал сыщик. – Вы можете подтвердить, что ваши девушки не скрывали свое происхождение?

– Все наши барышни из простонародья, – заявил Джаспер. – Неграмотные трудяги не составляют никаких документов на своих дочерей. Но могу вас заверить, что либо я, либо мой сын побывали в тех домах, где росли наши будущие жемчужины. Графини среди них просто быть не могло! Что за абсурд!

– Будь у нас столь важная персона, – сострил Седрик, – мы определенно могли бы требовать большие суммы.

Сайлас воззрился на Седрика, явно не оценив его шутки. А Седрик прилагал немало усилий для того, чтобы оставаться дружелюбным и обаятельным юношей-торговцем. Тем не менее я подумала, что Седрику следовало подражать отцу и дяде: те были тактичными, но не скрывали своей обиды.

– Мистер Гаррет, – проговорил Джаспер, – я очень ценю вашу деятельность, но мы успешно преодолели все эти препоны еще в прошлом году, в Осфро. Не понимаю, почему именно на нас продолжают падать подозрения? Настоятельно прошу вас не тревожить нас, пока у вас не появится нечто конкретное и весомое. Помните, что наш Блистательный Двор – уважаемое предприятие с отличной репутацией.

– Конечно, – сказал Сайлас, поворачиваясь к дверям, – но я вернусь, когда соберу все улики.

– Перед тем как уйти, – окликнул его Седрик, – удовлетворите мое любопытство: откуда у вас эта подсказка?

– Анонимная записка, – ответил Сайлас. – Я получил ее вчера вечером.

Мне нелегко было сдерживать панику до той минуты, пока нам с Седриком не удалось коротко переговорить друг с другом. Это случилось уже во второй половине дня, когда к нам на чай начали собираться кавалеры.

– У напарника мистера Гаррета есть мой портрет! – прошипела я. – Наверняка сыщику его вручила моя бабка, когда наняла его, чтобы он поехал в Адорию.

Седрик помрачнел.

– Похоже, что Дойлы контактировали с мистером Гарретом.

– Не сомневаюсь, что в этом замешана Виола! Уоррен кажется таким... не знаю... бесталанным. А его мать просто идет напролом! Она хочет подтолкнуть меня к тому, чтобы я побыстрее согласилась выйти за него замуж.

– И толчком должен стать страх перед разоблачением и поимкой. Виола ведет грязную игру, но она на все готова ради своего сыночка!

Я прикрыла глаза.

– Она надеется, что я впаду в панику и воспользуюсь Уорреном ради спасительного брака.

– Нет! – Седрик шагнул ко мне и взял за обе руки – опасный жест в доме, где было трудно оставаться наедине: в любую минуту кто-нибудь мог войти в гостиную и застать нас врасплох. – Послушай меня, Аделаида: тебя не принудят к замужеству с Уорреном. Поверь мне. Я договорюсь с Николасом Эделтоном – и сделаю все во мгновение ока. Но пока...

Я посмотрела на Седрика в упор. В его глазах плескалась нежность, но я поняла: он собирается сказать мне нечто неприятное.

– Да?.. – поторопила я его.

– Нам надо позаботиться о том, чтобы Дойлы ничего не предпринимали и перестали плести против тебя интриги. Поэтому нам нужно пойти им навстречу. – Он вздохнул. – Извини, Аделаида. Ты должна притвориться, будто готова выбрать именно Уоррена.

Глава 18

– Икорийцы не знали, что в Хэдисене столько месторождений золота! Тут нечему удивляться, ведь они – настоящие дикари! Они не занимаются добычей драгоценных металлов, у них нет даже элементарных технологий. Странно, что они сумели переплыть Закатное море. Так что бывшие икорийские земли по праву принадлежат нам. Мы заключили с ними договор и стали настоящими хозяевами Нового Света!

Уоррен выжидающе на меня посмотрел, и я изобразила восторженную улыбку, надеясь, что она получилась достаточно убедительной.

– А разве земли икорийцев были выставлены на продажу? – спросила я. – Я имею в виду – они все-таки там жили.

Он насупился.

– Я не понял ваш вопрос, Аделаида.

– Ведь земля не являлась товаром икорийцев. Там находились их родные поселения. Когда они заключали договор, куда им предложили перебраться?

– Мы отняли у них далеко не все, – пояснил Уоррен. – У них оставалось еще несколько земельных наделов.

Во время нашего обучения в «Голубом ключе» я изучала географические карты. Определение «еще несколько» оказалось явным преувеличением.

– Кроме того, икорийцы всегда могут переселиться на территории западных племен, – добавил Уоррен.

– А разве это не вызовет конфликта с теми племенами? – осведомилась я.

– Какая разница? Мы – завоеватели.

Я открыла рот, чтобы возразить, но передумала.

Свидания с Уорреном продолжались уже целую неделю, за которую я успела трижды пообщаться с губернаторским сыном: два раза – на людях и один раз – приватно. Нельзя сказать, чтобы Уоррен вел себя оскорбительно, но иногда я была вынуждена держать язык за зубами, дабы не противоречить «жениху».

«Будь милой, – посоветовал мне Седрик. – Не давай ему повода что-то заподозрить».

– Как чудесно иметь столько золота, – пролепетала я, переключаясь на менее спорную тему.

Уоррен энергично кивнул.

– Да. Оно практически лежит на поверхности и ждет, чтобы его кто-нибудь забрал. У нас слишком мало людей, которые могут заняться приисками, но, когда мы бросим клич и я приеду туда с солидным отрядом, за мной сразу хлынет толпа поселенцев. – Уоррен многозначительно посмотрел на меня. – Я выезжаю через две недели, Аделаида.

Я молча склонила голову к плечу.

Уоррен напоминал мне о своем скором отъезде при каждой нашей встрече. Благодаря тому, что мы с Седриком тянули время, я была избавлена от скоропалительного подписания брачного контракта, но понимала, что бдительность Виолы не ослабевала ни на минуту. И хотя мое дружелюбие дало мне отсрочку, я знала, что не за горами роковой момент, когда Дойлы начнут требовать конкретных действий с моей стороны.

– Прошу прощения, – произнесла я, вставая с кресла. Уоррен тоже молниеносно вскочил. – Мне надо поправить прическу.

Вежливый оборот речи намекал на то, что мне надо посетить туалет, и гарантировал мне возможность сбежать.

Прием в поместье Дойлов длился уже три часа, и я надеялась, что мы сможем уехать до полуночи. Нас опекал Седрик – и наше «бегство» из особняка Дойлов было в его руках. При обычных обстоятельствах я бы сумела уломать Седрика на более раннее отбытие, но он весь вечер наблюдал за Каролиной. Похоже, ей удалось обольстить уважаемого землевладельца, который теперь не отходил от нее ни на шаг.

Раньше у Каролины были проблемы с предложениями руки и сердца, и Седрику не хотелось лишиться ее представившегося шанса.

Седрик перехватил меня в коридоре, который вел к уборным. Мы зашли за угол и остановились, пропуская двух мужчин, ворчавших насчет налогов.

– Нам нужно поговорить, – прошептал Седрик.

Я осмотрелась.

– Прямо здесь?

– Другой возможности не будет.

Верно. Жемчужин оставалось мало, и мы стали просто нарасхват. Взяв меня за руку, Седрик утащил меня чуть дальше.

– У меня есть для тебя две новости – хорошая и плохая.

– Наверное, хорошая состоит в том, что тебе удалось раздобыть кучу денег и ты можешь приобрести вестхэвенский пай, а плохая – что ты пока не знаешь, на что потратить остаток.

– Я бы отдал его тебе, чтобы обеспечить привычный для тебя образ

жизни. Но нет – боюсь, все не так. – Седрик тоже настороженно огляделся и продолжил: – Здесь присутствует один человек, который заинтересовался картиной.

Я приободрилась.

– И сколько он хочет дать?

– Четыре сотни.

– Это почти оплатит пай! А в чем плохая новость?

– Он хочет проверить ее подлинность. – Седрик нахмурился. – Но, как ты догадываешься, в колониях не слишком много специалистов по мирикосийской живописи. Поэтому он готов выждать, а это означает, что и мы последуем его примеру. Если только не сможем найти другого клиента.

– А таких – считанные единицы!

– В Денхэме – да. Но мой агент собирается сообщить о нашем предложении южным колониям. А тем временем... – По его тону я поняла, что есть и еще новости – и не обязательно хорошие. – Есть известия о Николасе Эделтоне.

– Да?

Я постаралась, чтобы мой голос звучал жизнерадостно: мне ведь следовало радоваться.

– Он сейчас находится в Томастоне, помогает уладить торговый спор. Как я слышал, он взялся за дело бесплатно.

– Весьма благородный поступок.

– Ага, – согласился Седрик. Казалось, ему приходилось прилагать усилия, чтобы говорить с воодушевлением. – Николас – очень добрый человек. Он должен вернуться послезавтра, к Празднику Цветов, на который я достал ему приглашение. Я уверен, что тогда мы сможем все устроить.

– А сейчас мне надо кормить Уоррена обещаниями.

Сайлас Гаррет больше не приходил в «Глициниевую лощину», но угроза, которую он олицетворял, продолжала надо мной висеть. В день его появления за завтраком мне показалось, что он запомнил лица всех девушек, и я не сомневалась, что если он увидит мой портрет, то сразу же меня опознает. Я должна была поскорее себя обезопасить.

– Я уверен, ты легко справишься, – заверил меня Седрик.

Я встретила с ним взглядом – и пожалела об этом: мне не следовало видеть в его глазах такую тоску. Жизнь была бы гораздо проще, если бы он не испытывал ко мне ничего, кроме равнодушия.

– Ладно, тебе пора к Уоррену, пока он и его матушка не начали тебя

искать!

– Да. Но сперва отпусти мою руку.

Седрик взглянул на наши переплетенные пальцы и несколько мгновений ничего не говорил. А потом очень бережно поднес мою руку к губам и запечатлел на ее тыльной стороне поцелуй. Я закрыла глаза, мечтая, чтобы этот момент сохранился со мной навсегда. Когда он выпустил мою руку, я продолжала ощущать на коже тепло его губ. Мы оба замерли. Только громкий взрыв хохота компании, шедшей по коридору, вернул нас в реальность.

Я направилась к Уоррену, приготовившись к новой порции его самовосхвалений. К моему изумлению, с ним флиртowała Мира, что дало мне временную паузу. Я с любопытством наблюдала за ней, гадая, чем вызвано ее поведение. До сих пор подруга вообще не проявляла интереса к потенциальным женихам. Мира не упоминала ни о каких предложениях, хотя мне и было известно, что она принимала визитеров, как и остальные жемчужины. Однако я и прежде замечала, что Мира активно кокетничала с Уорреном. Неужто ей приглянулся губернаторский сыночек?

Я наслаждалась возможностью побыть одной, слушая, как отец Уоррена вел светскую беседу с несколькими членами магистрата. Он заверял их, что слухи об икорийцах, продвигающихся к Триумфальному, преувеличены и не имеют под собой никаких доказательств.

Я была заинтригована и захотела узнать, в чем все-таки дело, но выяснить это мне не удалось: Уоррен увидел меня, бросил Миру и буквально приклеился ко мне. Легкая тень недовольства, скользнувшая по безмятежному личику моей подруги, свидетельствовала о том, что Мира скорее досадует, чем страдает. Вскоре ее отвлек молодой человек, прикоснувшийся к ее плечу. Она повернулась к нему – и ее лицо осветилось улыбкой.

Я с нетерпением ждала окончания приема. Заверив Уоррена, что непременно буду на Празднике Цветов, я присоединилась к гостям, которые покидали особняк Дойлов.

Очутившись во дворе, я поспешила к экипажам Блистательного Двора, количество которых тоже уменьшилось: мы могли запросто уместиться в двух каретах!

Я уже хотела забраться внутрь, но внезапно поняла, что Мира отсутствует.

– А где Мира? – вырвалось у меня.

«Только не сейчас!» – с тревогой подумала я и осмотрелась по сторонам: Миры нигде не было.

Седрик кинулся обратно, в дом Дойлов. Я решила дожидаться его у дверей кареты, хотя кучер и предлагал помочь мне забраться в экипаж. Мое беспокойство возрастало с каждой секундой, а Седрик не показывался. «Теперь и он куда-то запропастился», – пронеслось у меня в голове.

Мира частенько исчезала из «Глициниевой ложины», но зачем она отважилась на такое в особняке губернатора?

Наконец, я увидела Седрика и Миру: они спускались с крыльца и о чем-то тихо переговаривались.

Седрик посадил Миру в карету, в которую я уже успела забраться, и экипаж покати к воротам.

– Что случилось? – спросила я у подруги.

Мира картинно закатила глаза.

– Меня заморочил один из кавалеров, выясняя, нельзя ли ему «договориться» насчет меня.

Я недоверчиво покосилась на Миру. Судя по ее голосу, она не врала, но я не могла отделаться от мысли, что подруга кое-что скрывает.

На следующий день нам стало известно, что Каролина заключила контракт и число жемчужин опять сократилось. Джаспер искренне радовался такому прогрессу, но счел необходимым прочитать нам лекцию.

– Хотя по контракту вам дается три месяца, чтобы сделать выбор, – объявил он за завтраком, – девушки редко ждут так долго. Большинство устраивают свою судьбу за месяц! Я буду очень удивлен, если вы все не получите множество предложений на завтрашнем празднике. – Взгляд Торна-старшего задержался на мне. – Я буду очень удивлен, – повторил он.

Праздник Цветов, посвященный великолепным ангелам Эмиль и Равиль, был главным весенним торжеством в осфридском календаре. Он совпадал с аланзанским Обрядом Весны, и по поводу истинной его природы существовали весьма противоречивые версии. Поклонники Уроса утверждали, что еретики взяли традиционный праздник и извратили превознесение исцеления и истиной любви, поклоняясь светлым силам и ангелам-отступникам Аланзилю и Динзилю. Аланзане же считали, что праздник издревле был посвящен страсти и плодородию и приверженцы нынешней веры его выхолостили.

Так или иначе, но для меня по значимости Праздник Цветов уступал только Дню Вайиля. Было принято устраивать пышные приемы и обильные пиры – и в Осфро, и, как я теперь выяснила, в Триумфальном. Нам предстояло опять красоваться в ассамблее на балу, который оплатил губернатор и еще пара-тройка местных политиканов. Даже помолвленные девушки должны были посетить мероприятие. Джаспер заявлял, что ничем

не хочет обделять жемчужин, но я заподозрила, что он намеревался продемонстрировать девушек с их женихами тем адорийцам, которые еще колебались.

Бал задумывался как маскарад, что было довольно распространено в Осфриде – и гораздо менее популярно в Новом Свете. Мистрис Калпеппер оказалась к этому не готова, и ей срочно пришлось принимать все необходимые меры.

И результат превзошел все наши ожидания, как бы она ни ворчала. Мне досталась изящная полумаска из серебряной филигрانی, украшенная хрусталиками. Это было скорее украшение, чем личина: Джаспер желал, чтобы нас легко можно было узнать. Маска идеально сочеталась с моим нарядом: шедевром из белого атласа с открытыми плечами, расшитым серебряными розами и лентами.

– Знаешь, – лукаво сообщила мне Мира, поправляя свою сверкающую рубиновую полумаску, – а ведь традиция маскарадов пошла от аланзан, которые проводили Обряд Весны в масках. Аланзане и сейчас делают их из листьев и цветов и наряжаются лесными зверями. Мужчины и женщины танцуют друг с другом, не догадываясь, кто их кавалер или дама.

Я не видела Седрика целый день, зато слышала, как он говорил о бале накануне вечером, поэтому я решила, что он пропустит свои еретические обряды или присоединится к ананзанам поздно ночью. Интересно, он раньше в них участвовал? И в какой степени? Сама идея о плясках с таинственным партнером была языческой и непристойной, но будоражила мое воображение. После Звездного Пришествия при одной мысли о том, что Седрик увлекает меня в темную дику лесную чащу, меня бросало в жар.

Наше появление в здании ассамблеи произвело фурор, а меня, в свою очередь, поразил декор балного зала и других помещений. Они были украшены гораздо богаче, чем в день нашего первого торжества. И, разумеется, повсюду благоухали цветы. Имелась здесь и масса искусственных цветов – с шелковыми лепестками и сердцевинками из полудрагоценных камней. Сплетенные в сложные венки и гирлянды, они так и сверкали в пламени свечей.

На балу присутствовали не только потенциальные женихи: в честь праздничного события сюда явились лучшие граждане Триумфального и Денхэма. Я предполагала, что мы с моими спутницами затмеваем адорийцев просто за счет наших сногшибательных нарядов, однако тут же сменила свое мнение. Все приглашенные – конечно же, в самых причудливых масках – были действительно достойны восхищения.

Седрик едва не опоздал. Ворвавшись в зал, он не успел «вручить» меня записанному на танец кавалеру и увлек меня на первый вальс.

– Твой отец будет недоволен, – поддразнила я его.

– Ах, не беспокойся: скоро у него появится гораздо больше причин для недовольства, – сообщил мне Седрик. – Кроме того, сейчас он вряд ли догадывается, что под маской скрываюсь именно я. Он настолько занят собственной персоной, что мне можно расслабиться.

Я давно привыкла к небрежному тону Седрика и решила ему подыграть, однако неожиданно для самой себя произнесла:

– Я бы узнала тебя где угодно и в любой маске. По тому, как ты двигаешься, по запаху. По тому, как я тебя ощущаю...

Его рука напряглась на моей талии, чуть приближая меня к нему.

– Ты осложняешь мою задачу. Особенно если учесть, что я намерен сообщить тебе важную новость: Николас Эделтон согласился жениться на тебе завтра.

– Хотелось бы надеяться, что тебе в любом случае трудно об этом говорить.

– Верно.

Мы замолчали, позволяя музыке и жужжанию разговоров обволакивать нас обоих. Не отрывая друг от друга взглядов, мы кружили и кружили по залу. Меня снедало желание положить голову на его плечо, но я понимала, что тогда наше притворное равнодушие будет разгадано. К тому же во время вальса так делать не положено.

Когда музыканты отложили смычки, Седрик перестал смотреть мне в глаза. Теперь он словно наблюдал за мной стороны. Его брови хмуро сдвинулись.

– Тебя заприметил будущий губернатор! Давай-ка я отведу тебя к Эделтону, чтобы ты потанцевала с ним. Он в курсе всего, но сперва хотел задать тебе какой-то вопрос.

Недоумевая, я позволила Седрику подвести меня к Николасу – как раз к началу очередного танца. Седрик вежливо перекинулся с адвокатом несколькими фразами, но, уходя, бросил на меня пристальный взгляд.

– Извините за мое исчезновение, – сказал Николас, обхватив меня за талию. На нем была простая маска из синей ткани. – Моим клиентом являлся друг моего кузена, которому нанесли серьезный ущерб в его торговле. Я не мог его бросить.

– Прекрасный поступок, – ответила я совершенно искренне.

– Я не могу справиться с несправедливостью, творящейся в мире, но стараюсь сделать то небольшое, что мне по силам. Но хватит о делах. – Он

улыбнулся. – Мистер Торн сообщил мне, что в запланированном нами деле есть некая срочность и нам надо прибегнуть к уловкам, чтобы вовремя отыграть свадьбу. У нас все получится, но сперва мне надо узнать... – Он вздохнул. – Вы уверены в своей готовности? Я не стану торопить вас, Аделаида, и заставляю делать нечто такое, в чем вы еще сомневаетесь. Вам следует слушать только себя. Последнее слово остается за вами.

И мое сердце сразу сжалось и заняло: не просто из-за его чуткости, но и из-за той истины, которой мы не касались. Кого мне хотелось бы выбрать? Конечно, Седрика! Но у него нет средств даже на пай, который спасет ему жизнь – что уж говорить о неподъемной сумме, которая назначена за меня. Любые другие варианты будут нарушением контракта и вызовут громкий скандал.

«Николас Эделтон – надежный и добрый человек. Вот я и стану Аделаидой Эделтон», – подумала я.

Внезапно мой рассеянный взгляд каким-то образом поймала Виола, которую я уже вычислила среди танцующих. Это укрепило мою решимость, и я осмелилась посмотреть на Николаса. Я подавила душевную боль, стараясь игнорировать то, что все мое существо рвалось к Седрику.

– Я сделала свой выбор, – произнесла я. – А мистер Торн обязательно уладит все детали. Он всегда выполняет свои обещания.

Я закончила танец с тяжелым сердцем и приготовилась к тому, что сейчас моим кавалером станет Уоррен. Но Виола опередила своего сына и увлекла меня к стене.

– Аделаида, милая! У меня возникло впечатление, что мы не разговаривали целую вечность!

Так и было. Хотя я покорно общалась с Уорреном, я прилагала все усилия, чтобы не сталкиваться с его матерью.

– Я была очень занята, – выдавила я.

Виола улыбнулась. Тонко сжатые губы сделали ее похожей на змею.

– Конечно, моя дорогая! Но вам нужно отдохнуть от домашних хлопот, не так ли? Кстати, Уоррен не перестает говорить о том, как ему нравится находиться в вашем обществе. Полагаю, это взаимное чувство.

– О таком мужчине любая девушка может только мечтать.

– Совершенно верно. Тем не менее мой сын до сих пор свободен – и не помолвлен! Вы не представляете себе, до чего меня расстраивает подобный расклад, особенно учитывая его скорый отъезд в Хэдисен. – Виола трагически вздохнула. – Мне было бы гораздо приятнее, если бы Уоррен женился в Триумфальном. Ненавижу незаконченные дела. А вы? Чуть не забыла, Сайлас Гаррет кое о чем меня предупредил! Его напарник уже едет

в Триумфальный. Должен прибыть со дня на день.

Я продолжала смотреть на Виолу с вымученной улыбкой. Она блефует? Трудно утверждать наверняка.

– Думаю, агенты Осфрида будут счастливы выяснить все раз и навсегда.

– А вы, милочка, будете счастливы, если они перестанут вас подозревать, – промурлыкала Виола.

Я промолчала, и ее тошнотворно сладкое выражение лица растаяло.

– Хватит тянуть. Лучшего тебе не добиться. Тебе не будет грозить возвращение в Осфрид. Подпиши брачный контракт и сними груз со своих плеч: а иначе я очень сильно осложню твою жизнь. Я не шучу, – отчеканила она и усмехнулась.

К нам подоспел Уоррен.

– Матушка, никак не ожидал, что ты украдешь Аделаиду!

Улыбка Виолы стала блаженной.

– Нам не хотелось докучать тебе женской болтовней. Понимаешь, есть всякие детали, которые интересуют женщин в связи с бракосочетанием.

Даже маска Уоррена не смогла скрыть, что он вытаращил глаза.

– Бракосочетанием? Вы не имеете в виду...

– По-моему, наш чудесный бриллиант наконец-то перестал тебя дразнить, – вымолвила его мать.

– Правда? – Уоррен схватил меня за руки. – Вы приняли мое предложение? Нам надо объявить о помолвке прямо сейчас! Сегодняшний праздник – идеальный момент!

Стягивающий мою грудь обруч испуга стал туже, и мне пришлось заставить себя дышать.

– Нет-нет! Прошу вас, никаких объявлений! То есть – мы с вашей матушкой говорили неофициально, но пока еще ничего нельзя предпринимать... – Я прикусила губу, глядя в дальний угол зала, где Седрик что-то горячо втолковывал Николасу.

Адвокат широко улыбался: я надеялась, что новости хорошие.

– Сперва надо тщательно обсудить все детали с Торнами. Сумма выкупа, дополнительные условия контракта... Было бы неправильно говорить о помолвке во всеуслышание, не уладив все остальное. Не хочу чувствовать себя неловко.

Виола прищурилась, а Уоррен, похоже, огорчился: к счастью, не особо сильно.

А мои мысли лихорадочно метались в голове. Что это мне даст? Сколько дней я выгадала? Нет никаких сомнений, что завтра Дойлы

нанесут визит в «Глициниевую лощину», дабы оформить сделку. Сумею ли я оттянуть время еще хотя бы на сутки? Кто его знает...

Седрик с Николасом затерялись среди гостей, и у меня не было возможности за ними следить.

«Неужели я только неофициально согласилась на брак с Уорреном?» – ругала я себя.

– Идемте! – выпалил Уоррен. – По крайней мере, нам надо потанцевать, чтобы отметить это радостное событие вдвоем!

Увы, у меня не было путей для отступления. Никаких союзников – только океан людей, прячущих свои лица за масками. Они флиртовали, смеялись, болтали о весне и развлечениях. Они наслаждались жизнью, а мне показалось, что вокруг меня смыкается тьма.

– Конечно, – натянуто согласилась я. – С удовольствием.

Мы протанцевали практически весь вечер. Некоторые ухажеры все-таки отваживались меня пригласить, но Уоррен держался настолько уверенно и собственнически, что каждый из них терпел поражение.

Когда Айяна сообщила мне, что наша группа уезжает, я немного приободрилась.

Уоррен пообещал навестить меня завтра и нехотя попрощался. Я вежливо кивнула и кинулась к остальным. Вечер был ясный и теплый: я нуждалась в свежем воздухе, чтобы собраться с мыслями. Однако едва я успела перевести дыхание, как меня посадили в карету и увезли в «Глициниевую лощину».

Добравшись до спальни, я распахнула окно и села на подоконник, жадно хватая ртом воздух и пытаясь успокоиться. Но мне ничего не помогало. Ощущение загнанности, появившееся на балу, никуда не делось.

Я мечтала вырваться из этой комнаты, из этого дома... из этой жизни. Я вновь почувствовала себя так, как в Осфро. Я была заперта в позолоченной клетке, которой восхищались столь многие, даже не подозревая о том, что я угасаю на их глазах.

Не раздумывая о будущих неприятностях, я выбежала из спальни в своем бальном наряде и замерла как вкопанная. «Странно, что Миры опять нет», – подумала я.

Остальные жемчужины давно разбрелись по своим комнатам. Что ж... Мира сделала свой выбор, в чем бы он ни заключался. И я ее винить не могла.

Я прокралась по коридору до чулана, из которого можно было попасть на черную лестницу, и поднялась на чердак, едва не споткнувшись о подол бального платья. Добравшись до площадки, я открыла окно и уже

собралась вылезти наружу, когда меня окликнули по имени. Я стремительно развернулась – и вздрогнула при виде мужчины в маске. Спустя секунду он сорвал ее с себя – и передо мной предстал Седрик.

– Что ты делаешь? – спросил он. – Я собирался пробраться к тебе в спальню и поговорить, но заметил тебя на лестнице и догнал.

– Хочу выйти. Мне надо подумать! Здесь мне просто в голову ничего не лезет. Я не могу тут находиться. Не могу дышать. Мне надо выбраться отсюда! Куда-нибудь. Куда угодно.

Я снова попыталась выбраться наружу, но Седрик вцепился в мой локоть и, оттащив назад, захлопнул окно.

– Угомонись. Тебе нельзя карабкаться по шпалере в бальных туфельках! – Он усадил меня на подоконник. – Сядь и объясни, что случилось.

Я изумленно воззрилась на него.

– И ты еще спрашиваешь? Случилось самое ужасное! Я более или менее согласилась выйти замуж за Уоррена!

– Более или менее?

Я затараторила, не успевая перевести дыхание.

– Его мать – Виола – она меня вынудила. Я не могла отказаться, но сумела немного все оттянуть. Сказала, что не желаю никаких объявлений о помолвке, пока не будут улажены всякие мелочи... контракты и прочее! Не представляю, сколько времени у меня есть! Может, пара дней? Но ты ведь понимаешь, что Виола настроена очень серьезно! Она может отомстить! Они не станут...

– Полно тебе, – произнес Седрик, переплетая наши пальцы. – Все в порядке. Они тебя еще не заполучили. И тебе не надо тянуть время. Ты должна просто продержаться до утра.

Моя истерика стихла.

– До утра? – переспросила я.

– Николас Эделтон согласился, ты об этом сама должна была догадаться после разговора с ним на балу. Проблема в том, чтобы все получилось законно, но я нашел мирового судью, который утром проведет ваше бракосочетание без лишних свидетелей. Большинство, зная твою связь с Блистательным Двором, не согласилось бы на такое. А этого доброго малого ничегошеньки не волнует: главное, что тебе исполнилось восемнадцать и ты являешься свободной гражданкой Осфрида. Сейчас я подготовлю бумаги, занесу в книгу сведения об оплате, а утром вы с Николасом поженитесь.

Я была потрясена.

– Так быстро!

Он сжал мои пальцы.

– Да. Но позже поднимется шумиха. Мой отец, дядя Чарльз, Дойлы тут же превратятся в свору гончих. Но законы и сами правила Блистательного Двора будут на нашей стороне! Как бы все ни возражали, ничего предпринять никто вообще не сможет!

Я подозревала, что слово «возражать» – чересчур мягкое.

– После скандала отец наверняка лишит тебя комиссионных. Он наверняка перестанет тебе доверять! А вдруг Виола введет его в курс дела? И тогда не будет иметь никакого значения, хватит ли тебе денег на Вестхэвен!

– Про Вестхэвен предоставь думать мне самому, – твердо произнес Седрик и обнял меня. Его присутствие дарило мне спокойствие и чувство надежности. – Тебе надо будет только явиться утром на свадьбу. Я понимаю, ты будешь жить не в той роскоши, к которой привыкла, но Николас станет тебе хорошим мужем. Ты будешь под его защитой.

– Зачем мне роскошь! – воскликнула я. – Я смогу быть хозяйкой скромного дома. Я буду милой спутницей Николаса и стану сопровождать его на светских мероприятиях. Он будет мне опорой, а я стану его другом... Я лягу в его в постель и...

У меня перехватило горло, и я замолчала.

Думаю, я действительно смогла бы все сделать для Николаса Эделтона... все, за исключением одного. Вероятно, раньше я бы согласилась на брак с любым приглянувшимся мне ухажером, но когда в моей жизни появился Седрик – такое стало невозможным. Я даже не в состоянии была произнести это вслух.

Седрик приподнял мой подбородок и бережно снял с моего лица сверкающую полумаску. Покидая бал в лихорадочной спешке, я позабыла ее снять, зато она скрывала слезы, которые наворачивались мне на глаза. Седрик стер их, обхватил мое лицо ладонями, притянул ближе, и мы соприкоснулись лбами. Исчезло все его ликование по поводу их с Николасом победы. Осталась лишь печаль – и желание, не меньшее, чем мое.

– Леди Уитмор...

– Нет. – Я прижала палец к его губам. – Не надо так меня называть. Теперь у меня другое имя. Я – Аделаида, жемчужина Блистательного Двора. Но помни, моя новая жизнь началась в день нашей встречи.

Он взял меня за руку и поцеловал каждый палец. По его телу пробежала дрожь, и он отвел взгляд.

– Ты не должна больше ничего говорить. Ведь завтра – твоя свадьба.

– И ты считаешь, что брак с Николасом изменит мои чувства? – Я высвободилась и заставила его снова посмотреть на меня. – Думаешь, если я стану чужой женой, я моментально вспыхну любовью к мужу? Разве ты не понимаешь, что я легла бы с тобой в роще под светом луны? Ради тебя я бы нарушила все законы – божественные и людские?

Я не могла сказать, кто начал первым целоваться. Может, никакого начала и не было. Похоже, это стало продолжением того, что произошло той звездной ночью. Очутившись в тесном кольце его рук, я уже не могла поверить, что каким-то образом прожила целую неделю, не дотрагиваясь до него. Но за эти семь дней я и впрямь не прикасалась к нему по-настоящему: нельзя же считать тайные и стремительные контакты пальцев или колен за обеденным столом! В Триумфальном я успела потанцевать с десятками поклонников, но никогда не ощущала и слабого подобия того, что чувствовала при одном лишь взгляде на Седрика.

Он подвинулся, прижимая меня спиной к окну, а я притянула его к себе как можно ближе. Я распустила ленту, которая стягивала его волосы, и они упали Седрику на лицо. Он нежно провел пальцами вдоль выреза моего платья и прильнул губами к моей обнаженной коже. Жаркое прикосновение его губ стало последней каплей, и я выгнулась навстречу ему. Он резко отстранился и тяжело задышал.

– Однажды ты мне сказала... – хрипло произнес он.

– Что я собираюсь сохранить невинность до свадьбы? – прошептала я. – Да. Я придерживаюсь этого принципа. Но я готова широко истолковать понятие «невинность». А если сегодня – последняя ночь, когда мне можно быть с тобой, то я собираюсь раздвинуть границы – и как можно решительнее.

Его губы вновь припали к моим, и от их настойчивости я задрожала. Его руки скользнули по моим бедрам и выше, пока не оказались у края лифа. Он провел пальцами по линии декольте и принялся распутывать сложную серебряную шнуровку, которая скрепляла мой наряд. Я как раз стаскивала с него камзол, когда дверь распахнулась.

Мира предостерегала меня о том, что чердачным окном в качестве лазейки мог пользоваться кто-то еще, но я неопределенно не ожидала, что наши пути *с этим человеком* пересекутся.

Мы с Седриком увидели Клару.

Глава 19

Было бы преуменьшением сказать, что дальше разразится обычный семейный скандал.

Прибыв в Адорию, я опасалась многих вещей. Я боялась, что меня принудят к нежеланному браку. Меня страшило, что кто-нибудь узнает мое настоящее имя – и тогда меня бесцеремонно отравят обратно в Осфрид.

Но больше всего я неизменно боялась, что Седрика повесят за ересь.

Мне никогда и в голову не приходило, что меня могут притащить в кабинет к Чарльзу и Джасперу и отчитывать за «непристойное поведение».

– Вы хоть понимаете, что вы натворили? – орал Джаспер. – Вы догадываетесь, что вы наделали? Вы, видимо, хотите нас погубить!

Мы с Седриком сидели рядом на жестких деревянных стульях, а Джаспер расхаживал перед нами, заложив руки за спину. Торн-старший напоминал мне судейского обвинителя. Чарльз прислонился к стене и с горестным видом вздыхал: похоже, брат Джаспера до сих пор не мог сжиться с подобным поворотом событий.

Время завтрака давно миновало: Джаспер продолжал распекал нас за «столь чудовищный проступок», и я чувствовала себя совершенно беспомощной.

Накануне ночью нас обоих отправили по комнатам, приставив наемную охрану на тот случай, если мы попытаемся убежать.

– По-моему, «погубит» – чересчур сильное определение, – спокойно отозвался Седрик.

– Неужели? – Джаспер остановился перед нами. В его взгляде пылала ярость. – Ты думаешь, люди останутся в неведении? Заверяю тебя, Седрик, о вашей выходке узнали почти все в «Глициниевой лощине»! Мы предусмотрительно заперли девушек, но прислуга и охранники, конечно же, в курсе! К вечеру новость разлетится по Триумфальному – и ни один адориец не подойдет к нашему дому! Я не наивен и понимаю, что некоторые из жемчужин попадают к нам отнюдь не скромными девственницами. – Джаспер перевел дыхание, а я мельком посмотрела на Чарльза – бедняга выглядел потрясенным до глубины души. – Но мы всегда сохраняли видимость чистоты, создавая у наших клиентов впечатление, что каждая из наших жемчужин целомудренна! – продолжил Джаспер. – А теперь появится явное доказательство того, что мы водим за нос будущих женихов! Но это – не так!

Обвинительная речь Торна заставила меня призадуматься. Я вспомнила свое ночное легкомысленное замечание о том, что я готова весьма широко трактовать термин «невинность».

– Ничего не было. – Несмотря на серьезность ситуации, Седрик сохранял хладнокровие. Может, это было связано с многолетним опытом, который Седрик приобрел, пытаясь побороть отцовское недовольство. – Целомудрие Аделаиды не пострадало.

Джаспер смерил меня взглядом, который мне очень не понравился. Я почувствовала себя... грязной.

– Неужели? – повторил он. – Трудно поверить. Судя по тому, что я слышал, ее одежда лежала на полу.

У меня запылали щеки.

– Ложь! Просто Клара хотела нам насолить. Она слишком сгустила краски.

– Ага! Ты хотя бы признаешь, что дело нечисто! – рявкнул Джаспер. – Но правда никого не интересует. Все перевернут шиворот-навыворот. Когда сплетня обойдет город, ты, Аделаида, превратишься в аланзанскую шлюху, которая разлеглась на траве! А местные станут сплетничать и перешептываться о том, что мой сын побаловался с одной из жемчужин! Люди будут думать, что так бывает всегда: дескать, любой мужчина имеет право продегустировать товар Блистательного Двора!

Я поежилась. Мне было неприятно оказаться «товаром», но резкие реплики Торна-старшего заставили меня увидеть происшедшее в новом свете. Судя по молчанию Седрика, слова отца тоже на него подействовали.

Увидев, что ему удалось нас задеть, Джаспер добавил:

– Да, меня считают бессердечным, думают, что я часто перегибаю палку в своей алчности, в стремлении получить прибыль. Может, люди и правы. Но у меня есть неписанный закон, который я соблюдаю всегда: я слежу за репутацией нашего Блистательного Двора. У меня – респектабельное, надежное предприятие! Но, видимо, мои усилия пойдут прахом.

– Я исправлю свою ошибку, – выпалил Седрик. – Я на ней женюсь.

– Седрик!.. – пролепетала я.

Я бы дала согласие на брак здесь и сейчас, но ведь и сам Седрик знал, что стоящие на нашем пути преграды практически непреодолимы. И Джаспер тоже все прекрасно понимал.

– Значит, у тебя появилось целое состояние? Ты нашел клад? Обнаружил мешок золота под кроватью и теперь можешь заплатить за нее?

Седрик стиснул зубы. Мне было тяжело смотреть, как его унижают, но

вопрос, который поднял Джаспер, был вполне уместен. Седрик не имел средств на покупку пая в колонии (моя картина вовсе не гарантировала максимальную прибыль, кроме того, будущий покупатель полотна все еще пребывал в раздумьях).

Да и комиссионные за меня Седрик, конечно, еще не получил.

– У Аделаиды пока не закончился срок контракта, – парировал Седрик. – Я заработаю на ее выкуп.

Я собиралась сказать, что Седрик может потратить деньги и на что-нибудь другое, в надежде, что он поймет мой намек на Вестхэвен... но вдруг он добавил нечто такое, что меня потрясло.

– Я ее люблю.

У меня в душе расцвела жаркая радость. Между нами впервые возник вопрос о любви, хотя, по-моему, мы оба нисколько не сомневались в ее существовании. Не обращая внимания на недовольство Джаспера, я протянула руку и стиснула пальцы Седрика.

– Я тоже его люблю.

Джаспер закатил глаза.

– Ваше признание очень трогательно, но, к сожалению, мы живем в реальном мире, а не в дешевеньком любовном романе.

Чарльз кашлянул и неуверенно проговорил:

– А если мы одолжим ему выкупные деньги? Седрик все-таки мой племянник и твой родной сын.

– Нет! – возразил Джаспер. – Никаких поблажек! Седрик нарушил наши правила – пусть сам расхлебывает последствия! Если станет известно, что мы пошли на уступки, это только ухудшит все донельзя и подтвердит, что мы себе кое-что позволяем. Ничего, Седрик справится с разразившейся катастрофой! Я думаю, что у него есть голова на плечах!

– Мы вместе справимся, – уточнила я.

Джаспер поджал губы, а в дверь неожиданно постучали.

Торн старший кивком велел Чарльзу впустить непрошеного гостя.

– Наверняка в коридоре стоит любопытная девица, которая нас подслушивает! Нет, я уверен, что их там собрался целый выводок. Ни минуты покоя!

Однако порог кабинета переступила вовсе не жемчужина, а мистрис Калпеппер собственной персоной.

– Прошу прощения, – виновато произнесла она. – Но к нам пожаловали мистер Дойл с матерью. Я не знала, надо ли им отказывать в приеме.

Джаспер застонал, прикрыв лицо ладонями.

– Еще одно последствие фиаско! Тайное всегда становится явным! – Немного подумав, он обратился к домоправительнице: – Ладно, пригласите их: пусть они выразят свое возмущение. Вы двое иного не заслуживаете.

Вскоре Уоррен с Виолой вошли в комнату. Оба были одеты чересчур официально для утреннего визита: похоже, темные цвета их нарядов подчеркивали серьезность их намерений. Я сразу поняла, что им действительно известно о случившемся. Джаспер лично проводил Виолу к креслу, а Чарльз поспешно расставил стулья полукругом, как будто нам предстояла дружеская светская беседа.

Вся досада, которую только что демонстрировал Джаспер, мигом улетучилась. Торн-старший перешел в свой «рабочий актерский режим» и явно не собирался демонстрировать Дойлам слабость.

– Мистрис Дойл, – проворил он, – я просто счастлив видеть вас в нашей «Глициниевой лощине». Клянусь, вы еще больше похорошели...

Виола вскинула руку, прерывая его.

– Ах, прекратите свою шулерскую болтовню. Думаю, вы уже догадались о цели нашего визита. – Мать Уоррена обвиняюще указала на меня пальцем. – Мы требуем удовлетворения за ужасающий, отвратительный...

– Матушка, – встрял Уоррен, – мы здесь не потому. Хотя уверен, что вы, мистер Торн, можете себе вообразить все наше потрясение, когда курьер принес нам эту печальную новость.

Джаспер изобразил мину искреннего сожаления.

– Увы! Жизнь порой бывает непредсказуема. И мы, в свою очередь, безумно сожалеем о всяческом недопонимании, которое могла возникнуть при наших недавних переговорах.

– Недопонимании? – Виола выпучила глаза. – Ваша девица вчера вечером пообещала выйти замуж за Уоррена! А сегодня мы узнаем, что она отправилась прямо в постель к вашему сыну. Не увиливайте, мистер Торн! Вы оскорбили меня, Уоррена... всю нашу семью!

– Миссис Дойл, мы просим прощения за все неудобства, которые могли вам причинить, – сказал Джаспер. – У вас есть все основания огорчаться.

– Верно. – Уоррен замялся, переводя взгляд с меня на Седрика. – Но, наверное, мне не следует ничему удивляться.

Джаспер растерялся.

– Вы знали?

Уоррен кивнул на нас с Седриком.

– Конкретно об их романе? Нет! Но я чувствовал, что Аделаида

сомневается и потому медлит. Ни мои мольбы, ни безупречная логика не оказывали влияния на Аделаиду, и я стал задавать себе вопрос: «Какая у нее может быть причина не соглашаться?» Теперь я понимаю.

– Она – хитрая, лживая...

– Матушка! – предостерегающе воскликнул Уоррен. Его вежливость по отношению к нам бесила Виолу и, честно говоря, ошеломила меня. – Итак, мистер Торн, что теперь будет?

Джаспер вновь обрел почву под ногами.

– Во-первых, у вас появляется приоритет в общении с остальными жемчужинами Блистательного Двора. Во-вторых, я предоставлю вам значительную скидку...

– Нет, – перебил его Уоррен. – Я имел в виду – с ними.

Я почти видела, как в голове Джаспера закрутились шестеренки и колесики. Торн-старший отчаянно пытался сообразить, как выйти сухим из воды и не нанести ущерба своему драгоценному предприятию по продаже живого товара.

– Мистер Дойл, мы славимся своей порядочностью. Честь и добродетель – наши главные ценности, которые мы ставим очень высоко. То, что вы слышали, – явно преувеличенные и омерзительные сплетни! Уверяю вас, что истинная история не имеет с этим ничего общего. Мой сын Седрик и юная леди Аделаида собираются сочетаться браком.

Мы с Седриком позволили себе быстро обменяться ироническими взглядами: находчивый Джаспер неожиданно принял именно этот план!

– Как мило, – ледяным тоном произнесла Виола. – Вы преподносите своему сыну чудесно упакованный, сверкающий подарок. И притом – не дешевый, если учесть, какую сумму вы собирались потребовать с адорийских клиентов.

– Седрик заплатит столько же! – возмутился Джаспер. – Когда речь идет о наших девушках, никаких послаблений не делается. Отнюдь!.. Кроме того, сначала Седрик выплатит базовую сумму, какую назвали бы и любому другому кандидату – лишь после этого он сможет взять Аделаиду в жены.

Виола смерила Седрика пронзительным взглядом.

– И скажите на милость, молодой человек, где вы найдете такие средства? Ваш отец хорошо вам платил?

– Многие вопросы находятся на стадии урегулирования, миссис Дойл, – дипломатично ответил Седрик.

Уоррен адресовал нам снисходительную улыбку.

– Вероятно, я помогу вам уладить их чуть быстрее.

Виола стремительно повернулась к сыну и скрестила руки на груди. Похоже, Уоррен поставил ее в тупик.

Но и мы все пребывали в недоумении: а у меня не было оснований считать, что Уоррен расщедрится на альтруистический поступок, несмотря на его показное миролюбие и снисходительность.

– Аделаида, вы же слышали от меня о золотых приисках Хэдисена и о том, что у нас не хватает людей для их разработки? Мне лично принадлежит несколько участков – и они просто ждут своего часа. Я собираюсь предложить мистеру Торну поехать в Хэдисен и заняться разработкой месторождения – специально для меня.

Мы онемели от изумления. Первым гробовую тишину нарушил Джаспер.

– Вы хотите, чтобы *мой* сын трудился на ваших золотых приисках? А ведь он был студентом университета и изучал основы предпринимательства! Седрик никогда в жизни не занимался физическим трудом. Он даже не любит бывать на природе!

– Простите, если мои слова прозвучат невежливо, но не могли бы вы уточнить, какую выгоду я от этого получу? – осведомился Седрик.

– Земля принадлежит мне, зато вы получаете право на ней работать и ею распоряжаться, – пояснил Уоррен. – И все добытое на ней золото будет доставаться вам – после выплаты процента собственнику, конечно. – Он просиял. – Если вам повезет и к вам будет благосклонна фортуна, вы мигом решите ваши финансовые проблемы.

– Фортуна переменчива к смертным, – осадил его Джаспер. – Иначе Хэдисен и другие колонии с золотыми приисками были бы застроены роскошными особняками, а не хибарами. Ваше предложение весьма заманчиво, но выкуп за Аделаиду должен быть выплачен менее чем за два месяца, иначе условия контракта будут грубо нарушены. Затея слишком рискованна.

– Я стану гарантом выплаты, – пообещал Уоррен. – Но если в указанные сроки Седрик не сможет добыть достаточное количество золота, я выплачу взнос по контракту и его долговое обязательство перейдет ко мне.

Лицо Уоррена было открытым и бесхитростным, но у меня по спине побежали мурашки. Мне не понравилась мысль о том, что свободолюбивый Седрик станет должником Уоррена и попадет ему в кабалу.

И я уж точно не доверяла великодушию Уоррена.

Виола тоже насторожилась.

– Уоррен! – вскрикнула она. – Что за дикость! С какой стати ты даешь

ему право на разработку? Ты ему ничего не должен! Мы решили прийти сюда, чтобы выразить свое возмущение и нанять адвоката. Мы хотели подать иск о нанесении оскорбления! Не было и речи о том, чтобы помочь сыну мистера Торна своевольничать и дальше!

Уоррен раздосадованно посмотрел на мать.

– И какой от всего будет прок, матушка? Судебный иск успокоит твои задетые чувства? Или ты ждешь, что я надавлю на них и заставлю Аделаиду дать согласие на брак, хотя ее сердце принадлежит другому?

– Нет! Хватит с меня! Теперь она – порченный товар.

Я вскочила на ноги, вспыхнув, что меня снова назвали товаром – и на сей раз в гораздо менее лестном контексте.

– Прошу прощения, мистрис Дойл, но ничего порченного тут нет! Я – девственница и останусь таковой до брачной ночи. Не спорю, все пошло не в том направлении, как мы рассчитывали, но мои взгляды остались прежними.

Виола прищурилась, а я опять села на стул.

– Меня беспокоит твоя идея, Уоррен. Что-то здесь не так.

– А мне не нравится, что в Хэдисене ищут золото все кому не лень! В колонию едут не только честные люди: там есть мошенники, авантюристы и прочий сброд, а мне нужны трудолюбивые союзники, которым я смогу доверить свои прииски. Законы Нового Света должны быть неизменными и в глухомани! Хотел ли я жениться на Аделаиде? – Его взгляд задержался на мне. – Да. Но, повторяю, я не могу претендовать на Аделаиду, зная, что она любит другого. Зато теперь вместо жены я получаю потенциального поселенца. Мистер Торн – надежный порядочный человек. Заручившись поддержкой таких, как он, я смогу осуществить задуманное. Я сделаю Хэдисен процветающей колонией! – Уоррен перевел дух и продолжил: – Итак, я надеюсь, что вы, мистер Торн, охотно примете мои условия. Когда ваш долг будет выплачен, вы не будете иметь никаких обязательств. А Хэдисен нуждается в вас, мистер Торн! Я мечтаю, чтобы Адория стала цивилизованной страной, и вы сможете мне в этом помочь: начинать-то надо с малого.

Помня об отношении Уоррена к аланзанам, я сомневалась, что Седрику захочется поселиться в Хэдисене. В итоге я приготовилась к тому, что Седрик решительно отвергнет предложение губернаторского сына, но все получилось совсем иначе.

– Я согласен, – вымолвил Седрик. – Я буду разрабатывать ваш прииск в рамках соглашения о выплате компенсации за Аделаиду.

Я изумленно открыла рот, чтобы возразить, но вовремя опомнилась.

Я поняла, что мне надо твердо демонстрировать полное согласие с Седриком. Но я напредила себе, что скоро мы останемся вдвоем, и вот тогда я непременно выскажу ему, насколько неудачна эта затея.

Мои опасения озвучил Джаспер.

– Ты спятил? Что ты знаешь о приисках, Седрик?

– Столько же, сколько знают другие золотоискатели, направляющиеся в Хэдисен. Но я быстро все схватываю на лету, – ответил Седрик.

Уоррен кивнул.

– Безусловно. Вам помогут. Промывка с помощью лотка – самый простой способ добычи золота, а затем вы сможете перейти к другим методам.

– С одним условием, – добавил Седрик и взял меня за руку. – Аделаида тоже едет в Хэдисен.

– Вам еще рано ставить Уоррену свои условия, – процедила Виола. – Кроме того, вы пока не имеете права на ней жениться. Вам надо уладить финансовые вопросы, вы не забыли? И я очень надеюсь, что вы не задумали чего-то греховного!

Седрик покачал головой.

– Что вы! Но если принять во внимание слухи и наговоры, которые уже расползаются по Триумфальному, то для моей невесты Аделаиды будет лучше, если она уедет из города – куда-нибудь подальше.

Наши взгляды встретились, и мне стали понятны его истинные мотивы. Мой отъезд из Триумфального станет дополнительной защитой, если Виола решится мстить и открыть общественности мое настоящее имя. В глуши гораздо проще спрятаться от охотников за вознаграждением, нежели в городе.

– Я помогу Седрику на приисках, – сказала я. – Я читала о процессе промывки и справлюсь.

– Ваше проживание в колонии породит новые сплетни, невзирая на ваши моральные принципы, – заметил Уоррен. – Однако некоторые семейные пары переезжают в Хэдисен вместе со своими детьми. Не сомневаюсь, что они будут рады иметь гувернантку с вашим образованием. Вы запросто сможете договориться с ними, хотя, вероятно, на первых порах вам придется взять на себя часть работы по дому. Да... условия в Хэдисене будут суровыми.

– Домашние заботы не станут проблемой, если учесть скромное происхождение Аделаиды, – сыронизировала Виола.

– Меня не страшит черная работа, – парировала я.

Джаспер пожал плечами.

– Ты столь же наивна, как и мой сын. Если ты считаешь, что занималась изнурительным трудом, когда была горничной у знатной дамы, то учти: это – пустяк по сравнению с жизнью в диких неосвоенных краях.

– Я сделаю то, что от меня требуют.

Уоррен улыбнулся и сцепил пальцы обеих рук:

– Вот и хорошо! Мы покидаем Триумфальный через неделю. Я обо всем позабочусь.

Несмотря на мой кураж, меня многое смущало. Могло показаться, что первоначальная опасность миновала и нам с Седриком уже ничего не угрожает ни в настоящем, ни в будущем. Однако меня продолжали мучить сомнения: слишком уж быстро Уоррен изменил свои намерения насчет меня...

Я хотела обсудить все с Седриком без свидетелей, но не знала, позволят ли нам побыть наедине друг с другом в «Глициниевой лощине». Джаспер тоже колебался. Он-то был уверен в том, что мы не выдержим экстремальных условий выживания на неосвоенной территории. А еще я подозревала, что Торн-старший не желает потворствовать сыну. Джаспер злился на нас обоих: наверняка он не скоро забудет, что мы едва не обрушили репутацию его «блистательного детища». Увы, я понимала, что до счастливого финала нашей истории еще далеко... С другой стороны, возможность представить все в выгодном свете и упомянуть о том, что отъезд на прииски санкционировал Уоррен – человек весьма уважаемый – позволила Джасперу сохранить лицо и оградить себя от всяческих обвинений.

– Спасибо, – сказала я Уоррену. – Вы очень великодушны.

По его лицу скользнула тень.

– Не стоит благодарностей.

Дверь распахнулась – и, как ни странно, в комнату влетела Мира. Джаспер возмутился.

– Я говорил вам всем, чтобы...

– Они здесь! Я ничего не понимаю, но они здесь!

Мира запыхалась, глаза у нее сверкали.

– Кто? – спросил Джаспер.

Вероятно, он приготовился дать отпор ватаге разгневанных женихов.

– Девушки со второго корабля! – Мира кинулась ко мне. – Аделаида! Тэмсин жива!

Глава 20

Я рванулась вперед вместе со всеми: налетая друг на друга, мы попытались одновременно проскочить в узкий дверной проем. В вестибюле царила неразбериха. Там собралось не менее двадцати человек, а девушки с «Доброй надежды» уже ввинчивались в толпу, сбегая с лестницы, что лишь увеличивало сумятицу. Шум голосов заполнял помещение, превращаясь в неразборчивое гудение. Я секунду озиралась по сторонам, а потом увидела головку с яркими, золотисто-рыжими волосами.

– Тэмсин!

Я принялась работать локтями, продираясь сквозь людей и напрочь игнорируя тех, кого я невольно толкнула.

Тэмсин крутанулась на месте, услышав звук моего голоса, и при виде знакомого лица моя душа запела. Я подбежала к Тэмсин, чудом не сбив ее с ног, и крепко обняла подругу. Я не думала о том, что она меня ненавидит и оттолкнет. Важно было только то, что Тэмсин выжила и я могла прижать ее к себе. Она – настоящая, реальная!

Она уцелела!

Тэмсин меня не оттолкнула. Она ответила на мои объятия, жадно в меня вцепившись.

– Ох, Аделаида! – выдавила она, захлебнувшись рыданиями.

Спустя мгновение рядом появилась Мира, которая обняла нас обеих. Мы долго стояли так, в тройном объятии, и плакали от счастья.

– Где ты была, Тэмсин? – прошептала я, с трудом заставив себя отстраниться. – Где ты пропадала? Мы думали...

В карих глазах Тэмсин блестели слезы.

– Знаю. Простите. Мне жаль, что нельзя было подать весточку быстрее. И я сожалею о том, что случилось в Осфриде...

– Нет-нет! – Я стиснула ее руку. – Тебе не за что извиняться, Тэмсин!

До этой секунды я смотрела только в глаза Тэмсин, ликуя, что вижу подругу, которую успела полюбить еще в «Голубом ключе». Но теперь, немного опомнившись, я заметила еще очень многое. На Тэмсин было темное платье из сине-серой дешевенькой ткани без каких-либо оборок, бантов или кружевного шитья. Волосы, повязанные скромным платочком, свободно падали на ее плечи. Как странно!

А затем я сообразила, что другие выжившие девушки одеты примерно так же.

– Что с вами произошло? – спросила я.

Тэмсин не успела ответить: какой-то громкий звук привлек наше внимание. Жемчужины завертели головами, и гул голосов постепенно начал стихать.

Выяснилось, что Джаспер, желая быть услышанным, встал ногами на сиденье стула. Поразительно, но я еще никогда не видела на его лице столь искренней радости.

– Друзья! Мы стали свидетелями чуда! Никто из нас в такое не верил. Я только что узнал – как и вы все, – что «Серая чайка» не пошла ко дну! Во время урагана она получила серьезные повреждения и сбилась с курса. Ее унесло далеко на север, в колонию Грэшонд.

Я потрясенно уставилась на Тэмсин. Северные колонии славились тяжелыми условиями и суровыми жителями. А находились они на расстоянии четырехсот миль от Триумфального!

Джаспер обвел присутствующих восторженным взглядом. Вид у него был такой, как будто к его ногам швырнули громадный мешок золота. Впрочем, наверное, так и было.

– Кого мне благодарить за спасение моих девочек?

Воцарилась тишина. Оглядев всех собравшихся в вестибюле, я поняла, что, помимо наших жемчужин, здесь находятся и их спутники. Некоторых я сразу причислила к морякам и отметила про себя, что остальные незнакомцы одеты очень неброско и без изысков.

Внезапно высокий русоволосый юноша сделал шаг вперед. Меня изумило, что на его лице не отразилось никаких эмоций. Он сохранял совершенно спокойный, безмятежный вид.

– Я бы не сказал, что девушек спас кто-то один, мистер Торн, – произнес он. – Все наши жители заботились о них до тех пор, пока дороги не просохли окончательно и не стало возможно отправиться в путь.

Вперед выступила незнакомая мне жемчужина.

– Но именно мистер Стюарт замолвил за нас слово. Мистер Стюарт позаботился о том, чтобы нам предоставили кров и еду. Мы тоже не сидели сложа руки.

– Я ваш должник, мистер Стюарт, – вымолвил Джаспер с театральным поклоном. – Вы спасли не только их, но и всех нас. Спасибо вам!

Став объектом восхищения, юноша подрастерял часть своего хладнокровия.

– Можете называть меня Гидеоном. И благодарить меня не за что. Мы верим в Уроса и просто выполняли его заветы. Я жалею только о том, что вы столь долго тревожились о пропавших девушках, но плохое состояние

дорог лишало нас возможности выехать в Триумфальный или отправить вам письмо.

– Зато сейчас барышни находятся здесь, и, что бы вы ни говорили, мы все-таки у вас в огромном долгу. Позже я бы хотел обсудить с вами все более детально. А теперь мне нужно переговорить с этими господами насчет кое-каких коммерческих вопросов. – Джаспер кивнул в сторону моряков. – А тем временем мой брат и мой сын пригласят вас в гостиную! Вероятно, вы не откажетесь выпить и закусить. У меня припрятано отличное бренди!

– Мы не пьем спиртного, – сообщил Гидеон.

Джаспер хмыкнул.

– Ничего, в наших закромах полно других напитков, которые придутся вам по вкусу. Вы же не откажетесь от родниковой воды или чая? Мистрис Калпеппер, пожалуйста, позаботьтесь, чтобы девушек разместили в комнатах. Им, конечно, тоже следует перекусить. – Он быстро обвел жемчужин цепким взглядом. – Итак, барышни, ваш путь в Триумфальный завершен, и я полагаю, что вы захотите сменить пропыленные дорожные костюмы на ваши роскошные наряды!

Девуцы обеспокоенно переглянулись.

– Весь наш гардероб пропал, – пояснила какая-то из спасенных жемчужин. – Утонул, наверное.

Джаспер выгнул брови, но промолчал. Похоже, его воображаемый мешок с золотом несколько уменьшился в размерах.

– Ладно, мы сумеем пополнить ваш гардероб за счет остальных девушек – особенно тех, кто уже помолвлены.

– Я этим займусь, – пообещала мистрис Калпеппер. – У каждой девушки будет несколько замечательных платьев.

Я снова обняла Тэмсин.

– Она будет жить с нами! – заявила я.

Разумеется, никто не возражал: главный вопрос состоял в том, чтобы жемчужинам хватило места. На втором этаже началась лихорадочная деятельность: девиц развели по спальням, и мы принялись подбирать им одежду. Мы с Мирой разбирали шкафы, когда к нам заглянула Элоиза с охапкой зеленых платьев. Она тепло улыбнулась Тэмсин.

– Ты ведь была изумрудом? Я унаследовала твое место, но эти наряды мне уже не понадобятся. Я ведь помолвлена.

– Поздравляю – и спасибо! – откликнулась Тэмсин и ответно, немного устало, улыбнулась.

Когда Элоиза ушла, Тэмсин плюхнулась на кровать, грудой свалив

платья возле себя.

– Если честно, мне все равно, какой цвет мне к лицу, лишь бы это не была распроклятая дешевая шерсть.

Я присела возле нее.

– Там было ужасно?

– Не совсем, но... – Тэмсин нахмурилась, погрузившись в воспоминания. – Но тамошняя жизнь очень отличалась от той, к которой мы привыкли. Гидеон сказал правду: они о нас позаботились. Остальное значения не имеет.

Мне хотелось услышать ее рассказ во всех деталях, но Тэмсин оказалась скупа на подробности. Поселенцы Грэшонда, называвшие себя «Наследниками Уроса», смогли избежать обвинения в ереси со стороны церкви. «Наследники Уроса» проводили те же обряды и подчеркивали важность священников и церковных служб, но были аскетичны. Никаких величественных храмов. Никаких подарков и украшений на праздники. Никаких излишеств в еде и питье. Данное правило, разумеется, распространялось и на гардероб.

Когда Мира предложила Тэмсин вымыться, та моментально ухватила за эту идею и направилась в ванную комнату.

Пока Тэмсин отсутствовала, Мира мне кое-что объяснила.

– После кораблекрушения девушкам пришлось несладко. Все они, как и наша Тэмсин, получили сильнейший шок. Иногда, пройдя через такое, человек замыкается в себе. Его трудно разговорить. Ничего, Тэмсин обязательно оттаит.

Наконец Тэмсин вернулась. Ее волосы были влажными, но она уже щеголяла в бывшем платье Элоизы из шелкового поплина. Тэмсин показалась мне прежней – по крайней мере, очень похожей на себя прежнюю.

– Надо бы мне вспомнить хорошие манеры и снова привыкать делать прически и подкрашиваться, – энергично объявила она. – Светский сезон заканчивается, но я собираюсь наверстать упущенное. Надеюсь, вы для нас оставили хотя бы дюжину кавалеров. Уверена, что вы получили целый ворох предложений!

– Не так много, если говорить об... э... официальных, – произнесла Мира. – Но я с оптимизмом смотрю в будущее.

Тэмсин обратилась ко мне:

– А ты, Аделаида? Ты-то не горюешь в одиночестве, верно? Наверняка подыскала себе многообещающего богатого жениха?

Я ничего не ответила.

– Аделаида кого-то выбрала, это точно, – рассмеялась Мира. – По моему, ваш приезд как раз прервал свадебные переговоры.

Тэмсин оживилась.

– Великолепно! И кто он, признавайся? Чем занимается? Он в правительстве? Или судовладелец?

– Он – сын хитроумного торговца, который вывозит в Новый Свет невест и другие предметы роскоши, – буркнула я.

– Что? – Хорошенькое личико Тэмсин вытянулось. – Но он ведь не... ты же не хочешь сказать...

Я вздохнула:

– Да-да, мой жених – Седрик.

Тэмсин остолбенела, а Мира добавила:

– Знаешь, из-за Аделаиды здесь разразился настоящий скандал! Ваше появление – единственное, что способно впечатлить посильнее, чем тот спектакль, который Аделаида умудрилась разыграть вместе с сыном мистера Джаспера.

Я постаралась объяснить наше с Седриком положение, включая и договоренность относительно Хэдисена. Хотя Мира об этом не слышала, она сохраняла абсолютную невозмутимость, а вот Тэмсин смотрела на меня со скепсисом.

– О чем ты думала? – воскликнула она. – Ты отвергла будущего губернатора – и ради кого? Ради нищего студента!

– Седрик бросил университет, и он не нищий, – парировала я и добавила после краткой паузы: – Он пока еще не имеет средств. Но я уверена, что ситуация изменится. Очень скоро.

– Какой позор! Нет, этого бы никогда не случилось, если бы я была в Блистательном Дворе! Уж я бы приглядывала за тобой! – провозгласила Тэмсин. – Мира, как ты такое допустила?

– А я даже ни о чем не подозревала, – призналась Мира.

– Но ты – ее соседка по комнате! О чем ты только думала?

Мы с Мирой почувствовали себя неуютно. Мира слегка помрачнела, но я сразу догадалась, о чем размышляла подруга. При нормальном положении дел она бы смогла поговорить со мной откровенно, но она была поглощена своими собственными секретами – и я до сих пор не представляла, в чем они заключались.

Стук в дверь заставил нас вздрогнуть. Открыв ее, я обнаружила на пороге Седрика.

– Тебе сюда заходить не положено! – прошептала я, выглянув в коридор. – Хочешь, чтобы у нас были крупные неприятности?

– По-моему, мы уже превзошли самих себя в притягивании неприятностей, – ухмыльнулся Седрик и прикрыл за собой дверь. – В «Глициниевой ложине» творится настоящий хаос, и никто ничего не заметит, а мне нужно срочно с тобой поговорить. Кстати, добро пожаловать, Тэмсин! Я счастлив вас видеть!

Тэмсин исподлобья посмотрела на Седрика.

– Не могу сказать то же самое. Похоже, что вы соблазнили мою лучшую подругу!

Седрик широко улыбнулся, несколько не смутившись.

– Увы, Аделаида тоже преуспела на этом поприще...

– Седрик, – вмешалась я, – ты понимаешь, что вариант с Хэдисеном действительно ужасный?

– Зато мы сможем решить финансовые проблемы. Кроме того, ты уедешь из Триумфального, и это важно, – с нажимом произнес он.

– Я не верю, что Уоррен мог с такой легкостью отступить. Он попал в неловкое положение. Он должен возмущаться.

– Наверное, так и есть, – не стал спорить Седрик. – Но я не наивен. Полагаю, что Уоррен сохранит репутацию, если притворится, что ему на все наплевать. Не исключено, что у него есть какие-то тайные мотивы, но я предпочту рискнуть и отправиться в Хэдисен.

Тэмсин наострила уши.

– Ага. А этот Уоррен... он свободен?

– Да, – отозвалась я. – И настроен на то, чтобы найти себе хорошую женушку. Но до его отъезда осталась неделя.

– Времени хватит! – Тэмсин посмотрела на Седрика. – А вы сможете устроить мне с ним свидание?

– Не торопись, – посоветовала я подруге. – Тебе нужно прийти в себя.

Мира кивнула, поддерживая меня.

– Тэмсин, тебе надо отдохнуть и восстанавливать силы, а не бросаться в омут с головой. Мужчины никуда не денутся. Не напрягайся. Пусть Уоррен едет на свои золотые прииски. Найдутся для тебя и другие богатые женихи.

Я пытливо посмотрела на Миру, но по ее лицу, как всегда, ничего нельзя было прочесть. Я вспомнила, как она неоднократно флиртowała с Уорреном. Теперь, когда он вновь стал завидным холостяком, не решила ли Мира избавиться от конкуренток, к примеру, от Тэмсин?

– Что-то мне подсказывает, что я уже не буду участвовать в семейном предприятии, – произнес Седрик, обратившись к Тэмсин. – Но если вам хочется оказаться в гуще событий, мой отец возражать не станет. Он мечтал заключить сделку с Уорреном, так что вы можете смело бросаться в бой.

Выбор остается за вами.

Тэмсин покосилась на нас с Мирой. Несомненно, она решила игнорировать наши дружеские советы.

– А есть причины, по которым мне не стоило бы ввязываться в эту затею? – поинтересовалась она.

Тэмсин никто не ответил. В конце концов я нарушила паузу.

– В основном, Уоррен казался мне приятным, но имей в виду, что порой он бывает по-настоящему упертым.

– В каком отношении упертым? – встрепелась Тэмсин.

Хотя я прекрасно знала Тэмсин, меня изумила ее прыть.

– Относительно икорийцев и по всяким религиозным вопросам. Но думаю, что в Триумфальном почти все такие же несговорчивые. Кстати, его маменька – это действительно нечто! Именно Виолу тебе и надо опасаться.

– Со свекровями всегда трудно найти общий язык, – беззаботно отмахнулась Тэмсин. – Давайте я познакомлюсь с Уорреном, а потом сама пойму, надо ли тратить на него время.

Седрик взял меня за обе руки. Такая открытость меня несказанно удивила.

– Сейчас события будут развиваться стремительно, – проговорил он. – В нашем распоряжении всего лишь неделя. Обычно люди, которые хотят обосноваться в колониях, в том числе и в Хэдисене, готовятся к переезду несколько месяцев.

Я стиснула его пальцы.

– Ладно, ничего теперь не поделаешь. Чем я могу помочь?

– Большая часть дел будет на мне: инструменты, знакомство с прииском. – Он залез в карман и вручил мне мешочек серебра. – А твоя помощь может заключаться в подборе нового гардероба.

– В каком смысле?

Седрик указал на мое платье из тонкой органзы.

– Твои бриллиантовые наряды не годятся для Хэдисена. Тебе нужна прочная одежда из плотной ткани.

– А я подумала, что ты будешь штопать мои платья, когда понадобится.

Седрик немного расслабился.

– В тот первый раз мне это понравилось.

– Ну конечно! Ты не слишком хорошо умеешь скрывать мысли.

– Вообще-то это ты мало что скрывала.

– У-у! – протянула у меня из-за спины Тэмсин. – Может, хватит? Я только что выбралась из одной мучительной передраги. Пожалуйста, воркуйте где-нибудь в другом месте!

Седрик лучезарно ей улыбнулся и заработал от Тэмсин весьма хмурый взгляд.

Посмотрев на меня, он сжал мои ладони, в которых я держала кошелек с серебром.

– Я серьезно. Тебе понадобится новый гардероб. Я попрошу, чтобы Айяна тебе посодействовала.

– А откуда у тебя деньги?

– У меня есть небольшие сбережения.

Я моментально сообразила, для чего они предназначались.

– Седрик, тебе нельзя...

– Можно. – Он погладил меня по щеке. – У нас все выгорит, мы не будем ни в чем нуждаться.

Я поняла, что протестовать бесполезно. Мы приняли предложение Уоррена, и я не хотела перечить Седрику. Ничего, вместе мы выстоим и прорвемся. Наверное.

– Тогда ответь мне на один вопрос, – попросила я. – Если все пойдет шиворот-навыворот, нам можно будет убежать в глушь?

– Естественно. Но в таком случае мы будем вынуждены отказаться от благ цивилизации. Мы станем ночевать под звездами и облачимся в звериные шкуры.

– Эй, полегче! – возмутилась Тэмсин.

Седрик изумленно воззрился на нее:

– Я не сказал абсолютно ничего неприличного.

– Ха! Я сразу догадалась, о чем вы думали!

– Можно мне хотя бы поцеловать на прощание свою невесту?

– Нет, – проворчала Тэмсин.

– А я-то считал, что почти все проблемы остались позади! С вами, Тэмсин, надо быть осторожным! – посетовал Седрик, чмокнув меня в щеку. – Аделаида, мы поговорим позже. А сейчас мне надо бежать, чтобы сообщить эту новость Николасу Эделтону. Надеюсь, ему еще не насплетничали про нашу скандальную выходку.

Когда Седрик ушел, Тэмсин покачала головой.

– Не представляю, как вы без меня справлялись!

Я тихо рассмеялась: несмотря на осложнения, связанные с Седриком, я не перестала радоваться возвращению Тэмсин. Я вновь крепко обняла подругу.

– И я тоже не знаю, Тэмсин.

Глава 21

Тэмсин не шутила, намекая на свои серьезные намерения наверстать упущенное. Надо сказать, что некоторые девушки с «Серой чайки» все еще не оправились от шока, однако среди них нашлись и те, кто хотел незамедлительно проверить свои силы на «поле битвы». Джаспер всячески их поощрял, и по Триумфальному прокатилась новая волна приемов и вечеринок, организованных в честь спасенных жемчужин. Тэмсин мгновенно завоевала популярность и стала настоящей звездой. Мы с Мирой прилагали все усилия, дабы подготовить ее к жизни в Триумфальном, но, похоже, Тэмсин не нуждалась в нашей помощи. Поселенцы из Грэшонда иногда наведывались в «Глициниевую лощину»: Тэмсин была с ними исключительно вежлива, но я заметила, что она старается их избегать. Они на многое смотрели с осуждением, а их молодой проповедник Гидеон явно не одобрял светский вихрь Блистательного Двора.

Ну а я вообще перестала посещать увеселительные мероприятия и начала приготовления совершенно иного рода. Как и предсказывал Уоррен, немало будущих поселенцев были заинтересованы во временной учительнице-гувернантке на тот период, пока они будут обустраиваться в Хэдисене. Я получила согласие сразу нескольких семей. К примеру, Маршаллы, которые уже купили участок земли под ферму в сравнительной близости от прииска, предложили мне полный пансион.

Мистрис Маршалл оказалась плотной симпатичной матерью шестерых детей.

– Днем мои ребяташки станут помогать мне и мужу по хозяйству, – пояснила она мне, – зато вечерами вы будете давать им уроки.

– Замечательно! – откликнулась я. – Тогда я смогу поработать вместе с Седриком на приисках, если, конечно, не буду вам нужна на ферме. Мне бы хотелось самостоятельно зарабатывать себе на хлеб.

– Не волнуйтесь, в случае крайней необходимости я вас предупрежу. И я не возражаю, чтобы вы трудились на прииске вместе со своим женихом, – при условии, что вы дадите мне слово не заниматься никакими непотребствами. И он должен будет сопровождать вас туда и обратно каждый день. Я не допущу, чтобы вы бродили по диким краям одна-одинешенька.

Такая договоренность меня вполне устраивала. И меня воодушевила

мысль, что я помогу Седрику. Кто знает, вдруг нам удастся выплатить долг раньше срока?

К сожалению, в течение недели я почти не видела Седрика. Он был очень занят, полностью погрузившись в вопросы снабжения и оформления прав на разработку месторождения.

– Имей в виду, что я везунчик, – сообщил он мне однажды вечером. – На участке имеется хибара, которую мне отдали. Ее построил бывший искатель, который потом решил, что ему не нравится жить в глуши. По слухам, домик практически разваливается, поэтому мне надо купить целую кучу строительных материалов для его ремонта. Между прочим, большинство золотоискателей живут в палатках, а то и в шалашах.

Мы находились в подвале, где еще месяц назад я спешно дописывала картину. Пусть наши отношения и перестали быть тайной, но мы привлекали слишком много любопытных взоров и старались не общаться на публике.

– Надо же, мы познакомились в гостинной, – подумала я вслух, – а теперь лачуга кажется нам вершиной роскоши!

– Точно! Зато у Маршаллов есть дом в Хэдисене. Тебе не захочется уходить из их «дворца», чтобы повидаться с женихом.

– Я буду видеться с тобой так часто, как только смогу! – сердито заявила я. – Хотя мистрис Маршалл предупредила меня, чтобы мы не творили никакого «непотребства».

Седрик прислонился к обитому железом комоду и засунул руки в карманы.

– Насчет меня пусть не беспокоится. Я буду вести себя примерно.

Я шагнула к нему и закинула руки ему на плечи.

– А кто сказал, что ей надо беспокоиться именно за тебя?

Я подалась к нему – не для настоящего поцелуя, а для легчайшего соприкосновения губ. Задержавшись так на несколько полных соблазна мгновений, я отстранилась. Мне приходилось сдерживать себя, несмотря на его нескрываемое желание получить больше. Он обхватил меня за талию обеими руками – и его пальцы почти соединились.

– Наверное, мне пора, – проговорила я беспечно. – У меня есть дела.

– Я мог бы тебе кое-что предложить.

– Важные дела, связанные с отъездом, – уточнила я и, проведя пальцами по его шее, добавила: – Извини, если я тебя поманила и оставила голодным.

– Не извиняйся! Ты поманила меня еще в день нашей первой встречи, и я с тех пор покорно за тобой следую. Но когда-нибудь я тебя поймаю, а

затем...

Седрик приник к моим губам, а я прильнула к нему. Мне хотелось не только страстных поцелуев и объятий. Мне хотелось, чтобы разделяющее нас расстояние полностью исчезло, чтобы стало непонятно, где заканчиваюсь я и начинается он. Когда мы, наконец, отстранились друг от друга, я едва держалась на ногах и не могла понять, кто кого «поманил» в том далеком Осфро.

– А затем... – повторила я со вздохом, – затем...

Но у меня и впрямь были важные дела – и, расставаясь с Седриком, я напредила себе, что по пути в Хэдисен у нас будет свободное время и мы сможем хотя бы общаться. Как и предложил Седрик, за покупками в город меня взяла Айяна.

Я практически не сталкивалась с баланканкой в Блистательном Дворе, хотя она сразу же меня заинтересовала, поэтому я порадовалась такой возможности.

Когда я спустилась по парадной лестнице «Глициниевой лощины» в вестибюль, то обнаружила, что рядом с Айяной меня ждет и Мира.

– Как это понимать? – вырвалось у меня.

Не то чтобы присутствие Миры меня огорчало, но, хотя она и не была в числе самых популярных жемчужин Блистательного Двора, Мира по-прежнему участвовала в светской жизни, тогда как я просто «прохлаждалась» перед отъездом.

При виде меня Мира просияла. Я отметила, что, отправляясь на приемы, подруга казалась гораздо более спокойной.

– Ведь ты скоро уедешь на свои прииски, и неизвестно, когда мы с тобой увидимся! Поэтому мы решили составить тебе компанию, чтобы побыть в обществе нашей бриллиантовой Аделаиды!

– «Мы»?

– Тэмсин сейчас спустится. Она дописывает письмо.

– Она их еще пишет?

После шторма я постоянно вспоминала Тэмсин, но ее маниакальная переписка почему-то забылась.

– Она привезла из Грэшонда целую стопку посланий! По-моему, она строчила их каждый день. Я слышала, как она спрашивала, можно ли отправить письма в Осфрид с курьером.

В этот момент на лестнице появилась Тэмсин, ослепительно красивая в платье из темно-изумрудной тафты с открытыми плечами.

– Ты не забыла, что мы идем покупать припасы для жизни в глуши? – улыбнулась я. – Праздничный ланч не запланирован.

Тэмсин вскинула голову.

– Неважно, куда мы идем. Я всегда должна выглядеть безупречно – мало ли кто нас увидит! Кроме того, я приглашена на обед. Меня позвала мать Уоррена.

– Не сомневаюсь, что это будет весьма поучительно, – произнесла я нейтральным тоном.

Я понимала, что Тэмсин нацелилась на Уоррена и не собиралась упустить свою добычу. Похоже, что она уже успела завлечь губернаторского сына в свои сети и наверняка приготовилась очаровать Виолу.

Айяна никак не реагировала на наш полушутливый диалог. Она помалкивала и не проронила ни слова, даже когда мы ехали в карете.

Добравшись до центра Триумфального, мы наконец-то смогли пойти пешком. Айяна уверенно шагала по улицам в своих брюках и длинном жакете, игнорируя взгляды зевак. Трудно было понять, что привлекает к ней внимание: ее наряд или национальность, однако, по моему мнению, среди разношерстной толпы Триумфального она не слишком-то и выделялась. Конечно, Тэмсин завораживала всех и каждого, но никто из прохожих не сказал ей ничего невежливого. Наверное, вид воинственной Айяны служил сдерживающим фактором.

Я впервые оказалась в центре города: раньше я гладела на все из окна экипажа. И я призналась себе, что Триумфальный впечатлял. Магазины и лавки предлагали почти такой же разнообразный выбор товаров, как и в любом оживленном квартале Осфро! Однако в городе (впрочем, как и во всем Новом Свете) ощущалась некая неустроенность: Триумфальный был лишен обаяния старины, присущей моему родному Осфро. Некоторые заведения казались респектабельными за счет стеклянных витрин и строгой архитектуры, а вот другие явно подкачали: наспех намалеванные вывески и шаткий вид строений порой внушали мне ужас. Казалось, еще миг, и они рассыплутся как карточный домик.

В общем, у меня просто дух захватило от любопытства, но одновременно с этим я чувствовала себя немного подавленной. Тэмсин старалась выглядеть невозмутимой, но я быстро сообразила, что ей тоже неуютно. А Мира двигалась грациозно и плавно, как будто гуляла по центру Триумфального постоянно. Впрочем, не исключено, что так оно и было.

Мы проходили мимо рыбаков и лесорубов, спешащих на работу. Адорийские аристократы высокомерно фланировали по улицам в сопровождении лакеев. Какой-то юноша в длинном парике и броском

пурпурном камзоле остановился и отвесил нам поклон, галантно сдернув с себя шляпу с перьями. Айяна картинно закатила глаза.

– Он из «праздной элиты», – произнесла она. – Сыновья богатых поселенцев: им нечем себя занять, и потому они наряжаются и считают себя пиратами. Они вечно придумывают какую-то чушь! А пираты не сидят без дела – в отличие от них. Им нужно провести денек с Томом Жилеткой или с кем-то из остальных.

– А эти пиратские истории – правда? – спросила я. – И героические, и жестокие?

– Они приукрашены, но правдивы, – подтвердила Айяна. – В каждой легенде есть крупица истины.

Вскоре Айяна привела нас в большой и солидно выглядящий магазин. Надпись на стеклянной витрине гласила: «Снаряжение от Уинслоу и Эллиота». Очутившись внутри, я увидела всевозможные припасы и вещи, которые могли бы пригодиться человеку, отправляющемуся искать приключения в неосвоенных землях. Двое юношей болтали с мужчиной, стоящим за прилавком – и, разглядев его, я с изумлением узнала эту личность.

Я толкнула в бок Миру, которая уставилась на высокие кожаные сапоги.

– Эй, ты помнишь Гранта Эллиота с нашего корабля? Он тут работает!

– Кто? – рассеянно переспросила Мира.

Грант вышел из-за прилавка, чтобы продемонстрировать покупателям кожаное седло и, наконец, заметил нас. Он приветственно кивнул Айяне.

– Ки дика хакта, – вымолвила она.

– Манаста, – проворчал он.

Айяна направилась к полке с походными фляжками, а я кинулась за ней.

– Что ты ему сказала?

– Я говорила на своем родном языке. Мистер Эллиот – наполовину баланканец.

– Да? – Я оглянулась, надеясь, что не выгляжу нахальной девицей.

Хотя волосы у мистера Эллиота были черные, как у Айяны, больше ничего в его внешности не указывало на принадлежность к баланканцам. Он казался мне обычным осфридцем.

– Я бы и не догадалась.

– По-моему, он и сам к этому стремится. Ему было бы гораздо труднее торговать в Триумфальном, если бы местным стало известно о его происхождении.

– А как вы попали в Триумфальный? – поинтересовалась я. – Простите, если я задала вам нескромный вопрос.

– Ничего страшного! Я сбежала, чтобы спастись от несчастливой брака. О замужестве договорились вопреки моему желанию. Но мы с будущей женой друг другу не подходили.

– С женой? – переспросила я, решив, что у нее возникла проблема с переводом.

– С женой, – подтвердила она. – Баланканцы не осуждают связей с людьми одинакового пола, в отличие от вашего народа.

Я лишилась дара речи. «Осуждение» было чрезмерно мягким словом: священнослужители Уроса считали подобное смертным грехом. Возможно, еще более серьезным, чем принадлежность к аланзанской вере.

– А вы сбежали... э... потому, что не хотели жить с женщиной? – прошептала я.

Она усмехнулась.

– Я не имею ничего против связи с женщиной, только не с той. Она была, как бы выразиться поточнее, не очень доброй. Я перебралась сюда, желая влиться в вашу культуру, и сошлась с Торнами. Джаспер предложил мне работу, и я согласилась. Как видите, у меня есть особый повод заботиться о девушках, которых продают ухажерам, с которыми они едва знакомы.

– Вы поэтому именно так одеваетесь – как мужчина? Потому что предпочитаете женщин? – проямлила я, чувствуя себя полной дурой.

Айяна засмеялась, только усилив мое смущение.

– Мой костюм гораздо удобнее нелепых платьев и нижних юбок, в которых вы щеголяете, вот и все. И вы скоро сами убедитесь, что брюки очень удобны. Вы же не собираетесь просеивать золотой песок в бальном наряде?

Оставив меня стоять с разинутым ртом, Айяна вернулась к прилавку и заговорила с Грантом, который уже освободился.

Я направилась к Тэмсин и Мире. Подруги находились в дальней части магазина и перебирали отрезки материи.

Тэмсин подняла кусок грубого полотна.

– Я бы таким даже пол драить не стала!

– Вспомни, какое платье ты носила у «Наследников»! – возразила Мира. – Оно было гораздо хуже.

– А я не собираюсь вдаваться в воспоминания! – Тэмсин с жалостью посмотрела на меня. – Аделаида, надеюсь, что у тебя будет хотя бы одно газовое платье!

– Аделаида! – позвала меня Айяна. – Надо снять с тебя мерки.

Тэмсин из любопытства пошла со мной, а Мира задержалась, продолжая ощупывать плотную ткань.

Грант выглядел так же, как и на борту корабля: симпатичный, прилично одетый, но чуть потрепанный. Когда мы с Тэмсин приблизились к прилавку, он смерил нас взглядом.

– И кто же счастливый первопроходец? – ухмыльнулся он.

– Я, – тотчас откликнулась я.

– Вы отправитесь в Хэдисен с Дойлом? Вас ждет настоящее приключение.

Тэмсин высокомерно посмотрела на Гранта.

– Он – губернатор Дойл. Извольте называть моего жениха должным титулом.

Мы все вытаращили глаза, и Тэмсин порозовела.

– Вообще-то он пока мне не жених. Но я усердно над этим работаю.

– И он еще не губернатор, – с улыбкой сказал Грант. – Впрочем, прекрасная карьера ему обеспечена.

Айяна что-то рывкнула Гранту по-баланкански, на что он ответил довольно добродушно. Мне вспомнилось, как он был вежлив, когда сталкивался с нами на борту, а затем наорал на нас с Мирой во время шторма. Наверное, стресс обнажает в человеке все самое плохое, поскольку сейчас Грант вел себя безукоризненно и, снимая с меня мерки, держался на должном расстоянии.

После того как мы купили несколько отрезков тканей (мы, разумеется, решили отдать их нашей «жемчужной» портнихе), Грант продемонстрировал нам готовую женскую одежду. По размерам кое-что могло мне подойти, а подогнать все можно было и позже. Я не обзавелась точной копией костюма Айяны, но мой вариант выглядел примерно в том же духе. Широкие брюки из мягкой замши казались юбкой, пока я стояла смирно и не шевелилась. Простецкие блузки дополняла куртка до колен, которую можно было носить в холодную погоду. К наряду прилагались теплые перчатки и сапоги без всяких украшений.

– Извините, что не могу предложить ничего вроде привычных платьев, но в этих вещах вам будет гораздо удобнее. – Грант развел руками и добавил: – Но вам понадобится шляпа. Она нужна, чтобы беречь кожу, хотя, боюсь, она не очень поможет!

Он извлек из-под прилавка широкополую шляпу.

– Почему не поможет? – поинтересовалась я.

– Климат в тех краях совсем не мягкий. Летом солнце просто

обжигающее. Чем вы будете заниматься? Если работать в доме, то, наверное, ничего страшного не случится.

– Я буду искать золото.

Грант резко замолчал, а потом забрал первую шляпу и выложил другую – с громадными полями.

– Работать на приисках зверски тяжело. Желаю вам удачи!

Когда мы очутились на улице, Тэмсин затараторила:

– Он сказал «зверски тяжело»! Аделаида, зачем ты согласилась на авантюру с приисками? Уверена, что хочешь ехать в Хэдисен?

– Я хочу быть с Седриком, – призналась я. – И преодолею вместе с ним любые препятствия. А ты сама разве не хочешь поехать в Хэдисен?

– Но я буду жить в губернаторском особняке. А не в лачуге возле реки.

Когда мы собирались свернуть на улицу, где стояла наша карета, Мира тронула меня за локоть.

– Посмотри-ка, кто идет прямо к банку!

Я проследила за направлением ее взгляда.

– Ох! Я сейчас! – Быстро перейдя через дорогу, я позвала: – Мистер Эделтон!

Николас, как раз поднявшийся на крыльцо, обернулся.

– Мисс Бейли! Вот так неожиданность! Думал, вы уже на пути в Хэдисен.

– Мы уезжаем на днях, – объяснила я и покраснела. – Я знаю, что Седрик разговаривал с вами, но сейчас, когда я вас увидела, я решила к вам подойти. Знаете, мне очень стыдно: мы ведь устроили вам такой неприятный сюрприз. Вы наверняка чувствуете себя обманутым.

Он задумался.

– Вряд ли. Вероятно, разочарованным. Но, если честно, я скорее был вами очарован, а не влюблен в вас. Если вас это не обидит.

– Нисколько! Мы виделись лишь изредка.

– Именно! Будь мои чувства сильнее, я, возможно, реагировал бы иначе. Но я понимал, что вы чем-то поглощены. Хотя при условии, что вы действовали добровольно, я бы ничего не имел против. Так всегда и бывает в договорных браках, верно?

– Вы правы. К тому же в тот момент я действительно намеревалась выйти за вас замуж, – заверила я Николаса. – Вы – хороший человек. Лучший из всех, кто мне встретился в моей жизни.

– За исключением молодого мистера Торна, конечно. – Он тепло мне улыбнулся. – Не корите себя. Я рад за вас.

Я вздохнула.

– Вы очень великодушны, но я не могу избавиться от мысли, что вы остались ни с чем. Я бы могла порекомендовать вам других жемчужин Блистательного Двора...

Он вскинул руку, прерывая меня.

– Спасибо, но я не собираюсь думать о выгодном браке и прочих меркантильных глупостях. Чем больше я размышляю о вашем впечатляющем романе с мистером Торном, тем сильнее убеждаюсь, что мне следует самому поискать спутницу жизни. Никаких контрактов.

– Надеюсь, вы ее найдете! – сердечно сказала я.

Он пожал мне руку.

– Я тоже. Желаю вам всех благ. Если я когда-нибудь смогу быть вам полезен, дайте мне знать.

– С кем ты болтала? – удивилась Тэмсин, когда я вернулась к подругам.

– С джентльменом, за которого Седрик практически выдал меня замуж.

Тэмсин прищурилась.

– А он свободен?

– Да. Но он не особо преуспевает. И он не слишком заинтересован в браке с жемчужиной – после нашей с Седриком выходки.

Я догнала Айяну, а Мира и Тэмсин пристроились позади нас.

– По-моему, мистер Эделтон не слишком огорчен, – негромко сказала мне Айяна.

– Как и все остальные, кроме Джаспера. И некоторые девицы до сих пор меня этим попрекают. – Клара просто обожала рассказывать жемчужинам о том, как застала нас с Седриком на чердаке. – Но многие проявили понимание! Вот что меня потрясло до глубины души! А уж об Уоррене Дойле и говорить нечего.

Айяна ответила мне далеко не сразу.

– Да. Но странно, что он воспринял все спокойно, да еще сделал вам столь выгодное предложение.

Я вспомнила, как она помогала мне с покупками, и оглянулась, убеждаясь, что Тэмсин поглощена разговором с Мирой.

– А его мать, Виола, – она совершенно другая! А что до Уоррена, то не считаете ли вы... я хотела сказать, надо ли нам...

– Не знаю, – ответила Айяна, которая поняла, о чем я хочу ее спросить. – Я не знакома с Уорреном Дойлом и слышала о нем только обычные сплетни. Но если все выглядит неправдоподобно хорошо, расслабляться нельзя. А в предложении Уоррена явно кроется какой-то

подвох.

Меня охватило беспокойство.

– Я пыталась поговорить с Седриком. А он заявил, что если какой-то хитрый план и существует, то нам все равно стоит рискнуть и поехать в Хэдисен.

– Возможно, он прав. – Айяна сбавила шаг и посмотрела на меня в упор. – В Хэдисене вы будете свободны, но и опасности могут подкарауливать вас на каждом шагу. Это неосвоенные и суровые земли. На приисках легче нарушать правила, чем в крупных адорийских городах. Я желаю вам обоим всего самого хорошего, но...

– Но – что? – поторопила я ее.

– Доверяйте только друг другу, – вымолвила она. – Это самое важное.

Глава 22

Я надеялась побыть с Тэмсин и Мирой вечером – как раз накануне отъезда в Хэдисен. Однако они допоздна задержались на приеме, и я коротала время в одиночестве, прикидывая, надо ли мне немножко вздремнуть. Я понимала, что путешествие окажется утомительным, и с грустью думала о том, что, возможно, не успею толком попрощаться с подругами.

В итоге я решила дождаться их прихода: я чувствовала себя слишком взвинченной и сомневалась, что смогу уснуть.

Однако, когда они вернулись уже после полуночи, я клевала носом. При виде меня Тэмсин и Мира изобразили улыбки, но я мгновенно почувствовала изменение в их настроении. Мира казалась подавленной, а Тэмсин ликовала.

– Что случилось? – спросила я.

Тэмсин принялась расшнуровывать лиф своего изумрудного платья.

– Ничего официального, но нечто очень и очень серьезное.

– Что ты имеешь в виду? – встрепелась я, бросая на Миру заговорщический взгляд.

Но Мира моего веселья не разделила.

– Уоррен попросил, чтобы я его дождалась! – гордо сообщила Тэмсин. – Он не обещал помолвки, но сказал, что я нравлюсь ему больше остальных жемчужин. И он хочет все официально устроить после того, как вернется из колонии! В общем, я пообещала его дождаться, но я, разумеется, продолжу выезжать! Нет смысла сидеть дома и скучать.

Я нахмурилась: меня смутило сразу несколько моментов.

– Когда он вернется? Это может произойти довольно не скоро.

– Нужно потерпеть каких-то две недели. – Тэмсин выскользнула из платья и уселась за туалетный столик в кружевной сорочке и нижних юбках. – Утром Уоррен отправится вместе с вами в Хэдисен. Когда он прибудет в колонию, то обустроится на новом месте, а потом отплывет назад, доложит магистрату о состоянии дел и попросит о помощи, если та потребуется.

– Ладно, тогда ты права, и Уоррен не задержится в Хэдисене, – заключила я.

Недружелюбные берега Хэдисена были опасны для кораблей, поэтому крупные перевозки грузов – скота и различных материалов – приходилось

осуществлять по суше. Именно таков был и наш маршрут: сперва нам следовало обогнуть залив по территории Денхэма, а уж потом добраться окольными путями до Хэдисена. Путешествие могло продлиться целую неделю, если не больше.

Маленькие суденышки могли доплыть до колонии за сутки, поскольку они просто пересекали залив. Но морским путем обычно пользовались гонцы и те, кто ехал без поклажи.

– А Уоррен снова вернется в Хэдисен – возможно, вместе с законной женой, – произнесла Тэмсин, и ее глаза заблестели. – Надеюсь, не возникнет никакой неловкости из-за того, что ты станешь моей, как бы это сказать... подданной, Аделаида.

Я рассмеялась:

– Конечно, нет!

– Ты, наверное, рада, – заметила Мира. Похоже, ей хотелось поболтать о чем-то другом. – Тебя ждут приключения.

– Меня они не интересуют. Но мне хочется устроить нашу с Седриком жизнь.

Я говорила решительно – и заработала взгляды, полные восхищения и тоски. Пусть Тэмсин относилась к браку практично, а Мира – равнодушно, но мне часто казалось, что они обе с интересом (и даже легкой завистью) смотрят на ту романтическую любовь, которая мне досталась. Мы втроем засиделись почти до рассвета. Мы никак не могли наговориться, но мне не хотелось признаваться подругам в том, что меня страшит будущее. Не брак с Седриком, нет! Сменить жизнь титулованной аристократки на долю супруги преуспевающего колониста в адорийском городе казалось не слишком кардинальным шагом. А вот превратиться из леди в простолюдинку, которая ищет золото в глуши Нового Света? Это было нечто совершенно иное, и я понятия не имела, чего мне ожидать.

Нам все же удалось немного поспать, а после завтрака Мире с Тэмсин разрешили меня проводить. Доехав в карете до окраины Триумфального, мы выбрались из экипажа и ахнули от изумления.

Отъезжающий в Хэдисен отряд поражал воображение. В дорогу отправлялся громадный караван из всадников и повозок, в беспорядке сгрудившихся на мостовой. Уоррен оказался в первых рядах: он гарцевал на белом коне и беседовал с несколькими мужчинами – вероятно, со своими личными советниками. К нам медленной рысью подъехал второй всадник, и я с удивлением узнала Седрика.

– Ты на лошади? – воскликнула я.

Он посмотрел на меня с шутливой укоризной.

– Совсем не обязательно подчеркивать, насколько странно я выгляжу.
– Я и не догадывалась, что ты умеешь ездить верхом. – Я осмотрела его лошадку – косматую каурую кобылу, которой наверняка невероятно наскучило все происходящее. – Уверена, она стоит недорого.

– А ты – специалистка!

Я поняла скрытое в его словах предостережение. Верховая езда в Осфриде была всеобщим развлечением аристократии на время пребывания в загородных поместьях, но в Адории поселенцы ездили верхом исключительно ради выживания. Конечно, жемчужине Аделаиде не выпадало случая иметь дело с лошадьми – если они не были запряжены в коляску или повозку.

Хорошо, что Седрик был начеку.

– Просто иногда я бывала на ярмарках, где торговали лошадьми, – нашла я.

Я с трудом справилась с желанием сказать Седрику, что он неправильно сидит в седле и плохо держит повод.

– Она крепче, чем кажется, – заверил он меня. – Я зову ее Лиззи.

Я едва не возвела глаза к небу.

– Отличная кличка!

Оглядевшись, я заметила, что Тэмсин флиртовала с Уорреном: лицо у нее сияло. Мира куда-то запропастилась, и мне не сразу удалось отыскать ее взглядом: подруга внимательно слушала джентльменов, которые планировали, как будут исследовать неосвоенные земли. Неподалеку от них обнаружился Грант Эллиот: он подвез будущим поселенцам тюки с покупками, сделанными накануне.

– Мои союзницы меня бросили, – пожаловалась я.

Седрик склонился с седла и убрал упавшие мне на лоб непослушные пряди. Его откровенный жест меня удивил, но я тотчас поняла, что нам теперь ничего не надо скрывать.

– С тобой остался твой главный союзник, – утешил он меня. Заметив, на кого я смотрю, Седрик нахмурился. – Грант Эллиот показался мне на борту приличным парнем, но я выяснил, что он присоединился к охотникам на еретиков, которыми командует Уоррен.

– К охотникам на еретиков? – повторила я.

– Да, кое-кто поклялся «охранять горожан» в отсутствие Уоррена и найти аланзан со Звездного Пришествия, которые сбежали из тюрьмы. Грант вступил в отряд добровольцев.

– Увы, я делала у него покупки! – Я прикоснулась к своей широкополой шляпе. – Может, мне нужно ее вернуть?

– Не надо, – возразил Седрик. – Она мило смотрится.

Мне бы очень хотелось ехать верхом, но наших скудных средств явно не хватало на вторую лошадь, да и мое умение ловко сидеть в седле могло вызвать подозрения. Так что мне предстояло путешествовать в повозке Маршаллов: звучало это неплохо, но в действительности условия были далеки от роскошных. Маршаллам принадлежала простая грубая повозка, набитая всевозможными припасами, между которыми предстояло втиснуться мне и шестерым ребятишкам. Вдобавок у телеги не имелось навеса, и оставалось лишь надеяться на то, что под дождь мы не попадем.

Уоррен призвал нас к вниманию.

– Пора! – с пафосом провозгласил он, и его голос разнесся над толпой. – Мы отправляемся навстречу нашей судьбе!

И путешественники, и провожающие разразились криками – даже меня захватила жажда приключений. Я прощально обняла Тэмсин и Миру и забралась в повозку. Юбку-брюки я решила оставить до Хэдисена. Сейчас я была в изношенном ситцевом платье на простом чехле: никаких тебе вышитых сорочек и нижних юбок! Если бы не набивной узор в цветочек, мой наряд вполне мог сойти за аскетичное платье какой-нибудь жительницы Грэшонда.

В повозке мне досталось узкое сиденье между двумя ящиками, покрытыми тканью. Садиться пришлось на грязные доски: попытка их протереть привела к тому, что я занозила пальцы. Спустя пять минут я убедилась в том, что о рессорах можно было только мечтать.

Я привалилась спиной к бортику, вспоминая нежно-палевую гостиную в родительском доме в Осфро. Глаз радовали мягкие ковры со сложным орнаментом. На стенах, обтянутых бархатными обоями, висели уникальные картины. На полу красовались вазы, вывезенные из восточных земель Цинь. В уютных глубоких креслах и диванах можно было утонуть. И, естественно, сонм слуг ежедневно тщательно прибирался в нашем особняке...

– Что-то случилось? – спросила у меня одна из девочек Маршаллов.

Ее звали Сара.

Я посмотрела на Седрика на его нелепой лошадке.

– Ничего! Я задумалась. Я ведь еще совсем недавно была в дороге.

Через час, когда Триумфальный остался далеко позади, мы миновали форт, где дежурил небольшой отряд солдат. Затем наш караван начал продвигаться по почти безлюдной местности: лишь изредка мы проезжали мимо крошечных поселений мыса Триумф. Раньше мне казалось, что и сам Триумфальный находился во власти дикой природы, но я ошибалась.

Окраины колонии Денхэм выглядели так, будто в этих краях вообще никогда не ступала нога человека. Высокие деревья, которые стояли в Триумфальном, будто часовые, превратились в настоящую армию: они вытягивались стройными рядами, и порой нам было сложно проезжать между ними. Зрелище одновременно пугало и ошеломляло. Вот он – неприкрашенный Новый Свет!

Моего наивного энтузиазма хватило ненадолго. Когда объявили остановку на ночлег и я слезла с повозки, у меня подкосились ноги. От постоянной тряски и тесноты мышцы свело судорогой, словно я пять часов бежала по холмам. Ужин состоял из сухарей и полосок вяленого мяса – немногим лучше, чем на борту корабля. Костры разложили для того, чтобы обогреться и вскипятить воду, и меня отправили собирать упавшие ветки в качестве топлива. В основном мне удавалось собрать занозы.

Седрика, как и остальных юношей из группы, нагрузили множеством поручений, так что, мельком улыбнувшись мне за ужином, он сразу же куда-то исчез. Когда наступило время сна, мистер и мистрис Маршалл устроились на повозке, а их дети и я расстелили одеяла на жесткой земле. Ночью я изрядно продрогла: я положила на одеяло свою длинную кожаную куртку, но меня продолжал бить озноб. А еще меня не оставляла уверенность, что ко мне слетелись все комары колонии.

Я металась и ворочалась: раздражение мешало мне заснуть даже больше, чем суровые условия. Я поймала себя на том, что опять вспоминаю наш семейный особняк в Осфро. На сей раз меня преследовали мысли о моей кровати. Матрац, на котором разместилось бы пять человек. Шелковое постельное белье с ароматом лаванды. В прохладную ночь – сколько угодно одеял...

Я не сразу заметила, что плачу, и поскорее встала, чтобы ненароком не разбудить детей. Завернувшись в тонкое одеяло, я быстро отошла от повозки, минуя спящих путешественников. Некоторые мужчины засиделись у костров. Они играли в кости, обменивались ленивыми репликами и скользили по мне равнодушными взглядами. Я добралась до границы нашего лагеря – достаточно далеко, чтобы остаться одной, не углубляясь в чащобу.

Присев на поваленное дерево, я спрятала лицо в ладони и попыталась подавить горестные рыдания. Мне было бы крайне неприятно, если бы о моей слабости донесли Уоррену. Страшно представить себе, как он посмотрит на меня сверху вниз с нарочитым сочувствием и скажет: «Вы могли бы стать моей женой, Аделаида. Могли бы ехать в удобной карете и спать в моем шатре». Я видела, как кто-то из его людей вечером затащил

туда матрац.

Меня тронули за плечо, и я вздрогнула. Рядом оказался слегка растерянный Седрик. Он был занят делами, и я не видела его целый вечер.

– Вот ты где! Я не хотел тебя напугать.

Я яростно терла лицо.

– Что ты здесь делаешь?

– Я подошел к повозке Маршаллов, надеясь отозвать тебя на пару слов. Тебя там не оказалось, и я начал тебя искать. – Он потянулся ко мне, но я отстранилась. – Что с тобой?

– Ничего.

– Аделаида, я серьезно. Не ври мне.

Я всплеснула руками:

– Выбери что хочешь, Седрик! За обедом вместо салфетки пришлось использовать юбку. Ванной нет. Я постоянно глотаю мошек. А вонь! Я понимаю, что во время поездки мыться не получится, но неужели никто не мог хотя бы облиться водой накануне? А ведь прошел всего один день!

– Ты знала, что будет непросто, – тихо произнес он. – И уже жалеешь о том, что...

– Мы вместе? – закончила я за него. – Нет. Ни на секунду. И это приводит к самому худшему: мне противно, что я так настроена. И я ненавижу собственное нытье! Прости меня, Седрик: я слишком слабая, чтобы поставить нашу любовь выше дорожных трудностей!

– Никто не говорил, что ты должна наслаждаться дорогой.

– Но ты-то наслаждаешься! Когда мы покинули Триумфальный, ты прямо светился от счастья. Наверное, для тебя поездка в Хэдисен – какой-то новый духовный опыт.

Седрик показал мне свои руки. В свете разбросанных по стоянке костров я увидела сильные порезы на его ладонях. Да и лицо потемнело от грязи и копоти.

– Ничего особо духовного в нашем путешествии нет. Как и в парне, который твердит, что я чересчур смазливый и ему хочется сломать мне нос. Ты даже не поверишь, как у меня все болит после дня в седле!

– Еще как поверю. Но ты терпишь и ни на что не реагируешь. Ты сильный.

Он обнял меня, прижал к себе, и я не стала противиться.

– А ты не слабая! Просто впервые в жизни у тебя не все отлично получается. В Осфро ты была центром внимания, и весь мир буквально вращался вокруг тебя. Еще бы, ведь тебе с детства внушали, что ты не способна ошибаться! В «Голубом ключе», несмотря на кое-какие

неприятности, ты всегда была лучшей из жемчужин. В Триумфальном ты превратилась в бриллиант Блистательного Двора. А сейчас ты...

– Несчастливая? Никчемная девица?

– Ты пока не приспособилась. Первый день – самый трудный, и немудрено, что для тебя все стало потрясением. Постепенно ты привыкнешь, а когда попадешь в Хэдисен и у тебя появится крыша над головой, тебе покажется, что ты снова вернулась в осфридский особняк.

Я задумалась.

– Кстати о крышах: а что будет, если по дороге пойдет дождь?

– Не надо беспокоиться заранее.

На его губах заиграла знакомая мне чарующая улыбка. Похоже, Седрик был уверен в том, что теперь ему все по плечу.

Может, так и было?

– Я устала, Седрик. Я ужасно вымоталась. День никак не кончался, а потом я не могла уснуть и мучалась от бессонницы. Земля холодная, и я заледенела. Почему мне так зябко? Ведь уже весна!

Он взял меня за руку и усадил рядом.

– Насчет земли ничего поделаться не смогу, а вот с холодом попробую тебе помочь.

У Седрика тоже было тонкое одеяло, и он расстелил его на земле поверх моего. Улегшись, он притянул меня к себе, и мы устроились рядом, укутав друг друга куртками. Земля здесь тоже оказалась бугристой, но, ощущая возле себя Седрика и слыша стук его сердца, я забыла о неудобствах.

– Нам нельзя оставаться наедине, – прошептала я. – Будут неприятности, если нас застанут в таком виде.

– Перед рассветом мы вернемся обратно.

– А мы не проспим?

– Я тебя разбужу.

Я почувствовала, что начала согреваться, и мне захотелось подремать.

– Я ради нас на все готова, – произнесла я, зевая. – Надеюсь, ты это понимаешь.

– Я знаю, Аделаида, – ответил он и прикоснулся губами к моей макушке.

– Можешь поцеловать меня получше, если хочешь.

– Очень хочу, но тебе нужно поспать. Может, завтра ночью, когда ты меньше устанешь, я приду к тебе.

Я подавила очередной зевок.

– Некоторые вещи никогда не меняются. Ты столь самоуверен, Седрик

Торн! Не сомневаешься, что завтра я опять буду спать с тобой. Мы еще не поженились. Я не давала обещания возлечь с тобой в лунном свете.

Он опять поцеловал меня в макушку. Тут уж я совсем растаяла и ощутила не только надежное тепло его тела, но и жар истинного счастья. Спустя минуту я окликнула его:

– Седрик?

Его дыхание выровнялось, и я решила, что он заснул. Но он отозвался:

– Да?

– От тебя хорошо пахнет. Сейчас ты – единственный источник приятного запаха. Ты опрыскался ветивером утром или взял его с собой?

– Взял с собой.

Я придвинулась к нему ближе.

– Слава Уросу!

Как Седрик и обещал, он разбудил меня до восхода солнца, и мы успели разойтись по своим местам, пока нас не хватились. Мои мышцы по-прежнему ныли, но благодаря пробуждению рядом с Седриком эта боль меня почти не беспокоила.

– Еще один аланзанский секрет? – шепотом поинтересовалась я перед расставанием. – Ты синхронизирован с солнцем и всегда знаешь, когда оно встает?

– Я просто очень чутко сплю с ранних лет. – Он прищурился, глядя на восток, и приветственно вскинул руку. – Но, может, это дар, которого я раньше не замечал, – полученный от самого Аланзиля.

Глядя, как золотые лучи играют на лице Седрика и придают огненный оттенок его волосам, я готова была поверить, что ему покровительствует ангел страстной любви.

Добежав до повозки Маршаллов, я почувствовала себя гораздо лучше, чем вчера. Теперь, когда я выплеснула свои эмоции и отдохнула, все виделось мне по-другому. Седрик прав. Дорожные условия в Адории суровые, но они не могли быть иными. Тяжело пришлось бы любому. А мне действительно было настолько не по себе, что все это в итоге и всколыхнуло мои воспоминания об Осфро. Кроме того, я давно жила под чужим именем! Приспосабливаясь к новой обстановке, мне не следовало относиться к себе слишком строго.

А вскоре я и впрямь начала привыкать. Разумеется, мне не нравились еда и ночевки на земле, но хотя бы дождя не было. Мы с Седриком продолжали проводить ночи вместе на краю лагеря, а когда жизнь обоза совсем наладилась, Седрик присоединялся ко мне и днем. Поскольку наш отряд был многочисленным, продвигался он довольно медленно. Зато мы с

Седриком могли идти рядом и не отставать от других путешественников (Седрик обычно спешил и вел свою Лиззи на поводу). Из-за плохой дороги и крутого склона путь был утомительным, но я постепенно закалялась.

– Грант Эллиот не ошибся насчет солнца, – заметила я спустя несколько дней.

Мы уплетали наш нехитрый ланч, усевшись в тени раскидистого дерева.

– А что он сказал?

– Что оно зверски палит. – Я продемонстрировала Седрику свои руки. – Посмотри, как я загорела. Не могу даже вообразить, какое у меня сейчас лицо!

– Прелестное, как и раньше, – заверил меня Седрик.

Разорвав полоску вяленого мяса, он вручил мне половину.

– Но ты не посмотрел.

– А мне и не нужно смотреть. – Он поднял взгляд и вгляделся в мое лицо. – А у тебя появились веснушки. Такие славные!

– Кстати, не говори такого Тэмсин: она вечно замаскировывает свои! А моя бабушка при виде меня упала бы в обморок. – Я говорила шутливо, но упоминание о бабушке заставило больно сжаться мое сердце. – Когда я поняла, что она меня ищет, я сперва очень испугалась: я не сомневалась, что меня вернут в Осфро, – добавила я. – Странно, но теперь мне не дает покоя мысль о том, что бабушка не прекращает поиски. Она не знает, где я, но не сдаётся. Удивительно!

– Вряд ли она когда-нибудь отступится. Упорство у Уитморов в крови. То есть я хотел сказать – у Бейли. Они, Бейли, никогда не сдаются.

Я вспомнила свою бывшую камеристку.

– Вообще-то Ада вроде бы сдалась... или нет? Если она попала на свою молочную ферму, как и хотела, то, наверное, осуществила свою мечту.

Седрик обнял меня за плечи, и я привалилась к нему.

– Когда мы поженимся и выплатим долг, ты сможешь отправить бабушке весточку. Напишешь ей, что ты в полном порядке и довольна жизнью.

Солнечные лучи пробивались к нам сквозь ветки мощного клена, под которым мы устроились. Если бы я не грустила, то сочла бы все это настоящей идиллией.

– Надеюсь, что она сможет простить меня за...

– Ну-ну! – сурово рявкнул мужской голос.

Над нами возвышался Элиас Картер, главный помощник Уоррена.

– Мы уже сложили вещи и готовы продолжать путь. А вы, значит, развлекаетесь. Так я и знал, что застану вас двоих за чем-то непристойным.

– Например, за ланчем? – поинтересовалась я.

Маленькие глазки Элиаса негодуяюще сверкали. Во время путешествия он вечно демонстрировал нам свое недовольство.

– Не дерзите мне, мисс Бейли. И почему же наш будущий губернатор великодушно вас простил и дал вам шанс? Я бы такого не сделал. Но мистер Дойл – выдающаяся личность. А я – нет.

– Безусловно, – с серьезной миной подтвердил Седрик.

Элиас насупился: до него дошло, что он случайно нанес себе оскорбление. Однако не успел он ничего возразить, потому что со стороны лагеря донеслись оглушительные вопли. Элиас стремглав бросился обратно. Мы последовали за ним.

Выяснилось, что, вопреки словам Элиаса, отряд совершенно не готов «продолжать путь». Никто еще даже не успел закончить поест, о чем свидетельствовали раскиданные жестяные кружки. Похоже, что-то сильно напугало будущих жителей колонии. Женщины с детьми мчались в дальнюю часть лагеря вместе со своими малышами. А взрослые мужчины шагали вперед. До этой минуты я не замечала, что они успели обзавестись оружием, и только сейчас увидела, что почти каждый мужчина сжимает в руке охотничий нож или пистолет.

– Что стряслось? – спросила я у какой-то женщины.

– Икорийцы! – выпалила она. – Прячься вместе с нами!

Мы с Седриком изумленно переглянулись.

– Икорийцев в Денхэме не видели почти два года. – Он задержал меня, когда я тоже рванулась за вооруженными мужчинами. – Куда ты? Прятаться мне не обязательно, а вот тебе это не повредит!

– Но я хочу увидеть своими глазами!

Седрин неохотно пошел со мной сквозь толпу. Не в его характере было мне что-то запрещать или разрешать. Но я подозревала, что при первых же признаках реальной опасности он взвалил бы меня себе на плечо и утащил прочь, несмотря на мои протесты.

Мы остановились возле группы будущих золотоискателей, держащих оружие наготове. Отсюда хорошо просматривалась пыльная тропа, идущая через лес. Уоррен вместе со своими охранниками стоял перед двумя всадниками, которые соответствовали всем прочитанным или слышанным мною описаниям икорийцев. Ну за исключением утверждения, что они – кровожадные демоны.

Конечно, их одеяния и прически были непривычными, но выглядели

икорийцы вполне по-человечески. Один из них – рыжебородый громила в зеленом клетчатом жилете – оказался старше своего спутника: его возраст, наверное, приближался к шестидесяти годам. Он был крупным, как бык, и, вероятно, мог победить в схватке любого юнца (а может, и дюжину). Сопровождавший его всадник был примерно ровесником Седрика. Обнаженную мускулистую грудь молодого икорийца испещряли темносиние узоры. Зеленая ткань в клетку была переброшена у него через плечо наподобие плаща и сколота медной булавкой. Распущенные пепельные волосы падали юноше на плечи, резко контрастируя с загорелой кожей.

Именно к нему и обращался Уоррен.

– Повторяю, вам здесь делать нечего! Икорийцам не место в Денхэме, и вы не имеете права тут находиться. Теперь мы – хозяева этих краев, поэтому возвращайтесь на те территории, которые были вам отведены.

– Я с радостью так бы и поступил, – ответил ему светловолосый икориец, – если бы ваши люди перестали захватывать наши деревни и уголья.

Я сразу отметила две вещи. Во-первых, юноша держался на удивление спокойно, если учесть, сколько человек взяли его на прицел. И, во-вторых, осфридским он владел почти безупречно.

– Что за глупые фантазии! Ваши земли никого не интересуют, – фыркнул Уоррен (я знала, что Уоррен лукавил: ведь и мы, и другие заморские государства уже успели завладеть весьма обширной территорией и продолжали расширять свои границы). – Между прочим, до меня дошли слухи, что икорийцы растревожили наших поселенцев в северных колониях. Если все окажется правдой, то вас навестят наши солдаты. Вот тогда у вас начнутся настоящие проблемы!

– Сожженные деревни, которые я видел – вовсе не домыслы! Мы требуем ответа.

Уоррен ухмыльнулся.

– Прошу прощения, но я почему-то не считаю, что вы двое можете выдвигать требования. Перевес явно на нашей стороне.

– Пристрелите их! – крикнул кто-то из толпы. – Надо расправиться с дикарями!

Икориец не шелохнулся и посмотрел на Уоррена в упор.

– Я надеялся, что нам не понадобится демонстрация силы, чтобы открыть переговоры для защиты невинных. Я считал, что вы цивилизованные люди.

– Цивилизованные! – с издевкой повторил Элиас. – Не вам говорить!

– Мы собираемся предоставить вам возможность уехать отсюда

живыми, – процедил Уоррен ледяным тоном – от его напускного великодушия уже не осталось ни следа. – На севере есть хорошая тропа: она огибает Денхэм и как раз ведет на запад. Не сомневаюсь, что вы знаете этот путь – вы же именно так сюда и попали, верно? Короче говоря, живо поворачивайте и возвращайтесь обратно. Если будете ехать быстро, то к закату доберетесь до границы Денхэма. Я намерен оставить отряд охранять перекресток и прикажу своим людям пойти в разведку завтра утром. Если выяснится, что вы остались на нашей территории, вы умрете.

– Пристрелите их прямо сейчас! – заорал кто-то.

Икориец что-то негромко сказал своему спутнику. Бородач нахмурился и ответил юноше на икорийском языке. Светловолосый обратился к Уоррену:

– Мы продолжим переговоры в ином месте. Спасибо, что уделили нам время.

Икорийцы развернули лошадей, и я затаила дыхание: несколько мужчин вскинули ружья, целясь им в спину. Уоррен молча поднял руку, запрещая им стрелять.

Лошади икорийцев перешли в галоп и мгновенно унеслись за пределы досягаемости.

Неожиданная встреча с икорийцами стала главной темой для разговоров. Мнения путешественников различались между собой. Многие продолжали твердить, что следовало «сразу же их пристрелить». Другие считали, что снисходительность Уоррена только подтверждала его благородство.

– Он блефовал, – буркнул один пожилой мужчина за ужином и посмотрел на нас с Седриком. Отвернувшись, он сплюнул. – У него не было выбора. Убей он икорийца – и могла вспыхнуть новая война. Никто не знает, насколько икорийцы раздражены. А его речи насчет отряда, охраняющего дорогу... это полная чушь! Икорийцам даже компас не нужен. Если они решат ускользнуть и раствориться в лесу, то так и сделают.

Я бросила взгляд через головы поселенцев в дальнюю сторону лагеря, где сидел Уоррен. Его окружала еще более многочисленная свита, чем обычно: все превозносили великолепные дипломатические способности своего предводителя. Я и сама сочла решение Уоррена удачным, пока не услышала комментарий нашего спутника.

– Икорийцы оказались совсем не агрессивными, – призналась я. – Я бы держалась гораздо более враждебно, если бы меня вытеснили с моей земли.

– В истории случалось и не такое, – напомнил мне мужчина. – Не

забудьте героев, которые когда-то вышвырнули людей из Осфрида. Добрый король Уилфрид. Саттингэм. Бентли. Ротфорд.

Услышав имя своего предка, я постаралась не поморщиться. Заселение Осфрида происходило в незапамятные времена! Но наш собеседник был прав. Дикари, с которыми воевал Руперт, были предками тех людей, которые пересекли на кораблях Закатное море и в поисках лучшей доли обосновались в Адории. Вернее, пытались это сделать с переменным успехом.

– Но здесь – громадные необжитые территории, – сказала я Седрику позже. – Адория в сто раз больше Осфрида. Почему сейчас происходят постоянные стычки?

Седрик оглянулся по сторонам. Стемнело, но мы еще могли различить высокие деревья, тянущиеся к звездам.

– Жадным всегда не хватает места. Не представляю, что будет с икорийцами и с этой землей. Осфрид когда-то тоже был диким, а теперь он расчищен и поделен на кусочки. – Седрик ласково на меня посмотрел и обнял за плечи. Я уловила аромат ветивера, уверивший меня в том, что не вся цивилизация осталась позади. – Я знаю одно: ночные дозоры усилили. Нам с тобой сегодня надо разойтись...

– Правда? – огорчилась я и вздохнула. Но, еще не договорив, я поняла, что Седрик не ошибся: по периметру лагеря собирались дозоры Уоррена. – Значит, я буду мучиться от бессонницы.

– Зато я усну как убитый, – усмехнулся Седрик.

– Тебе не нравится лежать рядом со мной?

– Наоборот, мне чересчур сильно это нравится! Я полночи думаю о том, как...

– Эй! – предостерегла я Седрика. – Тут дети!

Седрик взглянул на меня с шутливым укором.

– Я собирался сказать, что полночи думаю о том, как мы поженимся. Куда тебя заводят мысли! Тебя следовало бы отправить в пансион благородных девиц.

– Но формально именно ты отправил меня в пансион! – парировала я. – А если тебе хочется, чтобы я вела себя как-то иначе, винить можешь только самого себя.

Он притянул меня ближе, чтобы поцеловать.

– И с чего бы мне могло такого хотеться?

Весь оставшийся путь мы уже не спали вместе. Мне мучительно не хватало Седрика, но я напоминала себе, что это лишь очередной шаг навстречу нашему будущему. Мы выстоим.

– Вы со своим женихом случайно не поссорились? – спросила меня как-то раз мистрис Маршалл.

Мы обе ехали в повозке, и я гадала, надо ли мне беспокоиться из-за того, что я уже не замечаю тряски.

– Почему вы так думаете?

Она бросила на меня многозначительный взгляд.

– Я заметила, что в последние дни вы опять перебрались к нам, Аделаида.

Я покраснела.

– Мистрис Маршалл, вы... вы неверно поняли, – невпопад ответила я. – Ничего не было. Мы спали вместе, и все... то есть именно спали. А потом решили, что лучше перестать, раз уж повсюду на ночь выставляют дозоры.

– Очень благоразумно, – сказала она.

Я не могла понять, поверила ли она мне.

– Я не лгу! – упорствовала я. – Мы вели себя, как и положено! И продолжим так делать, когда доберемся до Хэдисена.

Улыбка у нее была милая, несмотря на отколотый зуб.

– Конечно. Но вы оба – очень юные! А я знаю, какой горячей может быть молодая кровь. Пока вы под моей крышей, я буду следить, чтобы вы вели себя добродетельно и не забывали о правилах, которые нам дал Урос. Но когда вы будете покидать мой дом...

Мне стало трудно смотреть ей в глаза.

– Мистрис Маршалл, мы намерены вести себя исключительно благопристойно, пока не поженимся.

– Намерения и действия редко совпадают. А на тот случай, если ваши намерения пошатнутся, я хочу уберечь вас от беды. – Она вручила мне холщовый мешочек, от которого исходил пряный аромат. – Внутри лежат сухие листья коричника. Вы в курсе, для чего они нужны?

Я судорожно сглотнула и почувствовала, что побагровела.

– Да, мэм. Наши преподавательницы в «Голубом ключе», в Осфриде... они нам рассказывали.

– Вот и отлично, – с облегчением произнесла она. – Теперь нас избавили от неловкого разговора.

Я так не считала. Смутиться еще сильнее было бы попросту невозможно. Я попыталась вручить мешочек мистрис Маршалл.

– Спасибо, но мне это вряд ли понадобится.

Она покачала головой.

– У меня целый запас коричника! Благодаря снадобью мне удалось

остановиться на шестерых ребятишках. Коричник поможет вам подождать с рождением ребенка, а уж когда вы будете готовы, тогда и заводите детей!

Наверное, я повторила бы свою попытку вернуть ей мешочек, но, к счастью, нашу беседу прервал возглас, раздающийся от первой повозки.

– Восточный приток! Мы у восточного притока!

Все разразились радостными криками.

– Что это значит? – спросила я у мистрис Маршалл.

– А то, милочка, что мы вот-вот въедем в Хэдисен.

Глава 23

Если не считать реки, то сперва я не заметила особой разницы между Хэдисеном и отдаленными районами Денхэма. Мы перешли приток вброд и двинулись дальше.

Постепенно окрестный пейзаж изменился. Здесь уже не было такой буйной растительности, как у берегов Триумфального. Лес значительно поредел, и вдали четко вырисовались вершины горной гряды. Знаменитые золотые прииски находились у подножия этих гор, а в долине располагались фермерские участки, включая и надел Маршаллов.

Мы находились в пути уже больше недели, когда наконец узрели Белую Скалу – столицу Хэдисена. Вскоре наш обоз въехал в город, который, сказать по правде, был весьма скромным. Если бы я увидела Белую Скалу сразу после Триумфального, то испытала бы немалое разочарование. Но теперь, после утомительного путешествия, Белая Скала показалась мне не менее обжитой, чем Осфро. Однако в действительности город только-только начали строить: вместо улиц тут были пыльные колеи, да и практически вся торговля велась в палатках. Как и в Триумфальном, повсюду бродила разношерстная толпа, хотя среди людей напрочь отсутствовали богатые бездельники. В основном горожане принадлежали к обычным работягам.

В отдалении на холме виднелся внушительный особняк.

– Это дом губернатора, – сообщил Уоррен, подъехавший к нам на белом коне. – Там я буду жить, – добавил он и ловко спешился.

Слова Уоррена буквально повисли в воздухе: глядя на прекрасный дом, я почувствовала мимолетный укол зависти.

– Тэмсин будет довольна, – произнесла я.

Он улыбнулся.

– Надеюсь.

Похоже, в Белой Скале всегда царила оживленная атмосфера, хотя для многих поселенцев городок являлся лишь перевалочным пунктом. Некоторые мужчины из нашего обоза уже являлись законными обладателями участков на приисках – сейчас эти счастливцы шелестели географическими картами, пытаясь понять, где находятся их наделы и сколько времени придется до них добираться. Другие поселенцы поехали в Хэдисен наобум, просто следуя за своей мечтой. Они либо обращались к представителям Уоррена, чтобы купить или арендовать участки, либо

искали работу у богатых торговцев Хэдисена.

Ну а жители Белой Скалы при виде новичков так и рвались предложить им свои товары.

– Сегодня я поеду на прииск, – заявил мне Седрик, посоветовавшись с еще несколькими мужчинами. – Все участки моих приятелей находятся в одной стороне, поэтому мы отправимся вместе.

– Жаль, что я не могу присоединиться к тебе.

– Я видел, где будут жить Маршаллы. Туда ехать верхом примерно два часа.

– На нормальной лошади или на Лиззи? – уточнила я.

– Лиззи вполне справится. Давай я проверю, в каком состоянии прииск, а потом привезу и тебя на наш участок. – Видя мое разочарование, он погладил меня по щеке и обнял. – Это будет через пару дней!

– Ага. Но мне ужасно не хочется расставаться с тобой, особенно после всего, что мы пережили.

– Не печальтесь, голубки, вы не надолго разлучаетесь, – сказала подошедшая к нам мистрис Маршалл. – И твой жених прав: мы почти соседи. Но сначала ты погостишь у нас, а затем поедешь на свой участок. Но, думаю, ты не захочешь там надолго оставаться, милая моя: на далеком прииске совсем не так приятно, как на зажиточной ферме.

Маршалл не раз посещал Хэдисен, наблюдая за постройкой дома, в котором намеревался жить со своей многочисленной семьей. Мне хотелось быть с Седриком, но в то же время я мечтала попасть на ферму Маршаллов – хотя бы для того, чтобы выспаться на настоящей кровати. Кроме того, над нашими головами собирались тучи, грозящие пролиться дождем в любую минуту, и я боялась, что вымокну до нитки. А еще я робко надеялась, что смогу принять ванну и, уж конечно, не на свежем воздухе! У меня под ногтями собралось столько грязи, что белая полоска вообще куда-то исчезла, а волосы свалялись и превратились в паклю.

Мы с Седриком поцеловались на прощание. Отъезжая на повозке Маршаллов, я не сводила с него глаз. Неопрятный городишко становился все меньше, Седрик в последний раз махнул мне рукой, и Белая Скала утонула в сумерках. Мы добрались до фермы в кромешной темноте. Я еле-еле разглядела не слишком большой дом, сложенный из цельных бревен.

Мы поднялись на крыльцо, хозяин отпер дверь, впустил нас внутрь и вошел сам. Мистрис Маршалл зажгла свечи. Я принялась изучать обстановку. Выяснилось, что мы находились в довольно просторной комнате, предназначенной практически для всех домашних занятий: готовки, еды, шитья, приема гостей и так далее. Крохотная комнатуха за

перегородкой служила спальней мистеру и мистрис Маршалл. Наверху, в мансарде, такая же перегородка разделяла две комнатки, в которых должны были жить их дети. Мне предстояло спать в одной кровати с тремя девочками Маршаллов. «Только бы никто из них не лягался», – подумала я.

Остаток вечера ушел на перетаскивание узлов и тюков в дом. Слава Уросу, мы успели сделать это до того, как полил дождь. Что ни говори, а погода здесь оказалось суровой и неустойчивой. Триумфальный располагался очень удачно и был защищен от ураганов, однако Хэдисену повезло меньше.

Если в путешествии от меня требовалась только выносливость, то теперь я познакомилась и с тяжелым трудом. Мистер Маршалл с мальчишками загнали живность в сарай, а я помогла девочкам разбирать вещи. Мы закончили все почти одновременно, а мистрис Маршалл быстро приготовила в котелке над очагом просо с вяленным мясом. Мы уселись за стол, разместившись на длинных скамьях. Было не очень удобно, мои мышцы болезненно ныли, но я поняла, что сидеть на лавке гораздо лучше, чем трапезничать на земляном полу.

– Так будет не всегда, – пообещала мистрис Маршалл, указывая вниз. – Мы не дикари. Скоро застелем пол соломой.

Когда пришло время ложиться, я вытащила из постели паука. Оставалось надеяться, что он коротал свой век в одиночестве. Мы с девочками задули свечи и, примостившись рядом на широкой кровати, слушали, как дождь стучит по крыше. К счастью, это был обычный ливень, а не гроза с сильным ветром. Крыша не текла, в общем, все было вполне терпимо.

Лежа в темноте, я вспоминала, что на самом деле я – потомственная графиня, принадлежу к высшей аристократии Осфрида. Тревога, которую я испытывала в первый день на пути к Хэдисену, вновь пробудилась во мне. Я попыталась расслабиться и мысленно повторяла слова Седрика. Он говорил о том, что мои затруднения вызваны исключительно тем, что мне надо приспособиться к ситуации, где я не безупречна. Это меня утешило, и я мало-помалу успокоилась, хоть и сомневалась в том, что горожанин может чувствовать себя специалистом по выживанию в хижине на краю земли.

* * *

Седрик не сдержал свое обещание – он попросту не приехал. Не

появился он и на следующий день. Сперва его отсутствие вызывало во мне досаду, но когда оно затянулось, я занервничала. Маршаллы говорили мне, что наверняка Седрик в полном порядке, но меня терзал страх. Мое воображение рисовало мне всевозможные ужасные варианты: ведь я постоянно выполняла работу по дому, которая занимала мои руки, но не разум. Давать уроки мне предстояло лишь после того, как хозяйство Маршаллов будет налажено. Я была настроена весьма решительно на то, чтобы «зарабатывать себе на хлеб», однако оказалась безнадежно плохо подготовлена к фермерской жизни.

Все навыки, которые я получила, будучи аристократкой, были совершенно бесполезными. Как, впрочем, и почти все уроки Блистательного Двора. Ни один вариант замужества не подразумевал подобного сценария. Нас научили выполнять обязанности хозяйки скромного городского особняка (как у Николаса Эделтона): отдавать распоряжения и даже кое-что делать в случае необходимости. Но жемчужин не готовили к столь черной работе, которая ожидала меня в Хэдисене!

Я научилась доить коров и сбивать масло. Я молола твердые зерна кукурузы, превращая их в мелкую крупу. Я вскапывала землю, чтобы посадить семена овощей и трав. Я готовила огромные порции простых сытных блюд, которые не отличались изысканным вкусом, зато могли накормить целое семейство. Я варила щелочное мыло (что оказалось самым нелюбимым делом).

Не надо было планировать приемы гостей. Не было ни танцев, ни пирожных, присыпанных сахаром и подаваемых на стеклянных блюдах. Не было ни музицирования, ни, конечно же, музыкальных инструментов.

Да и мои руки тоже изменились.

Когда Седрик наконец появился, я подметала земляной пол общей комнаты – что казалось мне абсолютно бессмысленным. Я, по сути, просто перемешивала грязь. Встав еще на рассвете, я сразу «впряглась» в привычную лямку и работала, не поднимая головы.

Выпрямившись, чтобы вытереть лоб, я вздрогнула: я увидела Седрика, который застыл на пороге. Он с изумлением за мной наблюдал и, по-видимому, давно. Я уронила метлу и бросилась к нему на шею, едва не сбив с ног. Он для надежности привалился к дверной раме и крепче прижал меня к себе. Я приложила ладонь к его груди, убеждаясь, что он настоящий, из плоти и крови.

– Ты жив! – выдохнула я.

Он захлебнулся от хохота.

– И я тоже рад тебя видеть, дорогая!

Я собиралась состричь, чтобы скрыть свои подлинные чувства. Мне не хотелось, чтобы он догадался, как я боялась за него все эти последние дни. Незачем ему знать, что в моей голове постоянно прокручивались кошмарные картины и я боялась, что наши мечты пошли прахом!

Но улыбка Седрика мигом погасла: он успел прочесть все по моим глазам.

– Прости меня, – прошептал он.

– Седрик, где ты был? – Я прильнула к нему и лишь теперь поняла, что он такой же грязный и измученный, как и я. – Я извелась без тебя!

– Прости, – повторил он. – Мне следовало послать тебе весточку, но у меня не было ни одной свободной минуты. Скоро сама увидишь.

– Мы уже позавтракали, но можем предложить вам кашу, – произнесла мистрис Маршалл у меня из-за спины.

Я совсем забыла про хозяйку фермы! Мистрис Маршалл была настроена дружелюбно, но в ее голосе слышались строгие нотки, которые мы с Седриком правильно истолковали. Так что мы молниеносно отступили друг от друга и повернулись к мистрис Маршалл.

Упомянутая каша получилась на удивление безвкусной. В «Голубом ключе» и «Глициниевой ложине» Седрик всегда был весьма привередлив насчет еды: требовал яйца-пашот и теплые булочки. Я ожидала, что он откажется от примитивной фермерской трапезы, но он принялся уплетать кашу за обе щеки и умял гигантскую миску в мгновение ока.

Затем Седрик поинтересовался у Маршаллов, можно ли ему забрать меня на прииск.

– Разумеется, у Аделаиды сейчас забот по горло, но мне хотелось бы показать ей участок, – объяснил он. – Я привезу Аделаиду обратно к ужину.

– Конечно, – согласилась мистрис Маршалл. – И тогда вы сможете поесть вместе с нами.

Седрика такая перспектива безумно обрадовала.

После очередной грозы утро выдалось свежим и прохладным, поэтому я надела замшевые брюки, куртку и широкополую шляпу. Я сделала это не только из соображений удобства: желание облачиться в чистое пересилило все на свете. Я каждый день «щеголяла» в одном и том же рабочем платье, а мыться у Маршаллов было принято раз в неделю.

– Выглядишь, как подобает женщине-первопроходцу, готовой к покорению диких земель, – заметил Седрик.

– Что вполне разумно, поскольку я езжу верхом получше тебя. – Я подошла к Лиззи. – Ты уверен, что она выдержит наш вес?

– Это ты мне скажи, знаток.

Я потрепала старую кобылу по шее.

– Она справится – но пусть не разгоняется до галопа.

На пути из Триумфального мы были слишком привержены правилам приличия и не могли даже подумать о том, чтобы ехать на лошади вдвоем. А тут, на краю цивилизованного мира, правила немного смягчались. Обычаи диктовались необходимостью, а нам хотелось добраться до прииска как можно быстрее.

Седрик посадил меня на Лиззи, а потом уселся верхом сам, причем более ловко, чем делал это в дороге.

Лиззи трусила по узкой тропе, которая вилась среди деревьев смешанного леса. Вскоре воздух прогрелся, и я скинула куртку. Пусть наши отношения и перестали быть столь запретными, но это никак не отражалось на наэлектризованной атмосфере между нами. Мое тело вновь завибрировало от его опасной близости, и, когда наша двухчасовая поездка приблизилась к концу, я осознала, что Седрик еще никогда не обнимал меня так долго... если не считать наших ночных встреч на пути в Хэдисен.

Местность стала бугристой и неровной, но Лиззи не сбавляла шаг. Участок Седрика находился у подножия холма, получившего причудливое название «Гора серебряной голубки». Здесь же текла широкая река, с берега которой открывался потрясающий вид на горную гряду и плодородные зеленые луга. Я была поражена природными красотами и не сразу переключила свое внимание на прииск.

– А где же хибара? – вспомнила я.

– Дальше, – ответил Седрик, махнув рукой куда-то в сторону.

Я прищурилась и разглядела домик, который сперва приняла за подсобку. Покосившееся зданье притулилось на склоне пологого холма. Жилище золотоискателя было обшито разномастными досками – потемневшими от старости или же новенькими, ярко-желтого оттенка. Крыша выглядела старой, но крепкой, за исключением дырявого угла, накрытого парусиной.

Седрик проследил за направлением моего взгляда:

– Над хибарой мне еще работать и работать, – задумчиво констатировал он.

– А ты успел что-то отремонтировать? – осторожно спросила я.

Мне не хотелось обижать Седрика, но понять, каких успехов он добился, оказалось трудно.

– Да, поэтому я и задержался. Когда я приехал, домик буквально разваливался на глазах. Первую дождливую ночь я провел на земле,

укрывшись парусиной. Я съездил в город и многое починил сам. К счастью, мне помогал искатель с соседнего участка. – Седрик посмотрел на лачугу. – Мне не хотелось, чтобы ты увидела наше будущее жилище и ужаснулась. Тут еще надо столько сделать! Но я понимал, что больше тянуть нельзя.

Я взяла его за руку и переплела наши пальцы.

– Вот и хорошо. И ты не должен ничего стыдиться, ведь мы будем все делать вместе.

Седрик поднес мою руку к губам и поцеловал, а затем принялся ее разглядывать. Кожа у меня потрескалась и покраснела от щелока. Пальцы почернели от грязи, а состояние ногтей оставляло желать лучшего. Я с удивлением заметила длинный порез: я не могла вспомнить, когда именно его получила. Выпустив мою руку, Седрик вздохнул.

– Полно тебе. Не надо унывать, – сказала я. – Чуть-чуть крема и мыла – нормального мыла, а не той проклятущей смеси, которую варит мистрис Маршалл, – и у меня не будет никаких проблем. Не волнуйся, я верну себе прежнюю красоту.

Он обнял меня за плечи. Полуденное солнце заливало его, превратив каштановые волосы в огненную шевелюру.

– А ты и не теряла своей красоты. Ты, наверное, стала еще красивее, чем в Осфро, когда я с тобой познакомился. Знаешь, я часто вспоминаю тот день. Я помню каждую мелочь. Помню, какое на тебе было платье: из синего атласа, с маленькими розочками на рукавах. И безупречно уложенные локоны. Я никогда ничего подобного не видел. Леди Уитмор, графиня Ротфордская. – Он снова вздохнул. – И вот до чего я тебя довел! Если бы я в тот день не появился у тебя на пороге, где бы ты сейчас была? Определенно не в глуши – не убирала бы фермерский домишко, отчаянно надеясь, что твоему мужу-еретику удастся наскрести денег, чтобы избавить нас обоих от давящих обязательств по контрактам. Ты бы вышла замуж в дорожном атласном платье, а твоим избранником стал бы подходящий кавалер из какого-нибудь старинного рода. Но и в Хэдисене ты не имеешь себе равных, и, просыпаясь по утрам, я в первую очередь думаю о тебе... но порой я не уверен, что я исправил твою жизнь, а не ухудшил ее.

Я обвела его взглядом. Он был столь же грязным и неухоженным, как и я, а рабочая одежда Седрика была совершенно не похожа на его городской парчовый жилет и янтарную булавку в галстук.

– Ты спас мне жизнь! – заверила я Седрика. – А шелка и бархат мне не нужны.

Я притянула его ближе, и мы поцеловались. Все вокруг было залито теплым золотистым светом. Меня согревали солнечные лучи и объятия

Седрика, меня переполняла радость. Не существовало ни грязи, ни страха, ни сложностей, ни преград. Было только это безупречное мгновение рядом с ним.

– А теперь показывай мне наш дом, – заявила я.

* * *

Лачуга состояла из одной комнатухи. Крохотная старая печурка в углу служила для готовки и для обогрева – вот только еды у Седрика практически не было. Еще я обнаружила два стула и стол шириной с книжную полку. Кроватью служил набитый сеном матрац, брошенный на – опять-таки земляной! – пол.

Я топнула ногой.

– Я умею такой подметать, если тебе нужна помощь.

Седрик усмехнулся.

– Тут все просто молит о помощи! Кстати, не хочешь осмотреть участок? Могу даже научить тебя азам промывки песка. Правда, у меня почти не было на это времени – я обустроивался на месте.

Я колебалась. Мне не терпелось взяться за дело и начать зарабатывать деньги, чтобы расплатиться с Уорреном. Пусть сам участок оказался заброшенным, зато здешние окрестности были очень живописны. Я бы с удовольствием прогулялась...

– Как же мне хочется вымыться! – внезапно выпалила я. Седрик расхохотался, а я уперла руки в бока и попыталась изобразить обиду. – Эй, далеко не каждому удавалось поспать под дождем! А у Маршаллов моются только по субботам.

Я не пожалела о том, что решила подразнить Седрика: на его лице снова появилась широкая искренняя улыбка. Он схватил меня за руку.

– Пошли. Думаю, это можно устроить.

– У тебя на участке есть шикарные купальни? – с надеждой спросила я.

Купален, конечно, там не оказалось – но нашелся мелкий пруд, расположенный неподалеку от излучины реки Матиас. Похоже, его питал подземный ключ, что было в порядке вещей, учитывая прихотливое и разветвленное речное русло. Вокруг пруда росли деревья, в тени которых можно было укрыться от солнца: а оно палило все сильнее и сильнее.

– Понимаю, что ты к такому не привыкла, – виновато произнес Седрик, – но учитывая обстоятельства, я подумал... Эй, ты что делаешь?

Я скидывала с себя одежду. Меня не пугала ни холодная вода, ни отсутствие хорошего мыла. Мне вдруг стало наплевать на то, что сосед-искатель может случайно меня заметить. И меня почему-то перестало волновать, что меня увидит Седрик.

Я положила одежду на реденькую траву и спустилась к пруду. Вода действительно была прохладной, но я ликовала. Еще бы – ведь я столько дней не мылась, что ж, теперь-то я смогу избавиться от пота и от грязи, въевшейся в кожу! Я стала погружаться в пруд – и замерла лишь в тот момент, когда вода достигла моих подмышек. Остановившись, я окунула голову в жалкой попытке вымыть волосы. Вынырнув, я откинула спутанные пряди назад и осмотрелась. Седрик чинно стоял на берегу, спиной ко мне.

– Ты чего? – окликнула я Седрика. – Присоединяйся!

– Аделаида! Но ты...

– Я прилично выгляжу, клянусь!

– Это – вольное определение слова «прилично»? – прокричал Седрик в ответ.

Однако он осмелился оглянуться и с явным облегчением отметил, что я практически целиком погрузилась в воду.

– Присоединяйся! – повторила я. – Тебе тоже не помешает помыться. И разве ты не рассмотрел меня в тот день в музыкальном салоне? Я отвернусь!

Я так и сделала и подождала, пока плеск воды не подтвердил, что Седрик зашел в воду.

– Знаешь, – признался он, находясь в нескольких шагах от меня, – ты мне постоянно про это напоминаешь, хотя я тогда толком ничего не разглядел. Я был в панике и смотрел куда угодно, только не на тебя.

Я лукаво улыбнулась.

– А я-то считала, что много месяцев питала твои фантазии!

– А им пищи хватало, не беспокойся! – откликнулся Седрик, окунул голову и вынырнул, теребя волосы пальцами.

– Когда я в последний раз принимала ванну в «Глициниевой ложине», то у меня было лавандовое крем-мыло, лорандийское. Если бы я догадывалась, что меня ждет в Адории, я бы прихватила его с собой.

– Обязательно куплю тебе целую коробку, когда поеду в Белую Скалу, – пообещал Седрик. – По-моему, оно продается между лавками с вяленным мясом и патронами. – Я шагнула к нему, но он тотчас попятился. – Аделаида!..

– Нам нельзя целоваться? Мы ведь вроде убедились, что ты ничего не

видишь!

– Зато много чего чувствую.

Я опять шагнула к нему, и на сей раз он не стал отступать.

– А мне казалось, что ты – мрачный, необузданный бунтарь, увлекающий невинных девиц на невыразимые безобразия в рощах под луной.

– Верно, – согласился Седрик. – Но только в том случае, если одна из вышеупомянутых девиц станет моей женой.

Я вспомнила, что говорила мне Мира.

– А у аланзан есть моральные устои!

– Конечно. У одних есть, у других – нет. Но мне хочется, чтобы у нас с тобой было нечто благородное и... как бы сказать поточнее... возвышенное.

– Согласна. – Я сделала еще шаг вперед. – Но я изнываю от желания тебя поцеловать.

Седрик замотал головой.

– С тобой так сложно! Впрочем, я должен был к этому привыкнуть.

Он подался ближе и, обхватив мое лицо ладонями, поцеловал без страха и колебаний. Мы стояли почти вплотную друг к другу, нас разделяло мизерное расстояние, которое мы оба остро чувствовали, но мы старались не переступить черту. Странно, несмотря на мои дерзкие заявления, я начала дрожать, но отнюдь не от холодной воды. Меня охватило чувство, которое я всегда испытывала рядом с Седриком: мы двое как будто стояли на краю пропасти – и находились на грани чего-то смертельно опасного. Я понимала, что если уничтожу разделяющее нас последние дюймы и прижмусь к нему, то все его благородные намерения улетучатся – скорее всего, туда же, куда улетят мои красивые слова насчет того, что я сохраню девственность до первой брачной ночи.

Но мы выдержали. Когда нам наконец удалось отстраниться, мы оба задыхались и мучительно желали того, что нам было недоступно.

Несколько долгих напряженных секунд мы продолжали смотреть друг другу в глаза, стараясь успокоиться.

– По-моему, – прошептал Седрик, заправляя мне за ухо мокрую прядь волос, – нам надо пожениться именно сегодня.

– Не спорю. – У меня до сих пор кружилась голова, но опьянение от его манящей близости мало-помалу исчезало. Я отступила на несколько шагов и махнула рукой. – Но если пока нам заняться нечем... А ты еще не раздумал промывать песок на золотом прииске и стать богачом?

Глава 24

Но в тот день удача явно не была на нашей стороне. И на следующий – тоже.

Скоро дни стали сливаться в какое-то марево: нас затянула рутина. Каждое утро Седрик вставал на рассвете, чтобы проделать двухчасовой путь до фермы Маршаллов. Он привозил меня на участок, и я помогала ему до вечера. Затем мы возвращались обратно и ужинали вместе с семейством. После этого Седрик седлал Лиззи и опять уезжал на прииск, а я учила детей, пока не наступало время ложиться спать.

Я уже не страдала от бессонницы, но продолжала переживать за Седрика. Он полдня тратил на то, чтобы возить меня на участок и доставлять к Маршаллам в целости и сохранности. Однако он утверждал, что мое присутствие его радует, да и многие вещи проще делать, имея лишнюю пару рук.

В общем, я помогла ему в мелочах.

Но и мелочи были очень важны. Мыть золото оказалось совсем не сложной задачей, и я мигом разобралась, что надо делать. Кое-где река была широкой и мелкой, и тогда я просто заходила в воду, садилась на крупный валун и принималась за работу. Я могла промывать породу несколько часов кряду и в результате получала горстку блестящих золотых крупинок. Песка, по сути.

Увы, такого улова было мало, чтобы выплатить долг Уоррену. В итоге я немного приуныла и решила, что мы топчемся на месте.

– Все делается постепенно, – утешил меня Седрик однажды вечером.

Я сердито уставилась на наш бережно хранимый золотой песок.

– А его хватит?

– Он дороже, чем ты думаешь. То есть, конечно, в Осфро твои слуги ежедневно сметали с пола и выбрасывали примерно такое же количество обычного песка. Но здесь мы нашли настоящие крупинцы золота, а это – уже кое-что! Мы сможем выручить за нашу добычу неплохие деньги.

Так и получилось, потому что вскоре Седрик объявил о своем намерении съездить в Белую Скалу и прикупить особое устройство под названием «рудопромывка».

– Ты собрался потратить то немногое, что у нас есть? – воскликнула я. – Или возьмешь в кредит?

Я надеялась, что Седрик одумается. Мне не хотелось увеличивать наш

долг Уоррену.

Седрик покачал головой. В последнее время он редко брился: подбородок и щеки у него зарастали темно-рыжей щетиной. Я не возражала, хотя поцелуи при этом получались колючими.

– Мы намыли достаточное количество золота и может позволить себе купить рудопромывку.

– Ага! Ну а в Белой Скале весь наш песок точно улетучится!

От одной только этой мысли меня охватывала усталость: ведь я столько часов работала не покладая рук! За последние пару недель мы оба втянулись в процесс золотоискательства. У меня на ладонях появились мозоли, а когда мне на глаза попало зеркало, то я опять убедилась в том, что шляпа не слишком хорошо защищала меня от прямых солнечных лучей.

– Мое приобретение окупится, – пояснил мне Седрик. – Оно элементарно устроено: надо лишь установить его в реке, и оно само просеет золото! Мы получим целую гору песка!

– Звучит соблазнительно, – согласилась я. – Но иногда мне кажется, что на этом прииске золота ровно столько, чтобы внушить нам ложные надежды. Похоже, мы не сумеем быстро погасить наш долг. Значит, Уоррен – парень не промах!

– Вполне вероятно, – буркнул Седрик, однако добавил оптимистичным тоном: – Я уверен, что нам надо перепробовать любые методы. Если Уоррен рассчитывал, что мы сдадимся в первый же месяц, то он глубоко ошибался. Мы справимся с проблемами, ну а Уоррена ждет сюрприз!

Но на следующий день я осталась на ферме помогать по хозяйству. Работы у Маршаллов было невпроворот, что наводило меня на размышления. Если бы мы с Седриком смогли поселиться в Вестхэвене, жизнь там была бы примерно такой же, как и в Хэдисене. Мы бы стали поселенцами на осваиваемой территории и жили бы в весьма скромном домишке безо всяких слуг. Когда я приехала в «Голубой ключ», то была очень наивна и толком не представляла, как трудятся простолюдины. Зато сейчас я набралась опыта и научилась таким вещам, о которых даже не подозревала в Осфро.

А еще я убедилась в том, что мое аристократическое образование не имеет особого значения для моих учеников. Дети Маршаллов росли, вообще не посещая школы, и рано начали работать. Я обучала их чтению и арифметике. Это дарило мне новое понимание мира – я не переставала удивляться тому, как много непохожих друг на друга людей его населяют.

Вот что занимало меня в тот день, когда Седрик забрал меня на

прииск, возвратившись из Белой Скалы. Заметив мою задумчивость по время езды на старушке Лиззи, он поинтересовался, в чем дело.

– В Хэдисене тяжелее, чем я могла вообразить, – призналась я, пытаюсь говорить доходчиво. – Но меня это не всегда огорчает. Я почти полюбила здешние края. Мне пришлось по душе тишина, да и природа в Хэдисене чудесная. И мне нравится, что здешние люди стараются стать лучше. Сложно объяснить... Но в Блистательном Дворе нас превращали в жемчужин и учили притворяться, а в Хэдисене все делается по-настоящему, безо всяких прикрас. Конечно, ничто не длится вечно, и поселенцы тоже когда-нибудь изменятся. В данный момент речь идет только о выживании, но в будущем в Хэдисене расцветут искусство и образование, как было и в моем родном Осфро. Меня радует то, что я принимаю в этом участие!

Седрик наклонился и нежно поцеловал меня в шею.

– В Вестхэвене будет еще лучше. Решимость, которую демонстрируют в Хэдисене, поистине прекрасна, но ей недостает свободы мысли и веры, которые обеспечит Вестхэвен. Чтобы выживать, нужны разум и телесная сила. – Он отодвинулся и запустил руку себе в карман. – Кстати, когда я был в городе, то получил письмо на твоё имя. Оно от Тэмсин!

Я принялась читать его на ходу.

«Милая Аделаида!

Мне сказали, что ты сможешь получать письма, хоть я в этом и сомневаюсь. Надеюсь, что мое послание попадет тебе в руки, а не в желудок к медведю.

Жизнь в Триумфальном замечательная! Я каждый вечер выезжаю на бал. Я успела обзавестись дюжиной многообещающих кавалеров, но пока жду Уоррена. Его положение – и финансовое, и общественное – как раз то, что мне нужно. Кроме того, выйдя за него замуж, я тоже перееду в Хэдисен и буду ближе к тебе! А если бы мне удалось заставить его бешено и безнадежно в меня влюбиться, все стало бы идеально. Хорошо, что Уоррен попросил меня его дожидаться, хотя мне чего-то все же не хватает...

Несколько «наследников Уроса» задержались в Триумфальном. И почему они не уезжают? Мне они надоели. Единственный плюс состоит в том, что они невольно напоминают мне, как приятно наряжаться в яркие цветные платья!

Мира ведет себя странновато! Пока ты была в Триумфальном, дела обстояли так же? Знаешь, в последнюю

неделю она сама не своя. То рассеянная, то раздражительная. Мира всегда была ровной и спокойной, поэтому мне остается только гадать, что с ней стряслось.

И ей сделали лишь одно официальное предложение! С ума сойти! Вероятно, мужчинам нравится с ней танцевать и флиртовать, но на этом все кончается. Предложение сделал какой-то древний плантатор. Я не преувеличиваю. Ему не меньше восьмидесяти. Наверное, я бы тоже взбесилась, но как ни крути, а он – весьма достойный кандидат.

Он очень состоятельный, и Мира сможет стать полновластной хозяйкой в его особняке, что, по-моему, ее бы устроило. А если он староват, то, конечно, он многого от своей жены не потребует... (Ты ведь меня понимаешь?)

Хотелось бы написать подробнее, но тогда я не успею сделать вечернюю прическу. Мы приглашены к богатому судовладельцу. Он не такой выгодный жених, как Уоррен, но станет хорошим запасным вариантом – на всякий случай.

Не понимаю, как ты могла поменять жизнь в роскоши на копанье в грязи, но надеюсь, что ты счастлива и здорова.

С любовью,

Тэмсин».

Складывая листок бумаги, я улыбнулась. Я буквально слышала, как Тэмсин выпаливает мне все новости.

– Она обожает писать письма, – сказала я Седрику. – Приятно наконец получить от нее весточку.

Мы добрались до участка, когда уже стало припекать. К счастью, я почти не обращала внимания на солнце. Я работала в блузке с закатанными рукавами и в легкой юбке-брюках (я сшила ее при содействии мистрис Маршалл, поскольку в замшевой было чересчур тепло). Я неплохо справлялась с портновской работой, и хотя мои стежки по-прежнему нельзя было назвать отличными, их качество заметно улучшилось.

А приобретение Седрика должно было действительно облегчить нам жизнь! Рудопромывка представляла собой несколько широких коробов: вода текла сквозь них, просачиваясь через фильтр, который улавливал тяжелые частицы – в идеале золотые. Мы присмотрели в реке пару-тройку удачных участков, установили там оборудование и затаили дыхание, словно

ожидая, что сейчас увидим громадные золотые окатыши.

– Наберемся терпения, – заключила я. – Но твоё приобретение и впрямь лучше ручной промывки.

Седрик подал мне лоток.

– Но нам нельзя останавливаться на достигнутом, – сказал он и ухмыльнулся.

Мы успели поработать час, когда внезапно услышали оклик:

– Торн, ты здесь?

Мы распрямылись. Через участок ехали всадники, приветливо махавшие руками. Седрик просиял и пошлепал по воде им навстречу.

Я поплелась за ним.

– Кто к нам пожаловал?

– Аланзане. Я накануне видел их в городе. Они подписывали бумаги на прииск на дальнем краю Хэдисена: они специально выбрали уединенное место. Я знаком с их кузеном. Он был в числе ребят, которых арестовали во время Звездного Пришествия, – тех, кто смог сбежать. Кузен уже дожидается своих родных на прииске, а я пригласил его близких к нам в гости.

Хотя я и свыклась с мыслью о том, что Седрик придерживается аланзанской веры, с его собратьями я еще ни разу толком не общалась. Однако аланзане показались мне совершенно обычными людьми. Они почти ничем не отличались от Маршаллов: на них была обычная рабочая одежда, а рядом со всадниками брели лошади, запряженные в повозку с открытым верхом.

Седрик представил их как Галвестонов. Это была пожилая супружеская чета и четверо их детей. Вместе со старшим сыном Галвестонов ехала его беременная супруга.

Я побаивалась, что аланзане приступят к выполнению очередного мрачного ритуала или запоют длинную молитву, но я ошибалась.

Сами Галвестоны устали с дороги и были счастливы отдохнуть – особенно от младших детей, которые унеслись поиграть. Мы сидели вместе со взрослыми. После того как старшие Галвестоны перекусили, мы принялись неторопливо обмениваться новостями. Прожив в Хэдисене несколько недель, мы с Седриком чувствовали себя ветеранами и важно делились опытом. Старший мистер Галвестон (его звали Фрэнсис) с интересом посмотрел на покосившуюся лачугу.

– У тебя есть чем заделать крышу? – осведомился он у Седрика.

– Там лежат доски. Я сам их прибил!

Седрик так гордился своим достижением, что я не смогла сдержать

улыбки. Я присутствовала при ремонте: он попал молотком по пальцам не меньше пяти раз!

– И через щели хлынет вода в первую же грозу – ведь Хэдисен славится непогодой! Нужно натянуть парусину и закрыть прорехи, но мы в городской лавке уже купили последний отрез. Тебе либо придется ждать новой поставки, либо ехать в Мыс Победы.

– Думаю, мы в ближайшее время туда не поедem, – ответил Седрик. – Придется помокнуть.

Фрэнсис поманил к себе старшего сына и Седрика.

– Может, кое-что залатать и получится. Давайте попробуем!

Я осталась сидеть с женщинами на траве. Элис, невестка, потянулась и прижала ладонь к округлившемуся животу.

– Тебе неудобно? – встрепелась я. – Что-нибудь принести?

– Нет, спасибо. – Она обменялась понимающей улыбкой со своей свекровью, Генриеттой. – Когда мы тянули карту моей судьбы в начале беременности, то мне выпал Хранитель Роз.

При виде моего недоумения Генриетта спросила:

– Ты не слышала про Хранителя Роз?

– Я вообще этих карт не знаю, – заявила я.

Я догадалась, что речь идет о динзанской колоде, которую я видела у Ады. Осфридский народ частенько играл в динзанские карты или гадал по ним, но для аланзан они являлись источником мудрости и посвящались Динзель, лунному ангелу, покровительнице интуиции.

Элис перестала хмуриться, но была явно изумлена.

– Когда Седрик представил тебя как невесту, я решила...

– ...что я аланзанка? – договорила я за Элис.

Обе смутились.

– Ты собираешься обратиться после свадьбы? – любопытствовала Элис.

– Я пока еще не планировала.

– Тогда зачем искать золото и копить деньги в такой спешке? – спросила Генриетта.

Галвестоны тоже мечтали о Вестхэвене, но намеревались выждать, чтобы первые колонисты немного обжились и с переселенцев перестали требовать вступительный пай. Тем временем они надеялись заработать на добыче золота.

– Ради Седрика. Я хочу, чтобы он мог безопасно совершать все обряды. И он просто жаждет стать в Вестхэвене... настоящим лидером, – выкутилась я. – А если он внесет пай, нам обоим будет проще. –

Наступило неловкое молчание. Когда я поняла, что мои собеседницы его нарушать не собираются, то выдавила: – А что означает Хранитель Роз?

Сперва мне никто не ответил.

– На карте изображен мужчина, который усердно трудится в саду, оберегая нежные цветы от суровых условий. В итоге он вознаграждается прекрасными цветами, – наконец произнесла Генриетта.

Я повернулась к Элис.

– Значит, для тебя карта символизирует беременность, да? У тебя много трудностей и испытаний в пути, но твой малыш родится здоровеньким и сильным – и расцветет, как роза. Надеюсь, что смысл карты можно распространить и на благополучие всего вашего семейства в Хэдисене.

Обе женщины вытаращили глаза.

– Похоже на правду? – уточнила я.

– Да-да, – пробормотала Генриетта и устремила взгляд мне за спину. – Глен! Живо слезай оттуда, пока шею не сломал!

Две девочки Галвестонов возились на отмели, а младший сынишка пытался забраться по скалистым выступам, отмечающим начало горного склона. Без веревок и крючьев он, конечно, не мог развить скорость и быстро подняться наверх, но я разделяла материнскую тревогу.

А самому Глену, похоже, было все равно.

– Я за ним сбегаяю, – предложила я.

Я встала: мне хотелось не только помочь матери Глена, но и уйти от пристальных взглядов.

Удивительно, но Глен уже сумел вскарабкаться довольно высоко, так что опасность сорваться и упасть только возросла.

– Глен! – окликнула я мальчика. – Тебя мама зовет! Наверху очень опасно!

Он на меня даже не посмотрел.

– Сейчас! Я почти достал еще один!

– Еще один? – переспросила я.

Глен дотянулся до блестящего округлого камешка и торжествующе вскрикнул, а затем полез вниз с ловкостью скалистой ящерицы. Нагрудный карман его комбинезона оказался набит булыжниками. Свою новую находку он засунул к остальной добыче.

Я поманила его назад, к родным.

– А их не тяжело с собой таскать?

– Это в мою коллекцию. У меня их – целая куча! Представляете, в Осфриде есть особые умные люди, которые изучают камни!

– Да. Их называют геологами.

– Геологами!

Он покатал это слово во рту, словно пробовал на вкус.

– Король поручает им ездить по стране и узнавать про новые скалы и минералы, – добавила я.

– Мне бы так хотелось. Но когда мы наберем золота на ферму, то мне надо будет помогать родителям и много работать.

Я потрепала Глена по макушке.

– Ты не должен следовать судьбе, которую за тебя спланировал кто-то другой. Давай я покажу тебе другие интересные камешки.

Я привела Глена к тенистому пруду, где валялась мелкая пестрая галька. Глен пришел в восторг, и я оставила мальчика на берегу, решив, что с ним ничего страшного не случится. Возвращаясь обратно, я услышала, как Генриетта говорила Седрику:

– ...не мое дело, но ты уверен, что это удачная идея?

– Разумеется, – ответил Седрик. – Я ее люблю.

– Я уважаю твои чувства, но ты позволил себе увлечься хорошеньким личиком. Когда ты вылезешь из постели, то на тебя обрушатся неприятности. Что ты станешь делать, когда у вас родятся дети? Надеюсь, ты хотя бы заставишь ее обратиться.

– Аделаида сама сделает свой выбор. Что до детей... – произнес Седрик и умолк. – В будущем мы обсудим этот вопрос.

– Поторопись. Здесь медлить нельзя, – возразил Фрэнсис. – Послушай меня, парень, ты – образованный человек с деловой хваткой: именно такие нужны аланзанам, чтобы продвигаться дальше и завоевывать уважение. Основание Вестхэвена – важнейший шаг на этом пути. Но как это будет выглядеть, если ты приедешь в колонию с женой иной веры?

– Что тут такого? У Аделаиды есть собственные взгляды, и она их придерживается: точно в соответствии с тем правом, которого мы добиваемся у ортодоксов. Кстати, в самом Вестхэвене может обосноваться кто угодно: это уникальная колония, и она принимает людей любой веры. Не только аланзан.

Галвестонов он не убедил. В итоге Элис заключила:

– В Белой Скале один из членов магистрата – наш. Тебе надо побеседовать с ним, прежде чем делать какую-нибудь глупость. Прости меня, Седрик, но твоя женитьба на Аделаиде может все испортить. Девушка представляет для тебя опасность. Я не шучу.

Когда я к ним присоединилась, Галвестоны притворились, будто ничего не случилось, но оказались никудышными актерами. Хорошо, что

им пора было отправляться в дорогу: для каждого из нас это стало облегчением.

– Ох, Глен! – воскликнула Генриетта, увидев его раздувшийся от камней карман. – Что я тебе говорила насчет булыжников?

– Они для моей коллекции, – заявил Глен. – Я стану королевским гео... геологом.

– Кем? Ладно, неважно! Ты их с собой не потащишь! Выкини их!

Глен упрямо выпятил нижнюю губу. Я наклонилась к нему.

– Но у тебя и впрямь тяжелый груз. Может, ты оставишь их у нас? Я буду их хранить, пока ты не сможешь за ними вернуться.

Мое предложение мальчику не очень понравилось, но и матери он перечить не решился. В результате Глен вывалил свои камни возле нашей лачуги.

Распрощавшись с Галвестонами, мы с Седриком призадумались.

– Не надо ничего говорить, – попросил Седрик, когда всадники и повозка скрылись за поворотом. – Я сразу сообразил, что ты слышала наш разговор. Просто забудь про эту болтовню.

– Но меня назвали опасной для тебя, дескать, наша женитьба может все испортить, – буркнула я.

– Веру могут исповедовать и ограниченные люди. Надо бы заняться их просвещением, – уклончиво ответил Седрик.

Я посмотрела на него в упор.

– А что мы будем делать, когда у нас родятся дети?

– Изумляться их безупречности?

– Седрик, перестань! Я серьезно!

Его улыбка исчезла.

– Зачем загадывать наперед, Аделаида? И что до детей – там видно будет. Мы объясним им про аланзан и про твою веру, в которой я до сих пор плохо разбираюсь... Пусть они сделают свой выбор.

– По-моему, твоим аланзанским друзьям наши дети тоже не понравятся!

Как странно! В наших отношениях была масса сложностей. Уже сам наш роман стал настоящим скандалом. К нему прибавились денежные проблемы. А еще существовала реальная угроза для жизни Седрика. Однако мне и в голову не приходило, что именно я могу представлять для Седрика «опасность».

– Я столько перенесла! И я отказалась от прежней жизни вовсе не для того, чтобы ты однажды утром встал с постели и сказал, что совершил ошибку.

– В такой истории единственной ошибкой было бы встать с постели, где лежишь ты. – Седрик взял меня за руки и привлек к себе. – Но, если честно, разница в наших верованиях не стала для меня неожиданностью. Как только я в тебя влюбился, то понял, что мне все по плечу и никакое вероисповедание не будет для нас помехой! Мы и с этим справимся, как справились и с остальными трудностями.

Я на мгновение прикрыла глаза и вздохнула.

– А мне бы очень хотелось, чтобы нам было легче жить! Хотя, наверное, когда все будет позади, мы будем изнывать от скуки.

– Мы вдвоем? Да никогда!

Мы поцеловались, и он притиснул меня к стене нашей лачуги. Почему-то этот спор лишь усилил мою тягу к Седрику, и соприкосновение наших тел вызвало во мне волну жара. Одна его рука запуталась у меня в волосах, вторая затеяла рискованную игру с подолом юбки, поднимая его все выше.

– Осторожнее, – не устояла я перед соблазном поддразнить Седрика. – Кажется, стена может сломаться.

Он отстранился. Дыхание у него было тяжелым, а устремленный на меня взгляд – жадным. Нет, скорее, алчным.

– И кто теперь не хочет говорить серьезно?

– Эй, тебе надо гордиться тем, что я сама...

Я потеряла нить фразы: мой взгляд зацепился за яркую вспышку света. Я оттолкнула Седрика, еще сильнее сбив его с толку, и опустилась на колени рядом с тем местом, где увидела блеск. Это оказалась горка собранных Гленом камней. Перебрав их, я нашла тот, который сверкал на солнце, и продемонстрировала его Седрику.

– Гляди-ка, самородок! Или нет?..

В Белой Скале мы наслушались историй о том, как искатели обнаруживали золотые обманки. Седрик присел на корточки рядом со мной и взял у меня гладкий округлый камешек.

– Это золото, – подтвердил он. – Откуда оно?

– Будущий королевский геолог нашел его в скальном выходе у начала склона. Сначала я предположила, что это какой-то кристалл.

Не сговариваясь, мы побежали к дальней части нашего участка, в противоположную сторону от реки. Здесь жидкая растительность поредела еще больше, и повсюду проглядывала каменистая почва. Я указала Седрику на нужную скалу. Только сейчас я осознала, что она оказалась достаточно высокой, и похолодела при мысли о том, что на нее умудрился вскарабкаться Глен. А ведь мальчик даже не добрался до вершины!

Седрик задрал голову.

– Надо познакомить тебя с моим соседом. Салли. Милый старик. Он помог мне кое с чем разобраться. На его участке тоже есть скалистые выходы. По его словам, он буквально в порошок их измельчил в поисках золота. Чуть не забыл!.. Салли рассказывал, что один из первопроходцев Хэдисена нашел богатые золотые жилы в таких же скалах. Он говорил, что они были прямо напичканы золотом. Я думал, что он преувеличивает!

Я проследила за его взглядом и напряглась.

– И как ты это выяснишь? Просто начнешь откалывать куски скалы?

– Верно! Между прочим, наверху проходит трещина. Если в нее углубиться, можно что-то понять. Если я смогу туда подняться...

– На такую высоту? – тихо спросила я и оцепенела.

– Ничего страшного! Но мне понадобится кое-какое снаряжение. Полно, Аделаида, – добавил Седрик, рассмотрев выражение моего лица. – С правильными приспособлениями подъем на скалу вообще не представляет опасности. А если там окажется жила, дело в шляпе.

– А где ты возьмешь снаряжение?

Седрик подкинул самородок на ладони.

– У нас уже есть золото, и мы сможем им расплатиться, так что скоро у нас будет отличное оборудование для первой разведки! Но в случае удачи нам потребуется помощь со стороны. Тогда придется поговорить с Уорреном и Элиасом. Хотя нам все равно придется с ними встречаться. Короче говоря, чем быстрее мы примемся за работу, тем лучше.

Он смотрел на меня, лучезарно улыбаясь. Солнце освещало его загорелое лицо, превратив шевелюру Седрика в расплавленное золото. Он напоминал мне ослепительного юного бога. Грязного бога. Но, несмотря на все мои сомнения, я в него верила.

– Аделаида, – произнес он, – а ведь твое свадебное платье наверняка будет шелковым!

Глава 25

На другой день я осталась у Маршаллов, а Седрик поехал покупать снаряжение для скалолазания. Я с трудом скрывала свое возбуждение и пыталась заниматься обычными домашними делами: рассказывать о чем-то было пока еще рановато.

– А ты в хорошем настроении, милая, – отметила мистрис Маршалл. – Даже ни разу не пожаловалась на щелок.

– Просто мысли другим заняты.

– Начала заваривать коричник, я угадала? Ты у нас прямо сияешь!

– Даже не притрагивалась к нему! – возмутилась я.

Но мистрис Маршалл мне явно не поверила.

Когда на следующий день Седрик повез меня на прииск, я едва смогла дожждаться, когда мы отъедем от фермы Маршаллов.

– Снаряжение купил?

– И да и нет. В лавке не оказалось всего, что мне нужно. Зато столкнулся с Элиасом Картером!

– Дивно! Он был вежлив с тобой?

– Нет. Особенно, когда узнал, зачем я приехал. Он не верит в золотые жилы в скалах и говорит, что я просто хочу создать лишние проблемы. Но он добавил, что если там действительно окажется значительное количество золота, то придется нанимать оплачиваемых помощников, а в городе полно мужчин, которые мечтают о возможности подработать.

Я легко представила себе, как Элиас излагает свои мысли высокомерным тоном.

– И что? Он не позволит тебе это сделать?

– Мне можно провести разведку, но Элиас пожелал лично наблюдать за процессом, по крайней мере, издалека. Он должен приехать сегодня и привезти необходимые детали снаряжения от другого поставщика, который вчера не работал. Но, конечно, он намекнул, что моя затея его ужасно обременяет.

– Еще бы! – Я вздохнула. – А я-то надеялась, что денек будет приятный!

Тем не менее, приехав на прииск, я настолько втянулась в работу, что делала ее бездумно и могла одновременно весело болтать с Седриком. Мы говорили о будущем: чем займемся в Вестхэвене, как назовем детей в связи с их пока неопределенной верой. Радужное настроение улетучилось, когда

Элиас появился к нам в компании нескольких прихлебателей.

– Сегодня не в бальном платье, да? – хмыкнул он. – Сперва я тебя даже за женщину не принял.

– Снаряжение привезли? – холодно поинтересовался Седрик.

Элиас кивнул одному из своих людей, который швырнул на землю кучу канатов и крючьев.

– Оставленного тобой золота не хватило. Запишем тебе в долг.

Седрик выдавил из себя улыбку.

– Конечно.

Элиас раздраженно махнул рукой.

– Давай посмотрим на твои баснословные золотые жилы! Я спешу.

Мы направились в дальнюю сторону участка, где редкая растительность обнажала каменистую почву.

Седрик приблизился к основанию скалы, по которой лазил Глен, и я невольно поежилась. Неужели Седрик будет карабкаться на самый верх? Помимо прочего, скала оказалась неровной, и ее острые выступы пугали меня не меньше, чем ее высота.

– Салли говорил, что Дэвис Митчелл именно так и разбогател, – заметил Седрик. – У него на участке были точно такие же золотоносные скалы.

Элиас прищурился.

– Салли? Ты Джорджа Салливана имеешь в виду? Не назвал бы его специалистом. Он целый год торчит в Хэдисене, без всякого успеха.

– Но он знаком с Дэвисом Митчеллом, – возразил Седрик, – и бывал на его участке.

Дэвис Митчелл являлся легендарной личностью. Он стал богачом-золотодобытчиком и вернулся в Осфро, чтобы жить там припеваючи. Если существовал хотя бы крошечный шанс, что мы обнаружим золотую жилу, нам следовало в этом убедиться и проверить все самим.

– Кроме того, – добавил Седрик, – тут кончается моя собственность. Если я найду то, что хочу...

– Это собственность мистера Дойла, – оборвал его Элиас. – И ты здесь просто вкалываешь, парень.

Седрик не смутился.

– Если на участке есть золото, то, вероятно, жила тянется по предгорьям в сторону кряжа. Там приисков нет, верно? Мистер Дойл сможет доставить туда рабочих и не делиться с остальными искателями.

– Разрабатывать горные жилы очень сложно, – проворчал Элиас, но я увидела, как заблестели его глаза при мысли о подобной перспективе. –

Ладно. Залезай на эту зверюгу и начинай работу. И немедленно доложи мне о результате. Если обнаружишь что-то стоящее, мистер Дойл поможет начать разработку, когда возвратится из Триумфального. И не распускай слухи, пока не будет полной уверенности в том, что ты напал на жилу!

– Разумеется, – ответил Седрик, сохраняя вежливость, несмотря на язвительный тон Элиаса.

Воцарилась неловкая тишина, которую нарушил Элиас:

– А ты не собираешься пригласить нас к себе в дом и угостить? Мы проделали долгий путь и подустали.

Я содрогнулась, вспомнив, что у Седрика на стене висит аланзанская звезда.

– У нас слишком тесно, – выпалила я. – Между кроватью и печкой еле-еле протиснешься. Я принесу вам угощение, которым вы сможете насладиться на свежем воздухе, ведь погода прекрасная.

Элиас покосился на меня.

– Как любезно! И до чего удачно, что ты хорошо знакома с лачугой и с кроватью.

Я мило улыбнулась.

– Скоро вернусь.

Я неспешно пошла прочь – словно благовоспитанная юная леди, собирающаяся угостить мужчин прохладительными напитками. Очутившись в лачуге, я захлопнула дверь и произнесла тщательный обыск. Сняв со стены аланзанскую звезду, я спрятала ее в сундук, который Седрик привез из Триумфального. Там оказалась и колода динзанских карт, но они хотя бы лежали на самом дне сундука. Я завернула их в рубашку Седрика, чтобы их стало труднее отыскать, и сочла, что проблем не предвидится, даже если в дом нагрянут незваные гости.

Варианты угощения были скудными – что Элиас наверняка знал. Его просьба была лишь демонстрацией превосходства. Я видела, что у Элиаса и его приятелей к седлам пристегнуты фляжки, да и для перекуса он, естественно, прихватил нечто более сытное, чем то, что имелось в нашем с Седриком распоряжении. Печка у Седрика была, мягко говоря, капризная: именно поэтому трапезы у мистрис Маршалл всегда несказанно его радовали. Я взяла полдюжины кукурузных лепешек, которые мистрис Маршалл презентовала Седрику, и положила их на разделочную доску, которую решила использовать в качестве подноса. Присовокупив к лепешкам пустые чашки и кувшин воды, я вышла наружу. (Воду мы брали из чистого колодца на прииске, но она уже успела изрядно нагреться.)

Я подала угощение со всем изяществом и любезностью, к которым нас

старательно приучали на занятиях Блистательного Двора, посвященным «приему гостей». Я даже заслужила хрипловатое «спасибо» от одного из самых молчаливых людей Элиаса.

Затем я быстро обменялась с Седриком взглядами. Он чуть заметно кивнул, дескать, не волнуйся, я все понял.

Трудно было предположить, что Элиас станет обыскивать хижину, тем не менее никаких явных указаний на иную веру в ней не осталось.

– Тебе не следовало вешать звезду на стену, – сказала я Седрику, когда вся компания уехала: Элиасу наскучило ждать, когда Седрик поднимется на скалу, и он вместе со своими людьми убрался восвояси. – Это ничем не лучше ритуала в роще или на лужайке.

Он смахнул со лба потную прядь волос и кивнул.

– Ты права.

– Ты сейчас со мной согласился?

– Я всегда с тобой соглашаюсь. Ты – проницательная и умная женщина. Гораздо сообразительнее меня.

Мы оба уставились на скалы.

– Когда собираешься подниматься? – спросила я.

Седрик наклонился и начал разбирать страховку и крючья, которые привез Элиас.

– Почему бы не сейчас?

– Значит, ты будешь карабкаться на скалу под палящим солнцем?

– В последнее время всегда припекает. – Он отобрал пару канатов и проверил их на прочность. – Не надо ждать урагана, о котором вечно бормочет старина Салли.

Я лихорадочно попыталась придумать предлог, чтобы отложить его подъем, но у меня ничего не получилось. Вдобавок на нас постоянно давили сроки выплаты долга.

– Ты хоть знаешь, как пользоваться оборудованием? – осведомилась я.

Седрик закрепил на себе кожаные страховочные ремни.

– Ты во мне сомневаешься?

– Просто видела, как ты едешь верхом.

– Не беспокойся. Я обо всем разузнал. Подробно поговорил с Салли и с городскими торговцами. Это элементарно.

Я покачала головой, но затем была вынуждена признать, что Седрик не оплошал. Он принялся умело закреплять канаты и клинья, а потом нацепил перчатки. Напоследок я вручила ему кирку и поцеловала в щеку.

– Береги себя. Не сделай меня вдовой еще до свадьбы.

Вместо ответа он молча ухмыльнулся и начал карабкаться наверх. Я не

разбиралась в скалолазании, но меня восхитило, как уверенно он вбивает в скалу клинья и крючья, создавая упоры для подъема.

Неровности и острые выступы, которые так меня тревожили, на самом деле оказались полезными, создавая дополнительные точки опоры.

– Ты молодец! – крикнула я Седрику.

– Я ведь говорил: у тебя нет причин для тревоги!

На небе появились облака. Влажная жара все еще заставляла меня истекать потом, но, к счастью, стало чуть прохладнее. Подъем занял не очень много времени, но я следила за Седриком, сжав кулаки и отсчитывая каждое мгновение, пока он наконец не подтянулся на широкий каменистый выступ у самой вершины. Оттуда он помахал мне, и я облегченно вздохнула. Отцепив кирку от страховочного ремня, Седрик шагнул в расселину. Потеряв его из виду, я снова напряглась, и мое сердце забилося как бешеное. Оставалось только гадать, когда Седрик завершит разведку. Я сомневалась, что он наткнется на золотую стену. И насколько глубоко уходит эта расщелина? А вдруг Седрик обнаружил какую-нибудь пещеру, где сможет случиться обвал?

Я увидела Седрика через полчаса.

– Как ты? – прокричала я.

– Лови! – ответил он и что-то скинул вниз.

Бросок был намеренно неточным: камень упал на землю в нескольких шагах позади меня. Я бросилась к находке. На солнце что-то сверкнуло – и я потрясенно подняла золотой самородок размером с вишню. В пять раз крупнее камушка Глена! Золота в скале было больше, чем мы намывали за целый день. Я бегом вернулась к подножию скалы.

– Там, наверное, лежат кучи самородков?

Седрик приставил ладонь ко рту, чтобы мне лучше было слышно.

– Нет, но он попался мне достаточно быстро! По-моему, в скале проходит огромная жила. Чтобы ее правильно разработать, понадобятся рабочие и, конечно, инженеры. Зато теперь мы сможем расплатиться с Уорреном и будем свободны! И ты не будешь связана контрактом с Блистательным Двором!

– А золота хватит на пай в Вестхэвене?

– Определенно!

– Тогда спускайся ко мне, и я тебя расцелую!

От волнения у меня застучало в висках. Даже без помощников со стороны мы точно сможем разбогатеть! А если жилу будут разрабатывать полностью, Седрик будет иметь права на всю добычу – за вычетом доли собственника, которая причитается Уоррену. Золота хватит не только для

нашего переезда в Вестхэвен, но и для того, чтобы нам не пришлось коротать свой век в захудалой лачуге. Пусть я и готова на жертвы ради любви, я все-таки предпочту жить под черепичной крышей.

Для спуска Седрику надо было действовать немного иначе. Теоретически это было не слишком сложно. Он закрепил канат на крючьях, воткнутых в скалу, а затем заскользил вниз, сжимая страховку руками и переставляя ноги на крутом склоне. Усилий требовалось меньше, чем для подъема, но я ни на секунду не забывала, что многое зависит от его хватки. Ремни тоже крепились к канату, обеспечивая дополнительную защиту. Но, несмотря на показную смелость, Седрик явно действовал очень осторожно.

Я не сумела сдержать испуганного возгласа, когда Седрик ошибся и резко скользнул вниз, выпустив из рук канат. Я заорала, представив себе ужасающую картину того, что Седрик сейчас рухнет вниз и разобьется. Он выбросил руки вперед, пытаясь найти упор – и каким-то чудом сумел притормозить на каменистом участке, который выступал карнизом примерно на одной трети пути до земли. Но упор оказался чересчур узким: Седрик едва смог разместить ноги, развернув их носками наружу.

В итоге он притиснулся к скале всем телом, раскинув руки в обе стороны.

– Ты цел? – вскрикнула я.

– Бери Лиззи и привези Салли! – ответил он. – Сможешь вернуться через час?

– Нет! Я тебя не оставлю!

Положение Седрика было плачевным. Я была даже не уверена в том, что он продержится хотя бы пять минут.

– Аделаида!

– Молчи! Я сообразительнее, чем ты, помнишь?

Мои слова прозвучали резко, но я просто пыталась спрятать собственный страх. Седрик оказался далеко от каната, по которому он спускался: дотянуться до него было невозможно. Перед падением он успел закрепить еще один дополнительный канат, но и тот находился слишком далеко от проклятого выступа. У моих ног валялись запасные приспособления, в данной ситуации – бесполезные... за несколькими исключениями.

До последнего закрепленного Седриком каната я тоже не могла дотянуться. Немного подумав, я выбрала пару острых клиньев, я решила вогнать их в камни. К моему изумлению, у меня хватило силы вбить их достаточно надежно. Более сложной задачей являлся сам подъем. Мои мышцы были недостаточно развитыми и тренированными, но я напряглась

и начала карабкаться наверх. Что ж, я делала это с превеликим трудом. Я мысленно повторяла, что мне надо подняться чуть выше моего собственного роста. Я говорила себе, что я обязательно справлюсь. Но, что важнее всего, я напоминала себе, что теперь от моих действий зависит жизнь Седрика.

– Не рискуй! – завопил Седрик.

– Ты ведь меня не видишь! – откликнулась я.

– Ага, но я тебя знаю!

Ощущая отчаянный протест собственных мышц, я сумела подтянуться на кольях и добраться до каната Седрика. Ухватившись за него, я с удивлением почувствовала, что держаться за него труднее, чем за крючья. Мои руки заелозили по плетеной бечевке, и я вскрикнула от боли: канат содрал с ладоней кожу. Собрав воедино всю отвагу и силу воли, я сумела остановить спуск и не выпустить канат. Я сделала отчаянный рывок и согнулась напололам, уперев ноги в скалу.

Легкий ветерок растрепал мои волосы, и я замерла, обдумывая свой план. Мне необходимо подтянуть канат к Седрику. Если он сможет в него вцепиться, то благополучно спустится вниз. Оттолкнувшись от скалы, я попыталась раскатать канат... и потерпела неудачу: я почти не сдвинулась с места, зато сразу поняла, в чем дело. Я держалась за канат слишком низко, и моего веса явно не хватало, чтобы сдвинуть его на значительное расстояние. Мне следовало подняться выше.

Напружинившись до предела, я принялась за дело. В Осфро я часто видела, как рабочие лазают по канатам, но не представляла себе, сколько физических усилий для этого требуется. К тому же мои ободранные ладони горели жгучей болью. Но я не сдавалась. Через некоторое время я поднялась достаточно высоко и предположила, что сумею докинуть канат до Седрика.

– Канат появится справа от тебя! – закричала я. – Поймай его!

Хорошенько оттолкнувшись от скалы, я действительно сумела передвинуть канат поближе к Седрику. Увы, этого еще было недостаточно! Зато новый неуклюжий рывок позволил мне переместить его на достижимое расстояние.

– Сейчас попробую! – сообщил мне Седрик.

Запрокинув голову, я затаила дыхание, глядя, как Седрик передвигается по узкому каменистому карнизу. На землю посыпались мелкие камешки, но я верила, что Седрик не рухнет вниз вместе с выступом.

Протянув руку, Седрик поймал канат и замер: теперь ему было

необходимо переместить на него свой вес. Прошептав короткую – несомненно, аланзанскую – молитву, Седрика спрыгнул с выступа, отчаянно протягивая к канату другую руку. Мне опять представилась чудовищная картина его падения, однако Седрик схватил канат и крепко-накрепко вцепился в него уже двумя руками.

Резко изменившееся натяжение заставило мои ноги оторваться от скалы, и мы оба начали сильно раскачиваться на канате. Я соскользнула вниз, разумеется, повредив руки, но не разжала пальцы и даже нашла упор для ног. Я слышала, как выше Седрик последовал моему примеру. Но мы не успели насладиться чувством безопасности: вскоре я ощутила, что канат перемещается, сдвигая меня вниз. Еще до того, как Седрик заговорил, я догадалась, что наши жизни висят на волоске!

– Крюк вбит недостаточно глубоко! Похоже, он не выдержал нас двоих!

Я сосредоточилась и сообразила, что надо делать в первую очередь. Мне нужно слезть и оставить канат в покое! Я принялась спускаться вниз, что оказалось гораздо легче, чем подниматься, хотя и требовало некоторой сноровки. Добравшись до конца каната, я ощутила, как он дернулся, но продолжил держаться. Дотянуться до клиньев, с помощью которых я поднималась, было невозможно. Я посмотрела на землю. Ничто уже не представляло для меня смертельной угрозы, но я могла получить травму. Однако если бы Седрик упал со своей высоты, все было бы значительно хуже.

Не колеблясь, я отпустила веревку и спрыгнула вниз. Я боялась сломать или вывихнуть ногу, но мне удалось приземлиться так, что я упала бедром на клочья редкой травы. Приземление получилось жестким, но я решила, что отделаюсь лишь огромным синяком. Освободившийся от моего веса канат стал держаться надежнее – и Седрик поспешно спустился вниз. Он спрыгнул с той же высоты, что и я, но успел вовремя сгруппироваться и не получил сильных повреждений.

– Как ты? – спросил Седрик, помогая мне встать.

– Цела, – выдохнула я и, посмотрев на свои окровавленные ладони, поморщилась.

Во время отчаянного спуска я не обращала на содранную кожу внимания, но теперь боль нахлынула на меня со всей силой.

Седрик нежно баюкал мои руки.

– Ох, Аделаида! И зачем ты полезла наверх!

– Надо было оставить тебя на скале и уехать? Нет уж! А что случилось? У тебя вроде бы все отлично получилось!

– Мне тоже так казалось, – проворчал Седрик, уводя меня к нашей лачуге.

Облака на небе уже потемнели, что казалось очень уместно ввиду недавнего поворота событий. Когда мы добрались до хибарки, Седрик помог мне вымыть руки и замотал их чистыми тряпицами.

– У мистрис Маршалл найдется целебная мазь. Сейчас я отвезу тебя на ферму.

Седрик начал расстегивать ремни страховки, бросая их на землю.

– Постой, дай-ка мне посмотреть, – попросила я Седрика.

Пусть он и являлся новичком-первопроходцем, но я прекрасно понимала, что Седрик не будет ничем пренебрегать – ни страховкой, ни советами бывалых искателей. Он не был виноват в недавнем неприятном происшествии. Я вертела ремни в руках, осматривая каждый элемент страховки – и скапливавшиеся во мне опасения перешли в леденящий ужас, когда я обнаружила то, что ожидала. Я указала Седрику на две небольшие металлические детали.

– Вот!

Седрик взглянул на два кольца: сквозь них проходила веревка, которая закручивалась так, чтобы удерживать человека, не мешая ему передвигаться. Сами кольца оказались специально согнуты, причем их концы соединялись, замыкаясь в петлю. Края одного были плотно сдвинуты, не оставляя зазора. Но концы другого кольца оказались разогнуты: страховочная веревка могла запросто выскользнуть, что сразу бы привело к самым печальным последствиям.

Седрик нахмурился.

– Похоже, края не были соединены как следует – или их развели.

Мы оба замерли, погрузившись в раздумья.

– Может, это чистая случайность, – выдавила я. – А если нет... то зачем? В их интересах было узнать, проходит ли в скале золотая жила! Уоррен тоже хочет получить свою долю!

– Но Уоррена в городе нет, – напомнил мне Седрик. – Вероятно, это дело рук Элиаса. Он человек ограниченный, и думаю, что он способен на месть. Мы ему никогда не нравились.

– Пустые домыслы! – заявила я. – Всякое может произойти.

– Ага, – неуверенно произнес Седрик.

И мы опять замолчали: мы оба понимали, что кольца были разомкнуты намеренно.

«Доверяйте только друг другу. Это самое важное», – пронеслось в моей голове напутствие Айяны.

Я вытащила самородок из кармана. Его блеск завораживал.

– Наверное, нам не стоит ждать возвращения Уоррена. Участок-то наш, верно?

– Ты права, – поддержал меня Седрик. – Завтра мы примемся за работу.

Глава 26

Мы составили план действий вечером, пока собирались к Маршаллам.

Когда до фермы оставалась примерно треть пути, мы столкнулись с самим хозяином, который ехал нам навстречу. Сумеречное небо приобрело неестественный зеленовато-серый цвет, порой его озаряли вспышки молний, проскакивающие между тучами. Ветер поднимался и затихал, словно чье-то дыхание, – как будто мир ожидал какого-то эпохального события.

– Хорошо, что вы не опоздали, ребята, – сказал мистер Маршалл. – Едем, да поживее. Скоро разразится гроза!

Когда мы добрались до фермы, уже накрапывал дождь. Мистер Маршалл пригласил Седрика переночевать и отвел Лиззи в сарай к остальным обеспокоенным животным.

– Вы не представляете, какие в Хэдисене бывают жуткие грозы! Меня они раза два застигали врасплох. Тучи приходят со стороны Закатного моря и закручиваются, как гигантские воронки. Ураганы бывают такие, что дом может снести! Возле берега бури еще страшнее, но и нам сейчас достанется. Будем надеяться, что никто не пострадает.

Я вспомнила своих подруг из «Глициниевой лощины».

– А по Триумфальному ураган тоже ударит? Город ведь находится около залива!

– Все зависит от ветра, если он будет дуть с моря, то непогоды Триумфальный не избежит! Но город защищает береговая линия, и в случае урагана жителям можно не тревожиться. Местный народ знает, что делать.

Сперва Седрик не хотел оставаться на ночлег, но вскоре дождь превратился в настоящую стену воды, и он был вынужден принять предложение мистера Маршалла.

– Ты жаловалась на жару, – напомнил мне Седрик за ужином.

Все напряженно прислушивались к завыванию ветра. Время от времени дом сотрясался под особенно сильными порывами, и тогда я вздрагивала вместе с детьми Маршаллов.

После ужина разошлись по комнатам. Я ворочалась в кровати: сна не было ни в одном глазу! Ночевавшие со мной девочки были перепуганы, и я утешала их словами, которым сама не очень верила – вроде того, что гроза скоро пройдет и дом все выдержит.

Когда они провалились в сон, я решительно встала. Спустившись вниз,

я обнаружила, что я – не единственная из тех, кто бодрствует. Седрик сидел на скамье за обеденным столом, а мистер Маршалл нервно мерил шагами комнату. Он обернулся ко мне, но ворчать не стал.

– Держитесь подальше от окон, – сказал он и снова возобновил свои метания.

Я села возле Седрика, взяла его за руку и переплела наши пальцы.

– Наша лачуга наверняка сложилась как карточный домик. Надо было натянуть на крышу парусину.

– Думаю, парусина не помогла бы. Ничего страшного не случится, если только золото не унесет ветром.

Я посмотрела в окно на бушующую стихию, и меня захлестнули воспоминания.

– Как тогда на корабле.

– Нет! – Седрик стиснул мою руку. – Ты находишься в безопасности. И твои подруги – тоже.

Я кивнула, но мне не удалось избавиться от тревоги. Я помнила, как «Добрую надежду» швыряло по морю, как мне становилось тошно, когда все вокруг буквально опрокидывалось на бок. А вдали металась несчастная «Серая чайка»...

Даже когда ветер утих, я не могла расслабиться.

– Глаз бури, – подтвердил мои опасения мистер Маршалл. – Сейчас опять начнется...

И точно: после краткого затишья ураган вернулся с прежней силой.

Я уставилась в одну точку и замерла.

Седрик сел на пол (уже застеленный соломой) и привалился спиной к бревенчатой стене. Он поманил меня к себе, и я устроилась между его вытянутыми ногами, прижавшись к его груди. Мистер Маршалл лишь молча покосился на нас, похоже, он не особо возражал против подобных вольностей, хотя Седрик и обнял меня за талию.

Седрик пригладил мои волосы.

– Отдохни, Аделаида. У нас будет трудный день.

Очередной порыв ветра налетел на дом, и стены заходили ходуном. Я дернулась, и Седрик привлек меня к себе, обняв еще крепче.

– Корабль, – призналась я. – Я постоянно вспоминаю шторм. И знаешь что еще? Мне кажется, что Тэмсин тоже думает про «Серую чайку». Я понимаю, это звучит дико. Но если у них в Триумфальном разыгралась буря, Тэмсин сейчас умирает от страха!

– Она живет в «Глициниевой лощине» – а это городской особняк, который построен гораздо лучше, чем фермерский домик. И с ней Мира –

она-то сумеет справиться с природной стихией.

– Мира и сама – стихия.

В конце концов воющий ветер и ливень постепенно превратились в фоновый шум. Я перестала вздрагивать при каждом ударе грома и задремала в объятиях Седрика. Проснулась я потому, что он бережно начал меня поднимать.

– Самое страшное позади. Давай ляжем по-настоящему.

Зевая, он проводил меня наверх, в спальню к девочкам. Я забралась в кровать и отключилась еще до того, как Седрик закрыл дверь.

Наступило утро. Безоблачное голубое небо и яркое солнце могли ввести в заблуждение любого – даже мне на секунду показалось, что ураган мне просто приснился. Но более внимательный взгляд убедил меня в обратном. Повсюду валялись поваленные деревья и сломанные ветки. Труды мистера Маршалла окупались, и дом уцелел, но крышу сарая повредило. Изгородь, протянувшаяся вокруг фермы, тоже немного пострадала.

Мистер Маршалл вместе с семейством тотчас принялись устранять последствия стихии, а мы с Седриком поехали в Белую Скалу.

Добравшись до города, мы обнаружили, что ураган пронесся и по столице Хэдисена. Хотя некоторые из поспешно возведенных жилых домов и лавок были полностью разрушены, их хозяева смогли укрыться у соседей и переждали непогоду в более прочных зданиях.

Сейчас они объединили усилия, возводя все заново – и при виде такой взаимопомощи я с надеждой подумала о перспективах жизни первопоселенцев.

В Белой Скале кипела работа, и у нас не получилось найти подмогу для нашей авантюры с золотой жилой. Но, услышав, что Уоррен пробился сквозь ураган и ночью приплыл из Денхэма, мы решили обратиться непосредственно к нему. Мы по-прежнему не знали, виноват ли в происшествии со страховкой Элиас, однако нам казалось, что Уоррен действительно заинтересован в нашем успехе.

Новоиспеченный губернатор обитал в новеньком особняке, который мог похвастаться даже такой роскошью, как обои и бронзовые канделябры. Следуя за лакеем по мягкому ковру, расстеленному в вестибюле, я вспоминала язвительный укол Элиаса: «Сперва я тебя даже за женщину не принял». Моя практичная одежда была поношенной, кожа загорела и обветрилась. Моя попытка сделать прическу в последнее время заключалась в том, что я небрежно стягивала волосы на затылке в свободный узел.

Я почувствовала себя неряхой, когда увидела безупречно одетого Уоррена. Он как раз выходил из кабинета, прощаясь с каким-то незнакомым мне мужчиной.

– Не стоит верить в глупые рассказы, – говорил Уоррен. – В западных колониях нет ни лорандийцев, ни икорийцев. Ситуация стабилизируется, а люди просто распускают слухи.

Проводив гостя, Уоррен повернулся к нам. Чуть выгнутая бровь стала единственным свидетельством его удивления, которое он позволил при виде нас.

– Я счастлив вас видеть, Аделаида! – чопорно произнес он и запоздало добавил Седрику: – И вас тоже, конечно.

– Как добрались? – вежливо спросила я.

– С трудом. – Уоррен помрачнел. – Ураган налетел на нас уже на полпути через залив. Мы потеряли несколько моряков. – Он пристально посмотрел на меня и продолжил: – Я бы остался в Триумфальном, если бы знал о риске, но теперь уже ничего не поделаешь! Кстати, Элиас утверждает, что у вас интересные новости.

И Элиас тут же объявился в холле: ни дать ни взять демон, вызванный магом.

Седрик продемонстрировал ему самородок.

– Я нашел его, когда забрался на скалу.

Элиас цапнул блестящий камешек, но держал самородок на вытянутой руке, как будто тот мог оказаться ядовитым.

– Он побольше того, которым ты хвастался, когда сюда явился. И выглядит как настоящий.

– Конечно, он настоящий! – восхищенно воскликнул Уоррен, выхватив самородок у Элиаса. – А вы оба сможете разбогатеть! Вы пока никому ничего не говорили?

Я колебалась.

– Нет, но мы хотели нанять пару-тройку рабочих. Ураган помешал нашим планам, и нам надо...

– Нет! Никаких рабочих, – прервал меня Уоррен. – Помалкивайте, ладно?

– Мне понятно ваше желание контролировать ситуацию, – заявил Седрик. – Тем не менее мне необходимо действовать.

– Не смей так разговаривать с мистером Дойлом! – рявкнул Элиас.

Уоррен бросил на него уничижительный взгляд.

– Он прав. Нам всем надо работать. Но я медлю не потому, что мне нужен контроль. Я не спешу ради вашей же безопасности.

– Безопасности? – переспросила я.

– Как бы мне ни хотелось верить в то, что Хэдисен – чудесное, законопослушное поселение, но... – Уоррен покачал головой. – Тягу к золоту некоторые люди преодолеть не могут – и она толкает их на чудовищные поступки. Кроме того, нельзя забывать о грабителях и о бандитах, которые нападают на удачливых золотоискателей, чтобы захватить добычу, и уж они-то не боятся причинить вред законным владельцам участков! В общем, помимо рабочих и оборудования, я бы хотел обеспечить вам должную охрану.

Я не могла поспорить с логикой и доводами Уоррена. Мы не раз слышали истории о лихих людях, совершающих налеты на прииски, но я совершенно не ожидала, что могу с ними ненароком столкнуться. Вероятно, Уоррен был наслышан о многом, а наш участок с золотой жилой мог привлечь внимание бандитов...

– Вы очень добры, – сказал Седрик.

Уоррен иронично улыбнулся.

– Не беспокойтесь: я позабочусь, чтобы все делалось быстро. Не тревожьтесь о сроке выплаты.

Мне хотелось верить в искренность Уоррена.

– Спасибо.

Уоррен пообещал, что в скором времени с нами свяжется. Явился лакей, чтобы проводить нас к дверям, но я ненадолго задержалась рядом с Уорреном: меня снедало любопытство.

– Как продвигаются поиски невесты? – тихо осведомилась я. – Я ожидала, что вы приедете в Хэдисен вместе с супругой.

– Я тоже так думал, – рассмеялся Уоррен. – Сейчас я рассматриваю несколько кандидатур. Но вас, похоже, никто не затмит.

Я удивилась. Странно, что у Дойла-младшего имелись на примете какие-то варианты: ведь к моменту нашего отъезда у него с Тэмсин существовала почти твердая договоренность.

– Как жаль, – выдавила я наконец.

– Не надо меня жалеть. Это давно в прошлом. – Он пытливо на меня посмотрел. – Вы в курсе новостей из Триумфального? Другие жемчужины вам пишут?

– Я получила письмо от Тэмсин, но думаю, что у нее уже накопилась масса новостей для очередного послания. А от Миры пока ничего нет.

– От Миры? – озадаченно повторил Уоррен.

Я сама видела, как Мира болтала с Уорреном на приемах, но сейчас он явно не притворялся.

– Моя подруга-сирминиканка, – напомнила я.

– Да-да, разумеется! Та девушка, которая увлекается книгами.

Теперь уже недоумевала я.

– Книгами?

– Каждый раз, когда мы принимали гостей, она спрашивала про книги.

Матушка... – Уоррен адресовал мне извиняющийся взгляд, – ...она не столь свободомыслящая, как мы, и потому с радостью разрешила вашей подруге проводить в библиотеке сколько угодно времени.

– Понятно, – произнесла я.

Что ж, весьма характерно для Виолы: постараться спрятать «нежелательную» гостью среди книжных стеллажей!

Мы с Седриком поплелись на центральную улицу со смешанными чувствами.

– Нас ждут проволоочки со свадьбой и бессонные ночи! – поддразнила я его.

– Вообще-то бессонные ночи будут после свадьбы, но ты права... это очень досадно.

Мы замедлили шаг. Сердик рассеянно смотрел на жителей Белой Скалы, занятых ремонтом.

– Уоррен не ошибся насчет бандитов. Салли мне про них рассказывал. Такое здесь случается.

– Мне не терпится познакомиться с этим всезнайкой!

Седрик тепло улыбнулся.

– Он – личность примечательная!

– Мистер Торн! – раздался громкий мужской голос.

Мы оба резко крутанулись на месте.

Хорошенько рассмотрев человека, который окликнул Седрика, я оцепенела.

К счастью, Седрик мигом проявил свою находчивость.

– Мистер Гаррет! – воскликнул он, расплываясь в улыбке и протягивая руку королевскому следователю. – Какими судьбами! Оказывается, у агентства Макгроу есть дела в адорийской глухомани!

Сайлас Гаррет поджал губы.

– У Его Величества есть дела в каждой адорийской колонии, а я – всего лишь его скромный слуга. – Он насупился, заметив мою повседневную одежду и растрепанные волосы. – Вы ведь жили вместе с другими девушками в «Глициниевой лощине», не так ли?

Мне порядком надоели напоминания о моей трансформации.

– Да. Я – Аделаида Бейли, – нахально произнесла я.

Мне оставалось только гадать, как обстоят дела с поисками «знатной беглянки леди Уитмор», но я уповала на то, что Гаррет пока не видел мой портрет. Ведь иначе он бы меня моментально опознал: я ведь не настолько сильно изменилась!

– Я поражен, мисс! Разве барышни Блистательного Двора не заключают выгодные брачные контракты? Если только вы не нашли удачливого золотоискателя...

Его ехидный тон подсказал мне, что Гаррет просто-напросто вел свою излюбленную игру в «кошки-мышки».

– Мы надеемся на удачу, да и в Хэдисене любой может разбогатеть в мгновение ока, – уклончиво ответила я. – Только вот трудиться на прииске надо день и ночь.

– Да, у искателей тяжелая доля, а работа на участке – грязная в прямом смысле слова, – подтвердил Седрик. – Ничего похожего на легкую жизнь агента фирмы Макгроу.

Сайлас хохотнул.

– Ошибаетесь, мистер! Я тоже не боюсь запачкать руки!

Седрик изобразил на своем лице светлую, ошеломленную улыбку юноши, который восторгается столь выдающейся личностью.

– Полно вам, о чем вы говорите! У вас такая ответственная и захватывающая работа, но вам нельзя о ней распространяться! Ведь ваше адорийское расследование было совершенно секретным, верно?

– Оно и сейчас совершенно секретное, – отозвался Сайлас.

Тон у него был резким, но у меня создалось впечатление, что он сразу поддался на лесть.

Я подхватила брошенный Седриком намек.

– А как насчет дела вашего коллеги? С той пропавшей аристократкой? О нем-то вы можете сообщить нам хоть что-нибудь?

– Увы, мне почти нечего вам рассказывать. Второй агент застрял на севере, и боюсь, что вчерашний ураган задержит его на неопределенное время. Но я уверен – он обязательно приедет в Триумфальный. Не исключено, что он в конце концов доберется до Хэдисена. По слухам, юная леди могла сбежать и укрыться в какой-нибудь колонии Адории.

Сайлас опять уставился на меня, но я беспечно рассмеялась.

– Трудно поверить – по крайней мере, если беглянка хоть немного похожа на тех знатных дам, которых я видела, когда жила в Осфро! Помню, какой шум поднялся в доме, когда госпожа сломала ноготь перед торжественным приемом. Нет, ни одна благородная девица не выдержала бы ни денечка в Хэдисене!

После этого я осторожно сдвинула край повязки на своей правой руке. За ночь кровотечение прекратилось, но вид моей ладони внушал ужас.

Сайлас попятился.

– Силы небесные! – выпалил он, отводя взгляд. – Вам, наверное, было очень больно.

– Такая в Хэдисене жизнь, мистер Гаррет. – Седрик вежливо кивнул ему, прощаясь. – Но мы спешим. Удачи вам в ваших начинаниях.

Мы двинулись прочь, но как только отошли на достаточное расстояние, я с досадой застонала:

– И почему мне кажется, что Виола Дойл снабжала Сайласа информацией?

– Потому что, как мы уже установили, ты – женщина умная и сообразительная. А Виола Дойл – дама мстительная.

Я на миг застыла перед лавками, где деловито стучали молотками рабочие, а затем потянула Седрика за собой.

– Если мой портрет покажут в Триумфальном, агенту не понадобится ехать в Хэдисен, – прошептала я. – Любой предприимчивый охотник за головами может заявиться в колонию и начать на меня охоту.

– Тебе надо выйти замуж.

– Этот разговор у нас регулярно повторяется.

Седрик начал возражать, но неожиданно остановился и посмотрел на прохожего, который прогуливался на противоположной стороне улицы.

– Я его знаю, – пробормотал Седрик. Он нахмурился и тряхнул головой. – Не может быть! Я хочу с ним поговорить!

Я едва не заявила, что пойду вместе с ним, но тут заметила, что мы стояли возле курьерской конторы.

– Встретимся здесь, – предложила я.

Контора почти не пострадала и была открыта. Начальник почты сразу узнал меня и выдал полученные им два письма: Седрику и мне. Седрику писал его компаньон, Уолтер, проживающий в Триумфальном. Я спрятала нераспечатанный конверт в карман и вскрыла долгожданное послание от Миры.

«Дорогая Аделаида!

Конечно, времени прошло еще не слишком много, но мне тебя уже не хватает. Ты была рядом весь последний год, а теперь на твоём месте возникла пустота. Но присутствие Тэмсин очень помогает! Она почти не рассказывает про Грэшонд и безумно нервничает, когда о нем заходит речь. Не считая этого, она совсем

не изменилась.

Наша Тэмсин оказалась крепким орешком: она не принимает предложений от богатых адорийцев и ждет «судьбоносного разговора» с Уорреном, хотя успела обзавестись массой кавалеров. Типичная Тэмсин – она ведь обязательно предусматривает запасные варианты! После того как Уоррен вернулся, ее верность окупилась с лихвой. Когда я в последний раз видела Уоррена, он показался мне влюбленным и предвкушал, как привезет ее в Хэдисен.

Похоже, вы обе отправитесь навстречу приключениям, тогда как я буду скучать в Триумфальном. Практически все девушки уже помолвлены, и я понимаю, что мне вскоре тоже придется сделать выбор. Никто из моих ухажеров не разбудил во мне огонь страсти, а значит, я буду вынуждена принять самое лучшее предложение, обещающее мне максимальное уважение и свободу. Право же, это не хуже, чем любовь. Мне понравился адвокат, с которым ты недолго общалась в Триумфальном, но он ясно дал мне понять, что Блистательный Двор его вообще не интересуется.

Напиши, когда сможешь.

Мира».

Я с грустью перечитала письмо и сложила листок. Мне не хватало Миры точно так же, как ей – меня. Наверное, подруга примет предложение того самого дряхлого плантатора, о котором упоминала Тэмсин, просто за неимением лучших вариантов. Однако меня насторожили и странные сведения, касающиеся Тэмсин. Уоррен отрицал, что нашел себе избранницу! Между тем Мира утверждала, что Уоррен и Тэмсин почти помолвлены – и сблизились настолько, что Уоррен прямо-таки мечтал привезти свою суженую в Хэдисен.

И где же правда? Письмо было написано несколько дней тому назад – вероятно, в Хэдисен его доставили морским путем, на судне, которым сегодня как раз и прибыл Уоррен. Естественно, даже за столь краткий срок могло случиться все что угодно! Может, Уоррен и Тэмсин успели поссориться? Или Тэмсин расхотелось жить в неосвоенных землях Адории?

Пока я предавалась размышлениям, вернулся Седрик. Судя по его возбужденному виду, в его голове зародилась очередная гениальная идея.

– Давай вернемся на прииск, – заявил он, уводя меня в переулок, где мы привязали Лиззи.

Я ожидала, что он отвезет меня к Маршаллам, поскольку было уже за полдень, но совсем не возражала против неожиданных корректив. Мне было интересно узнать, пережила ли лачуга ночной ураган.

– А с кем ты разговаривал? – спросила я у Седрика, когда Лиззи трусила по тропе, ведущей на прииск.

– О нем упоминали Галвестоны. Это аланзанский член магистрата.

– Ты советовался с ним по поводу женитьбы на невесте-еретичке?

– Да, – воодушевленно откликнулся Седрик. – И он нас поженит!

– Когда мы расплатимся по обязательствам? – уточнила я. – Всякое может приключиться: в Хэдисене ничего нельзя планировать даже на месяц вперед.

– Не тогда. Сейчас. Сегодня же. – Седрик вдруг замялся. – То есть если ты согласна стать моей женой.

Я вывернула шею, чтобы проверить, не шутит ли он.

– Что-что? Нам ведь не разрешается!

– Только по договору с Уорреном. Чисто юридически, если представитель власти готов оформить брак, то наш союз можно официально зарегистрировать. – А Роберт – член магистрата. Он надежный человек и сохранит все в секрете.

– Ладно.

Энтузиазм Седрика был заразителен, но я пока не понимала его задумки.

– А какой смысл так торопиться? Не считая очевидной радости от того, что мы будем связаны навеки.

– Если в Хэдисен приедет приятель Сайласа Гаррета и тебя разоблачат, то Роберт предъявит документы, свидетельствующие о нашем браке, – объяснил Седрик. – Это, конечно, вызовет свару с Уорреном по поводу его контракта, особенно если мы к тому моменту не уладим финансовые вопросы... Зато твоя бабка не будет иметь на тебя никаких прав: у тебя-то уже будет статус замужней женщины!

– Значит, из-за потенциальной свары с Уорреном нам надо держать рот на замке, – догадалась я. – Просто чтобы подстраховаться.

– Верно. Ведь ты не возражаешь против скоропалительного брака? – спросил меня Седрик. – Как только все уладится, мы проведем еще одну церемонию, в присутствии наших друзей. А когда мы разработаем золотую жилу и разбогатеет, мой отец нас наверняка простит. Думаю, он

расщедрится и отдаст тебе какой-нибудь шикарный наряд из жемчужного гардероба, – добавил Седрик.

– Не уверена, что я вспомню, как надо шнуровать корсаж, – рассмеялась я. – Да и не нужно мне шелковое платье. Мне нужен только ты.

Седрик поцеловал меня в шею, на мгновение крепче сжав мою талию.

– Полегче! – напомнила я ему. – Мы еще не женаты.

* * *

На нашем участке все оказалось примерно в таком состоянии, как я и ожидала. Река разлилась, перевернув рудопромывочные желоба. Хорошо хоть, они уцелели, так что мы без труда установили их снова. А вот лачуга перекосилась окончательно. Большая часть вещей Седрика промокла насквозь – за исключением тех, которые он хранил в сундуке. Капризная старая печка тоже выстояла: похоже, ее ничто не брало.

Отложив все дела, мы принялись восстанавливать лачугу. У меня это получались не слишком хорошо, да и у Седрика, как выяснилось, тоже. Теперь я поняла, почему он потратил три дня на то, чтобы привести потрепанное жилище в более-менее «пристойный» вид, когда мы только приехали в Хэдисен!

К вечеру мы завершили ремонт, используя все строительные материалы, которые имелись в нашем распоряжении. Седрику предстояло лишь обзавестись кроватью и прикупить самые необходимые предметы обихода: теперь-то он точно мог похвастаться, что имеет залатанную крышу над головой.

Я посмотрела на закатное небо.

– К этому времени ты обычно привозил меня на ферму. Надеюсь, Маршаллы не отправятся на мои поиски.

– Скажем, что увлеклись ремонтом. А сейчас нас ждет кое-что поважнее.

Седрик указал в сторону тропы, ведущей к его участку от города – и я увидела, что к нам подъезжает тот член магистрата, Роберт. Он приветственно помахал нам рукой.

По моему позвоночнику побежали мурашки.

– Не верится, что мы поженимся!

Седрик приобнял меня за плечи.

– У тебя есть шанс отказаться. И, возможно, ты так и сделаешь: мне хотелось провести аланзанский обряд. Но я почему-то думаю, что ты не

станешь возражать. Хотя Роберт согласится и на формальную гражданскую церемонию.

На секунду во мне вспыхнул прежний страх перед «темными» обрядами аланзан – но пугающие видения тотчас рассеялись.

– Мне неважно, что именно будет сделано. Для меня главное, что нас свяжет клятва.

Было странно видеть, как спешившийся Роберт облачается в черно-белое одеяние, столь непохожее на богатые одежды священнослужителей Уроса. Диковатой мне показалась и сама идея проведения брачного обряда под открытым небом – поскольку я привыкла к парадным процессиям и долгим службам в величественных храмах Уроса.

На краткое мгновение я унеслась из сумеречной глуши Хэдисена. Я вспомнила, как сидела между родителями на деревянной отполированной до блеска скамье – в старинном соборе Королевского Креста. Я увидела этот храм как наяву. На потолке сияли громадные люстры. Витражные окна пылали и отбрасывали узорчатые тени на прихожан.

В соборе Королевского Креста всегда царила торжественная атмосфера.

В детстве я присутствовала на десятках аристократических свадеб – и видела, что мама всегда придирчиво разглядывала все детали наряда невесты, от туфелек до длинного шлейфа, который волочился по полу. Я знала, что моя матушка мысленно планирует мою свадьбу, решая, что будет лучше смотреться на ее дочери. Платье из бархата или шелка? Стеклярус или канитель на фате?

Меня вдруг посетило давно забытое ощущение, что родители сейчас рядом со мной. Еще минута – и они покажутся на тропе! Я невольно напряглась, ожидая, что вот-вот смогу обнять их обоих... Но ни отца, ни матери нигде не было. И бабушки тоже.

А у меня не было и подвенечного наряда.

– Аделаида?

Голос Седрика вернул меня в реальность. Он вопросительно смотрел на меня. Наверное, Седрик решил, что я передумала. Я взглянула на него, и при виде любимого лица тяжелое бремя, навалившееся на меня, улетучилось. Правда, призраки никуда не делись. Но я понимала, что они никогда не оставят меня в покое. Они – часть моего прошлого, которого мне не изменить. А сейчас меня ожидало будущее. Я сама сделала свой выбор: возле меня стоял Седрик, и его взгляд был также устремлен в наше – пока еще неизведанное – будущее.

Мы взяли за руки, а Роберт принялся за свои прямые обязанности.

Брачный обряд оказался весьма умиротворяющим, вдобавок Роберт читал аланзанские молитвы на осфридском языке. Он нараспев говорил о том, что соединение двух людей является частью естественного порядка вселенной, а мы внимательно его слушали.

Удивительно, но благодаря аланзанскому обряду мне показалось, что наш союз затронул не только нас двоих – как будто мы с Седриком стали участниками великой небесной тайны. Над нами сияла полная луна, и я вспомнила, как однажды Мира заметила, что для аланзанских свадеб это – добрый знак.

Когда Роберт закончил напутственную речь, пришло время и нам произнести слова обетов. Однако сначала Роберт перевил наши соединенные руки венком из луговой кашки. Мы затаили дыхание, когда цепочка пушистых цветов легла на наши запястья. И тогда я услышала обет, о котором мне некогда рассказал Седрик:

– Я возьму тебя за руку и возлягу с тобой в роще, в свете луны. Я построю свою жизнь вместе с тобой на этой зеленой земле. Я буду идти рядом с тобой, покуда встает солнце.

А завершающий поцелуй был таким же, как и в церемонии Уроса. Мы насладились им сполна: похоже, мы боялись, что когда мы отпустим друг друга, все исчезнет как мираж.

К традиционному моменту церемонии относились и разнообразные юридические документы, которые мы подписали. Было забавно заниматься бумагами в адорийской глуши, но в документах говорилось о том, что теперь мы соединены перед лицом закона, а не только перед ликами богов, вззирающих на нас. Когда я это наконец осознала, то ощутила невероятную легкость. Я освободилась от любых чужих посягательств! Теперь я свободна!

И мы с Седриком вместе – по-настоящему вместе, как и было предначертано с нашей самой первой встречи.

Потом Роберт пожелал нам всех благ и уехал, пообещав бережно хранить все бумаги.

Седрик привлек меня к себе.

– Что ты сейчас чувствуешь? – спросил он.

– Я не надеялась, что буду настолько счастлива в день своей свадьбы, – ответила я. – Такого я вообще себе никогда и вообразить не могла. А еще я не представляла, что могу быть безумно грязной... но меня это почему-то не очень волнует.

Он нежно коснулся моих губ.

– Как хорошо, что я знаю, где найти роскошную купальню. Хотя вода в

ней, конечно, будет ледяная.

Я схватила его за руку и потянула к окруженному деревьями пруду.

– Но я не дам тебе замерзнуть, – пообещала я.

Седрик оказался прав: вода оказалась гораздо холоднее, чем в тот день, когда мы купались в пруду в жаркий полдень. Уже наступила ночь, все вокруг погрузилось во тьму, и лишь на воде поблескивала лунная дорожка.

Мы подошли к водоему и начали сбрасывать с себя одежду. На этот раз мы не стали стыдливо отворачиваться. И мы не сдерживались. Мы помогали друг другу мыться, но я сомневаюсь, что делали это достаточно успешно.

Мы не размыкали объятий, то и дело осыпали друг дружку поцелуями и никак не могли насытиться.

Я не ощущала холода ни в воде, ни когда мы вышли из пруда и улеглись на плаще Седрика, расстеленном на траве. Я ощущала только жар, как будто мы оба превратились в пламя, которое сливалось в нечто еще более яркое и мощное. А затем меня посетило дивное чувство, что все происходящее с нами – это нечто большее, чем мы двое. В эти минуты мы стали частью земли и частью небес. Я поняла, почему Аланзиль и Динзиль отпали от благодати, чтобы быть вместе. Я бы тысячу раз отвергла указания Уроса, лишь бы остаться с Седриком.

Позже, прильнув к нему, я не хотела его отпускать. Мне казалось неправильным расстаться с ним в нашу первую ночь. Казалось неправильным вообще с ним когда-либо расставаться.

– Еще чуть-чуть, – прошептал он мне. Нас обдувал теплый ветерок, но я дрожала. Он страстно обнял меня. – Подожди немного, и жизнь опять войдет в свое обычное русло.

Я положила голову ему на грудь и со смехом возразила:

– У нас все было необычно с самой первой минуты нашего знакомства. И, надеюсь, так будет продолжаться и впредь.

Но в конце концов, хоть и с огромной неохотой, мы были вынуждены оторваться друг от друга и одеться.

Лиззи дремала, привязанная к дереву. Бедняжка надеялась отдохнуть, но покорно повезла нас на ферму. Я чувствовала жар, исходящий от Седрика: наша новая связь ошеломляла и одновременно согревала меня.

В доме Маршаллов нас дожидалась хозяйка. Она сидела за столом с чашкой чая, но при виде нас открыто зевнула.

– Легки на помине, ребята! Эндрю хотел ехать за вами, но я ему сказала, что вы сами объявитесь.

– Ураган многое разрушил на участке, – сказала я, в принципе не

солгав. – Извините, что не позанималась с девочками.

Мистрис Маршалл подавила зевок.

– Не страшно. У детей было много уборки. А твоему жениху надо у нас заночевать. Нет смысла возвращаться, чтобы опять приезжать сюда спозаранку. Пусть поднимется наверх, в спальню мальчиков.

– Отлично, – согласился Седрик. – Спасибо вам!

Мистрис Маршалл направилась к себе, но я успела спросить:

– Вода еще горячая? Я бы заварила ромашки.

Она махнула в сторону чайника, стоящего на углях.

– Бери, конечно.

Мы с Седриком вместе поднялись наверх, но задержались на площадке между двумя комнатухами.

– Потрясающе! – прошептала я. – Мы точно не расстанемся в нашу первую брачную ночь!

Из-за приоткрытой двери мальчишеской спальни доносился громкий храп.

– А я и не сомневался!

Мы поцеловались так крепко, как только позволяли взятая мной кружка с горячей водой и опасение, что нас застанут расплох. Я ушла в девчачью спальню, опьяненная тем, что случилось. Раздевшись, я облачилась в простенькую ночную сорочку. Прежде чем забраться под одеяло, я села на единственную табуретку и допила чай. Но я не клала в него ромашку. Вместо нее я заварила листья коричника, которые мистрис Маршалл подарила мне по дороге в Хэдисен.

Глава 27

Итак, втайне от остальных, в течение следующей недели у нас возник совершенно новый жизненный уклад.

Для меня переменился весь мир.

Каждое утро Седрик неукоснительно приезжал к Маршаллам на ферму и увозил меня на прииск. Но мы не сразу принимались за работу. Мы падали на кровать (а вернее, на соломенный матрац, который ее заменял) и задерживались там настолько долго, как только осмеливались. Хорошо хоть, солома была свежая: после урагана мы ее сменили. Чтобы встать и приняться за дела, требовалось сделать над собой немалое усилие, но нас подгоняла мысль о том, что мы очень близки к своей цели.

Нам было безумно тяжело расставаться друг с другом в конце дня – но мы заставляли себя это сделать.

Вечером я давала уроки детям Маршалов и отправлялась спать – а на другой день все повторялось опять.

– Я кое-что тебе приготовил, – сообщил мне Седрик как-то раз, когда я нежилась на матраце.

– Трапезу для гурманов?

Это стало еще одной нашей традицией: Седрик вставал с кровати первым и делал мне завтрак. Старая печка не позволяла готовить особые изыски, но Седрику удавалось справляться с беконом и незамысловатыми галетами. Он подавал мне завтрак в постель, поддразнивая, будто знает, как я скучаю по прежней аристократической жизни и готова бросить мужа ради пирожных и кофе со сливками.

– Не думай, что я не уловил сарказма. И – да, кое-что еще!

Я села на матрац, поджав под себя ноги: я уже успела облачиться в свою белую блузу (хотя она стала гораздо менее белой по сравнению с моментом отъезда в Хэдисен).

– Давай! Не томи!

Седрик вручил мне утреннюю чашку чая с коричиком – его приготовление он тоже взял на себя – и какой-то небольшой предмет. Присмотревшись, я поняла, что это медальон. На тонкой цепочке висел серебристый овал со стеклянной крышечкой: внутри лежал засушенный цветок. Я уже видела такие украшения: сейчас в Адории они были в моде. Я повернула медальон к свету и улыбнулась.

– Это же кашка! – в упоении воскликнула я. – Как на нашей свадьбе!

– А она действительно с нашей свадьбы. Тебе пока нельзя носить обручальное кольцо, и я сохранил цветок, чтобы у тебя был хоть какой-то памятный знак.

– Весьма изобретательно. – Я надела цепочку на шею и провела пальцами по стеклу. – Я совсем забыла про цветы после... ну всего, что было той ночью.

Седрик погладил меня по щеке.

– Я умею занять твои мысли. Удивительно, что ты еще помнишь свое собственное имя и свой... псевдоним.

– Да, скромности тебе не занимать! – возмутилась я и ткнула его локтем в бок. – Но – спасибо. Надеюсь, ты не слишком потратился.

– Не волнуйся, он из меди. Кольцо обещаю подороже.

Седрик наклонился, чтобы меня поцеловать, но стук копыт, раздавшийся на нашем дворе, заставил его отпрянуть. Не говоря ни слова, мы оба вскочили как ужаленные. Седрик заправил рубашку в штаны, а я надела юбку-брюки и сапожки. Едва я успела сесть за стол, где стояла тарелка с завтраком, как в дверь постучали. Седрик с непринужденным видом распахнул дверь и выгнул брови, обнаружив на пороге Элиаса.

– Какая неожиданная радость! – солгал Седрик и усмехнулся.

Элиас заглянул внутрь.

– Все в трудах, как вижу.

– Вы как раз подросли к завтраку, – произнесла я, указывая на бекон и дымящуюся чашку чая. – Вот оно – хорошее начало дня! Не желаете перекусить вместе с нами?

Элиас бочком зашел в комнату и смерил нас презрительным взглядом. Уставившись на мою тарелку, он принялся и поморщил нос.

– Нет уж. Я по делу, – проворчал он.

– Ну-ну, Элиас, не хами, – укорил его знакомый голос. В дверях возник Уоррен. – Можно к вам заглянуть?

– Конечно! – Седрик сделал приглашающий жест рукой. – Добро пожаловать в наш дом!

Продолжая любезно улыбаться, Уоррен вошел и осмотрелся. Я давно привыкла к этому убогому жилищу, но Уоррен, похоже, решил, что я жестоко страдаю из-за своего неправильного выбора.

– Как необычно, – изрек Уоррен после паузы.

Седрик оставил дверь приоткрытой, и я заметила, что на крыльце собрались приятели Элиаса и какие-то незнакомые мужчины.

– Вы пришли ради золотой жилы? – выпалила я.

Целую неделю мы с Седриком дисциплинированно работали с лотком

и рудопромывками, но не очень в этом преуспели. Уоррен и Элиас убедительно попросили нас дождаться прибытия подручных рабочих, которые должны были привезти специальное оборудование – и мы послушались, несмотря на нетерпение, которое возрастало с каждым днем.

Что ж, пока мы были вынуждены подчиниться и играть по правилам Уоррена... хотя и знали, что Седрик мог самостоятельно подняться на скалу и добыть столько самородков, что мы бы сразу расплатились со всеми долгами.

– Конечно, нас интересует жила, а не ваша хибара! – огрызнулся Элиас. – Надеюсь, мы не помешали вам трапезничать. Продолжайте завтракать, ну а мы займемся делом.

Элиас направился к двери, а мы с Седриком переглянулись. И что нам теперь делать? Мы понимали, что спорить сейчас нельзя, и если ради нашей цели нам придется испытать себя на прочность и выдержать презрительное отношение Элиаса – пускай так и будет.

– Извините, – негромко проговорил Уоррен, когда Элиас убрался восвояси. – Он порой бывает колючим. Но он – опытный человек и предан мне.

Возле лачуги мы обнаружили дополнительное снаряжение для скалолазания и несколько ящиков. Один из мужчин вышел вперед и представился Аргусом Лейном. Он оказался специалистом-взрывником и объяснил нам, что ящики заполнены взрывчаткой.

– У них отсроченное действие, – добавил Аргус. – Здесь два компонента. Сами по себе оба совершенно стабильны. Но при смешивании друг с другом в достаточном количестве возникает цепная реакция. Парни поднимутся на скалу и установят их, а затем спустятся на землю, пока реакция не началась.

– Звучит страшно, – заметила я.

Аргус улыбнулся.

– Вам незачем бояться, мисс! Когда компоненты соединены, а мы готовы, то надо лишь вытащить заглушку – и тогда содержимое верхнего ящика попадет в нижний. Но все рассчитано так, чтобы процесс происходил постепенно и люди могли спрятаться в укрытие.

– Аргус просто молодец! – подхватил Уоррен, похлопав своего специалиста по плечу. – До переезда в Адорию он занимался разработками в Келардии, а в Хэдисене успел поработать на некоторых участках, где были обнаружены жилы.

Помощники Аргуса нацепили страховочные ремни и принялись закреплять канаты. Седрик решил присоединиться к ним.

– Оставайся внизу, – заявил Элиас. – Там нужны умелые скалолазы, которые вовремя спустятся вниз. Сможешь помогать, когда начнем раскапывать: тогда падай сколько душе угодно.

Во время визита к Уоррену мы упомянули о падении Седрика, а Элиас свалил все на неискушенность «зеленого юнца». Элиас вообще не желал признать, что в снаряжении имелся явный дефект! Во мне вспыхнул гнев, и я приготовилась дать ему отпор, но Седрик легко и нежно погладил меня по руке.

– Нас ждут другие – более важные сражения, – тихо произнес он.

– Элиас! – предупреждающе произнес Уоррен.

Элиас сердито уставился на Седрика. Похоже, он принимал какое-то решение.

– Ты можешь собрать вторую порцию взрывчатки, – процедил он. – Тебе надо скрепить нужные части – и все. Но не вынимай заглушку. Не хотелось бы, чтобы мы взлетели на воздух.

Компоненты были четко помечены: один – синей краской, другой – красной. Аргус показал, как осторожно вращать два контейнера таким образом, чтобы они надежно встали друг на друга. Пресловутая заглушка, не позволявшая смешиваться содержимому ящиков, была плотно закреплена между ними.

– Ее трудно извлечь. Но будь аккуратен. Не спеши.

– Я ему помогу, – заявила я, опускаясь на колени рядом с Седриком.

– Ради Уроса, нет! – простонал Элиас. – Я же сказал: мы не хотим, чтобы они взорвались. Это – мужская работа, мисс Бейли. Не шитье и не штопка.

Я подбоченилась.

– Ясно. Но я занимаюсь «мужской работой» почти месяц!

– И у нее трудиться на приске получается лучше, чем шитье или штопка, – серьезно резюмировал Седрик.

Элиас умоляюще посмотрел на Уоррена.

– Сэр, прошу вас!

– Элиас, мисс Аделаида – по-настоящему талантливая девушка, и тебе следует это запомнить, – сурово отчеканил Уоррен и обратился ко мне. – Но, если честно, я знаю, что когда кропотливой работой занимается несколько человек, может начаться неразбериха. Вы не против, если я воспользуюсь вашим предложением насчет завтрака? Я уловил чудесный аромат чая в вашем доме. Я был бы не прочь выпить чашечку...

Элиас самодовольно ухмыльнулся, а я еле-еле сдержалась, чтобы не сболтнуть лишнее.

В прошлый раз я по доброй воле ухаживала за Элиасом и его приятелями, но сегодня все выглядело так, словно я гожусь только на «женскую работу». Однако я сумела сохранить маску вежливости и ушла в лачугу, радуясь, что мне хотя бы не нужно прятать аланзанские артефакты.

Утром я практически израсходовала весь коричник, и меня ждала унижительная необходимость просить у мистрис Маршалл новую порцию. Но я, конечно, не стала делиться с Уорреном последними крупницами снадобья (да и незачем!), а заварила приличный черный чай, на который Седрик раскошелился во время последней поездки в город.

Спустя полчаса я вышла на крыльцо и увидела, что дело продвинулось далеко. Люди Уоррена добрались до вершины скалы, да и Седрик не сидел сложа руки.

Элиас направился к нему и бесцеремонно швырнул на землю громадную кипу страховочных канатов и еще пару взрывателей с уже соединенными частями.

– Ты у нас рвешься помогать, – ехидно пробурчал Элиас. – Распутай-ка вот это.

Я собралась подойти к Седрику, но возбужденный Уоррен поманил меня к себе и указал вверх.

– Я велел разработать верхнюю часть жилы кирками! Нижняя пока будет для нас недоступна, потому что скала слишком узкая. Когда ребята оценят размеры жилы, то взорвут камень наверху и начнут разрабатывать то, что откроется. Затем они будут взрывать скалу по мере необходимости – и углубляться в нее, пока извлекут все золото. Ну а позже... – Уоррен кивнул на соседний горный склон, – ...мы отправимся туда.

– Полагаю, что сорок процентов комиссии не смогут соперничать с таким кладом, – лукаво добавила я.

– Эй, босс! – крикнул один из рабочих, изучающий скальную трещину. – Она битком набита самородками! Нам крупно повезло!

Его реплика вызвала у нас воодушевленные возгласы.

Уоррен явно обрадовался, но сумел сохранить достоинство.

– Для этого мы и приехали. Действуйте!

Рабочие начали закладывать соединенные компоненты взрывчатки. Уоррен взял меня под руку и повел к домику.

– Заряды способны разрушить камень, но они не настолько сильны, чтобы обрушить всю скалу. Но нам лучше держаться подальше. Еще не хватало, чтобы вас поранили осколки.

Приятели Эллиса и люди из команды Аргуса, которые остались внизу, тоже подошли к нам. Я с тревогой оглянулась на Седрика. Но я зря

волновалась: Седрик работал по другую сторону от скалы, где ему ничего не угрожало, кроме того, он моментально закончил возиться с ящиками и отбежал прочь. Когда взрывчатку установили, рабочие вытащили заглушки и стали спускаться вниз. Подсознательно я ожидала драмы, вроде того, что взрыв случится в ту же секунду, когда мужчины достигнут земли. Однако смешивание компонентов было рассчитано так, чтобы обеспечить рабочим запас времени. В итоге все успели отойти на безопасное расстояние, прежде чем раздался оглушительный грохот.

Невольно вскрикнув от изумления, я зажала уши ладонями. Земля содрогнулась, а в расселине полыхнул огонь. Уоррен притянул меня к себе, оберегающе вскинув руку, но в том не было нужды. Мы действительно оказались вне зоны досягаемости: до нас не долетел ни один осколок.

Когда дым рассеялся, я увидела, что среди каменного крошева что-то поблескивает.

– Золото! – вырвалось у меня.

Уоррен склонил голову набок.

– Всего лишь малая толика! Это золото, которое лежало в наружной части жилы. Можно будет собрать самородки, когда основная часть разработки закончится. Гораздо легче, чем промывка, верно?

Я начала ему отвечать, но внезапно краем глаза заметила какое-то движение. Повернувшись, я увидела всадника, который приближался со стороны соседнего участка.

– Седрик! – крикнула я. – У нас гость!

Седрик прищурился и широко улыбнулся.

– Эгей, Салли! – крикнул он и помахал всаднику, который ответил тем же.

А затем произошло сразу несколько событий. Элиас бросил на Уоррена вопросительный взгляд. Седрик помчался к Салли. Я захотела поскорее познакомиться с местной знаменитостью и последовала за Седриком. Но когда Седрик оказался в нескольких дюймах от того места, где он разбирал канаты. Элиас подлетел ко мне, схватил за пояс брюк и грубо отшвырнул обратно.

Я тяжело рухнула на землю и больно прикусила язык.

– Эй! – возмутилась я, начиная вставать. – Какого...

Мир неожиданно разлетелся на части. Предыдущий взрыв в скале был громким – но он не мог сравниться с этим оглушительным ревом. Один удар следовал за другим. Я зажала уши, но это не помогло. Из-за толчков почвы я снова упала. Огненные языки взметнулись вверх, как будто их извергла из себя гряда снаряжения – и участок заволокло черным дымом.

Когда густые клубы немного рассеялись, я почувствовала, как кто-то дотронулся до моего плеча – и увидела Уоррена. Дойл-младший заботливо глядел на меня. Сперва у меня так звенело в ушах, что я не могла разобрать его слов, но потом услышала вопрос:

– Ты цела?

Я дергано кивнула и осмотрелась. Рабочие были живы: они находились на почтительном расстоянии от груды взрывчатки, которая только что сработала. На открытом пространстве я даже не заметила обломков – взрыв просто поднял тучу пыли, которая постепенно оседала.

Я с облегчением вздохнула, но запаниковала, посмотрев на Седрика. Он стоял, покачиваясь – ударной волной его тоже сбilo с ног – и двигался очень неуверенно.

Я хотела кинуться к нему, но не сумела обрести равновесие и едва не рухнула на землю.

– Полегче, – посоветовал Уоррен, подхватив меня за талию.

Я запротестовала, но, к счастью, увидела, что Салли уже подъехал к Седрику и спешил. Пожилой старатель что-то говорил Седрику, а тот внимательно слушал своего друга и твердо стоял на ногах. Слава Уросу – Седрик не пострадал!

– Залейте все водой! – крикнул Элиас.

Огонь, вызванный взрывами, в основном потух. Правда, трава еще продолжала кое-где слабо тлеть, а на месте взрыва зияла воронка.

У каждого мужчины нашлось по фляжке – и они залили их содержимым последние языки пламени.

На прииске вновь за клубился едкий дым, и пару минут мы кашляли и вытирали слезящиеся глаза.

– Проблемы с зарядами? – спокойно осведомился Салли.

Это был типичный искатель-первопроходец, высокий, поджарый, с косматой седой шевелюрой и неопрятной бородой.

Элиас злобно рыкнул на Седрика:

– Вот что получается, когда нам мешают всякие увальни! Балованному городскому юнцу нечего делать рядом с настоящими мужчинами. Не лезь не в свое дело, молокосос! Нам угрожала смертельная опасность! Такие тупицы, как ты, не понимают, что к чему!

Седрик гневно сжал кулаки.

– Я прекрасно знал, что делаю. Я собрал все заряды безупречно и дважды их проверил. Заглушки были на месте. Взрывчатка оказалась испорчена, как и снаряжение, которое ты мне привез!

– Нечего сваливать на меня собственные промашки! – заорал Элиас.

– Нечего надеяться, что я не замечу саботаж! – парировал Седрик. – Контейнеры, которые собирал я, были в порядке!

Я терла лоб, пытаюсь сосредоточиться. Внезапно меня осенило.

– Но не все собрал именно ты, – проговорила я.

Все разом замолчали, а я решительно указала на Элиаса.

– Когда ты принес страховку, то добавил в кучу Седрика взрывчатку.

– Остатки, которые не понадобились для первой закладки, – фыркнул Элиас. – Необходимо держать все в одном месте, а не...

– Остатки, которые Седрик не собирал, – оборвала я Элиаса. – Мне не до конца понятно их устройство, но наверняка над ними кто-то «поколдовал». Поэтому компоненты смешались и, разумеется, взорвались!

Уоррен положил ладонь мне на локоть.

– Аделаида, успокойтесь. Вы чересчур нервничаете...

Я резко от него отстранилась.

– Это сделал Элиас! Именно поэтому он меня оттолкнул, когда я побежала за Седриком! Он и остальных отвел в сторонку – всех, кроме Седрика! Элиас знал, что будет взрыв. Если бы Салли не приехал, то Седрик находился бы в самом эпицентре. – Я на мгновение задохнулась, представив себе чудовищную картину, и встретила взглядом с Уорреном. – И вы тоже были в курсе! – выкрикнула я, осененная новой догадкой. – Элиас посмотрел на вас, когда Седрик бежал к Салли! Вы даже успели мне помочь! Вы сговорились! Точно!

Седрик встал между мной и Уорреном.

– И что было задумано с самого начала? Зачем вы нас сюда привезли? Составили хитрый план мести?

На прииске воцарилась тишина: мы молчали и оценивающе смотрели друг на друга.

Наконец, Уоррен кивнул – двое его людей метнулись вперед и повалили Седрика на землю. Я тотчас ринулась к нему, но Элиас вцепился в меня мертвой хваткой.

Салли, не мешкая, бросился к Седрику, но тот отчаянно замотал головой.

– Приведи помощь, дружище! – закричал Седрик, на миг вывернувшись из рук нападавших.

Поколебавшись, Салли вскочил в седло. Для человека своего возраста он двигался на удивление быстро. Да и лошадь его оказалась попроворнее нашей Лиззи. Спустя мгновение Салли достиг границы участка.

– Держите его! – завопил Уоррен.

Но команда Уоррена привязала своих лошадей возле нашей лачуги, так

что Салли получил неплохую фору.

Мы с Седриком не собирались покорно сдаваться, однако сдерживали нас по-разному. Седрик храбро сопротивлялся, но получил несколько жестоких ударов и пинков. Он страдальчески охнул, когда чья-то нога врезалась ему в ребра, а в следующий миг удар в челюсть заставил его плевать кровью. Я продолжала вырываться, стремясь помочь Седрику, но Элиас заставил меня встать на колени и навалился на плечи, не давая выпрямиться.

– Прекрати, бунтарка! – приказал он и обратился к Уоррену: – Что теперь, босс?

Уоррен выглядел скучающим.

– Оттащите в лачугу и свяжите. Что до него... – Он бросил на Седрика холодный взгляд. – Бросьте парня рядом с рудопромывкой, где ему и следовало работать при налете грабителей. А потом выгребите весь золотой песок и займитесь скалой, чтобы это было похоже на спешную и неумелую работу. Дом мы разграбим попозже, хотя там, по-моему, вообще хоть шаром покати! Остальные поедут со мной, мы попробуем поймать старого дурня Салли. – Направившись к своей лошади, Уоррен задержался и пояснил Элиасу: – И не убивайте Торна. Я сам им займусь, когда вернусь. Просто позаботьтесь о том, чтобы он ненароком не вырвался.

Подельники принялись выполнять распоряжения Уоррена. Я поняла, что Дойл-младший намеревался представить все делом рук бандитов-налетчиков, которые хотели убить неопытных искателей и присвоить себе всю их добычу.

– Седрик! – захрипела я, когда двое громил поволокли его к реке.

Элиас отвесил мне оплеуху: в отсутствие Уоррена он чересчур осмелел.

– Заткнись!

Пока он волок меня в лачугу, я не переставала лягаться и вырываться. Затащив меня внутрь, он связал мне руки и ноги страховочной веревкой и оставил лежать на полу. Немного подумав, он завязал мне рот старой тряпицей.

– Получила то, что заслужила, – удовлетворенно заявил он. – Могла иметь все – а теперь все потеряешь.

Я проклинала Элиаса сквозь кляп, но он только ухмыльнулся и ушел, захлопнув за собой дверь. Я стала выпутываться из веревок, но Элиас крепко затянул узлы. Я бессильно поникла, но сразу же услышала донесшийся издали голос Седрика. Он кричал от боли. Я возобновила свои усилия, извиваясь и дергаясь. Нож, которым Седрик нарезал бекон,

лежал на столе. Если бы мне удалось до него добраться...

Нож.

Аланзанский кинжал, который Седрик подарил мне на корабле, был у меня на поясе – складки ткани его скрыли. Я носила его постоянно, в основном по привычке, но изредка им пользовалась. Потянувшись к аланзанскому клинку, я сумела прикоснуться к рукоятке кончиками пальцев. Еще одно крохотное усилие – и я сумею его извлечь. Вербки врезались в мои запястья и болезненно сдирали кожу, но я не останавливалась. Наконец, мне удалось снять нож с пояса... но я его выронила. Перекатившись на полу, я умудрилась схватить его и стиснула клинок пальцами. Дальше начался непростой труд перепиливания веревок из неудобного положения: мои кисти ныли и сгибались под неестественным углом. Седрик уже не кричал, но пугающая тишина подстегивала меня еще сильнее.

Наверное, спустя целую вечность я смогла ослабить веревки, практически изодрав их в клочья. Затем я вытащила кляп изо рта и перерезала пути на ногах.

Вскочив, я бросилась к двери и замерла на пороге: я увидела, как Элиас грубо пнул что-то в реку, после чего зашагал прочь. Я прекрасно понимала, что он пинал именно Седрика, и мне стало тошно. Двое его пособников ломали рудопромывки, выгребая из них золотой песок: они тоже заканчивали выполнять данные им поручения.

Элиас рывкнул мужчинам что-то неразборчивое, и они быстро направились в сторону скалы.

Вскоре все сгрудились возле места взрыва, подбирая самородки и ломая кирками камень у основания – именно так бы сделали грабители в надежде на легкую наживу. Когда громилы скрылись за скалой, я решила воспользоваться моментом и действовать.

Меня не волновало то, что я представляю собой отличную мишень на открытом пространстве. Я хотела спасти Седрика. Пособники Уоррена все еще подбирали самородки: они даже не оглядывались на реку, и мне удалось незаметно дойти до отмели. Там я и обнаружила Седрика, лежащего на спине. Я почти рухнула на него, заливаясь слезами. Лицо у него было в крови и ссадинах, правый глаз заплыл. Я не могла оценить, есть ли у него серьезные повреждения на теле, но одна рука, похоже, очень пострадала.

Я опасалась самого худшего, но внезапно Седрик прерывисто вздохнул, убеждая меня в том, что я ошиблась. Я поняла, что плакать некогда.

– Что ты... делаешь?.. – прошептал он, когда я подсунула руку ему под плечи и помогла сесть.

– Вытаскиваю тебя отсюда.

Седрик попытался разлепить веки и моргнул своим неповрежденным глазом.

Я положила его здоровую руку себе на плечо и повела Седрика вниз по течению. Он мог двигаться, правда, сильно шатался и постоянно спотыкался.

– Тебе... надо скрыться.

– Да, – не стала я спорить. – Но не только мне. Нам обоим.

Обернувшись, я уверилась в том, что сообщники Уоррена нас пока не засекли. Тем не менее я понимала, что, продвигаясь вперед с такой черепашной скоростью, мы сильно рискуем. Я принялась лихорадочно размышлять.

До рощи и пруда было ближе, чем до границы участка, поэтому я изменила курс. Седрик совсем ослабел, похоже, его измотало наше «бегство». Он еле-еле делал один мучительный шаг за другим, и иногда я волокла его на себе. Я безумно боялась, что только усугубляю его травмы, но выбора у меня не было. Когда мы наконец оказались в рощнице, я помогла ему лечь и попыталась оценить свои возможности.

Один из громил неожиданно отвлекся от поиска самородков и принялся глазеть по сторонам. К счастью, мы с Седриком были надежно скрыты деревьями, и пока я могла не беспокоиться, что нас обнаружат.

– Лиззи, – вырвалось у меня, и я перевела взгляд на лачугу. Лошадка паслась на привязи возле дома и мирно щипала травку. – Нужно до нее добраться.

– Слишком опасно, – тихо возразил Седрик.

– Идти пешком опасно. Я ее заберу. Жди здесь.

Это была глупая фраза, но что я могла еще сказать? Я поцеловала Седрика в лоб и, набравшись смелости, метнулась к лачуге. Мне опять пришлось преодолеть открытое пространство, но мне повезло... по крайней мере, пока я добиралась до Лиззи.

Я уже собралась ее отвязать, но увидела, что на прииск возвращаются два всадника. Одним из них был Уоррен. Я могла бы освободить кобылку и поехать к Седрику, но меня бы тотчас поймали. И я не собиралась скакать куда-то напролом. Без Седрика ничего не имело смысла.

В итоге я вернулась в лачугу.

Взяв в одну руку сковороду, а в другую – кинжал, я затаилась у двери, приготовившись к наихудшему развитию событий. Когда дверь распахнул

громила Уоррена, я с силой ударила его по голове медной утварью, застигнув мужчину врасплох. Он начал сопротивляться, но потерял сознание, хотя и успел выбить у меня из руки нож.

Я не смогла поднять клинок: на пороге возник Уоррен, который направил на меня дуло пистолета.

– Брось сковородку! – приказал он.

Я послушалась и вскинула руки вверх. Уоррен закрыл дверь и перешагнул через своего пострадавшего пособника, кивком велел мне отойти к стене.

– Зачем вы это делаете? – спросила я. – Чтобы мне отомстить?

– Вообще-то не тебе, – ответил Уоррен бесстрастным тоном, разительно отличающимся от простодушного энтузиазма, который он демонстрировал в Триумфальном. – Не тебе, а ему... Седрику Торну. Я ведь говорил тебе: я человек прямой и открыто добиваюсь того, чего хочу. Я захотел тебя. Торн тебя отнял, и я решил устранить его. Конечно, со временем твое горе бы унялось, и я бы принял тебя обратно. Но случились две непредвиденные вещи. Вернее, три.

– Вам не удалось убить Седрика? – догадалась я.

Пока мы говорили, я отчаянно шарила взглядом по комнате, пытаюсь найти хоть какой-то выход из ситуации. Из-за пистолета перевес был явно на стороне Уоррена. Если это одна из новых моделей, то у него в запасе будет еще пара выстрелов.

– Да, – признал Уоррен. – Вдобавок этот якобы бесперспективный прииск оказался нашпигован золотом. Разумеется, со смертью Торна участок все равно перейдет в мою полную собственность. Но пока он был жив, у него действительно имелся реальный шанс быстро выплатить мне долг.

Я мельком покосилась на клинок, который валялся на полу. Увы, я никак не могла добраться до оружия достаточно быстро!

– А что стало третьим камнем преткновения? – поинтересовалась я, продолжая отвлекать Уоррена разговором.

Уоррен театрально вздохнул.

– Ты проявила сообразительность и поняла, что к чему. Увы, ты должна была добровольно оказаться там, где тебе и полагалось быть, – рядом со мной! Но сейчас что-то мне подсказывает, что это маловероятно.

Я смерила Уоррена презрительным взглядом.

– А теперь вы оба – и ты, и невезучий мистер Торн – погибнете. Иначе и быть не может: ведь злобные грабители, которые бесчинствуют в Хэдисене, весьма жестоки, – продолжил Уоррен. – Зато, когда ты умрешь, у

меня не будет чувства, будто я остался ни с чем.

Меня согрела радостная мысль: Уоррен не знает об исчезновении Седрика! Но потом до меня дошел смысл его последних слов.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я, отбросив всякую вежливость.

Уоррен небрежно указал пистолетом на стол.

– Я посещал дома с дурной репутацией. В вашей хибаре воняет коричиком, а я прекрасно осведомлен о том, что за девицы его пьют. Твои красивые словечки насчет девственности до свадьбы ничего не стоят! И мне не надо стыдиться того, что я забираю нечто ценное, – ты же сама давно попрощалась с невинностью!

Уоррен кинул пистолет на стол. Я не успела воспользоваться этим шансом и поднять кинжал: Уоррен навалился на меня, повалив на пол и прижав своим телом. Я принялась молотить его кулаками по груди. Ничего не помогало, и тогда я попыталась выцарапать ему глаза.

Он выругался и притиснул мои руки к полу.

– На балах ты была послушнее! – прорычал он. – Да и красивее. И чище.

Он решил перехватить мои запястья одной рукой, чтобы второй срывать с меня одежду. Ему удалось разорвать мою блузку и заняться юбкой, но я высвободила руки и дала ему пощечину. Уоррен рассвирепел и что-то нечленораздельно проорал. Я снова вцепилась ему в лицо, и его самоуверенность сменилась досадой.

– Проклятье! – прокряхтел он, перевернув меня на живот. – Да уж, никакой утонченности.

В столь унижительной позе мне оказалось сложно его атаковать, не говоря уже о том, чтобы сдвинуться с места. Уоррен надавил ладонью на мой затылок, чтобы я не поднимала головы, и принялся стягивать с меня юбку. Я осыпала его эпитетами, от которых покраснела бы даже Тэмсин. Я продолжала вырываться изо всех сил, понимая, что меня это не спасет... но я не собираюсь ни облегчать ему жизнь, ни доставлять удовольствие.

И тут я заметила аланзанский кинжал: он находился совсем рядом со мной!

Не колеблясь ни секунды, я схватила его и, проявив неслыханную прыть, сумела вонзить острие в Уоррена. Я никуда особо не целилась, я хотела просто попасть в насильника. Уоррен завопил и скатился с меня. Я тотчас отползла в сторону и с трудом встала. У меня подкашивались колени, да и руки тряслись.

Уоррен распростерся на полу, схватившись за свою окровавленную ногу: из его ляжки торчал аланзанский клинок.

Мой удар не был смертельным, но подарил мне возможность сбежать. Я рванулась к двери, но в этот момент ее открыли снаружи. Я приготовилась к встрече с очередным подельником Уоррена, но казалась лицом к лицу с Сайласом Гарретом.

Он держал пистолет – и при виде меня изумился не меньше, чем я сама.

– Арестуйте ее! – заорал Уоррен. – Я приехал инспектировать прииск, но эта стерва на меня напала. Она ударила меня! – Он ткнул пальцем в ногу и шумно ахнул, разглядев нож с древесным узором. – Она ранила меня языческим ножом! Аланзанским ножом! Она еретичка, арестуйте ее!

– Кинжал не принадлежит Аделаиде, – произнес голос у Сайласа за спиной. – Он – мой. Я – аланзанин.

Сайлас шагнул в сторону, и я увидела Седрика, который тяжело опирался на Салли.

Я была изумлена стойкостью Седрика. То, что он до сих пор пребывал в сознании, поразило меня до глубины души. Я хотела броситься к нему и приказать лечь, но Уоррен все еще не отступился.

– Он что угодно скажет, лишь бы защитить свою шлюху!

У Салли хватило ума удержать разъяренного Седрика.

– Нож мой! У меня в сундуке есть и другие аланзанские предметы. У Аделаиды вы ничего не найдете.

– Тогда арестуйте его! – буйствовал Уоррен. – И ее как сообщницу – за нападение на меня!

– Это он на меня напал, – парировала я, продемонстрировав свою разорванную одежду. – Он взял меня на мушку и хотел изнасиловать. Я защищалась!

Уоррен был бледен и покрыт испариной, несомненно, страдая от раны и потери крови, но не сдавался.

– Она меня сюда позвала! Она – бесчестная девка: спала с Торном... и со всеми желающими! А теперь она хитрит и возводит на меня напраслину! Лживая шлюха! Вы ведь не поверите вульгарной простолюдинке?

Сайлас немного растерялся, и я его не винила. Я и сама поняла, что именно Уоррену все может сойти с рук. Он – губернатор колонии. А кто я такая? Мне вспомнились слова, которые однажды произнес Седрик: дескать, я не представляю, каково это – жить без престижа аристократки... но еще Седрик добавил, что в моем происхождении заложена такая сила, которой я даже не осознаю!

Я выпрямилась в полный рост и постаралась принять самую величественную позу, на какую только была способна.

– Я повторяю еще раз: он на меня напал. Вероятно, вы мне не поверите, но я утверждаю следующее: я не отношусь к так называемым «вульгарным простолюдинкам». Я – леди Элизабет Уитмор, графиня Ротфордская с наследственным правом.

Глава 28

Мы знали, что путь в Триумфальный через залив должен быть гораздо проще, чем дорога по суше. Однако мы вернулись не сразу: Седрик получил слишком серьезные травмы. Сайлас Гаррет изрядно намучился, наблюдая одновременно за нами, Уорреном и его наемниками. В итоге он нанял собственных людей из числа тех, кто искал работу в Белой Скале – и поручил им временные обязанности служителей закона. Нескольких из них Сайлас взял с собой, дабы препроводить Уоррена и его сообщников в Триумфальный. Меньший отряд он оставил в Хэдисене, чтобы мы с Седриком оставались под присмотром, хотя мы вряд ли могли бы пуститься в бег.

Когда Сайлас возвратился неделю спустя, мы услышали о его прибытии от врача, который регулярно навещал Седрика, проверяя его состояние.

– Я сказал мистеру Гаррету, что вы можете ехать, – сообщил нам доктор. – Он собирается увезти вас обоих завтра.

Мы сидели во дворе фермы Маршаллов под вечерним солнцем. Седрик полулежал в шезлонге, изготовленном самим хозяином. Глаз у него уже открылся, а синяки поблекли, оставив желтоватые следы. Левая рука Седрика покоилась на перевязи: ей предстояло заживать еще несколько недель. Еще у него была сломана пара ребер, но лечились они самым примитивным способом: врач просто стянул грудную клетку Седрика тугой повязкой и велел ему не напрягаться.

– Ехать? – возмутилась я. – В таком состоянии?

– Самое страшное позади, – ответил доктор. – Опасности для жизни нет. Будет ли в пути некомфортно? Вероятно, особенно если не соблюдать осторожность. Но морское путешествие – пустяк по сравнению с переездом по суше.

– Я в порядке, – сказал Седрик и накрыл мою руку ладонью. – И нам надо поторопиться. Уоррен оказался в Триумфальном раньше нас, и это плохо.

Мы частенько обсуждали данный вопрос. Уоррен Дойл находился в Триумфальном, а значит, у него была масса возможностей придумать правдоподобную легенду о происшедшем и заручиться поддержкой влиятельных друзей.

– И еще... – Врач явно смутился и поспешил отвести от меня взгляд. –

Мистер Гаррет велел передать вам, что его напарник приехал в Триумфальный с вашим портретом. Сходство безупречное, ваше... сиятельство.

Я вскинула руку:

– Полно вам! Это уже лишнее. Называйте меня Аделаидой.

Напоследок врач дал Седрику несколько советов и лекарства, которые должны были ускорить его выздоровление.

Когда он ушел, я положила голову Седрику на плечо.

– Итак, тайна открылась.

– О которой из множества наших тайн ты говоришь?

– Сам знаешь. О том, кто я такая. И кем я была. – Я вздохнула. – Но если напарник Сайласа это уже подтвердил, то, возможно, мое слово будет иметь больший вес. Но теперь я стану мишенью для любого, кто понадеется получить от бабушки вознаграждение.

– Никому не говори, что мы женаты! – тихо произнес Седрик и пристально посмотрел на меня.

– Но ведь в этом весь смысл! – возразила я. – Если во мне признают сбежавшую графиню, можно будет надеяться на справедливый приговор.

Он покачал головой.

– Ты – главная фигура в судебном процессе, и тебя будет оберегать Сайлас. А наш запасной вариант был составлен до того момента, как во мне признали еретика. Меня и будут судить. Если тебя назовут моей законной женой, то ты автоматически станешь для них аланзанкой. Я не допущу, чтобы тебя вздернули на виселице вместе со мной.

– Хватить болтать ерунду! – прорычала я. – Тебя оправдают, а Уоррен получит по заслугам.

Однако на следующий день, когда мы поплыли в Триумфальный, я не чувствовала прежней уверенности. Хэдисен являлся зарождающейся колонией, и в Белой Скале даже не имелось суда, который мог бы разбирать столь серьезное дело, поэтому всем участникам столкновения на золотом прииске приказали прибыть в Денхэм. Наше положение было незавидным: Уоррен давно оброс связями в Триумфальном, а аланзанская вера была незаконной и в Денхэме, и в Хэдисене.

Корабль пришвартовался в Триумфальном ближе к вечеру, и уже в гавани мы с Седриком были вынуждены расстаться. Седрику в течение судебного разбирательства предстояло находиться в заключении, и меня мало утешало то, что Уоррен со своими подручными тоже был под стражей.

– Я не бесчувственное бревно, ваше сиятельство, – заявил Сайлас.

«Ладно, пусть он меня так и называет», – подумала я. Если мой титул

поможет нам с Седриком, я воспользуюсь своим законным преимуществом.

– Я прослежу за тем, чтобы о нем позаботились. И приглашу к нему врача, – добавил Сайлас.

– Спасибо, – отозвалась я.

Сайлас дал нам возможность попрощаться, и я нежно пожала руку Седрика: я не могла забыть ни на минуту о его физических травмах.

– Мы справимся, – пообещала я. – Я найду способ.

– Я верю в тебя.

В его тоне прозвучала лихая бравада, но выглядел Седрик потерянным. Я поцеловала его в губы, не заботясь о том, что за нами могут наблюдать. А когда подчиненные Сайласа увели моего мужа прочь, я смотрела им вслед, пока Седрик не скрылся в толпе моряков и торговцев, сновавших по пристани.

– Мисс, – обратился ко мне один из людей Сайласа, – мистер Гаррет велел нам проводить вас, куда вы скажете.

Я пожала плечами. Прежде я не задумывалась ни о чем, кроме судьбы Седрика, – а сейчас угодила в парадоксальную ситуацию. После стольких лет жизни, ограниченной чужими правилами и желаниями, я получила полную свободу! Я могла идти куда глаза глядят, вот только мне этого не хотелось.

У меня не было ни дома, ни денег, ни родных.

Но у меня оставались подруги.

– Отведите меня в «Глициниевую лощину».

* * *

Разумеется, приняли меня без особого тепла. Джаспер выскочил из своего кабинета, как только мистрис Калпеппер объявила о моем появлении.

Торн-старший незамедлительно наставил на меня указательный палец.

– Нет! – выпалил он. – Мне плевать, что у тебя якобы есть титул! Нечего сюда приползать после того, что ты устроила. Ты все разрушила! И не пытайся оправдаться.

– А я и не пытаюсь, – промямлила я. – То есть... мне просто негде жить.

Вокруг нас уже собрались мои прекрасно ухоженные товарки, и мне стало стыдно своего неряшливого облика. Среди пришедших маячил и Чарльз. Его возвращение в Осфрид для набора новых жемчужин отложили

из-за недавних событий.

– Джаспер, послушай меня! – затараторил Чарльз. – Аделаида – наш бриллиант, и она вполне может стать членом нашей семьи, когда жуткая история с Седриком завершится!

Джаспер возмущенно набросился на брата.

– История с Седриком? Моего сына будут судить за еретические взгляды и за нападение на губернатора! Завершиться она может лишь одним способом, и ты знаешь, каким!

– Нападение? – изумленно переспросила я. – Что за бред!

– Подожди! – осадил меня Джаспер. – Слухи распространяются быстро! Вы двое отчаялись, когда стало ясно, что вам не удастся выплатить долг Уоррену Дойлу. Поэтому вы симитировали налет грабителей на прииск, но люди Уоррена появились вовремя и спасли своего господина!

У меня отвисла челюсть.

– Теперь ясно, что придумал Уоррен! – воскликнула я. – Он врет! Полно вам! Вы должны знать Седрика: он не способен совершить преступление!

– У меня такое чувство, – мрачно произнес Джаспер, – что я своего сына совершенно не знаю. Я могу утверждать лишь одно: до твоего появления он не похищал аристократок, не участвовал в еретических обрядах и не нападал на членов правительства. Короче говоря, у тебя нет выбора, Аделаида. Я со всей вежливостью прошу тебя убраться вон из моего дома, и, пожалуйста, сделай это побыстрее.

– Аделаида может временно жить у меня, – внезапно проговорила Айяна ровным тоном. – И нечего вам на меня так гневно смотреть, мистер Джаспер. Я арендую отдельное жилье и вольна делать все, что пожелаю. Пойдем, Аделаида.

Я кивнула. В «Глициниевой лощине» меня не ждали, значит, мне следовало взять в союзники любого, кто подвернется под руку.

Тем не менее меня удивило кое-что еще: среди жемчужин я не заметила ни Миры, ни Тэмсин. А уж они-то – мои лучшие подруги – конечно, могли меня защитить!

– А где Тэмсин и Мира? – спросила я, очутившись у Айяны.

Она занимала просторные апартаменты над таверной в оживленном районе увеселительных заведений. Звукоизоляция оказалась хорошей, но я все-таки слышала тихое треньканье пианино, которое постоянно играло в кабачке.

Айяна поставила на плиту чайник с водой и повернулась ко мне.

– Ты ничего не знала про Тэмсин?

– А что случилось? Она вышла замуж?

– Сядь, – велела мне Айяна.

Я покорно устроилась в кресле, застеленном одеялом с причудливым разноцветным узором, похожим на панцирь черепахи. Мне стало любопытно, не баланканский ли он... но выражение лица Айяны заставило меня забыть об искусстве.

– Где Тэмсин?

Айяна выдвинула табуретку и села напротив меня.

– Аделаида, Тэмсин пропала в день урагана пару недель назад. Ты ведь помнишь ту бурю? Она и по Хэдисену пронеслась, да?

Сначала я подумала, что ослышалась и Айяна говорит мне про шторм, который застиг наши корабли в Закатном море.

– Тэмсин... а куда она исчезла? – тупо спросила я.

– Она была вместе с мистером Дойлом и его спутниками: они возвращались в Хэдисен. Тэмсин и мистер Дойл были практически помолвлены; перед отплытием он собирался показать ей местные природные красоты. Они направлялись к заливу, когда налетел ураган. Тэмсин вроде бы запаниковала и как сквозь землю провалилась. Никто не знает, что с ней стало.

– Но Тэмсин – она ведь бесстрашная!

– К сожалению, я могу ориентироваться только на чужие рассказы, – бесстрастно произнесла Айяна. – Говорят, что когда разыгрался ураган, Тэмсин едва не обезумела от ужаса и сбежала. Она вроде бы решила, что ее потащат на корабль и заставят плыть через залив. Ее искали, но времени было мало, особенно в тех условиях. На другой день люди мистера Дойла опять продолжили поиски, однако все было безрезультатно.

Я закрыла лицо ладонями, чувствуя, могу упасть в обморок.

– Нет! Нет! – повторяла я. – Вы что-то перепутали. Она уже пропадала – такое не могло произойти во второй раз! Тэмсин мечтала выйти замуж за Уоррена! Она бы не допустила, чтобы ей помешал ураган!

Но, говоря это, я начала сомневаться. Ураган болезненно напомнил мне ту ночь в море. А что было на душе у Тэмсин, когда она бродила по берегу Хэдисена? Возможно, мысль о том, что она может не по своей воле оказаться на борту судна, стала для нее невыносимой – и она убежала в неизвестном направлении...

– Мне очень жаль, – продолжила Айяна, не подозревая о моем озарении. – Я считала, что тебе сообщили об исчезновении подруги. Кстати, мистер Дойл взял вину на себя и выплатил Торнам деньги по ее контракту.

– Как мило! – выдавила я, посмотрев на Айяну. Гнев было легче терпеть, чем горе, но я все еще «переваривала» очередную печальную новость. – Не сомневаюсь, что Джаспер обрадовался получить с нее доход, особенно если учесть... – Я запнулась и ахнула, осознавая, что мне только что сказала Айяна. – Уоррен!..

– Он присутствовал при происшествии.

Я вскочила с кресла.

– Почему он помалкивал? Я встретила с ним на другой день после урагана! А он и не упомянул, что Тэмсин пропала!

– Не знаю. – На ее лице читалось сочувствие. – Я часто слышу про Уоррена Дойла, но он до сих пор является для меня загадкой. Я не понимаю, что у него на уме.

Я почувствовала, как у меня к горлу подступают рыдания, но проглотила слезы, не желая плакать в присутствии Айяны.

В свою очередь, Айяна проявила деликатность и встала.

– Миру пригласили на прием. Я заеду за ней пораньше. Наверное, вам нужно побыть вдвоем. Тебе надо отдохнуть, а я заплачу служанке, чтобы она принесла тебе побольше горячей воды для ванны.

Я кивнула. Когда она удалилась из комнаты, я разревелась. На меня обрушилась накопившаяся во мне усталость, все недавние происшествия словно пригвоздили меня к креслу. В итоге я уже не могла сказать, из-за чего плачу. Седрик, Тэмсин... Какой от меня прок, если я не могу спасти своего любимого и лучшую подругу? Почему я не способна их уберечь?

Может, это дано мне в наказание за то, что я сбежала от своих обязательств в Осфриде?

Когда служанка постучалась, чтобы предупредить меня о том, что ванна готова, глаза у меня были красные и опухшие, но девушка деликатно сделала вид, будто ничего не заметила.

А погрузиться в настоящую ванну стало для меня истинным наслаждением, которого я была лишена почти целый месяц. Когда я мылась у Маршаллов, мы экономили и горячую, и холодную воду. Если честно, после жизни в Хэдисене все в Триумфальном показалось мне верхом роскоши. Как ни странно, но, по моему мнению, жилище Айяны могло соперничать с королевскими покоями в осфридском дворце.

Я заставила себя вылезти из ванны, когда обнаружила, что вода стала темно-серой от грязи.

Вытираясь полотенцем, я погрузилась в размышления. Теперь я могла рассуждать более-менее логично: хорошо хоть, что моя голова наконец начала работать! Я с ужасом подумала о том, что мне опять придется

«щеголять» в потрепанной одежде для работы на прииске, и позаимствовала у Айяны из шкафа теплый шерстяной халат.

Сама же Айяна так и не появилась, и вскоре мне стало казаться, что либо Мира засиделась в гостях, либо ее оттуда не получилось увезти.

Однако Айяна исполнила свое обещание и пришла вместе с Мирой спустя несколько часов.

Мира застыла в прихожей со свертком одежды в руках и выронила его на пол, бросившись ко мне. Я обняла ее и почувствовала, что у меня из глаз хлынули слезы.

Айяна вежливо ушла на кухню и начала копаться в буфете.

Мира не изменилась. Она была такой же, как и раньше. Красивой. Горячей. Только вот не столь нарядной, как до моего отъезда на прииски. Ее лиловое кисейное платье было отлично сшито, но показалось мне слишком простеньким для жемчужины Блистательного Двора. Поверх него Мира набросила материнскую шаль, а волосы на затылке небрежно стянула узкой лентой.

– Мира... как это... Тэмсин... – пролепетала я.

– Да-да, Тэмсин, – произнесла она срывающимся голосом. – Я не могла поверить, когда услышала. Двое людей Уоррена сообщили нам, что они были свидетелями ее бегства! Они клялись, что Тэмсин буквально сошла с ума, когда начался шторм. По их словам, она сразу умчалась в лес, а Уоррен впал в отчаяние.

Мне в это не верилось, особенно учитывая то, насколько спокойным Уоррен был на следующее утро.

«Ураган налетел на нас уже на полпути через залив».

То, что Уоррен в тогдашнем разговоре со мной даже не упомянул о Тэмсин, было не единственной нестыковкой. Я закусила губу. Конечно, Уоррен подтасовал факты! Действительно: если шторм случился, когда они находились на суше, неужели кто-то стал бы по доброй воле подниматься на борт?

– Ураган был чудовищный, – продолжала Мира. Глаза у нее блестели. – Сказали, что и Белая Скала пострадала. Мы не получали от Тэмсин вестей несколько недель! Не представляю, что и думать. Если Тэмсин выжила, то где она? Почему она с нами не связалась? Я отправила кое-кого... кое-какие средства... на поиски, но все без толку.

У меня заныло сердце.

– Я не могу ее потерять!

– Понимаю. Мне и самой плохо. Но пока тебе стоит временно забыть о Тэмсин. Мы обе будем оплакивать ее позже и не пожалеем слез. Но у тебя

сейчас есть другие поводы для тревог, леди Уитмор, – добавила Мира. Она покосилась на медальон, который мне подарил Седрик, и понизила голос: – Или мне следует говорить «мистрис Торн»?

Я бросила опасливый взгляд в сторону кухни, где хозяйничала Айяна.

– Это так очевидно? У меня на шее висит известный аланзанский оберег?

– Не бойся, я тебя не выдам! Похожие медальоны продаются в городе повсюду, только с другими цветами. Но я увидела кашку и обо всем догадалась. – Мира помялась. – Но на твоём месте я бы его сняла перед судом: ведь аланзане отдают предпочтение именно полевым цветам. А еще тебе надо сменить гардероб – вот уж не думала, что такое скажу! Но тебе нельзя выглядеть женщиной из сельской глуши. Тебе надо войти в зал суда и быть ослепительной! Ты – настоящая графиня Ротфордская!

Мира кинулась в прихожую и принесла оброненный ею сверток.

– Мы постарались на славу! В «Глициниевой лощине» скопилась куча ненужных нарядов, но если Джаспер увидит, что ты заявила на судебное слушание в одном из жемчужных платьев, разразится грандиозный скандал.

– А ты считаешь, что Джаспер там будет? – с горечью спросила я. – По-моему, его не беспокоит судьба Седрика.

Айяна показала на пороге кухни.

– Мистера Джаспера беспокоит только собственный бизнес, но если в судебном разбирательстве оказалась замешана «его жемчужина», он обязательно туда придет, – иронично произнесла она.

Раздался стук в дверь, и мы все одновременно вздрогнули.

Доброжелательность Айяны стремительно испарилась. Она напряглась и насторожилась, по-кошачьи сощурив глаза, и медленно скользнула в прихожую. Взявшись одной рукой за ручку двери, другой Айяна извлекла из-под куртки острый кинжал.

– Кто там? – громко спросила она.

– Уолтер Хиггинс, – последовал приглушенный ответ. – Я ищу Аделаиду Бейли, напарницу Седрика Торна.

Имя «Уолтер Хиггинс» несколько мгновений каталось у меня в голове – и вдруг со щелчком встало на место.

– Уолтер Хиггинс – поверенный Седрика! Впустите его, – сказала я и вместе с Мирой подошла к Айяне.

Не теряя бдительности, Айяна приоткрыла дверь, заглянула за нее – и лишь затем распахнула дверь настежь. Мы увидели невысокого жилистого юношу, ровесника Седрика, одетого в дорогой костюм.

Уолтер Хиггинс обвел всех нас пристальным взглядом, и у меня создалось впечатление, что он не упустит ни единой детали.

– Уолтер, – приветливо произнесла я. – Рада с вами познакомиться. Седрик говорил о вас только хорошее.

Уолтер невозмутимо кивнул в знак благодарности. Похоже, ему было все равно, что я одета в домашний халат.

– О вас он тоже высоко отзывался. Мне всегда казалось, что он восхищается не только вашими познаниями в области искусства. Ну а теперь вы стали настоящей знаменитостью.

Я поморщилась.

– Все в городе уже слышали про историю на золотом прииске?

– Да, – подтвердил Уолтер, и Мира с Айяной синхронно кивнули. – Завтра я уезжаю, но у меня есть новость, которой мне хотелось бы поделиться с вами прямо сейчас. Поскольку Седрик... э... пока недоступен, я подумал, что мне стоит обсудить этот животрепещущий вопрос именно с вами. Мы могли бы поговорить без свидетелей?

– При них говорить можно, – заявила я.

Забавно, но авантюра с поддельной картиной показалась мне сущим пустяком.

Уолтер поколебался, но в итоге уступил.

– У меня появился еще один потенциальный покупатель, который выразил готовность заплатить гораздо больше, когда узнал о наличии конкурента. И он живет ближе, примерно в двух часах езды верхом.

– Отлично, – произнесла я. – Хотя от сделки будет мало пользы: вы сами понимаете, что Седрика держат под замком...

– Но и от картины тоже нет никакой пользы, поскольку клиент пожелал получить хоть какое-то подтверждение подлинности.

Я застонала.

– А я-то решила, что колонистов легко облапошить!

– Хорошая новость состоит еще и в том, что первый клиент требовал освидетельствования специалиста. А второй адориец согласен на «любого подкованного в искусстве мирикосийца, который способен отличить настоящее золото от обманки». Это цитата. – Уолтер выразительно посмотрел на Миру и добавил: – Но у вас есть подруга-сирминиканка. Между прочим, сирминиканцы внешне очень похожи на мирикосийцев.

Мира часто заморгала.

– Я и понятия не имею, о чем вы говорите, но если вы намерены приписать меня к специалистам по изобразительному искусству, то я – совсем не тот человек, который вам нужен.

– Ошибаешься! – горячо возразила я. Седрик охарактеризовал Уолтера как ловкача, который всегда придумает способ для заключения выгодной сделки, и теперь мне стало понятно, что он имел в виду. – Мира, ты легко симитируешь мирикосийский акцент. Я слышала, как ты дурачилась в «Голубом ключе». Мира, тебе просто надо встретиться с этим типом и сказать, что интересующее его полотно – подлинник одного из величайших мирикосийских мастеров.

– Правда? – спросила она потрясенно.

– Ну... не совсем.

Авантюра с картиной застопорилась уже давно, поэтому сейчас, когда дело сдвинулось с мертвой точки, я почувствовала прилив сил. Мира в нарядном платье вполне сможет сойти за аристократку из Мирикосии и подтвердить подлинность «мирикосийского шедевра». Однако мои мечты быстро развеялись...

– Нет, постойте! Нам надо подождать. Я не могу заниматься продажей картины! Деньги должны были помочь нам устроить дальнейшую жизнь. От них не будет никакого толку, если Седрика держат под замком.

Уолтер кашлянул.

– Прошу прощения, но позвольте с вами не согласиться. Поверьте мне, что от денег всегда бывает толк.

– Точно! – неожиданно поддержала его Айяна. – Мне тоже непонятно, о чем идет речь, но если будет возможность получить кругленькую сумму, она может пригодиться. Во время процесса может случиться все что угодно.

Я озадаченно посмотрела на нее, и Уолтер тотчас перехватил инициативу.

– Не надо недооценивать возможности хорошей взятки, – пояснил он.

– Может быть, но сроки поджимают. Вы ведь сказали, что уезжаете из города завтра?

Уолтер виновато кивнул.

– На неделю, в колонию Лайффорд, где срочно понадобились мои услуги.

– А мне утром надо быть в зале суда, – пробормотала я. – Значит, Миру никто не будет сопровождать.

Мира вытаращила глаза.

– Ты мне не доверяешь? Мне нужно лишь повидаться с потенциальным клиентом и притвориться всезнайкой! Думаю, я не оплошаю.

– Ты будешь сильно рисковать. Мы выгадаем более удачный момент, –

твердо заявила я и невольно подумала, что такого момента, наверное, в будущем и не предвидится.

– Если честно... – Айяна нахмурилась, – то медлить нельзя. Первый день разбирательства будет суматошным. Все будут заняты. Мира сумеет незаметно исчезнуть на несколько часов, и никто ничего не заподозрит.

Я прикусила губу. Все-таки мне не нравилась это затея. И вовсе не потому, что я сомневалась в способностях Миры – отнюдь! – нет, я просто боялась, что еще одна моя подруга окажется в опасности.

– Я вернусь, – заверила меня Мира, которая прекрасно понимала мои страхи. – Иди в суд. Я как-нибудь выкручусь. Научи меня, что говорить, и я выучу все наизусть.

Уолтер достал из кармана листок бумаги и вручил его Мире.

– Здесь имя и адрес клиента. А ниже – координаты человека, у которого картина находится сейчас.

– Она не у вас? – изумилась я.

На втором адресе значился соседний город в Денхэме.

– При моем роде деятельности можно выжить лишь в том случае, когда находишься в тени и не высываешься, – усмехнулся Уолтер. – Полотно хранится в надежном месте и, конечно, не висит у меня в спальне. Если адориец согласится на сделку, вы можете сами ее заключить или дожждаться моего возвращения. Главное, не потратьте мои комиссионные.

– Не волнуйся, Аделаида, мы тебе поможем, – пообещала мне Мира. – У нас ведь и раньше были проблемы, но мы с ними всегда справлялись.

– И все – ради денег, которые, вероятно, и не понадобятся Седрику, – проворчала я.

Айяна положила руку мне на плечо. Взгляд у нее был твердым как сталь.

– Деньги нужны не только для того, чтобы ему помочь. К сожалению, есть вероятность того, что Седрик не сумеет выпутаться из этой передраги, и поэтому ты все должна предусмотреть. Кто знает, вдруг для его спасения тебе понадобятся собственные средства?

Глава 29

Айяна устроила мне временную постель в углу гостиной. Я провалилась в сон, а когда проснулась, то Айяны уже не было дома.

Позавтракав, я начала готовиться к визиту в зал суда. Платья, которые мне принесла Мира, не шли ни в какое сравнение с элегантными нарядами Блистательного Двора, но меня они вполне устроили. Их могла бы купить для себя жительница Денхэма, принадлежащая к высшим слоям местного общества. В результате я выбрала кремовый батист с розовыми и лиловыми цветочками. После месяца, проведенного в грубой одежде, я ощущала себя непривычно, да и ткань казалась опасно тонкой. Конечно, я не возражала против добротной одежды, но сейчас она стала напоминанием о том, как сильно изменилась моя жизнь.

Я как раз закончила укладывать волосы, когда Айяна вернулась.

– А я думала, ты поедешь с Мирой, – удивилась я.

– Я пойду с тобой. Я ее проводила – Мира уже в пути.

Я снова похолодела при мысли о том, что могу лишиться подруги.

– Мира... она одна?

– Нет.

Айяна не стала углубляться в подробности, и, зная ее характер, я поняла, что расспрашивать ее бесполезно.

Когда мы добрались до здания суда, перед его дверями собралась целая толпа. Даже в столь оживленном городе, как Триумфальный, это событие стало сенсацией. Сын губернатора, тайная любовь, ревность, ересь... похоже, жители Триумфального намеревались штурмовать особняк, чтобы занять места получше. Айяна поднялась вместе со мной на крыльцо, и судейский чиновник пропустил нас внутрь.

Зал суда кишел зрителями, но места для главных действующих лиц пустовали. Одно из них предназначалось мне, и я заняла его, заметив неподалеку Джаспера. Он высокомерно кивнул мне и демонстративно отвернулся. В первом ряду расположился губернатор Доил с Виолой и своими советниками. Еще два ряда пустовали, и именно за сидящими в первом ряду я принялась жадно наблюдать.

Наконец, судебный пристав открыл боковую дверь. Первым вошел Уоррен. Он выглядел самодовольным и непринужденным. Потом появился Седрик – и сердце у меня заколотилось как бешеное.

Он был небрит, и рука у него до сих пор висела на перевязи. Однако

Седрик шагал уверенно, и почти все синяки у него исчезли. Я не знала, к лучшему ли это. Возможно, Седрику бы не помешало иметь на своем теле прямые доказательства того, насколько сильно его избили.

Седрик обвел взглядом зал и кивнул мне: дескать, не переживай, я в порядке! Ему даже удалось изобразить тень своей обычной улыбки, однако она получилась невеселой.

Когда в зале появились главные представители закона (а их было семеро), все присутствующие встали.

Я знала, что в судейскую коллегия входили не только члены магистрата, но и влиятельные граждане Денхэма. При обычных обстоятельствах их возглавил бы губернатор, однако на сей раз Дойл-старший по очевидным причинам сложил с себя эти полномочия.

Председателем судейской коллегии назначили некого Адама Диллинджера.

– Мы собрались здесь, дабы вынести решение по сложному спору, возникшему в колонии Хэдисен. Мы будем искать истину в соответствии с законами нашей изначальной родины – Осфрида. Обратимся к Уросу с молитвой о руководстве, – произнес Адам и начал читать молитву.

Мы склонили головы. Оглядевшись из-под опущенных ресниц, я заметила, что несколько человек наблюдают за Седриком, словно в ожидании, что он сию минуту проведет какой-нибудь темный обряд.

– Мистер Дойл, – предложил судья Диллинджер. – Пройдите, пожалуйста, сюда и расскажите вашу историю.

Уоррен подчинился. Он был выбрит и мог похвастаться дорогим костюмом, что вызвало у меня приступ раздражения. Вот очевидный результат того, что у него имеется реальная поддержка! Мой Седрик выглядел неопрятно – но на кого ему можно было рассчитывать? Определенно не на кровных родственников! Да и я не смогла бы прилично одеться, если бы не усилия Миры и Айяны!

Никого не интересовало прошлое Уоррена, но тот все равно о нем рассказал, представляя себя безупречным гражданином, идущим по стопам отца. Он напомнил судейской коллегии и аудитории, сколько добра сделал горожанам губернатор Дойл, и заявил, что смиренно надеется подражать ему в Хэдисене.

– Ввиду моего нового поста я понимал, что мне важно жениться и ратовать за семейные ценности. Когда Блистательный Двор привез своих так называемых жемчужин в Триумфальный, я стал ухаживать за одной юной девушкой, которая называла себя Аделаидой Бейли.

Половина присутствующих уставилась на меня, но я продолжала

смотреть вперед, не желая встречаться ни с кем взглядами.

– Сперва мисс Бейли показалась мне честной и порядочной барышней. Я не сомневался в том, что заинтересовал ее. Я был даже уверен, что она отвечала мне взаимностью! Вскоре мисс Бейли согласилась стать моей невестой... но именно тогда я и выяснил, что у нее были отношения с Седриком Торном, одним из рекрутеров Блистательного Двора.

Уоррен ясно дал понять, что имеет в виду под словечком «отношения».

– Вы выдвигаете против мистера Торна весьма серьезное обвинение, – произнес какой-то член судейской коллегии.

– Мисс Клара Хейс, жемчужина Блистательного Двора, лично стала свидетельницей их тайной встречи, – сказал Уоррен. – Еще несколько человек могут это подтвердить. Допросите их, если пожелаете. Они дадут вам всеобъемлющую информацию.

– И что вы предприняли, мистер Дойл? – спросил Диллинджер.

– А что мне оставалось делать? – Уоррен развел руками. – Я не мог добиваться девушки, которая отдала свое сердце другому! По правде говоря, я пожалел их обоих и решил им помочь.

Уоррен досконально изложил пункты нашего договора о работе на золотых приисках, выставляя себя примерным и щедрым благодетелем. Кое-кто из слушателей начал покачивать головой, выражая осуждение и сочувствие.

Я вздохнула: Уоррен произвел хорошее впечатление на аудиторию.

– Я предоставил мистеру Торну все возможности, чтобы он добился успеха, – вещал Уоррен. – Оборудование, обучение. Но позже я понял, что мистер Торн проявил легкомыслие и взвалил на себя непосильную ношу. Он – образованный юноша и талантливый торговец. Он должен был действовать осмотрительно, но он слишком торопился. Увы, мистер Торн не смог выживать в неосвоенных краях Адории! Его неудачи на приисках часто приводили к несчастным случаям, а однажды он упал со скалы, что едва не стоило ему жизни. Когда я был в Белой Скале, он встретился со мной и заявил, что обнаружил золотую жилу. Я порадовался за него и договорился, что пришлю ему подмогу.

Я привстала на стуле, и Айяна поспешно потянула меня на место.

– Наберись терпения, – еле слышно произнесла она.

Самое возмутительное наступило тогда, когда Уоррен начал описывать тот роковой день.

– Мне хотелось верить его заявлениям относительно золотой жилы: кроме того, приближалось время истечения контракта Аделаиды. Я взял на прииск команду опытных рабочих, чтобы мы могли вскрыть жилу.

Признаюсь вам, что наше предприятие просто чудом не закончилось трагически: неопытность мистера Торна привела к тому, что он чуть было не взорвал нас! Я сообразил, что они с мисс Бейли оказались в отчаянном положении. Они никаким образом не успевали выплатить мне долг. Ситуация только ухудшилась, когда мы обнаружили у мистера Торна аланзанские артефакты.

По залу пробежал возмущенный шепот, и Диллинджер потребовал тишины.

– Я был уверен, что это недоразумение, и решил переговорить с мистером Торном и мисс Бейли, – продолжил Уоррен. – Я отправил рабочих на ланч и начал обсуждать с этой юной парой конкретные варианты помощи. Вот тогда и совершилось предательство. Когда я остался один, мистер Торн напал на меня, намереваясь убить и представить дело так, будто это сделали налетевшие на прииск разбойники. Тем самым мистер Торн хотел освободиться от долговых обязательств. Благодаря невероятной удаче двое моих людей вернулись и спасли мне жизнь. Мисс Бейли начала прикрывать своего возлюбленного, а потом бесстыдно предложила мне себя, пытаясь отвлечь. Когда я отверг мисс Бейли, она ранила меня кинжалом. Не представляю, что бы случилось, если бы на участке не появился Сайлас Гаррет из агентства Макгроу!

Судьи задали Уоррену несколько уточняющих вопросов – и я была изумлена тем, как Уоррен находил всему логичное объяснение. Каждое событие, каждая деталь буквально выворачивалась наизнанку – Уоррен представал перед судом в наилучшем свете и выглядел невинной жертвой двух кровавых любовников.

Когда его отпустили, я понимала, что он добился явного успеха. Уоррен мог рассчитывать на сочувствие не только аудитории, но и судейской коллегии.

Следующим вызвали Седрика. Судья подал ему священные тексты Уроса.

– Поклянитесь говорить правду... если можете.

Я была потрясена подобной инсинуацией со стороны людей, заявляющих о своей беспристрастности. По залу опять пробежали шепотки, особенно после того, как Седрик положил ладонь на книгу – и та не вспыхнула ярким пламенем... или чего уж там ждали.

Обычно при слушании дела с противоречивыми показаниями Седрику должны были предложить пересказать события с его точки зрения. Однако Диллинджер спросил:

– Мистер Торн, вы аланзанин?

Седрик моргнул. Конечно, он готовился и к такому повороту событий, но, похоже, приткость Диллинджера его поразила.

– В моем имуществе случайно оказались аланзанские артефакты. Никто никогда не видел, чтобы я совершал аланзанские обряды.

– А почему к вам попали предметы еретиков?

– Из любопытства, – спокойно ответил Седрик. – Я общался с аланзанами, когда учился в университете в Осфро. Они вручили мне артефакты, надеясь обратить в свою веру.

– И вы не сообщили об этих извращениях? – осведомился сосед Диллинджера.

– Они были юными бунтарями. Я решил, что они оставят этот этап позади, повзрослеют и вернутся к Уросу и шести великолепным ангелам.

Диллинджер взял со стола лист бумаги.

– У нас есть свидетельские показания осужденного аланзанина, некоего Таддеуса Брукса, пойманного во время обряда. Он клянется, что вы вместе с ним участвовали в языческом действе, называемом «Звездным Пришествием». Что вы нам скажете?

Седрик пожал плечами.

– По-моему, человек, сидящий под замком, придумает все что угодно, лишь бы вырваться на свободу.

– Аланзанские обряды запрещены законами Денхэма и Хэдисена, – изрек Диллинджер. – Еретики и отступники караются казнью, если у них нет защиты другой колонии или королевского разрешения.

– Знаю, – отозвался Седрик.

– Юная девушка, которая называет себя мисс Бейли, – аланзанка? – полюбопытствовал член коллегии, сидящий справа от Диллинджера.

– Нет! – сразу ответил Седрик. – Мисс Бейли неоднократно говорила, что считает аланзан заблуждающимися язычниками. Готов поклясться в этом еще раз!

Судейская коллегия еще минут десять развивала аланзанскую тему, но Седрик не отступал от своей линии: никто никогда не ловил его за совершением еретических обрядов. Однако Диллинджер упорствовал и открыто сказал, что считает признание Таддеуса Брукса существенным доказательством.

В конце концов коллегия позволила Седрику изложить собственную версию происшедшего на прииске. Судьи задавали уточняющие вопросы и комментировали ответы Седрика таким образом, что подробности той истории стали казаться аудитории невероятными и глупыми. Члены коллегии были исполнены презрения по отношению к Седрику, как и

некоторые зеваки, сидевшие в зале суда.

Имелся и еще один тревожный факт. Как я и опасалась, улучшение здоровья Седрика уже не могло ему помочь: сейчас ему бы не удалось доказать, насколько зверски его избили сообщники Уоррена.

Один из судей сказал, что сломанная рука вполне допустима, когда два человека пытаются остановить убийцу.

Затем Седрику велели сесть, и Диллинджер объявил:

– Леди Элизабет Уитмор, графина Ротфордская!

Зал зашумел. Даже те, кто раньше не обращал на меня внимания, сразу завертели головами. Я вышла вперед, стараясь сохранить на лице высокомерную мину и выглядеть, как важная девица, которой с детства внушали, что ее высокое происхождение дает ей преимущество над остальными.

Поклявшись говорить правду, я смирила Диллинджера долгим, хорошо отрепетированным взглядом. Я хотела, чтобы Диллинджер понял, что он напрасно тратит свое время.

Диллинджер откашлялся.

– Леди Уитмор, пожалуйста, расскажите нам, как вы стали членом Блистательного Двора под чужим именем.

Я ожидала этого вопроса и заранее к нему подготовилась. Я упомянула, что мое семейное состояние практически растаяло, и я осознала, что в Новом Свете у меня будет больше возможностей. Я добавила, что моя горничная Ада сбежала, а я увидела в этом знак свыше.

– Титул без собственности – пустой звук, – говорила я. – Вероятно, я действовала необдуманно, но другие люди достигали успеха в Адории. Я решила к ним присоединиться.

Моя речь вызвала немало одобрительных кивков, пока Диллинджер не уточнил:

– Значит, вы лгали и обманывали окружающих, чтобы добиться своей цели. Седрик Торн знал, кто вы на самом деле? Он помогал вам маскироваться?

– Нет. Он не видел моей горничной. Он узнал мое настоящее имя гораздо позже, в Адории.

Я поведала обо всем, что случилось в Хэдисене, почти дословно повторила показания Седрика.

Когда разговор зашел о том, что Уоррен попытался меня изнасиловать, члены коллегии выразили свое недоверие.

– У вас имеются хоть какие-то улики, подтверждающие, что нападение было совершено? – осведомился сосед Диллинджера, который сидел

справа.

Я сузила глаза.

– Вы же меня внимательно слушали, не так ли? – произнесла я.

– Масса женщин выдвигают подобные обвинения. Это легко сделать, когда нет свидетелей. Мужчина говорит одно, женщина – другое.

Я оцепенела. Напрасно я надеялась, что мой графский титул решит все проблемы и даст мне преимущество! Преимущество всегда имели мужчины. От женщин просто отмахивались.

– Кроме того, мне трудно поверить, что безнравственная девица будет решительно возражать против мужского внимания, – добавил Диллинджер.

Его заявление показалось мне настолько несурзным, что я не сразу смогла сформулировать ответ.

– Я... считаю, что любая женщина – и высоконравственная, и безнравственная – стала бы возражать, если бы ее принуждали против ее воли. И мне не нравится то, на что вы намекаете относительно моей порядочности.

– А разве вы не любовница Седрика Торна?

Я снова надела маску высокомерия.

– Сохранение добродетели до свадьбы – основополагающий принцип, которому я следую всю жизнь. Я не отдавала свою невинность мужчине, если вы намекаете именно на это. Помимо прочего, я не состою в браке.

– Вы клянетесь?

– Да.

– Тогда почему вы пьете коричник?

Допрос Диллинджера вызвал очередную волну шепотков, а я почувствовала негодование. Женщины часто использовали отвар коричника, чтобы не беременеть. Но каждая из них (мистрис Маршалл являлась исключением) притворялись, что вообще не знают про это снадобье.

– А вы можете предъявить веские доказательства по поводу коричника? – осмелела я.

Я вылила остатки отвара перед тем, как приготовить Уоррену чай, и в моих личных вещах коричника уже не было.

– Мистер Дойл заявляет, что почувствовал его запах.

– А я заявляю, что он на меня набросился. Мужчина говорит одно, женщина – другое.

– Что ж, ваша репутация основательно подпорчена... У кого-нибудь еще есть вопросы? – проговорил Диллинджер.

Судьи продолжили разбирательство, а я лишний раз убедилась в том,

что членам коллегии наверняка заплатили. Похоже, Диллинджер и все остальные были с Уорреном в сговоре. Мы с Седриком выглядели настоящими чудовищами, вдобавок Диллинджер через определенные промежутки времени упоминал о том, насколько у меня лживая и двуличная натура.

Когда объявили перерыв, я пожаловалась Айяне.

– Взятками можно многого добиться, – отозвалась она.

Я с грустью смотрела, как Седрика уводят из зала. Он бросил на меня прощальный взгляд, чуть менее уверенный, чем раньше.

– Наши средства с их взятками не сравнятся.

Айяна кивком указала на дверь.

– Теперь ситуация прояснится.

Повернувшись, я увидела Миру, затянутую в роскошную амазонку. Я бросилась к подруге и обняла ее, радуясь, что с ней ничего не случилось.

– Как ты? – прошептала я.

Она ухмыльнулась.

– Прекрасно. Я бы этого типа в чем угодно убедила.

Я не смогла сдержать улыбку.

– Спасибо тебе.

– А здесь что происходит?

– Долго объяснять, да и главное сражение еще впереди.

Мы решили перекусить в коридоре, и за едой я рассказала Мире о судебном заседании.

Спустя полчаса слушания возобновились. Сайлас Гаррет дал на удивление беспристрастные показания, которые не делали поблажек ни одной из сторон, зато ставили пару вопросов относительно версии Уоррена. Однако я не была уверена, что этого будет достаточно.

Когда пришел черед Элиаса, я занервничала еще сильнее: его показания были чересчур запутаны. Я чувствовала себя измотанной, но, к счастью, после допроса Элиаса первый день слушаний объявили завершенным. Седрика и Уоррена увели порознь, в разных направлениях – по прихоти судьбы, Седрика вели к противоположному выходу из зала, а Дойла-младшего – в мою сторону.

Он задержался в проходе рядом со мной и сделал вид, что поправляет камзол.

– Вы, должно быть, весьма огорчены, леди Уитмор! Сперва вы отказались от титула, чтобы поиграть в дружбу с судомойками. А когда вам представилась возможность спастись от падения, вы отвергли меня и предпочли романтическую грезу. А когда вы решили, что все наконец идет

по-вашему, ф-ф!.. – Уоррен картинно вскинул руки, – ...это тоже рассыпается в прах! Сдавайтесь, леди Уитмор! Подумать только, вы бросились в омут и почти все потеряли... в итоге единственное, что у вас останется... да ничего у вас не останется.

Я стиснула кулаки, чтобы он не заметил, как у меня трясутся руки. Мне нельзя было демонстрировать перед Уорреном свое горе. Что ни говори, а во многом он оказался прав. Весь прошлый год я приносила одну жертву за другой и делала это не только ради себя, но и ради своего любимого.

Седрик – вот кто был по-настоящему важен для меня.

А теперь и его грозились отнять!

Я храбро посмотрела на Уоррена в упор.

– Не споткнитесь по дороге на эшафот. Я позабочусь, чтобы вас повесили за то, что вы сотворили с теми, кто мне дорог. Я знаю, что вы связаны с исчезновением Тэмсин.

Я увидела искру изумления у него в глазах, но не смогла понять, вызвано ли оно потрясением от разоблачения или недоумением по поводу моего обвинения. Уоррен и так слишком задержался – и его сопровождающие быстро увели его прочь.

– Завтра будут допрашивать всего лишь пару-тройку свидетелей, и я не сомневаюсь, что все пройдет таким же образом, – призналась я своим спутницам, когда мы очутились на улице.

Последним ударом в этот день стала невозможность повидаться с Седриком.

Мира обняла меня за плечи.

– Держись.

Мы поели у Айяны, после чего баланканка сказала, что ей надо отвезти Миру в «Глициниевую лощину», чтобы та не опоздала к назначенному сроку.

– У меня будут в городе кое-какие дела, – добавила Айяна. – Оставайся здесь и никому не отпирай дверь. Ни в коем случае не подвергай себя опасности.

Мне безумно не хотелось расставаться с Мирой, но выбора у нас не было. Подруга и так постаралась на славу, и я не собиралась стать для нее источником серьезных неприятностей.

– Срок твоего контракта заканчивается. Что будешь делать? – полюбопытствовала я.

Мира пожала плечами.

– Что-нибудь.

Я покосилась в сторону спальни, куда ушла Айяна.

– Ты никого не выбрала не потому... вы с Айяной не... то есть...

Мира не сразу поняла мой вопрос, но спустя несколько мгновений покачала головой.

– Нет-нет. Айяна мне помогала. Она вроде как моя наставница. Но я предпочитаю мужчин. Если честно, пока никто из адорийских кавалеров еще не пришелся мне по вкусу.

Поскольку я уже поставила себя в неловкое положение, то решила не отступать.

– До твоего приезда в «Голубой ключ» между тобой и Седриком что-то было?

Мира округлила глаза.

– Нет. А почему ты спрашиваешь?

Я покраснела.

– Ты ему всегда нравилась. И он тебя выручал.

Мира тепло улыбнулась.

– Седрик – он просто очень добрый и безотказный. Мы найдем способ его спасти.

Я осталась наедине с путающимися мыслями. Меня то и дело осеняла какая-нибудь блестящая, невероятная идея (например, налет на тюрьму и освобождение Седрика), но я тотчас возвращалась к реальности и погружалась в отчаяние. Я была настолько взвинчена, что в конце концов решила немного отдохнуть и лечь спать, но внезапно в дверь постучали.

Я не забывала предостережения Айяны и решила вообще не отзываться, но затем подкралась к двери и спросила:

– Кто там?

– Гидеон Стюарт.

– Я такого не знаю.

– Я пастырь из Грэшонда. Я помог вернуться вашей подруге, Тэмсин... и другим девушкам.

Я вспомнила о «Наследниках Уроса», приютивших жемчужин, и о том, как они привезли к Джасперу спасенных девушек.

В основном поселенцы из Грэшонда были для меня безликими и неприметными, хотя Гидеон Стюарт и выделялся из общей массы. Тем не менее я не спешила впускать незваного гостя в жилище Айяны.

– Что вам нужно?

– Полагаю, я знаю способ спасти мистера Торна. Это связано с колонией Вестхэвен, но мне понадобится ваша помощь.

Услышав о Вестхэвене, я сдалась. Распахнув дверь, я увидела на

пороге привлекательного светловолосого и скромно одетого юношу. Это был действительно он – пастырь «Наследников Уроса». Бросив быстрый взгляд в коридор, я жестом пригласила его войти и захлопнула дверь.

– Итак?..

Я скрестила руки на груди. Каким бы набожным борцом за чистоту нравов он ни казался, я намеревалась соблюдать осторожность.

– Я посетил сегодняшнее судебное заседание и очень переживал за вас, – начал Гидеон. – Мне хотелось бы вас успокоить: коллегия не сможет вынести приговор по поводу главного обвинения. Слишком много противоречий, нет никаких доказательств. Раз никто не погиб, все назовут дракой.

У меня оборвалось сердце. Конечно, меня радовало, что Седрика не признают виновным, но мне было невыносимо думать, что Уоррен останется безнаказанным.

Гидеон поморщился.

– Однако обвинение в аланзанской ереси с вашего друга не снимут. Даже без доказательств совершения обрядов само наличие артефактов уже преступно. А я видел, как людей наказывали и за меньшие проступки. Власти признают показания того свидетеля, а Уоррен Дойл обладает достаточным влиянием, чтобы добиться осуществления приговора... вероятно, безотлагательно.

– Смертного, – подытожила я и тяжело опустилась в кресло. Мы с Седриком опять балансировали над пропастью. Если он погибнет, я в нее рухну – и буду падать и падать. – Но что вы можете мне предложить? Неужели «Наследники Уроса» творят чудеса?

Он слабо улыбнулся.

– Нет. Зато колония Вестхэвен кое-что может. Те, кто приобрели пай, формально считаются гражданами Вестхэвена. По взаимному соглашению между колониями вестхэвенцы имеют право на некоторые вещи, незаконные здесь, в Денхэме. Конечно, люди не должны быть отъявленными преступниками, но факт остается фактом. Вы же понимаете, что это право будет распространяться и на Седрика. Драка в Хэдисене не имеет никакого отношения к аланзанам.

– Замечательно, – пробормотала я, – но Седрик не является гражданином Вестхэвена. Он хотел им стать, но не успел.

– В данный момент в Триумфальном находятся представители Вестхэвена, и они занимаются продажей паев. Буду говорить прямо – если бы Седрик купил пай, а вы бы нашли поверенного, который согласился бы оформить бумаги задним числом, то Седрик мог бы потребовать защиту

как гражданин Вестхэвена. Дело за малым, надо просто обратиться к опытному человеку, которому вы доверяете. Полагаю, в Триумфальном это не проблема.

Я выпрямилась в кресле. Появившаяся возможность меня так потрясла, что я даже не задумалась о том, почему добродетельный пастырь предлагает мне нечто столь противозаконное.

– Я знаю человека, который согласится стать поверенным.

Гидеон ободрился:

– Тогда вам надо купить пай – и все.

– А вот последнее сделать как раз непросто. За пай надо отдать внушительную сумму денег. А у меня почти ничего нет... – Я умолкла, озаренная идеей. – Постойте-ка! Я знаю, где взять деньги. Но надо быть готовым и к непредвиденным сложностям.

– Разумеется. Я бы хотел вам помочь, но, к сожалению, недавно потратил все свои сбережения на покупку пая.

Я уставилась на Гидеона...

– Зачем пастырю «Наследников Уроса» перебираться жить в веротерпимую колонию, которая прославилась своими дикими нравами?

Он печально мне улыбнулся.

– Потому что этот пастырь уже не уверен, что согласен со своими братьями.

– Вы поэтому так снисходительны к Седрику? – поинтересовалась я.

– Отчасти. Если верования человека не наносят вреда окружающим, то, на мой взгляд, его за них наказывать не следует. Ну а вы были лучшей подружкой Тэмсин, – грустно добавил он. – Тэмсин часто о вас рассказывала. Я не сумел выручить ее, но, может, у меня получится помочь вам.

– Тэмсин! – прошептала я.

У меня защипало глаза от слез.

– Я постоянно себя ругаю! Я так старался найти ее и узнать, что с ней случилось! – воскликнул Гидеон.

Он казался мне настолько подавленным, что мою первоначальную настороженность как ветром сдуло.

– Не надо, – тихо произнесла я. – Мы были бессильны.

Но мне опять вспомнились странные несовпадения в версиях Уоррена, и я засомневалась в своих словах. «Похоже, Уоррен темнит и что-то скрывает», – подумала я.

– Не знаю, правы ли вы, но мне еще предстоит с этим смириться. – Гидеон притушил боль в своих глазах и серьезно посмотрел на меня. – Скажите, что я могу для вас сделать?

Я прикусила губу.

– Можете достать мне коня?

– Моя лошадь стоит на привязи неподалеку. Она очень выносливая. Я примчался на ней сюда – прямо из «Глициниевой лощины».

– Впервые за долгое время что-то складывается удачно. Дайте мне пять минут.

Я ушла, чтобы сменить платье на юбку-брюки и блузку. После стирки они стали выглядеть лучше, чем на прииске.

Затем я занялась сбором необходимых вещей. Как я и ожидала, апартаменты Айяны оказались напичканы самым разнообразным оружием, и я позаимствовала у нее нож.

Набросав короткую записку, я поручила Гидеону отнести ее Николасу Эделтону.

– Он – ваш поверенный? – уточнил Гидеон.

– Вероятно. По крайней мере, я на это надеюсь.

Мы покинули жилище Айяны. Очутившись на улице, я увидела норовистую лошадку, привязанную возле таверны. Гидеон потрепал ее по холке.

– Ее зовут Бет.

Я рассмеялась:

– Лиззи и Бет! Две подружки! Нет, от прошлого мне не уйти!

– Что?

– Ничего! Пожалуйста, доставьте мою записку мистеру Эделтону.

Гидеон с тревогой посмотрел на меня.

– Вы ведь не собираетесь предпринять что-то опасное? Давайте я вас провожу. Я найму экипаж и...

– Не надо. Я справлюсь, – твердо ответила я. – И краткая прогулка на лошади мне не повредит.

На самом деле моя «краткая прогулка» представляла собой длительную поездку за пределы города к знакомому Уолтера – тому, у которого хранилась картина. Уже смеркалось. Я ехала, нахлобучив шляпу на лоб, и надеялась, что никто не заподозрит во мне женщину. Денхэм являлся давно освоенной колонией, где соблюдались законы, но, как и везде, здесь имелись преступники. И пока мир резко не изменится, одинокая женщина, едущая верхом в вечернее время суток, будет подвергаться опасности.

Когда я пересекла границу Триумфального и Бет затрусила в нужном мне направлении, я запретила себе даже думать о бандитах с большой дороги. Страх был еще одним моим врагом, а у меня их и так накопилось

слишком много. «Нет, мне нельзя бояться! Спасение Седрика – у меня в руках, и я не намереваюсь сдаваться», – повторяла я про себя.

Мира вернула мне листок, на котором Уолтер записал все необходимые имена и точные адреса, и я, конечно, захватила его с собой. Я взяла и сопроводительное письмо Уолтера Хиггинса: прочитав его, помощник Уолтера обязательно вернет мне картину.

Сейчас мне следовало ехать два часа на юг, а затем вернуться в Триумфальный и скакать несколько часов на север к потенциальному покупателю. Я высчитала, что проведу в дороге целую ночь и, возможно, наутро не успею к началу судебного заседания. Поэтому я понукала Бет, хоть и понимала, что рискую ее загнать.

Как ни странно, но по пути мне почти никто не встречался. Редкие путешественники проезжали мимо, не обращая на меня никакого внимания. Когда совсем стемнело, я въехала в Айдилвуд – сонную деревушку, которая в будущем обещала стать процветающим городом.

Помощником Уолтера был местный кузнец, и я нашла его дом без особого труда. Я отвела Бет к поилке, и лошадка с наслаждением принялась пить.

Кузнец удивило и мое появление, и то, что я женщина. Он прочел письмо Уолтера и вручил мне листок бумаги, пожав плечами.

– Кого только Уолтер теперь не нанимает, – пробурчал он и направился к запертому сараю на заднем дворе.

Отперев замок, кузнец вошел внутрь. Я заглянула в захламленный сарай и немного испугалась за состояние полотна. Кузнец отодвинул несколько деревянных ящиков в сторону, извлек из глубин сарая завернутый в ткань прямоугольный предмет и передал его мне. Я развернула материю и рассмотрела полотно при свете фонаря. Это была моя картина – точно в том же состоянии, в каком я последний раз видела ее в подвале «Глициниевой ложины».

– Довольны? – спросил кузнец.

– Очень. Спасибо вам!

Я бережно завернула картину в ткань, а кузнец помог мне закрепить ее позади седла Бет. Это был не идеальный способ перевозки, но я была уверена, что холст не порвется. А небольшая встряска не могла повредить полотну.

Бет поскакала обратно в Триумфальный. При слабом свете месяца мне было почти ничего не видно, и я радовалась тому, что дорога оказалась хорошей и надежной. Но, добравшись до городской окраины, я решила сделать крюк.

«Лучше потеряю четверть часа, но останусь незамеченной», – подумала я.

Бет свернула на северную дорогу, которую обрамляли высокие раскидистые деревья. Я с трудом ориентировалась в темноте, но продолжала погонять бедняжку Бет и молиться о том, чтобы лошадь не наткнулась на какое-нибудь препятствие. Я понимала, что разумнее было бы ехать помедленней, но время поджимало. Уже пробил полночь, а мне предстояло еще ехать и ехать, а потом возвращаться назад и оформлять бумаги в Триумфальном.

Я задумалась. На суде заслушают показания всего нескольких свидетелей. Оставалось только гадать, в какой момент коллегия вынесет решение. Можно было предположить, что с помощью официальных документов коллегия отменит обвинительный приговор, но я знала, что иногда (особенно в случае ересей) его приводили в исполнение немедленно.

Значит, я должна успеть.

Я попыталась перевести усталую Бет в галоп. При всех моих претензиях на отличное умение ездить верхом я совершила невероятную глупость – и в этом я убедилась уже через несколько минут. Бет неожиданно споткнулась и едва не сбросила на землю и меня, и картину. К счастью, Бет не упала, но резко остановилась и недовольно заржала. Я спешила и попыталась понять, что произошло. Выяснилось, что лошадка потеряла подкову.

– Проклятье! – крикнула я в темноту.

Мне ответила сова. Осмотр показал, что Бет вроде не повредила себе ни ногу, ни копыто, но прежнюю скорость она, конечно, развить не могла.

Вид у Бет был измученный, и я почувствовала угрызения совести. Что ж, Бет в любом случае не сумела бы скакать два часа кряду и поддерживать заданный мной аллюр.

Я снова оседлала лошадь и вздохнула. Если бы я пустила ее рысью, любой учитель верховой езды сразу бы меня осудил. Да и я не хотела нанести ей травму. Я надеялась, что ничего плохого не случится... а еще я уповала на то, что любитель живописи продаст мне коня.

Правда, сама Бет заупрячилась и отказалась сдвинуться с места. В итоге я поплелась пешком, ведя ее в поводу. Каждый шаг превратился в муку – не из-за физической усталости, а из-за душевной. Я вымоталась и пала духом. Мне казалось, что месяц раскачивается в небе в такт моим мыслям: а я могла думать лишь о том, что промедление грозит Седрику смертной казнью.

Спустя, наверное, два часа позади меня раздался стук копыт. Я встрепенулась и насторожилась, не зная, ждать мне помощи или новых проблем. Судя по той скорости, с которой приближались всадники, в лес свернуть я не успевала. Я быстро отошла в сторону и начала ждать развития событий. Руку я положила на рукоять аланзанского клинка.

Пятеро всадников остановили лошадей, поравнявшись со мной. У одного из них был фонарь: щурясь при ярком свете, я поняла, что передо мной мужчины. Обветренные лица и потертая одежда свидетельствовали об их нелегкой жизни. Я не знала их – а вот они, похоже, были прекрасно осведомлены о том, кто я такая.

– Графиня! – воскликнул мужчина, держащий фонарь. – Мы здесь, чтобы сопроводить вас на родину – в Осфрид!

Глава 30

Я отступила на шаг, стараясь успокоить сбившееся дыхание и бешеное сердцебиение.

– Вы ошиблись, сударь, – произнесла я, пытаюсь говорить мальчишеским голосом. – Я простой работник, доставляю покупку.

– Поздновато для этого, – возразил какой-то всадник. – Мне кажется, что вы собрались бежать, пока все в Триумфальном не пошло вразнос. Но я вас понимаю.

– Мы ничего вам не сделаем, – сказал первый. Он спешил, и пара его спутников последовали его примеру. – Мы отправим вас домой и получим свои денежки. Идемте с нами, и всем нам будет хорошо.

Я стиснула нож и попятилась. Я почти сошла с дороги и мысленно прикидывала, смогу ли убежать в самую чащу. Вряд ли у меня бы что-то получилось – местность была дикой: я наверняка споткнусь о ствол или корягу и меня тотчас поймают.

– Она не хочет по-хорошему.

Тип с фонарем подошел ко мне – и я нанесла удар клинком, вспоров ему рубашку и нанеся неглубокий порез поперек груди.

– Стерва! – вскрикнул он. – Ловите ее!

Остальные мужчины рванулись ко мне. Я понимала, что с таким количеством противников мне не справиться. Однако, как и при нападении Уоррена, я не намеревалась покорно сдаваться. Если они рассчитывают, что женщина окажется легкой добычей, то сейчас они убедятся в своей ошибке. Когда они подбежали ко мне практически вплотную, я намеренно пригнулась и отпрыгнула влево. Они замешкались и принялись копошиться, а я начала отползать, попутно успев пырнуть одного из мужчин в ляжку. У меня хватило сообразительности выдернуть лезвие и продолжать бегство по-пластунски, а он с воплем рухнул на землю. Я поспешно вскочила и бросилась наутек, но меня быстро остановили. Кто-то схватил меня за волосы и рванул назад. Я упала, ударившись щекой о грунтовую дорогу.

– Не навредите ей! – заорал их предводитель. – Она нужна нам в целости и сохранности!

– За два месяца в море все заживет, – возразил какой-то мужчина.

Он тут же попытался сгрести меня в охапку, но взмах аланзанского клинка заставил его посторониться. Его спутники приближались – и

одному из них в конце концов удалось выбить у меня из руки нож. Оказавшись окруженной, я была вынуждена признать свое временное поражение. Им еще надо довести меня до Триумфального и посадить на борт корабля. Для побега будет масса возможностей.

Почуввав близость победы, мужчины замерли, ожидая приказа главаря. Внезапно наступившую тишину нарушил топот копыт. Вся шайка отвлеклась и уставилась на дорогу. Я воспользовалась удачным моментом, проскользнула мимо двоих нападавших и подняла свой нож, озаренный светом фонаря.

Однако, заведев всадников, я изумленно застыла на месте. Рядом с нами остановились мужчина и женщина в черных полумасках. Оба ехали верхом на белоснежных конях.

– Пираты! – воскликнул кто-то.

– Том Жилетка!

– И леди Эвиль! – добавил главарь.

Он произнес ее имя как ругательство, что немного меня позабавило: ведь именно так называли великолепного ангела, служащего Уросу.

Мне вспомнились слова Айяны: «В каждой легенде есть крупца истины».

А теперь легендарные истории ожили. Как странно! Я ведь рассказам о благородных морских разбойниках не очень-то и верила. По Триумфальному ходило множество слухов, а те, что касались пиратов, были самыми неправдоподобными. Может, эти всадники и не были пиратами, пожинающими плоды своей дурной славы, но, по крайней мере, они гениально играли свои роли... а сейчас истина не имела особого значения. Так или иначе, но они полностью соответствовали тем описаниям, которыми меня потчевала Мира – их главная поклонница – еще в «Глициниевой ложине».

Том действительно щеголял в жилете, а на его шляпе я разглядела павлинье перо. Грива золотых волос падала леди Эвиль на спину и струилась по ее плащу, расшитому звездами.

Оба одновременно обнажили сабли, умело и решительно.

– У вас есть кое-что, что нужно нам, – произнес Том... если это и вправду был он. – Оставьте леди Уитмор в покое – и мы вас не тронем.

Двое мужчин моментально попятились с искаженными от страха физиономиями. Но предводитель шайки бросил всадникам вызов.

– Графиня – наша, и мы получим за нее награду, как и было обещано! Убирайтесь, пока мы... А-а!

Том рванулся вперед и ударил главаря эфесом. Эвиль тоже

стремительно бросилась в атаку. Пусть пираты и были в меньшинстве, но кони давали им преимущество, поскольку их противники давно спешились. Да и внушаемый этой парочкой страх оказал ошеломляющий эффект. Часть нападавших на меня явно хотели убраться с импровизированного «поля боя», а тип, которого я ранила в ногу, вообще двигался с трудом.

Наблюдая за схваткой, я размышляла о том, что делать дальше. Шайка действовала неслаженно: я легко могла пустить в ход клинок и добиться результата. Но, наблюдая за тем, как Том и Эвиль яростно работают клинками, я решила, что больше не хочу рисковать.

Надо бежать.

Я оседлала Бет. Вокруг царил такой хаос, что испуганная лошадка, похоже, могла унести прочь в любую секунду. «Наверное, Бет отдохнула и вскоре сможет перейти на рысцу. Темп, конечно, не слишком быстрый, но мы сумеем скрыться из виду через несколько минут», – предположила я.

Я хотела незаметно улизнуть, а потом спешиться и рискнуть углубиться в лес. Конечно, в таком случае я буду вынуждена расстаться и со своей картиной, и с Бет, но – увы! – мне опять придется сделать нелегкий выбор.

Однако моим планам было не суждено воплотиться в реальность. По правде говоря, едва я успела пришпорить Бет, как Том и Эвиль преградили мне дорогу. Я потянула узду, разглядывая всадников с обнаженными саблями.

Я решила не попадать под влияние их таинственной репутации, однако это оказалось непросто.

– Можете не бояться ваших обидчиков! – весело сообщил мне Том.

– Они погибли? – уточнила я.

– Может быть, – неопределенно ответила Эвиль. – Или сбежали.

Эвиль говорила с явным бельзианским акцентом. А вот говор Тома выдавал его колониальное происхождение.

– Ну и ладно. Я не собиралась ехать с ними и не хочу присоединяться к вам.

Вызывающий тон дался мне легко, хоть мне и нечего было им противопоставить. Неужели мой побег так и не осуществится?

– А мы и не хотим брать вас в плен, – заявил Том. – Мы просто поможем вам благополучно добраться до вашего пункта назначения. Сегодня ночью мы становимся вашим официальным эскортом, – добавил он серьезно.

– Почему? Что вам нужно?

– Вам незачем волноваться! Мы не причиним вам вреда. Кроме того,

мы хотим быть уверены, что вы в безопасности – а с нами вас никто и пальцем не тронет.

Но я им не доверяла. Еще бы, ведь уже столько натерпелась, а теперь угодила в лапы пиратов! А судя по рассказам о пиратах, мотивы Тома и Эвиль было невозможно распознать.

Не дождавшись от меня ответа, Том спросил:

– Ваша лошадь в порядке?

– Нет, она потеряла подкову, – призналась я.

– Тогда вам придется покататься в чужом седле, – произнес Том и повернулся к своей спутнице.

Между ними произошел немой и несколько напряженный диалог, а затем Эвиль спешила.

– Мой конь легко унесет двоих, – сказал Том. – Лошадь Эвиль – в вашем распоряжении.

Взглянув на крупного жеребца Тома, я решила, что эта зверюга запросто унесет в заоблачную даль и десятерых.

Мелкая кобылка Эвиль казалась бодрой и веселой, и меня ободрило то, что я буду верхом. Мои шансы сбежать повышались.

– Хорошо, – согласилась я, взглянув на лошадь Эвиль. – Мне надо попасть в Кроуфорд.

Поколебавшись секунду, Эвиль буквально взлетела на коня Тома.

Бет я привязала к дереву.

– Извини, девочка. – Я потрепала ее по холке, жалея, что бросаю бедолагу на дороге. – Надеюсь, ты увидишь своего Гидеона. А если нет... тогда тебя подкует новый хозяин.

Я закрепила картину на седле кобылки Эвиль, и мы помчались вперед с головокружительной быстротой. После медленного аллюра Бет это просто опьяняло, я приободрилась и заверила себя, что мне в конце концов повезет.

Однако я пока еще не добралась до Кроуфорда, и время оставалось моим главным противником.

Когда мы пересекли границу Кроуфорда, Том с Эвиль остановили лошадей.

– Вам известен адрес? – поинтересовался Том.

– Да.

– Тогда нам лучше подождать здесь. Наше ночное появление может кого-нибудь потревожить.

Я кивнула. Что ж, весьма предусмотрительно.

Кроуфорд оказался побольше той деревушки, где я сегодня побывала,

и сперва я немного поплутала по узким улочкам и дворам. Когда я все-таки отыскала нужный дом, то поняла, почему потенциальный покупатель может себе позволить покупку моей картины. Он жил в роскошном особняке, расположенном как раз за центральным сквером. В палисаднике горели фонари, но окна были темными.

Глубоко вздохнув, я поднялась на крыльцо и постучала в дверь.

Мне понадобилось стучать еще два раза, прежде чем мне открыли: сонный слуга уставился на меня с подозрением.

– Мне необходимо встретиться с мистером Дэвенпортом.

– Сударыня, – отозвался слуга, тоном давая мне понять, что я столь вежливого обращения не заслуживаю, – сейчас глубокая ночь.

– Ничего не поделаешь. – Я показала на холст, завернутый в ткань. – У меня есть вещь, которую он пожелал приобрести. Картина. Полагаю, он сильно расстроится, узнав, что вы меня не впустили и я продала ее другому.

По изменившемуся лицу слуги я сообразила, что он в курсе переговоров относительно полотна. Он завел меня в вестибюль и предупредил, чтобы я ничего не трогала. Спустя несколько минут вниз по лестнице спустился седовласый господин в халате. При виде меня у него округлились глаза.

– Вы привезли Тодороса?

– Если вы не передумали, – подтвердила я. – В Триумфальном им очень интересовалась некая дама-мирикосийка.

Я сняла ткань, а хозяин особняка поспешно склонился над картиной.

– Какие краски! Я увидел ее три недели назад и до сих пор не могу забыть. Когда я был в Осфриде, то любовался другими произведениями из этой серии. Тогда я тоже был потрясен. – Он бережно прикоснулся к полотну. – Поглядите-ка на блики солнца и на дерево! Тодорос гениально работал со светом.

Я почувствовала укол стыда. Мужчина оказался настоящим ценителем живописи, а я его обманывала! Но ведь это было совсем неплохо: я осчастливила его и могла спасти жизнь Седрику.

Мы завершили сделку, и я покинула особняк с тяжелым кошельком золота. Когда я возвращалась к пиратам, мне взбрело в голову, что Том с Эвиль каким-то образом узнали мои планы и намерены меня ограбить.

Они оба вышли из темноты раньше, чем я успела перевести дух.

– Закончили? – спросил Том и улыбнулся. – Тогда отправимся в дорогу. Рассвет близок.

Эвиль молчала. В свете уличных фонарей ее волосы блестели, как золото.

Стараясь опередить восход солнца, мы гнали лошадей изо всех сил. При столь быстрой езде я не успела заметить Бет, но разглядела место схватки: на дороге еще горел фонарь, а на обочине распластались тела двух мужчин. Я не поняла, мертвы ли они или просто лежат без сознания: проверять никто не стал.

Лошади пиратов мчались с бешеной скоростью, но когда мы подъехали к окраине Триумфального, солнце уже вставало над горизонтом.

Том остановил своего скакуна. Я последовала его примеру.

– Мы исчезаем с рассветом, – доброжелательно сообщил мне Том. – Надеюсь, что теперь вы и сами справитесь.

Я слезла с седла. От долгой езды мои мышцы затекли, и я чуть было не упала.

– Спасибо за помощь. Без вас у меня бы ничего не получилось. – Я бросила взгляд на Эвиль. – Без вас обоих.

– Рады быть полезными, – отозвался Том.

Эвиль в ответ молча кивнула, спрыгнула на землю и направилась к своей лошади.

Том коротко поклонился мне, не слезая с седла.

– Ке Ариниль те гард, леди Уитмор.

Я невольно улыбнулась. Пират просто безупречно произнес старинное лорандийское присловье! Вдобавок меня порадовало, что на меня призвали благословение Ариниль. В крипте родителей я отвернулась от великолепного ангела-привратника, помогающего путникам, но сейчас поддержка Ариниль мне бы действительно пригодилась.

Я помахала пиратам: всадники молниеносно умчались, а я зашагала по гулким улицам Триумфального.

Я не знала, который час, но открытые ставни лавочек и таверн были дурным знаком. Скоро начнется слушание. Что подумает Седрик, не увидев меня в зале? Что я его бросила? Нет. Он сразу все сообразит. Он поймет, что я собираюсь спасти его от самого страшного.

Оставалось только молиться о том, что так и будет.

Добравшись до дома Николаса Эделтона, я застала хозяина на крыльце. Он смерил меня внимательным взглядом.

– Я сейчас опаздываю на встречу, но, похоже, вам я нужнее.

– Гидеон Стюарт с вами говорил?

– Насчет пая в колонии? Да. Но эта идея весьма ненадежна. Времени в обрез, и пятьсот золотых на дороге не валяются. А возможность найти клад я, пожалуй, исключу.

Я продемонстрировала ему увесистый кошель с деньгами.

Он со смехом покачал головой:

– С вами не соскучишься!

– Вы нам поможете? Я понимаю, что с моей стороны это нахальство, учитывая...

– Мисс Бейли, – прервал он меня, – давайте-ка отыщем представителей Вестхэвена.

Они остановились на постоялом дворе – одном из самых респектабельных в городе. В общем зале царили тишина и порядок. Мы с Николасом чинно сидели за столиком, пока хозяин ходил за представителями колонии. Я зевнула – раз, другой...

– По-моему, вы вот-вот заснете, – произнес Николас.

– Мне нужна короткая передышка, – ответила я. – А потом откроется второе дыхание. Хотя, наверное, я сейчас уже на третьем или четвертом...

Я заметила, что следующие слова он подбирал с трудом.

– Аделаида, вы не сделали ничего... противозаконного, чтобы найти необходимую для пая сумму?

– Нет, – выпалила я и спохватилась: – Не совсем. Может, я что-то и сделала. Впрочем, мне самой трудно судить, но, между прочим, многие остались довольны.

– Вот и отлично.

К нашему столику подошли мужчина и женщина в добротной одежде хорошего покроя. Они явно принадлежали к зажиточному среднему классу. Однако после встречи с жителями Грэшонда я не знала, чего ожидать от тех, кто стремится создать веротерпимую колонию.

– Я – Эдвин Харрисон, а это – моя жена Мэри, – вымолвил мужчина и изумленно уставился на нас обоих. Вероятно, его удивил контраст между моим пропыленным нарядом и строгим костюмом Николаса. – Я могу быть вам чем-нибудь полезен?

– Мы хотим купить пай Вестхэвена, – сообщил Николас.

Эдвин преобразился.

– Замечательно! Чудесно! Мы стремимся, чтобы к нашему начинанию присоединилось как можно больше людей! Дорогая, ты не принесешь экземпляр контракта? – Его супруга поднялась по винтовой лестнице наверх, а Эдвин затараторил: – Прошу вас рассказать мне о себе, мистер и мистрис...

Мы с Николасом обменялись насмешливыми взглядами.

– Пай... вообще-то он не для нас, – призналась я и добавила: – Но от его покупки зависит и моя судьба. Пай нужен для другого человека.

Энтузиазм Эдвина поубавился.

– Это нарушает правила.
– Человек, о котором идет речь, задержан, – объяснил Николас. – Я выступаю в качестве его представителя.
– Первый раз сталкиваюсь с такой проблемой, – растерялся Эдвин.
Тем временем Мэри вернулась с несколькими листами бумаги.
– Я – его поверенный, – сообщил супругам Николас. – А эта юная леди...

– ...его жена, – закончила я фразу.
Николас опешил, но быстро опомнился:
– Если у мистера Харрисона есть какие-то сомнения на данный счет, вы, конечно, сможете предъявить доказательства.
– Они в Хэдисене у члена магистрата, – сказала я.

Я открыла всем троим важную тайну, но иначе поступить я не могла. Кроме того, теперь согласно законодательству у меня появлялись официальные права, чтобы действовать от лица Седрика, особенно при юридической поддержке Николаса. Учитывая то, какие у нас неприятности, объявление о нашем браке не могло серьезно ухудшить ситуацию.

– Да, с вами не заскучаешь, – пробормотал Николас с полуулыбкой и повернулся к Харрисонам. – Полагаю, мы можем совершить акт купли-продажи здесь и сейчас, не так ли?

Эдвин нахмурился, но, подумав, уступил.
– Ладно, по рукам! Мы рады всем, кто искренне разделяет наши взгляды.

Они с Николасом принялись заполнять бумаги. Я кое-что знала про условия контракта от Седрика, но услышать подробности оказалось невероятно интересно. Колонии возникали по приказу короля, который позже во главе назначал губернаторов и посылал туда чиновников. Создание Вестхэвена было тоже инициировано Его Величеством – после того, как икорийцы отдали эти земли при очередном этически сомнительном заключении мира. Однако, в отличие от других колоний, король превратил свое начинание в чисто деловое предприятие. Он охотно шел навстречу тем, кто требовал свободы для совершения своих религиозных обрядов, будь то аланзане или кто-нибудь еще. Пусть священники Уроса и охотились на еретиков и предавали их казни, но Его Величеству было проще отправить иноверцев подальше и сразу же забыть о них.

– По сути, мы покупаем у Его Величества право управлять Вестхэвеном, хоть и остаемся королевскими землями Осфрида, – пояснил Эдвин. – Каждый пай помогает нам выплатить нужную сумму. Вскоре мы

достигнем цели, и тогда мы сможем начать утверждение хартии Вестхэвена. Кстати, у нас уже есть ее черновой вариант! Наши пайщики могут принять активное участие в самоуправлении: из их числа мы изберем тех, кто займет важные посты в Вестхэвене. Позже в выборах будут принимать участие все граждане, представляете?

– А еще ваша колония – самая веротерпимая во всей Адории, – добавила я.

Мэри мягко мне улыбнулась:

– Да, такова наша главная цель.

Николас внимательно прочел все пункты контракта и предложил некоторые уточнения, против которых Харрисоны не возражали. Удовлетворившись, Николас подписал от имени Седрика окончательное соглашение, подтверждая готовность пайщика следовать законам Вестхэвена. Николас поставил свою подпись в качестве доверенного лица и задумался, держа перо над бумагой.

– Мне следует попросить вас о небольшом одолжении. Нам хотелось бы датировать контракт задним числом.

Эдвин насупился.

– Насколько давним?

– Три недели раньше, – сказала я.

– Это можно счесть лжесвидетельством, – подчеркнуто возмутился Эдвин. – Вы как юрист должны понимать, что сильно рискуете своей репутацией!

– Если вы не пойдете нам навстречу, Седрик умрет! – вырвалось у меня. – Его судят за аланзанскую ересь. Мы хотим потребовать вестхэвенской амнистии!

Эдвина испугался моего всплеска эмоций, но Мэри накрыла его руку своей ладонью.

– Милый, ведь в этом весь смысл! Мы должны предотвратить подобные зверства.

Эдвин протяжно выдохнул.

– Ставьте нужную дату, – буркнул он.

После Николаса сам Эдвин расписался в качестве свидетеля, тоже поставил дату трехнедельной давности, после чего забрал у меня с таким трудом добытые деньги.

Мне хотелось расплакаться, но, вероятно, дело было в обычном недосыпе.

– Спасибо вам! Огромное спасибо! Вы так нам помогли!

Дверь постоянного двора распахнулась, и в проеме появился рабочий с

лихорадочно блестящими глазами.

– Все к виселице! Сейчас будет казнь! Они приговорили к повешению аланзанского дьявола!

Николас застонал, а я вылетела из-за стола.

– Нет! Мы не опоздали! Мы не могли!

Схватив бумаги, я ринулась к двери. Николас догнал меня на крыльце.

– Подождите меня! Чернь обожает казни: там будет настоящий ад.

Николас не ошибся. Мы влились в поток людей, бегущих на площадь. Все они жаждали крови. Я пожалела, что мы не верхом, но мигом сообразила, что вряд ли нам удалось бы далеко уехать в такой толчее. Я постаралась сосредоточиться на том, чтобы лавировать среди людей, и выкинула из головы мысли о том, что станет с Седриком, если я не успею.

– Я понимала, что все произойдет быстро! – крикнула я Николасу на бегу, пытаясь перекричать шум. – Но мы должны успеть!

– Точное время приведения приговора в исполнение назначает губернатор! – отозвался Николас. – А он-то как раз стремится добиться торжества своего псевдоправосудия! Но я уверен, что сейчас будет задержка! Власти любят собирать зрителей, чтобы люди боялись и слушались! Они будут ждать, когда на площади соберется весь Триумфальный!

Я запретила себе даже думать о казни Седрика. Но в голове мелькали жуткие мысли: вдруг его все-таки повесят, и меня не будет рядом в его последние минуты?

Показалось здание суда. Виселицу уже поставили, на эшафоте стояли люди в темных одеждах. Среди них почти наверняка был и Седрик. Когда мы подобрались еще ближе, началась давка. Горожане хотели быть свидетелями казни, но места на площади не хватало. Никому не хотелось уступать отвоеванную позицию, и проталкиваться вперед стало затруднительно.

У самого края площади я заметила Айяну. Она держала ладонь козырьком, заслоняя глаза от солнца, и всматривалась в бурлящий людской поток. Заметив меня, она поспешила подойти к нам с Николасом.

– Аделаида! А я гадала, куда ты подевалась! Ты не встретила Миру?

– Нет! Я решила, что она уже здесь. Но мне надо туда – к Седрику! – потребовала я. – Айяна, я должна его спасти!

И мы втроем начали продираться сквозь толпу.

– Уоррена Дойла оправдали? – спросил Николас у Айяны.

Она хмуро кивнула.

Айяна помогала нам не затеряться в людском водовороте. Нас осыпали

яростными проклятиями, но мы не останавливались. Однако мы продвигались слишком медленно: мы едва ли прошли половину пути, когда перед эшафотом встал Дойл-старший.

Но к этому моменту я уже смогла хорошо рассмотреть Седрика. Здоровую руку ему завели за спину и привязали. У меня оборвалось сердце. Уоррен Дойл стоял рядом с палачом в плаще с глухим капюшоном.

– Добрые граждане Денхэма! – провозгласил губернатор. – Мы собрались здесь, дабы стать свидетелями торжества справедливости, чтобы помочь очистить нашу колонию и изгнать из нее силы зла!

Толпа притихла, и я решила воспользоваться шансом.

– Губернатор Дойл! – заорала я. – Губернатор Дойл!

Он меня не услышал, а люди, которые находились возле нас, раздраженно зашикали. Я продолжила работать локтями.

– Сегодня вы видите на эшафоте еретика. И не простого еретика, а одного из мерзких аланзан. – Вокруг заулюлюкали. – Того, кто устраивает темные ритуалы и богохульно приобщается к шести ангелам-отступникам!

Я подобралась чуть ближе и повторила свою попытку:

– Губернатор Дойл!

Он по-прежнему меня не услышал, но народ в передних рядах стал оборачиваться. Горожане уступали мне дорогу из чистого любопытства, и моя следующая попытка оказалась успешной.

– Губернатор Дойл!

Губернатор поискал меня взглядом и кивнул.

– Леди Уитмор! Вы пропустили заседание суда!

Толпа расступилась, и я легко прошла к эшафоту. Поднимаясь по ступенькам, я встретила взглядом с Седриком. Пара солдат хотела преградить мне путь, но Дойл-младший знаком остановил их.

– Пусть попрощается.

Доброты в его голосе не было.

Я махнула принесенными документами.

– Вы не имеете права его казнить! Он – гражданин Вестхэвена! Я принесла доказательства! Ему разрешено следовать своей вере, и вы обязаны учитывать это здесь, в Триумфальном.

Снисходительный взгляд Уоррена превратился в злобный.

– Забери свои фальшивые бумажонки и убирайся отсюда!

– Это не фальшивки, – объявил Николас, который добрался до первых рядов вместе с Айяной. – Я – поверенный мистера Торна. Я занимался его контрактом с главным представителем Вестхэвена. Документы в полном порядке. У мистера Торна уже имелось гражданство в тот день, когда вы

нашли у него аланзанские предметы культа.

– Какая прыть! Что за везение! – огрызнулся отец Уоррена. – Вам следовало представить ваши «доказательства» до вердикта. Аланзанский демон понесет заслуженное наказание, и будь я проклят, если...

Он не договорил, а его взгляд устремился прямо мне за спину. Я обернулась, встала на цыпочки и попыталась понять, что именно привлекло внимание губернатора. Группа всадников мчалась к эшафту, игнорируя препоны. Перепуганная толпа расступалась перед ними, отчаянно ища безопасности.

– Губернатор! – крикнул один из прискакавших, как только оказался в пределах слышимости. – Здесь икорийцы! Армия икорийцев здесь, в Триумфальном!

Дойл-старший уставился на вестника, как на сумасшедшего.

– В городе уже много лет не видели икорийцев, да и вообще во всем Денхэме.

Мужчина замотал головой.

– Они наступают! Созовите солдат!

Однако даже я знала, что в Триумфальном было маловато военных. В них не нуждались, поскольку, по мнению властей, ни икорийцы, ни лорандийцы давно не представляли реальной угрозы. Его Величество перевел гарнизоны в другие, более уязвимые колонии. Прибрежный форт Триумфального почти всегда пустовал. Порядок в толпе обеспечивала горстка ополченцев и остатки солдат.

Я с трудом поверила в армию икорийцев, но решила подождать развития событий. А спустя полминуты на площади появился конный отряд, поднявший тучу пыли. Всадников, задрапированных в клетчатую ткань, было не меньше пятидесяти. Солнце играло в рыжих и золотых шевелюрах воинов и бросало на их мечи и щиты яркие отблески.

На площади воцарился хаос. Народ с воплями ринулся в разные стороны, спасаясь паническим бегством от «икорийских дикарей». Губернатор Дойл истошно заорал, призывая ополченцев собраться у эшафота, но в такой сумятице это оказалось практически невозможно.

Я поспешно поманила Николаса, и он поднялся ко мне.

Я не понимала, что происходит, но не собиралась оставлять Седрика связанным. Меня не на шутку перепугали икорийцы: несомненно, намерения у них были очень серьезные. Если на площади начнется сражение, нам всем надо было убираться отсюда – и поскорее.

Кинувшись к Седрику, я перерезала его путы.

– Ты цел? – спросила я, жадно всматриваясь в дорогие мне черты.

– Да, – произнес Седрик, нежно погладив меня по щеке, и осмотрелся. – Бежим! Нам нужно добраться до северной дороги и спрятаться в лесу!

Николас кивнул.

– Мы найдем помощь на севере. Уверен, мы сумеем добраться до колонии Арчервуд. Там ополчение побольше и осталась армейская часть.

Мы ринулись к лестнице, но дорогу нам преградил Уоррен. Как не вовремя! Удивительное дело: его признали невиновным лишь час назад, а он уже раздобыл пистолет.

– Вы не уйдете! – зарычал он. – Может, мы все здесь погибнем, но вас прикончу именно я!

Я смотрела на приближающихся всадников. Икорийцы пока еще не нападали на людей (да и не на кого было, поскольку горожане разбежались от всадников в совершеннейшем ужасе). Ополченцы, наконец, начали собираться на площади, но пока я насчитала только две дюжины: перевес был явно на стороне икорийцев.

– Прекратите! – крикнула я. – Забудьте вы о мести! Присоединяйтесь к нам! Мы направляемся на север.

– Спасайте свою шкуру! – добавил Седрик. – У вас это хорошо получается!

Наверное, он выразился грубовато, но Седрик проявил милосердие и хотел помочь Уоррену, хотя, по-моему, это было бесполезно. Похоже, Дойл-младший оказался чересчур упрямым и несговорчивым.

– Где губернатор? – прогудел чей-то низкий голос.

Мы резко обернулись. Икорийцы уже подъехали к эшафоту. К счастью, мои опасения по поводу сражения не оправдались. Они и не думали нас атаковать. Вид у них был удивительно спокойный, хотя всадники, находившиеся по краям отряда, пристально за нами наблюдали и крепко сжимали оружие.

Лица многих икорийцев были расписаны синей краской, как и у их собратьев, которых мы встретили на пути в Хэдисен: я даже различила неизвестные мне символы и орнаменты. Женщины-воины ехали наравне с мужчинами. Медные бляхи и перья украшали коней и всадников, шерстяные пледы создавали море цветов. Оказавшись вблизи от икорийцев, я поняла, что их отряд соблюдал некий боевой строй. Всадники слева от меня были облачены в красно-белые пледы. Икорийцев правого «фланга» отличали красно-синие одеяния, а впереди скакали воины в черно-зеленых пледах.

Именно к этой группе и принадлежал говоривший. Я посмотрела на

загорелого, мускулистого, светловолосого юношу и обомлела.

В Триумфальный пожаловал тот самый икориец, с которым мы встретились на дороге в Хэдисен!

– Где губернатор? – произнес он с сильным осфридским акцентом.

Дойл-старший обрел дар речи...

– Я губернатор. Вам нечего делать в нашем городе. Убирайтесь, пока моя армия не втоптала вас в землю!

Он блефовал: количество ополченцев не превышало тридцати человек.

– Нет, мы не собираемся уходить, – возразил икориец. – Мы намерены добиться своей цели и хотим прибегнуть к вашей помощи, чтобы восстановить справедливость. – Он бросил беглый взгляд на Уоррена. – Мне сказали, что двух переговорщиков будет мало и наши требования проигнорируют, поэтому мы собрали своих воинов и прибыли в Триумфальный.

– Но мы не причиняли вам зла! – ответил губернатор Дойл. – Мы приняли условия договора. Мы следовали каждому его пункту! Наши народы все разделили. У вас – свои земли, у нас – свои.

– Ваши солдаты нарушают границы и нападают на наши деревни. Они приходят из края, который вы называете Лорандией. – Икориец посмотрел на губернатора в упор. – Ваши люди поддерживают лорандийцев и разрешают им передвигаться по вашим же территориям.

Ополченцы начали нервно перешептываться, а губернатор Дойл рассвирепел.

– Исключено! Если бы лорандийцы оказались на ваших землях, это означало бы, что они могут напасть и на нас самих! Ни один из нас не допустит произвола со стороны лорандийцев!

– Ваш собственный сын допустил.

Неожиданно от отряда икорийцев отделилась какая-то всадница.

Ее лошадь послушно остановилась рядом с конем икорийца.

Я не могла поверить своим глазам: всадницей оказалась Тэмсин!

Сначала я ее даже не заметила. Рыжие волосы Тэмсин сливались с шевелюрами икорийцев, и одета она была так же, как и женщины-воины отряда, – в платье до колен с каймой из клетчатой ткани. Волосы у нее оказались заплетены в две свободно падающие косы с медными подвесками.

Я была потрясена, когда увидела ее среди жителей Грэшонда. А сейчас я с трудом убедила себя, что у меня не галлюцинация.

Тэмсин вела себя сдержанно и с достоинством: от ее театральной эмоциональности не осталось и следа.

– Ваш сын и другие предатели договорились с лорандийцами, чтобы устроить беспорядки и выманить осфридскую армию из центральных колоний. Они плели интриги, чтобы Хэдисен и другие колонии восстали против короля, – произнесла она.

Уоррен ожил и опустил пистолет.

– Она лжет, отец! Похоже, икорийские варвары промыли девушке мозги! Она не понимает, что говорит! Разве у нее есть доказательства? Это просто нелепые рассказы!

– Доказательством является то, что меня сбросили с корабля в шторм, когда я узнала о ваших планах, – ответила она.

– Ложь! – пролепетал Уоррен и испуганно попятился. – Девушка бредит!

Внезапно по ступенькам на помост поднялся мужчина – и Уоррен тут же повернулся к нему. Это оказался Грант Эллиот: сегодня он выглядел особенно неопрятно, но, конечно, нисколько не смущался. Он прошествовал по эшафоту к губернатору с гордым видом, как будто ни икорийцы, ни возможные предатели не представляли для него ничего особенного.

– Она говорит правду, – заявил он, глядя не на Уоррена, а на губернатора Дойла. Сейчас это был тот самый резковатый Грант, которого я помнила по шторму. – Есть пачки писем. Свидетели, готовые дать показания.

– Эллиот? – изумился Уоррен. – О чем ты?

Тяжелый взгляд Гранта упал на Уоррена.

– Думаю, ты и сам знаешь. О Кортманше. О «курьерах-еретиках».

Я заметила, как изменился взгляд Уоррена в тот момент, когда малопонятные мне слова заставили его дойти до крайности.

Он еще только наводил на Гранта пистолет, но я уже поняла, что сейчас может случиться непоправимое.

– Берегитесь! – крикнула я, налетев на Гранта.

Мне не удалось сбить его с ног, но я оттолкнула Гранта в сторону. Прогремел выстрел: Грант уцелел, зато я оказалась прямо перед Уорреном, который, похоже, разрядил еще не всю обойму.

Лицо Уоррена исказилось: теперь-то ему было все равно, кого именно убить.

Вдруг я услышала сочный удар, а мое периферийное зрение уловило какое-то движение. В следующую секунду Уоррен катался по доскам, схватившись за ногу, завывая и ругаясь. У него из колена торчала стрела. Ранили Дойла-младшего в ту же самую ногу, в которую я воткнула нож еще

на прииске!

Грант кинулся к Уоррену и ловко скрутил его, что показалось мне излишним при таких криках боли.

Я попыталась определить, откуда прилетела стрела. Икорийцы и беспомощное ополчение выглядели одинаково озадаченными. Но спустя несколько мгновений я наконец обнаружила меткого стрелка.

Я уже не могла сказать, кто поразил меня более всего: может, Тэмсин, которая была в числе икорийских воинов...

...или Мира, которая стояла на перевернутой повозке с арбалетом в руках.

Глава 31

Моя вторая свадьба была гораздо более многолюдной, чем первая. И праздновали ее в нормальных условиях.

Я, конечно, могла бы настаивать на том, что не нуждаюсь в пышной церемонии, дабы поклясться в своей любви к Седрику. Горячая ванна и красивое платье моих чувств не меняли. Но отказываться от комфорта я не собиралась.

В Адории браки заключались в магистрате гораздо чаще, чем в Осфриде, поэтому было вполне естественно, что мы предпочли светский вариант храму Уроса. Разумеется, после того, как стало известно про аланзанство Седрика, никто особо и не удивился. Прием в честь нашего бракосочетания организовали в «Глициниевой лощине»: туда пригласили не только наших друзей, но и гостей, о существовании которых мы никогда раньше и не подозревали. Джаспер неохотно согласился сыграть роль радушного хозяина. Он по-прежнему был недоволен решениями сына, однако сдался и смирился с неизбежным.

Брачную ночь мы провели у одного из аланзанских приятелей Седрика: он уезжал из города по делам и уступил нам свое жилище. Дом аланзанина не блистал роскошью, как мой семейный особняк в Осфро, и даже не мог сравниться с имением «Голубой ключ», зато был чистым, милым и уютным. И теперь он был в нашем распоряжении – на всю ночь.

Мы с Седриком могли не бояться, что кто-то застигнет нас врасплох и испепелит осуждающими взглядами.

Нам обоим казалось, что мы провели вдали друг от друга целую вечность. Поскольку наше бракосочетание на прииске являлось строжайшей тайной, то две недели, прошедшие между судом и свадьбой, мы провели, как и подобает жениху и невесте – и виделись лишь на людях.

А когда само торжество завершилось и мы добрались до нашего временного жилища, то потрясение от того, что мы наконец-то вместе, было настолько сильным, что мы совсем растерялись. Сперва мы не соображали, что делать.

Впрочем, мы это быстро наверстали.

Меня разбудили яркие солнечные лучи, врывавшиеся в окно спальни. Седрик лежал у меня за спиной, обнимая за талию. Я погладила хрустящие белые простыни, наслаждаясь волшебным ароматом: в нем смешались ветивер Седрика, мыло, которым стирали постельное белье, и фиалковые

духи (свадебный подарок Миры и Тэмсин).

– Похоже, ты о чем-то думаешь, – пробормотал Седрик, прижимаясь щекой к моей спине, – и гораздо более усиленно, чем следовало бы.

– Хочу запомнить все детали. Свет, запахи, прикосновения. – Я перевернулась, чтобы оказаться к нему лицом. Утреннее солнце озаряло его волосы, которые были весьма растрепанными. – И тебя. Теперь всю оставшуюся жизнь мы будем просыпаться рядом друг с другом, но я даже не могу сказать, когда у нас будет такая комната... и такая постель.

Седрик отвел упавшую мне на лоб прядь волос и погладил мою шею кончиками пальцев.

– Струсил?

– Вряд ли: я ведь вышла за тебя замуж два раза!

– Может, найдем повод задержаться здесь подольше?

– И не поедем в Вестхэвен с авторами хартии? Наш поступок подорвет авторитет основателя и общественного лидера! А еще тебя могут арестовать и казнить за ересь, если ты не поспешишь отсюда удрать! Тогда запасы продуктов, которые хранятся в подполе, пропадут зря.

– Ты перечислила мне все именно в том порядке, в каком хотела? То есть начиная с самых мелких неприятностей и заканчивая самыми крупными?

– Ага, – отозвалась я.

Рука Седрика, только что прикасавшаяся к моему лицу, нырнула под одеяло и стала ласкать мою голую ногу... мучительно медленно и неторопливо. Я старалась, чтобы мое лицо и голос оставались спокойными, но мое тело меня предало. Я запылала от жара и прильнула к Седрику.

– Ты мешаешь мне сосредоточиться. А у нас много дел, – прошептала я.

– Да, – хриловато согласился он, прижимаясь губами к моей шее. – Очень много.

– Я другое имела...

Устоять перед ним было невозможно. Или, может быть, наоборот – это он был не в состоянии передо мной устоять. Мы страстно соединились, и я позабыла про Вестхэвен и про ожидающие нас лишения. Весь следующий час мой мир был только переплетением прядей волос, сплетением тел, мешаниной простыней... Затем я сделала очередную – прямо скажем, неубедительную – попытку встать и начать новый день. Но вскоре я сдалась и, привалившись к Седрику, крепко уснула.

Стук в дверь разбудил меня, разогнав ленивую негу.

Я резко села.

– За нашими припасами уже пришли? Который час?

Седрик приоткрыл один глаз и посмотрел на окно.

– Еще не время. Слишком рано.

– Но кому-то что-то понадобилось, – возразила я, поскольку стук не прекращался.

Я слезла с кровати и начала поиски своего теплого халата. Обнаружив его, я принялась его надевать и только тут заметила, что мое свадебное платье лежит в самом дальнем углу, вывернутое наизнанку. Это был один из моих бриллиантовых нарядов, фантазия из белого шелка и серебра.

– Как оно туда попало?

Седрик уже открыл оба глаза и неотрывно наблюдал за мной. После моего вопроса он покосился в сторону угла.

– Тебе требовалась помощь, чтобы его снять.

Можно подумать, это был ответ!

– Джаспер жутко разозлится! Мне ведь надо его вернуть!

Я завязала пояс и направилась к двери пока еще нашей спальни.

– По-моему, тебе теперь надо звать его папой! – крикнул Седрик мне вслед.

Я приостановилась и швырнула в него подушкой.

Вскоре стук в дверь превратился в самую настоящую барабанную дробь, но, думаю, мне не следовало удивляться, обнаружив на крыльце Джаспера. Он нетерпеливо посмотрел на свои карманные часы.

– Наконец-то!

– Извините. Мы еще... спали. Не хотите зайти?

– Некогда. Отправляюсь на переговоры с джентльменом, который, вероятно, станет моим компаньоном в новом интересном предприятии.

– И он назначил тебе встречу как раз в день нашего отъезда? – Седрик тоже спустился вниз и, встав на пороге, широко зевнул. Он успел облачиться в свадебный костюм, который был сильно измят. – Или, может, ты сам решил провести эти важные переговоры в столь ранний час?

Джаспер проигнорировал вопросы сына.

– В данный момент вам от меня ничего не нужно, а вот за вами остается должок. Я пришел за бриллиантовым нарядом. Я получу за него неплохие деньги. А если моя идея себя оправдает, мы можем запросто расширить «жемчужное» предприятие в кратчайшие сроки. Мы с моим будущим напарником уже начали прорабатывать план удаленного сватовства с помощью переписки и специальной рубрики объявлений в прессе. На рынке сейчас столько возможностей!

Оставив Джаспера проговаривать детали, я поднялась в спальню. Мне

понадобилось пять минут, чтобы собрать воедино все делали наряда, включая корсаж, чехол и нижние юбки. Забавно, но кружевная сорочка и фата тоже валялись на полу. Вероятно, вчера я перебрала с вином. А может, была слишком увлечена происходящим, чтобы думать о таких мелочах. Когда я расправила юбку, от нее отлетело несколько сверкающих бусин. Я поморщилась, надеясь, что Джаспер ничего не заметит.

Спускаясь вниз, я невольно прислушивалась к голосу Торна старшего.

– ...расширить дело так, как нам с Чарльзом и не снилось! – вещал Джаспер. – Кстати, ты мог бы получить в нем долю! Но нет! Тебе взбрело в голову жениться на мошеннице-аристократке и ускакать в глушь, чтобы проповедовать какой-то дикий культ! Вот на что ты променял несметные богатства! Надеюсь, что твой безумный поступок принесет тебе в будущем хоть какие-то плоды.

– Отец, лучшего напутствия от тебя я еще никогда не слышал!

– Я говорю серьезно, – мрачно произнес Джаспер. – Ты опять рискуешь, Седрик.

– Я сам сделал свой выбор, – ответил Седрик. – И это главное.

Я вручила наряд Джасперу, и, судя по его прищур, он сразу же заметил отсутствие бусин.

– Спасибо, что разрешили мне воспользоваться платьем... папа, – ласково проговорила я.

Джаспер попрощался. Мы с Седриком стояли на крыльце, провожая его взглядами, пока Джаспер не скрылся за поворотом.

Затем Седрик обнял меня.

– Готова к приключениям и авантюрам?

– Еще бы!

Утро пролетело стремительно. Мы мигом собрали свои немногочисленные пожитки и, бросив благодарный взгляд на домик, в котором переночевали, отправились в дорогу, чтобы присоединиться к остальным. Как и при отъезде в Хэдисен, на окраине города, где выстраивались вереницей повозки и всадники, уже собралась целая толпа. Прощаться пришли родные и друзья, а просто поглазеть – зеваки и случайные прохожие.

Однако меня изумило количество провожающих: я и не ожидала, что здесь будет столько народа!

Эдвин Харрисон тотчас подозвал к себе Седрика и начал с ним что-то горячо обсуждать, а я принялась с любопытством наблюдать за происходящим.

– А свадьба – дело утомительное! – Ко мне подбежала Тэмсин. – Судя

по твоему виду, ты вообще не спала.

Я ухмыльнулась и обняла подругу.

– Чуть-чуть подремала.

– Думаю, ты отдохнешь в повозке! В какую же глушь вас понесло! Но, наверное, вас ждет лачуга в Вестхэвене, и ты сможешь выспаться!

Мне вспомнилась наша ветхая хижина на прииске: казалось, с тех пор прошел целый век.

– У нас пока и жилища своего нет. Придется строить или нанять рабочих: из Седрика пока не получается идеальный плотник. И перестань ворчать, Тэмсин: ты сама успела пожить в икорийском шатре!

Тэмсин улыбнулась моей шутке, но промолчала. За те недели, что прошли с момента разоблачения Уоррена, мы узнали немало подробностей о ее жизни в Грэшонде и у икорийцев. Тэмсин долго таилась от нас с Мирой, но я чувствовала, что она кое-что скрывает и до сих пор. Оставалось надеяться, что позже Тэмсин поделится с нами всеми подробностями.

И, конечно, меня порадовало, что Айяна выручила Тэмсин. Она буквально прижала Джаспера к стене и заявила, что девушке пока рано выходить замуж, поскольку Тэмсин не вполне оправилась от шока после всего пережитого. Айяна свою точку зрения отстояла, и контракт Тэмсин продлили.

Моя подруга отвернулась и рассеянно уставилась на море людей.

– Мне... надо кое-кто... в общем, нам надо поговорить. Я хочу кое о чем спросить.

Меня поразило выражение ее лица. Даже испугало: я ведь надеялась, что самое серьезное уже позади. Я сжала ее пальцы.

– Я тебя слушаю.

– Может, сейчас слишком поздно. Я помалкивала, но мне не хотелось тебя обременять. Я знаю, что вы с Седриком выручили крупную сумму от продажи прииска в Хэдисене, и я подумала, что... – замямила Тэмсин.

– Тэмсин! – оборвала я ее. – Будь со мной откровенна! Давай спрашивай. Не стесняйся.

Она послушалась, а я... что ж, я просто пыталась переварить услышанное. Пауза затягивалась, а Тэмсин нервничала все сильнее.

– Ты считаешь меня ужасным человеком, да?

– Разумеется, нет! – выпалила я, вновь обнимая Тэмсин. Мне вспомнилось, как однажды Тэмсин намекнула мне, что в Адории будет решена ее судьба. И она была права.

– Тэмсин, я всего лишь удивилась. Но я тебе помогу. Обещаю.

Ее карие глаза наполнились слезами.

– Я понимаю, что многого прошу. Возможно, Седрик не захочет тратить деньги. Я его понимаю, с этим не поспоришь.

– Поверь мне, Седрик не будет возражать! И мне тоже не нужно тратить хэдисенские деньги.

Я всмотрелась в толпу, надеясь обнаружить Николаса Эделтона. Увы, мне не повезло. С юридической точки зрения я, вероятно, могла бы обойтись без него, но он, безусловно, облегчил бы задачу.

А дело состояло вот в чем. После того, как набралось достаточное количество улик, Уоррена должны были отправить в Осфрид. Мы знали, что в столице Уоррен будет держать ответ за свое многоуровневое предательство, и смогли немного расслабиться, но ненадолго – нас с Седриком настиг настоящий юридический кошмар! Путаница продолжилась и в связи с вопросом по поводу земельных участков, принадлежавших Уоррену в Хэдисене. В случае государственной измены такие наделы обычно отходили Его Величеству. Однако там уже трудилась дюжина арендаторов, и, сделав красивый жест, королевский суд оформил дарение участков свежеиспеченным переселенцам.

Седрик решил не заниматься разработкой золотой жилы, а продал прииск за внушительную сумму. В итоге у нас появилась возможность расплатиться по моему контракту и отложить часть денег для обустройства в Вестхэвене. Николас очень помог нам с юридической волокитой и наверняка заслужил возможность от нас отдохнуть.

К счастью, я заметила поблизости одного из служащих Вестхэвена, который вел учет, вооружившись пером и кипой документов. Я уговорила его одолжить мне перо и подарить лист бумаги. Он был из тех, на кого мое прошлое произвело огромное впечатление, и когда я его поблагодарила, он с трудом выдавил из себя:

– Не за что, в-ваше сиятельство.

Я присела на повозку и, пристроив листок на каком-то ящике, написала:

«Я, Элизабет Торн, урожденная Уитмор»...

И тут же задумалась. Я имела полное право использовать свое настоящее имя. Вопрос заключался в том, что писать дальше. И надо ли это делать? Я отсутствовала больше года. Конечно, наш славный титул перешел к кузену Питеру.

«Я, Элизабет Торн, урожденная Уитмор, бывшая графиня Ротфордская, поручаю вручить причитающуюся мне сумму вдовьей доли леди Элис Уитмор, чтобы та могла потратить ее следующим образом...»

Тэмсин наблюдала за мной, затаив дыхание. Когда я поставила подпись и дату, она перечитала все написанное и с надеждой посмотрела на меня:

– И это все?

– Да, все. Деньги были выделены давно, и на них семейные долги не распространяются. А сейчас, когда я вышла замуж, они по закону перешли в мое пользование. Сумма, правда, небольшая, но и не мизерная... Ничего, Тэмсин, я уверена, что тебе этого хватит, а моя бабушка проследит, чтобы все было сделано должным образом.

Я извлекла из кармана дорожной юбки толстую стопку сложенных листков. Помимо копии моего свидетельства о браке, там было одно очень важное письмо.

– Я добавлю его к документам, которые приготовила для отправки в Осфро. Кстати, Сайлас Гаррет оказал мне услугу. Он пообещал, что доставит моей бабушке все бумаги. А еще он подтвердит, что видел собственными глазами не только мой портрет, но и встречался с оригиналом, то есть со мной! Пусть бабушка не волнуется, Сайлас скажет ей, что я жива и здорова! Но куда же он запропастился?

Тэмсин прищурилась.

– А он как раз болтает с этим ужасным типом Грантом Эллиотом! Грант сперва казался вежливым и обходительным, но, если честно, он иногда странновато себя ведет.

И действительно, эти двое стояли, отделившись от толпы, и о чем-то беседовали. Я до сих пор гадала, что их связывает, но знала только, что оба сыграли роль в аресте Уоррена. Сайлас должен был увезти Уоррена в Осфрид, где того будут судить как предателя, а Гранту предстояло остаться в колонии.

– Но Грант вовсе не такой ужасный, как тебе кажется, – сказала я Тэмсин. – По слухам, именно он обнаружил, что Уоррен сотрудничает с лорандийцами.

– Хорошо, что он хотя бы привел себя в порядок, верно? – отозвалась она. – Борода у него вроде выглядит гораздо аккуратнее.

Я усмехнулась и направилась к Сайласу и Гранту.

При виде меня Сайлас кивнул своей сидящей головой.

– Мистрис Торн, а я вас жду! Поздравляю вас!

– Спасибо, – поблагодарила я Сайласа и вручила ему бумаги. – Вы без труда найдете мою бабушку. Не сомневаюсь, что она по-прежнему в Осфро.

Сайлас спрятал бумаги во внутренний карман камзола.

– Не беспокойтесь! У вас есть еще какие-нибудь поручения?

Я покачала головой, а Тэмсин нерешительно проговорила:

– Если вас не затруднит, мистер Гаррет... у меня тоже есть письма. Их нужно доставить в Осфро. Я могу заплатить!

– Принесите их мне до моего отъезда, мисс. Мы отплываем через два дня, – ответил Сайлас.

– Как ваш заключенный? – поинтересовалась я.

– Страдает, – заявил Грант. Он ухмыльнулся, и я так и не поняла, хотел ли он показаться любезным или пугающим. – Заперт в корабельном трюме, и я навещаю его ежедневно, чтобы он не перестал страдать.

Мира подошла к нам, успев услышать последние слова Гранта.

– Наверное, в Осфро его казнят за измену. Можно не опасаться того, что он в ближайшее время развеселится.

– Хитрый подонок едва не развязал войну, в которую втянулись бы Осфрид, икорийцы, Лорандия, баланканцы и один только Урос знает, кто еще! Она опустошила бы Новый Свет и унесла бы множество жизней. Поэтому я считаю вполне справедливым заставить его страдать. – Грант сделал паузу – почти красноречивую. – Люблю выполнять работу качественно.

Мира выразительно выгнула брови и повернулась к нам с Тэмсин.

– Давайте поговорим напоследок!

Мы попрощались с мужчинами и отошли к высокому дереву. Тэмсин, которая минуту назад едва не рыдала, уже сияла, и в ее глазах вновь зажглись привычные искорки.

– Когда ты расскажешь нам все, Мира? – лукаво осведомилась она. – Ты ведь не дашь бедняжке Аделаиде уехать в глухомань, не поделившись своими планами! Не будь жестокой, Мира! Пожалей наш бриллиант!

Мира недавно сообщила нам, что «приняла решение» относительно своего будущего, но мы пока и понятия не имели, в чем оно состоит. Возможно, Мира приняла предложение того «древнего» плантатора, а может, решила вернуться в Осфрид и стать самостоятельной женщиной.

Однако оба варианта казались маловероятными при той улыбке, которая играла у нее на губах. После ее впечатляющего выстрела в Уоррена (который был сделан благодаря обучению у Айяны) никакие поступки Миры меня больше не удивляли.

Выяснилось, что тайна будет сохраняться еще некоторое время.

– Извините, – произнесла Мира, – но пока я сделаю паузу. Наберитесь терпения, подруги.

– Опять ты за свое! – возмутилась Тэмсин.

Мира крепко меня обняла.

– А сейчас я просто хотела прийти и попрощаться с Аделаидой! Мы постоянно это делаем, правда?

Я включила в наши объятия и Тэмсин.

– Зато позже мы встречаемся! Я время от времени смогу выбираться в Триумфальный. И надеюсь, что вы будете навещать меня в Вестхэвене.

– Обязательно! – пообещала Мира.

– Сообщите, когда вы постройте дом и обставите его мебелью! Только умоляю, не забудьте про настоящие кровати! Я не собираюсь спать на соломенном матраце, расстеленном на земляном полу, – съехидничала Тэмсин. – Вот тогда мы сразу приедем к тебе в гости!

Мы посмеялись, а потом немножко поплакали. Я заметила, что вестхэвенский обоз готов отправиться в путь, и реальность происходящего тяжело навалилась на меня. Очередное путешествие. Еще одна коренная перемена в моей жизни.

– Аделаида, конечно, ты здесь! Весьма предсказуемо! Надо было лишь посмотреть, где льются реки слез. А вы не поверите, сколько их пролилось в ее столичном особняке в тот роковой день, когда мы познакомились.

Седрик подошел ко мне сзади, и я отодвинулась от Миры и Тэмсин, чтобы обнять своего мужа.

– Это из-за него я лила слезы! – воскликнула я, слегка ткнув Седрика кулаком в плечо.

– Верно. Ты с первой минуты ко мне неровно дышала.

Раздался окрик, призывающий нас к отбытию из Триумфального, и Седрик моментально посерьезнел. Я тихонько всхлипнула и приникла к Тэмсин и Мире.

Когда подруги выпустили меня из объятий, Седрик взял меня за руку.

– Ваше сиятельство, нам пора.

Мы подошли к молодым и резвым лошадкам, переступавшим с ноги на ногу. «Слава Уросу, я не буду погонять несчастную Лиззи или Бет», – подумала я.

Седрик помог мне забраться в седло. Бросив последний сердечный взгляд на Тэмсин и Миру, я посмотрела вперед – туда, где пролегала дорога, которая вела из Триумфального в неизведанные земли. Когда мы уезжали в Хэдисен, это зрелище меня пугало, но сейчас я ощутила радость и надежду. Нас ждали необычайные перспективы.

Седрик наклонился ко мне.

– Я очень надеюсь, что наше новое безумство принесет нам удачу.

– По-моему, так и будет, – ответила я. – В конце концов, предыдущее безумство обернулось совсем не так уж плохо.

И мы отправились в путь.

Благодарности

Идея этой серии зародилась лишь в виде крошечных искорок вдохновения – а когда они соединились воедино, пламя было уже невозможно погасить, и я стремительно мчалась к финалу романа.

Но, конечно, прежде всего, я очень обязана моим близким, в особенности моему мужу и сыновьям. Они потворствовали мне, когда я отказывалась расставаться с ноутбуком и порой выпадала из реальности, обдумывая очередную главу. А еще я благодарна моему литературному агенту Джиму Маккарти и несравненной команде издательства «Рейзорбилл»: вы оценили потенциал истории, которой я загорелась, и помогли раздуть этот костер.

И, наконец, мне хочется выразить признательность всем тем, кто взял в руки «Блистательный Двор» и присоединился ко мне в Адории. Мои давние читатели – вы неизменно смело шагаете за мной в любые миры, и я вам за это благодарна. Мои новые читатели – рада приветствовать вас в этом захватывающем путешествии.

Нас всех ждут чудесные приключения!

notes

СНОСКИ

Сухое, полусухое, сладкое (*франц.*). (Здесь и далее – *прим. ред.*).